

Галина Ковальская Рабочие дни

Галина Ковальская
Рабочие дни

Галина Ковальская
Рабочие дни

Галина Ковальская
Рабочие дни

МОСКВА
2003

УДК 070
ББК 76.01
К66

Данное издание является совместным проектом
Общества «Мемориал», Фонда им Генриха Белля,
журнала «Еженедельный журнал»
и Объединенного Гуманитарного Издательства

Составители: Маша Липман
Александр Щербаков

Художественное оформление: Алексей Афанасьев

Ковальская Г.Я.

К66 Рабочие дни / Сост. М. Липман, А. Щербакова. — М.: ОГИ — «Мемориал», 2003. — 456 с.
ISBN-5-94282-224-7

«Рабочие дни» — посмертный сборник Галины Ковальской. Политика, но не вершущая, та, что делают профессионалы, а нутряная, пронизывающая жизнь страны, — главное, что интересовало эту журналистку. Она работала в газете «Демократическая Россия», журналах «Новое время», «Огонек», «Итоги».

Столичный профессор-светило и земский врач в одном лице — примерно такую роль играла в журналистике Галина Яковлевна Ковальская.

УДК 070
ББК 76.01

ISBN-5-94282-224-7

© Г.Я. Ковальская, автор, 2003
© ОГИ — общество «Мемориал», 2003

Содержание

Одна десятая	7
--------------	---

СТАТЬИ

Калмыцкие параллели	11
Тесный мир бескрайней тундры	21
Нас извлекают из-под обломков	30
Разноцветный достаток	35
Всероссийский тромб	40
Отложенное исцеление	43
Бурхан поможет	52
У страха глаза узки	63
Изгнанные из жизни	72
Третья Корея	84
Доктор Жив	94
Островное братство	101
Покой и воля. Каждому свое	116
Нежелательный контингент	126
Законсервировавшиеся	131
История с продолжениями	136
Страна вежливых людей	144
Закон есть закон	154
Жизнь в прошедшем времени	162
Собачья жизнь	167

ЧЕЧНЯ

Лесной пожар	171
Синдром глухоты	183
Чечня без Дудаева	189
Капитуляции не будет	198
Непоправимое	205
Анатомия чеченского мира	213
Упущенный шанс	218

Военно-полевая напасть	225
Ожидание геноцида	230
После войны	236
Тонкий лед чеченского мира	249
Субъект Аллаха или международного права?	255
Безрадостный юбилей	265
Без иллюзий	270
Между правом и обычаем	277
Синдром двух десантных полков	281
Памяти худого мира	288
Обложили	293
Другая Чечня	300
Мышеловка	309
Фильтр грубой очистки	315
Арифметика общественной глухоты	319
Представители беззакония	327
По колено в войне	332
Круговая порука	339
Фильтрованная опора	342
В жерновах	347
Тупой твердый предмет	352
Один шанс на двоих	359
Умереть легко	366
Отдельные несознательные граждане	367
Война вслепую	369
Шестая фаза седьмого этапа	371
Возвращенцы и отказники	377
Все на прием Конституции!	385

ПОРТРЕТЫ

Генерал в тени Кавказа	395
Плоть от плоти	403
Генерал — губернатор	412
Реаниматор	420
Орловский сменовеховец	432
Авторитарный демократ	443

Одна десятая

«Рабочие дни» — посмертный сборник Галины Яковлевны Ковальской. Его собрали друзья и коллеги. Работа была мучительная — хотелось включить в книгу почти все, что она написала, но объем задан: в сборник вошла приблизительно десятая часть ею созданного. Особенно жаль чеченских статей. Последние восемь лет Чечня была главной работой Галины Яковлевны. В новогоднюю ночь 1995-го, когда на улицах Грозного сотнями гибли российские солдаты, она параллельно нашим уютным домашним ходикам запустила свои часы, отмерявшие каждым своим громким ударом реальное историческое время, время напрасно льющейся крови и бессмысленной жестокости. Первую войну Галина Яковлевна практически всю провела в республике и еженедельно печатала свои репортажи. Когда там начали воровать журналистов, и позже, когда разразилась вторая война, ездила в соседнюю Ингушетию, Дагестан — в лагерь беженцев, просто в приграничные села. Замечательное свойство Галины Яковлевны: ей каким-то образом удавалось в статьях свести вплотную, заставить встретиться взглядами тех, кто затеял и ведет эту войну, и тех, кого она перемалывает.

Политика, но не верхушечная, та, что делают профессионалы, анутряная, пронизывающая жизнь страны, — главное, что интересовало Галину Ковальскую. С началом перестройки, когда эти две политики ненадолго совпали, Ковальская вошла в клуб «Московская трибуна», много сделавший для свержения, и свержения почти бескровного, коммунистического режима. Будь новая демократическая власть по-настоящему последовательной в проведении реформ, Галина Яковлевна, возможно, стала бы профессиональным политиком, но в условиях современной России выход ее политическому темпераменту был только один — в слове.

Она работала в газете «Демократическая Россия», журналах «Новое время», «Огонек», но лучший ее период связан с журналом «Итоги». Не в последнюю очередь потому, что он дал ей возможность много ездить по стране. Она и пришла в журнал с этим условием. Столичный профессор-светило и земский врач в одном

лице – примерно такую роль играла в журналистике Галина Яковлевна. Уникальный случай: при том, что Ковальская была звездой национального масштаба, она умудрилась не завязать личных отношений ни с кем из крупных политиков и бизнесменов — инстинктивно этого избегала, боясь потерять «чувство страны». Эта мысль преследовала ее постоянно. «Что я буду делать, когда не смогу ездить?» Коллеги отмахивались: при нашей жизни чего так далеко заглядывать. Правы оказались. 2 мая 2003 года Галина Яковлевна по заданию «Еженедельного журнала», куда она перешла вместе с командой «Итогов», улетела в Читинскую область — там бушевали лесные пожары. А на следующий день пришло сообщение: вертолет МЧС рухнул в горящую тайгу. Погибли все, кто в нем находился, в том числе и Галина Яковлевна Ковальская. Было ей всего 43 года.

Статьи и очерки

Калмыцкие параллели

Бедность без отсталости, национальное возрождение без национализма, чабаны с университетским образованием и чиновники, убежденные, что весь кавардак от демократии.

Степь расстилается бесконечной ровной поверхностью, так что со всех четырех сторон видно, как закругляется земля. Через три-четыре часа езды по калмыцким степям любое вертикальное пересечение пространства — будь то одинокий придорожный кустик или пасущаяся лошадь — воспринимается как нечаянный подарок. Наверное, изобилие свободного пространства и позволяет видеть в каждом ближнего, а не конкурента. Во всяком случае в Калмыкии погружаешься в непривычную атмосферу спокойной доброжелательности.

В элистинской гостинице мы заплатили за сутки вперед, а потом вдруг собрались уезжать. «Прям сейчас уезжаете? Тогда мы за два часа вычитаем, а остальное — держите». На выходе из республиканского Белого дома поинтересовались у уборщицы, как пройти к больнице. Женщина обернулась к постовому милиционеру: «Откройте запасный выход». Тот переспросил: «Зачем?» и полностью удовлетворился ответом: «Людям тут будет удобнее». Где еще на просторах нашей Родины в казенном доме откроют запертую дверь просто ради чьего-то удобства?

За девять дней странствий по калмыцким городам и селам успеваешь отвыкнуть от мата. Вообще в Калмыкии громкие ссоры или скандалы — редкость. Как-то по пути из Элисты в Юстинский район застряли в автобусе. Растяпа-водитель вовремя не заправился. Представьте: вокруг степь, стемнело, ветер воет и волки подывают. В автобусе полно народу, в том числе маленькие дети. И — ни ругани, ни проклятий, ни единого раздраженного слова.

Необидное слово «балдыр»

Национализма в Калмыкии, собственно, нет. «Национализм» — ругательное слово, употребляемое в политических разборках. Оппозиция обвиняет в национализме Илюмжинова, президентские сто-

ронники — оппозицию. Илюмжинов в марте 1994 года предложил отменить Конституцию Калмыкии и вообще удовольствоваться статусом губернии. Всех несогласных с этой инициативой он заклеил «сепаратистами» и «националистами» (тогда в препирательствах с парламентом и родился знаменитый илюмжиновский «Основной закон» — «Степное Уложение»).

У оппозиции свой козырь: в «Уложении» записано обязательное владение «двумя государственными языками» для всех должностных лиц. Но эта норма, насколько я могла заметить, никем не соблюдается. Один ехидный оппозиционер обратил как-то внимание, что и сам Кирсан Николаевич не балует соотечественников речами на родном языке.

На самом деле чем-чем, а национализмом не грешат ни та, ни другая сторона. Линия противостояния разделяет здесь отнюдь не национальные группировки, и в обоих станах русские присутствуют наравне с калмыками (а также казахами и выходцами с Северного Кавказа). На Кавказе, к примеру, сегрегация налицо даже в периоды межнациональной идиллии. В Калмыкии компанию выбирают не по национальности, и это сразу бросается в глаза, если собрались несколько человек, среди них обязательно встречаются и монгольские, и европейские лица.

Смешанные браки — заурядное явление. Дети, родившиеся в таких семьях, называют себя по-калмыцки «балдыр». Слово это звучит приблизительно как «метис» и не имеет никакого обидного оттенка.

Разговор с корреспондентом каждый здешний житель начинает с решительного: «Мы — часть России. У нас — как всюду в России». А ведь калмыки — один из репрессированных народов. Волна депортаций началась именно с них: в декабре 1943-го их распахали по телячьим вагонам и отправили в Сибирь, да еще раскидали от Омска до Верхоянска. Сейчас на земле осталось не так много калмыков, попавших в ссылку взрослыми. Тем не менее память о депортации в народе жива: молодые слышали о страшных лесоповалах, о погибельных сибирских морозах. Но эта память преломилась в национальном сознании совершенно иначе, чем, к примеру, у чеченцев, ингушей или балкарцев. Здесь ссылку помнят как страшный удар судьбы, а не как национальную обиду. И очень любят сибиряков. Редкий калмык, особенно из пожилых, не спросит: «А в Сибири-то вы бывали? Там, наверное, нет такой разрухи, как везде? Там такие люди замечательные: сильные, добрые». Те, кто пе-

режил ссылку, сумели выжить только благодаря помощи русских соседей: своих рядом не было.

Это не значит, что Калмыкию обошло всеобщее стремление к национальному возрождению. Здесь тоже несколько лет назад оживился интерес к национальному языку, культуре, обычаям, к буддизму. Правда, интерес этот, по моим наблюдениям, чисто теоретический: надо же, как интересно у наших предков, оказывается, было заведено. Желających восстановить традиционный образ жизни пока не видно. Тем более, что уже в начале нынешнего века калмыки прочно осели в саманных домиках. О калмыцких кочевьях и кибитках сегодняшние калмыки знают, как и русские, из Пушкина.

Язык после Сибири почти утрачен. Сейчас в детских садиках и школах стараются побольше учить детей калмыцкому. Но все же калмыцкий входит в жизнь большинства детишек, пожалуй, как иностранный. Преподавательница детского сада признается: «Из пяти групп одна девочка у меня на родном языке хорошо разговаривает. У нее бабушка есть. А остальные... что поделаешь. Мы их здесь учим, но в семье-то не закрепляют».

Калмыки средних лет обычно с сожалением признаются, что язык знают очень плохо, и радуются, что дети, наверное, будут знать его лучше. Но не встретилось мне ни одного человека, кто ратовал бы за полный переход на обучение по-калмыцки. «А где же тогда продолжать образование? А где потом работать?»

Точно так же с уважительным интересом, но без фанатизма, наблюдают калмыки возвращение буддизма. Хуралы появились уже почти во всех крупных селах. Это не по правилам: буддийский храм должен стоять вдали от поселения, но кто же тогда до него доберется? Так что «правильно» стоит только знаменитый, крупнейший в Европе монастырь в 10 км от Элисты. Хоть по разу, в хурал заходили все калмыки. Говорят: «Интересно», «Надо же во что-то верить», «Сейчас все верят». Преподают в храмах специально приехавшие учителя с Тибета. Несколько сотен подростков осваивают основы вероучения. Многие из них потом продолжают образование в Тибете.

Монтень и Будда

Не знаю точных цифр, но люди с высшим образованием встречаются в Калмыкии буквально на каждом шагу. В том числе там, где их меньше всего ожидаешь: среди чабанов, трактористов, работников швейной фабрики или рабочих машиностроительного завода. Все

без исключения родители считают, что их дети должны закончить институт. Если это почему-либо не получается, то неудача воспринимается как одно из серьезнейших жизненных поражений. В умирающем поселке (вернее, уже бывшем) Смушково, на который наступили кочующие барханы, люди, отрезанные от дорог, от воды и продовольствия, горше всего сокрушаются о том, что дети из-за этой беды не смогут получить полноценного образования.

Раньше калмыки учились по всему Поволжью: в Астрахани, Волгограде, Саратове, да и до Москвы нередко добирались. Теперь стало труднее: общежития дорогие, кормиться на стипендию никак не получается, да и домой особо не наездишься. Так что в основном штурмуют свой университет в Элисте. Сформировалась высокообразованная аграрная республика: сочетание качеств для России крайне необычное. Приезжаешь на какую-нибудь отдаленную «точку» (так называют в республике чабанские стоянки), а чабан встречает машину вопросом: «Почитать не привезли?» Оказывается, чабан — с историческим образованием, а по складу души — философ. Ему нравится целый день в степи при отаре: «Есть время читать и думать».

В деревенском хурале интересуюсь у подростка лет шестнадцати, почему решил получить религиозное образование. «Родители верующие?» — «Нет, не верующие. Я сам. Мне в восьмом классе попала одна книжка. Называется «Опыты» Монтеня. И я с тех пор стал все время думать о жизни. А потом прочел «Историю буддизма» и еще много думал, а потом пришел сюда».

В поселке Цаган-Аман (от Элисты семь часов езды на автобусе) есть школа с экологическим уклоном. В ней работают два соросовских учителя, биолог и физик. Фонд Сороса определяет учителей-лауреатов именной стипендии путем тотального опроса студентов-младшекурсников во всех вузах страны: назовите одного учителя, оказавшего на вас наибольшее влияние. Представляете, сколько выпускников цаган-аманской средней школы должны были поступить в вузы, чтобы их учителя оказались в числе выигравших? Ученики ежегодно привозят награды с общероссийских олимпиад по биологии и экологии. В школе экологический клуб и, несмотря на обычную школьную бедность, летний экологический лагерь.

Откуда пришли пески

Цаган-аманское чудо света — умные, раскованные дети, прелестные учительницы, которые последний раз зарплату получали за де-

кабрь, но о деньгах говорят вскользь, а о своей школе, учениках и коллегах, только что не стихами — существует, между прочим, без канализации и водопровода. Эти достижения цивилизации до Юстинского района не дотянулись. Стоит Цаган-Аман у самой Волги, но воду таскают ведрами, а сортиры, сами понимаете, как выглядят. Да почти по всей Калмыкии беда с водой.

Как и все аграрные регионы, Калмыкия живет сейчас нелегко. Соседи — Астраханская и Волгоградская области, Ставропольский край — как-то выезжают за счет естественного плодородия. У калмыков — одни степи.

В последние десятилетия сельское хозяйство Калмыкии специализировалось почти исключительно на шерстяном овцеводстве. До депортации здесь разводили калмыцкую, мясо-сальную (курдючную) овцу, а в восточных районах — лошадей и верблюдов. Когда калмыков угнали в Сибирь, из степей угнали их скот. С середины пятидесятых, после возвращения, республика переключилась на завезенных с Кавказа меринов — тонкокопытных шерстяных овец. Сейчас непонятно, что делать с этой шерстью. Продается она почему-то существенно ниже себестоимости. Директор совхоза имени Джалыкова в Лаганском районе, сильный руководитель, который сумел без посредников пробиться на мировой рынок, сокрушенно констатирует: «И англичане не дают приличную цену. Хотя шерсть у нас по качеству лучше австралийской. Хорошо, иностранцы хоть платят в срок и живыми деньгами».

Илюмжинов победил на выборах под лозунгом: хватит быть сырьевым придатком — Калмыкию должна спасти собственная перерабатывающая промышленность. В Элисте построены шерстомойная фабрика и кожевенный комбинат. Совхозам от этого легче не стало. Никто не бросился продавать шерсть, каракуль или кожу на элистинские гиганты. «Там цены еще ниже». По всей республике шерстяное стадо идет под нож.

По итогам прошлого года из 110 республиканских хозяйств только десяти удалось свести баланс по нулям. Естественно, не за счет шерсти. Те же джалыковцы вывернулись за счет мяса крупного рогатого скота. Их совхоз сравнительно недалеко от Каспия. Весной Каспий заливает часть земель — это опасно, но зато, после того как он отступает, вырастает неплохая трава. В удаленных от воды районах коровы нерентабельны: слишком дороги корма. Некоторые совхозы пробуют перейти на хлопок, другие заменяют шерстяных овец каракулевыми — «от них и шкурки и мясо».

Вячеслав Тепкеев, заместитель директора джалыковского совхоза, вполне терпимо относится к происходящим в жизни переменам. «Может, если бы не рынок, мы бы и думать никогда не научились. Гнали бы и гнали потоком шерсть, а нужна ли она и по какой цене — не наше дело. А теперь крутимся, пробуем. Это ведь неплохо?» У него одна серьезная претензия к российским реформаторам: почему не говорят правду? «Сказали бы по-человечески: дотаций не будет — денег нет. Мы бы знали: сами выживем либо сами помрем. Нет, обещают, мы в бюджет закладываем, а потом не платят. Или с кредитами. Мы стараемся взять чуть-чуть, отдать поскорей. А наши соседи берут сколько душе угодно и не отдают. Потом им все списывают — получается, что они в выигрыше».

Как и везде в России, совхозы, даже сравнительно благополучные, денег людям не платят. В лучшем случае выдают зарплату натурой. Но зато совхозный чабан или гуртовой пасет и содержит свою скотину вместе с совхозной и с этого кормится. Ближе к воде люди промышляют браконьерством, рыбу и икру скупают ставропольцы.

Оппозиция считает, что положение республики катастрофическое. Власти, как водится, настроены более оптимистично. Пресс-секретарь президента Евгений Ункуров объясняет, что обвальное сокращение шерстяного стада — не зло, а благо. Он, как и многие в Калмыкии, связывает главную республиканскую напасть — опустынивание степей — именно с овцами-мериносами. Традиционные калмыцкие овцы — животные степные, и копыта у них устроены так, что они степь начисто не вытаптывают. А кавказские шерстяные овечки с тонкими копытами и со своей горской привычкой подъедать все дочиста оставляют после себя лишь песчаные барханы. Правда, есть и другая точка зрения: дело не столько в том, какие овцы, сколько в их количестве. Степь просто перегрузили.

Как бы то ни было, наступление песков началось еще в 70-х. Старожилы села Смущково (того самого, что практически погребено уже под барханами, — там всего пять семей осталось в надежде, что им как пострадавшим от экологической катастрофы выдадут хоть какое пособие) вспоминают, что в семидесятые там «от дома трава росла».

Фермер и президент

На свои первые выборы, в 1993-м, Илюмжинов вышел с лозунгом отказа от федеральных дотаций. Во время вторых выборов, весной 1995-го, ничего подобного уже не звучало. Ныне федеральные до-

тации составляют девять десятых республиканского бюджета. Когда смотришь на калмыцкие степи, не верится, что эта страна способна сама себя прокормить. Но фермер Вячеслав Берденкеев говорит, что степь отлично кормит. «Это у совхозов все убыточное, а у меня и мясо, и молоко прибыльные. От хозяина зависит». Вячеслав продает мясо и молоко собственного производства в собственном же сельмаге. Продает дешевле, чем на рынке. Прибыль у него выходит за счет низкой себестоимости. «Вам небось совхозное начальство плакалось, что электроэнергия дорогая? А я ее почти не трачу. Разве что чабан на точке телевизор посмотрит. А так — скот круглый год в степи пасется, в электричестве не нуждается». Он и шерстяных овец сохраняет. «Сейчас их по всей Калмыкии порежут, а у австралийцев возможности сбивать цену иссякнут. Тут я со своей шерстью сразу разбогатею».

У Вячеслава Берденкеева всего шесть наемных работников, считая двух продавщиц в магазине. Зарплаты у всех по сельским меркам неплохие (тысяч по семьсот). Но главное: он рассчитывается со своими день в день, а может и вперед выдать. Сейчас он строит специальный дом для своих рабочих.

Берденкеев ругает начальство. Но — местное: районное и, особенно, совхозное, поскольку считает, что реформы тормозятся именно на этом уровне. К ельцинской Москве он относится вполне лояльно, а к Илюмжинову прямо-таки нежно: «А что, разве у многих в бывшем СССР есть такой президент, который бы и выглядел отлично, и вести себя умел, и языками иностранными владел?»

Многие калмыки говорили примерно то же самое: «Благодаря Илюмжинову в мире хоть знают, что мы есть на свете». Илюмжинову довольно легко простили предвыборную болтовню про доллары и «мерседесы» для каждого калмыка. В том, что в последние годы стали жить труднее, тоже в основном Кирсана не винят: всюду примерно такая же история. Зато благодарны ему за то, что разрушил существовавший в России образ калмыка — дикого и темного азиата.

Демократия по-калмыцки

Получилось, что оппозиция здесь практически в изоляции, а илюмжиновская власть в отсутствие сильной и эффективной оппозиции очень быстро приобрела черты авторитарного режима. По части политических прав и свобод Калмыкия не далеко ушла от Белоруссии. Республиканское телевидение не позволяет себе даже намеков

на критику властей и их политики, а единственная оппозиционная газета «Советская Калмыкия» третий год вынужденно печатается за пределами республики. Причем у большинства лояльность президенту прекрасно уживается с любовью к постоянно ругающей его «Советской Калмыкии». В самых разных селах и районах у меня буквально выпрашивали почитать даже старые ее номера, с уважением приговаривая: «Это наша подпольная газета».

Из «неподпольных» газет: «С приходом в республику Президента-реформатора, мыслящего нестандартно и смело, человека целеустремленного, человека мужественного поступка, время в Калмыкии ускорило шаг»; «В свой час явился из Купели// С предназначением Кирсан».

«Вот из-за того, что вы в Москве можете сколько хотите ругать правительство, у нас в стране такой бардак!» — наставительно произносит президентский пресс-секретарь Евгений Ункуров, сам, кстати, бывший журналист. «Свобода говорить что думаешь, повашему, вредна?» В ответ звучит давно выношенное: «Думать должны те, кто умеет думать. А остальным — не надо». Далее следуют ужасно знакомые рассуждения, что демократия — это для Запада, а нашим народам — калмыкам, русским, вообще россиянам — она не подходит. «Европа раньше нас боялась, а теперь презирает».

По калмыцкому закону политическая партия может быть зарегистрирована, если в ее рядах состоит не меньше одного процента населения республики. В итоге официально в Калмыкии есть лишь КППРФ. Все остальные оппозиционеры — демократы и радикальные коммунисты — в силу обстоятельств держатся кучно, спина к спине, невзирая на идеологические разногласия. «Сейчас главное — убрать Илюмжинова». Оппозиция зациклена на Илюмжинове, считает Илюмжинова полусумасшедшим-полузлодеем и выставляет ему счет в том числе и за объективные, повсеместно происходящие в России процессы.

На самом деле в действиях калмыцкого президента угадывается больше легкомыслия, чем злонамеренности. Он был, по-видимому, совершенно искренен, когда рассчитывал на быстрый экономический успех с помощью простых решений. Казалось, так очевидно: если продавать не сырую шерсть, а мытую, не кожи, а качественные дубленки, деньги потекут рекой. Казалось, зачем переплачивать за электроэнергию, когда весь год в республике дует ветер: поставим ветряки — и все в порядке. Увидев, что наскоком богатства республике не прибавить, просто наплевал на недавние свои затеи:

пусть идет как идет. И занялся ФИДЕ. Оппозицию это возмущает, а люди ничуть не против. Пусть себе, никому ж не мешает.

Беспомощность оппозиции происходит оттого, что обществу в целом наплевать на нее, как, впрочем, и на власть. Калмыки в большинстве своем проявляют терпимость к недемократичным избирательным законам вовсе не от какого-то «азиатского менталитета», а потому, что не так уж стремятся влиять на формирование властных структур и принятие решений. Власть и общество существуют параллельно, не пересекаясь. Общество живет и выживает в новых условиях само по себе, вдалеке от власти, которой даже симпатизирует.

В тех редких случаях, когда намерения власти противоречат непосредственным интересам населения, население дает отпор. Есть, например, в селе Троицком «коммунистическая» школа во главе с директором Николаем Зулаевичем Джильджиреевым. Сильный, умный и невероятно обаятельный Николай Зулаевич руководит чем-то в РКРП (бывшая анпиловская, ныне тюлькинская партия). Зюганова он отвергает по двум основаниям: во-первых, тот — оппортунист, во-вторых, его партия — шовинистическая и имперская, в то время как РКРП строится на принципах пролетарского интернационализма.

Джильджиреевская школа живет так, словно и не было никаких напастей вроде перестройки. Пионерская и комсомольская организации, школьный музей боевой славы с красными знаменами и стендами, оформленными в советские времена. Двадцать второго апреля десятилеток принимают в пионеры. Они, как полагается, с нетерпением ждут этой торжественной даты. «А если кто-то откажется вступать в пионеры?» Джильджиреев охотно отвечает: «Не было случая». — «А если родители воспротивятся?» — «Один раз было. Мальчик после этого убежал из дома. Еле уговорили вернуться. Больше случаев не было».

Родители смущенно признаются, что стремились устроить детей именно сюда, хотя в Троицком есть еще две школы. «Я сам не коммунист. Но здесь больше порядка, чем даже в городе, и знания не хуже: процент поступлений высокий. А потом, скажите, что плохого было в пионерской организации?»

Джильджиреева пытались снимать и на районном, и на республиканском уровне. Не получалось. Население не давало: в его поддержку немедленно встают его бывшие ученики, родители и сочувствующие. Получается что-то вроде массового (по троичким

масштабам) движения оппозиции. У властей хватает ума не обострять ситуацию и не идти на прямое столкновение.

Мудрость предков

Алексей Нусхаев, государственный секретарь по идеологии (есть такая должность, кажется, специально для него придуманная), вошел в кабинет, когда я беседовала с илюмжиновским пресс-секретарем. Поцеловал ручку, на ходу сообщил, что «его книги заказала вчера Ленинская библиотека», сел в сторонку и некоторое время молчал. Потом вдруг встрял в разговор: «Галина, а что такое лицо?» Выдержал эффектную паузу: «Лицо — это ум. Если нет ума, то нет и лица, а есть, извиняюсь, морда. Трудно усваивать?» — «Трудновато, но справляюсь». Нусхаев продолжал: «Интеллект, Ум и Дух — три начала, составляющие Мудрость предков». Далее он сообщил, что мудрость предков в сконцентрированном виде явлена в эпосе и что, следовательно, калмыкам полагается жить по «Джангару», а русским по «Слову о полку Игореве». Когда он дошел до демократии («демократия — обман народов»), я спросила: «А что вы предлагаете взамен демократии?» — «Мудрость предков». — «А в политике? Как вы предполагаете управлять, отказываясь от демократической процедуры?» — «Личность. Гарантия нормальной жизни — личность Кирсана».

Оля против мудрости предков

В цаган-аманской школе шел урок «Основы буддизма». Преподаватель объявил тему: жизнь как страдание. Разговор начался с одного из важнейших буддийских постулатов: человек приходит в мир, чтобы страдать. Вдруг с предпоследней парты вскочила хорошенькая калмыцкая девочка и выбежала к доске. «Я не согласна!» Учитель попробовал навести порядок: «С чем ты не согласна, Оленька? И с кем? Выслушай, что говорили по этому поводу древние». — «Нет, — решительно заявила Оля. — Мне все нравится, что вы раньше рассказывали: и про внутреннее освобождение, и что нельзя причинять никому вреда. Но я не согласна, что моя жизнь — это страдание. Лично я родилась, чтобы быть счастливой». Класс ей захлопал.

Тесный мир бескрайней тундры

Несколько веков подряд русские и ненцы с любопытством присматриваются друг к другу. И друг друга почти не понимают.

«Какая группа хорошая, — говорит одна из медсестер, когда непривычно притихшие, ошалевшие и еще не опомнившиеся от вертолетной тряски ребяташки выходят из медпункта, — почти все чистенькие, только двое с гнидами, да и то неживыми». — «Вообще детки год от года чище становятся, — подхватывает другая, — все-таки уже их родители через наш интернат прошли». — «Погодите, — вздыхает третья, — завтра из хрампурских краев привезут, — и педикулез будет, и чесотка, и лишай стригучий». В тарко-салинской школе-интернате собирают детей на учебу.

Учебный год в Тарко-Сале, одном из старейших поселков Ямало-Ненецкого автономного округа, райцентре Пуровского района, начинается, как и всюду в России, первого сентября. Но школа-интернат, где живут и учатся дети «коренного населения» — ненцев и селькупов, — приступает к занятиям позже, числа 15–20-го. Раньше чем к середине сентября собрать детей затруднительно: ненцы очень неохотно расстаются с ними в августе, когда самая ягодная страда и рабочих рук не хватает. А в двадцатых числах обычно уже и снег ложится, к тому времени основные работы закончены. Этот сдвиг начала учебного года — достижение эпохи демократии. Раньше, едва заслышав гул вертолета, ненцы вместе с детьми разбегались и прятались. Детей выслеживали по тундре с вертолета, увозили почти силком. Последние два-три года вообще нет проблем: большинство родителей сами выводят ребят к приземлившемуся вертолету, а в тех редких случаях, когда они отказываются сдавать детей в школу, никто особенно не настаивает.

Главная причина внезапно проснувшейся тяги «коренных» народов к знаниям чисто материальна. В тундре стало голоднее, а в интернате детей кормят пять раз в день, выдают казенную одежду и обувь. Саму учебу в основном воспринимают как ненужное, но неизбежное приложение к этим благам.

Дети как дети

Насте шестнадцать лет. Она сирота. Закончила девять классов, десятый явно не потянет. Интернатское руководство подыскивает ей какое-нибудь подходящее училище в Салехарде. «Настя, с интернатом расставаться не жалко?» Она молча передергивает плечами — понимай, как хочешь. «Хотите учиться дальше?» Резко и коротко: «Нет!» — «А почему едете в Салехард?» Так же отрывисто и резко: «Деваться некуда!» — «А если бы могли делать, что хотите, что бы вы выбрали?» Она молчит какое-то время, шевелит губами, потом машет рукой: «А!» — и уже напрочь умолкает. Позже Настина воспитательница почти с обидой скажет: «Никакая не отсталая! Нормальная девочка, просто ей учеба не дается». Вообще с тарко-салинскими воспитателями общаться надо осторожно. Только что тебе жаловались на трудности работы с «коренными»: элементарных навыков гигиены не знают, всему приходится учить, даже как туалетом пользоваться, интернатские вещи могут потерять или испортить и т.д. Но стоит сочувственно спросить, например: «Им, наверное, учеба вообще не дается?» — как в ответ оскорбляются: «Почему это? Есть такие детки способные — вы таких среди русских никогда не увидите! Вот у Нелли в группе мальчик — вы видели его рисунки?»

После медосмотра и необходимой санобработки («Вши это теперь совсем не проблема: один раз промазать голову — и готово») ребят, покрытых толстенькой корочкой многомесячной грязи, отправляют под душ. «Что, Гришенька, забыл, как надо мыться? Давай вспомним! В тундре летом не умывался?» — «Умывался!» — звонко отвечает Гриша. «Где же ты умывался?» — «В речке!» — «Ну, в речке же водичка холодная». — «Горячая!»

«Алесенька, ты меня узнаешь?» Девчушка на минуту вскидывает глаза, потом снова опускает голову и чуть заметно кивает. Нелли Нифонтовна, воспитательница третьеклашек, рассказывает, что в прошлом году после летних каникул Алеся ее не узнала. Говорила: «Не помню!» Я: «Как не помнишь? Мы же с тобой зубки чистить учились, кровать заправлять». Она: «Нет, не помню». Потом прошла неделя, она ко мне подходит: «Нифонтовна, я тебя вспомнила!» Осторожно интересуюсь: «Девочка — странная?» И снова натываюсь на поджатые губы: «Вовсе не странная! Нормальная девочка, учится хорошо. Просто забыла за лето».

Воспитатели, по многу лет работающие в интернате, чувствуют то, что не сразу понимает человек со стороны: определения ти-

па «развитый», «отсталый», «нормальный», «ненормальный», те критерии и параметры, по которым мы оцениваем детей в нашей оседлой жизни, в нашей цивилизации, зачастую не применимы к этим мальчикам и девочкам. Они — из другого мира, из другой эпохи. Они оттуда, где совершенно не важно, умеешь ли ты читать: ведь необходимые тебе знания ты не почерпнешь ни в одной книге. Зато умение грамотно поставить «запор» на рыбу или петлю на медведя во многом определяет твою человеческую ценность. В тундровой жизни есть множество слов, которые невозможно перевести на русский язык: им нет эквивалента ни в нашем языке, ни в нашем быту. В то же время огромное большинство нашей лексики не нужно в чуме. У наших цивилизаций нет общего языка, и словари тут не помогут. В чуме живут вместе и спят, тесно прижавшись друг к другу, представители всех поколений. Зато обувь должна стоять раздельно, мужская и женская. Представьте себе семи-восьмилетнего человечка, которого за полчаса перенесли на вертолете из тундры туда, где надо говорить и думать по-русски, где тебя ругают и хвалят совсем не за то, за что дома. Не только Алеся — большинство детей, особенно младших, пытаются как-то психологически защититься от такого перепада.

В интернате тепло. В интернате есть электричество и можно смотреть телевизор. (И самые маленькие, и одиннадцатиклассники, как помоются, — сразу к телевизору и смотрят все подряд, не отрываясь: про прокладки с крылышками, про Лужкова и Ельцина, про кота Леопольда.) В интернате детям откровенно рады («Наконец-то вы приехали! А то без вас тут пусто и скучно»), никто их не обижает. За неделю круглосуточного пребывания я ни разу не слышала, чтобы кто-нибудь из старших повысил голос на ребенка. Никто никого не держит на привязи: ребята ходят по поселку, на базар — куда хотят. Кажется: вот приживутся здесь, привыкнут мыться под душем, танцевать на дискотеке, смотреть детективы по телеку и — прощай, тундра! Нет, большинство все-таки мечтает вернуться в чум. «Дома лучше!» Дома? Да это и домом-то не назовешь — колья, обтянутые брезентом, которые к тому же перемещают с места на место.

Директор интерната Мурат Магомедович Хашагульгов рассказывал, что несколько лет назад ему удалось свозить интернатский фольклорный ансамбль в Италию. Не все поехали: некоторые из выступавших предпочли остаться в тундре. Вообще летом интернатских стараются вывозить куда-нибудь к морю: в Анапу, в Со-

чи, в этом году еще и в Болгарию. Кто-то едет, но многие остаются: «Я лучше дяде помогу рыбу ловить». Да и те, кто побывал на юге или за границей, не захлебываются восторгом. «Где лучше, на море или в тундре?» — Твердо и без колебаний: «В тундре». — «А почему в тундре лучше?» Нельзя было спрашивать — сразу замкнулся. Раздражился, что не может ответить. А как он мне объяснит про тундру? Нет у нас с ним для этого языка.

Цивилизованная жизнь в тундре

Люда и Григорий — люди грамотные и просвещенные. Люда после интерната закончила в Салехарде культурно-просветительное училище, некоторое время работала в поселке, в детском садике. Не выдержала — ушла в тундру. «Здесь лучше!» — «Но ведь в поселке телевизор, а здесь зимой целый день при керосиновой лампе!» — «Без телевизора плохо, ага. Без света плохо. Все равно в тундре лучше!» У них двое детей. Пете четыре с половиной, в прошлом году на гонках он занял первое место среди малышей. Младшую, годовалую Досану, Люда родила в чуме. «Пока пошли в поселок вертолет вызывать, я уже сама у себя роды приняла. Ага, с больницей в поселке легче. Но здесь лучше». После рождения дочки Григорий поставил бревенчатый сруб. «Теперь хорошо, тепло, меньше дров уходит». Чум остался, но используется как сарай, для хранения материалов и инструментов. Рядом с Григорием и Людой, тоже в доме, а не в чуме, живут их родственники, отец Григория с женой и тремя младшими, еще не женатыми сыновьями и пятнадцатилетней дочкой, которая в прошлом году закончила в интернате девять классов и дальше учиться не захотела. Больше вокрут никого нет: ближайший чум в десяти километрах, а до поселка добрых тридцать. «Зимой хорошо. На оленях быстро доехать можно. Летом трудно. Утром вышел — только к ночи пришел».

На одной из стоянок нам запретили ходить «вон туда. Там священные нарты». На вопрос, что это такое, хозяин чума махнул рукой: знакомый досадливый жест — так отмахиваются ненцы, когда не могут объяснить. Потом спрашивали об этом у Люды с Григорием. «Там, наверное, жили неграмотные люди. Они верят в идолов. Думают, что идолы — это боги». Над такими «неграмотными» эта образованная парочка посмеивается, но у самих стоят в отдельном стаканчике высушенные ондатровые лапки. С трудом подбирая слова, объясняют, что, если ондатровой лапкой растолочь уголек, а потом еще что-то с этим угольком проделать... «в общем,

получается, как очищение. Это такой — ну, обычай, кажется?» Какое-то явно новое поверье, потому что ондатры завелись в этих краях лишь несколько десятилетий назад. В руках Григорьевой младшей сестры я вдруг увидела маленькую псалтырь. Она не читала — ненцы в большинстве своем вообще не читают. Несмотря на десятилетку, для основной массы процесс чтения требует некоторых усилий. Однако несколько раз брала в руки, перелистывала. «Это о чем книжка?» Молча протягивает мне. «Это о Боге? Ты веришь в Бога?» — «Я не знаю».

Мурат Магомедович гордится, что у него в интернате есть несколько детишек, которые читают для собственного удовольствия (но это, надо думать, те немногие — такие, конечно, есть, — что перескочили в нашу цивилизацию и уже не вернутся ни в чум, ни в тундру).

Оба родственных семейства пользуются туалетом — в тундре редкость необычайная. Даже старик отец с больными ногами не ленится протопать лишние метров двадцать пять, чтобы попасть внутрь дощатой кабинки над выгребной ямой. Туалет сделал Григорий, чем очень гордится: «Вы видели, что у нас есть туалет?» Здесь вообще молодое поколение сохраняет кое-какие интернатские привычки: два раза в день чистят зубы, умываются, моют детей. В домах нет ни комнат, ни мебели: все, как и в чуме, спят рядком, но старших от младших и сестру от братьев отделяют занавески, которые днем убирают. «Видели, как другие ненцы плохо живут?» Обитатели деревянных коттеджей гордятся тем, что своими руками организовали себе почти цивилизованную жизнь. При этом охотятся, ловят рыбу, собирают ягоды. Охотятся в основном на уток. Утку едят, пух и перо сушат на подушки и матрасы.

Мечта каждого ненецкого охотника — медведь. Медвежья желчь очень дорого ценится. Но на медведя ходить опасно, это может позволить себе только очень умелый и опытный стрелок. Ни за Григорием, ни за его братьями таких подвигов пока не числится. Ягоды иногда удастся продать, но чаще они тоже идут в пищу. Несколько лет назад, когда поблизости работали нефтяники, местное хозяйство было более товарным. «При буровых было хорошо, можно было шкурки продать». Сейчас буровых в окрестностях нет, и меха — главным образом песца и белку — девать практически некуда. «Редко какие-то люди на вертолете прилетают, покупают». Единственное, что покупают охотно, — рыба. За рыбу рассчитываются деньгами, мукой, сахаром, керосином или бензином. (У Григо-

рия с Людой есть снегоход «Буран», правда, они его почти не используют, предпочитая оленей.) Деньги нужны нечасто: купить кое-какой одежды на лето (зимой ходят в самодельных шубах-малицах и традиционных сапожках из оленьих шкур). Еще Люда мечтает скопить денег и купить дизель, чтобы было свое электричество.

Сруб — признак кризиса кочевого оленеводства. После распада совхозов стало очевидно, что как отрасль хозяйства оленеводство не конкурентоспособно. Оленей держат теперь по двадцать — сорок штук как транспортное средство и чтобы одеться на зиму. Когда оленей немного, можно не кочевать: несколько десятков или даже пара сотен оленей вполне способны добывать себе пропитание и вокруг стоянки. Летом они пасутся вольно, порой за много километров от жилья. Зимой подтягиваются поближе за пропитанием. Любопытно, что самым богатым (счастливым, удачливым) ненцы по инерции считают того, у кого больше оленей. «У него сто оленей», — произносится почти с трепетом. Хотя на самом деле много оленей сегодня никак не источник благосостояния.

Вхожу в чум — старик говорит: «Сейчас шутить буду». — «?» — «Хотел сказать: много ягод не ешь — вертолет не взлетит». Смеемся. Потом задумчиво: «Русский мужчина, когда водку выпьет, шутить начинает».

Огненная вода

«Отчего другие ненцы живут так грязно и бедно?» — спрашиваю у Люды. «Кто водку пьет, плохо живет. Кто закодировался, живет хорошо». Впрочем, как раз в грязных и обшарпанных чумах доводилось слышать иное: «Люди оттого пьют, что жизнь такая плохая». Вопрос о первичности и вторичности, о курице и яйце, как водится, неразрешим. На стоянке, куда приземлился вертолет, чтобы забрать очередную партию детей, нас с коллегой сразу же встретили вопросом: «Водка есть? Ондатровая шапка вот!» — и мгновенно потеряли к нам интерес, услышав, что водки нет. Кто мы, откуда, зачем приехали — это никого не волновало.

О том, что простодушных и доверчивых ненцев веками целенаправленно спаивали сначала купцы, а потом советская власть, вам расскажет любой, и русский, и ненец, если, конечно, он говорит по-русски. Еще непременно добавят, что ненцы по природе неустойчивы к алкоголю. «У них (у нас) такие гены». Это отчасти правда. Антропологи не отрицают, что у северных монголоидов есть некоторые биохимические особенности, предполагающие быстрое

опьянение и легкое похмелье. Человек с такой биохимией спивается быстрее других. Но главное, видимо, все же в полном отсутствии каких-либо социально-культурных иммунитетов — религиозных или нравственных табу. Организм ненцев и других северян, может, и был не подготовлен к встрече с алкоголем, но в еще большей степени не готово было их общество. В итоге водка оказалась самым сильным фактором воздействия нашей цивилизации на «северных монголоидов».

Мурат Магомедович рассказывает: бывает, приезжают родители провести ребенка и везут в подарок пару бутылок водки. Например, дочке-третьекласснице. А уж если забирают в поселок на ночь или на выходные, так и угостят. Конечно, родители-ненцы ничуть не меньше любят своих чад, чем любые другие, просто хотят доставить ребенку удовольствие и суют младенцу в рот размоченный в водке хлеб, чтобы не плакал. Нет страха перед пьяным зачатием, пьяной беременностью, пьяными родами. А у нас нет языка, чтобы убедительно рассказать, почему это вредно.

Дома их зовут иначе

Люда и ее родственники пользуются часами. На вопрос, далеко ли до поселка, могут ответить: «На оленях часа два ехать». Но многие ненцы, как говорят тарко-салинские воспитатели, с категорией времени незнакомы. И даже тем, кто после пребывания в интернате кое-как освоился с этим сложным понятием, все равно трудно соотносить событие и время. Самый бойкий мальчишка на вопрос «Когда это было?» может запросто сказать «вчера», хотя речь идет о происшествии недельной давности. Старик, отец Григория, рассказывал о жизни ненцев: «Раньше люди здесь не так жили. Раньше от голода умирали. Потом один мужчина был. Он был умный, его русские научили как с ружьем ходить. Он стал богатый-богатый, у него больше всех оленей было. Его тогда позвал русский царь и сказал: «Иди туда, где люди умирают, научи их, как ты живешь». Он сюда пришел, всех научил. Тогда не стали от голода умирать». Он продолжает: «... А потом пришел Брежнев, разогнал колхозы, привел коммунистов. Вот беда к ненцам пришла...» И Брежнев, и развал колхозов были на его памяти, и два несчастья — коммунисты и развал колхозов — спрессовались во времени. «Три тысячи оленей в колхозе было. Все коммунисты съели, лукавые. Только никому не говори: у нас в поселках русские есть, если они узнают, что я так сказал, будет гражданская война».

Интересно, как ненецкие школьники проходят, к примеру, курс истории отечества?

Мурат Магомедович, тридцать лет преподающий коренному населению, считает, что интернат в его нынешнем виде скорее вреден, чем полезен. «Мы на десять лет вырываем ребенка из его естественной среды обитания. Он не проходит в полной мере необходимого обучения в семье. В итоге он плохой тундровик. Но по-настоящему включить его в нашу культуру мы тоже не можем. Происходит не обогащение культур, а деградация». Наверное, не всегда так. Есть же на свете Люда с Григорием. Однако таких, как они, единицы. Ненцы, что оседают в поселке, не всегда осваивают даже бытовые удобства, а уж о книжных премудростях и говорить нечего. Интернатские учителя дружно заверяют, что поселковые дети ничуть не обгоняют ни в учебе, ни в грамотности своих сверстников из тундры. А вот в смысле выпивки и прочих безобразий — с поселковыми труднее. «Не надо стараться обрушить враз их культуру, — говорит Мурат Магомедович, — она тысячелетиями складывалась. Конечно, что-то в ней будет меняться, но не сразу, не за одно-два поколения». По его мнению, большинство ненецких детей достаточно выучить грамоте и счету, причем не в интернате, а дома, либо с выездными («вертолетными») учителями, как в Америке, либо возродить что-то вроде «красных чумов», как в 30-е годы. А на тех немногих, кто хочет и может учиться, тратить те средства и силы, что сегодня уходят на обучение всех или почти всех. «И этих уже тянуть на уровень хорошего высшего образования. Так, чтобы складывалась настоящая национальная интеллигенция».

В Тарко-Сале, как и везде на газовом и нефтяном Севере, — настоящий интернационал. Русские, татары, украинцы, азербайджанцы, армяне, чеченцы, евреи... Мурад Магомедович, к примеру, ингуш, женатый, кстати, на осетинке. Все для ненцев «русские». Немудрено, что мы для них на одно лицо. Все шли в общем-то одним путем, и лишь в самом конце его чуть-чуть разошлись. Переходили от кочевого образа жизни к оседлому, к тому или иному виду земледелия, потом к торговле, промышленности. По мере надобности осваивали разные премудрости: письменность, астрономию, математику... Ненцы не могли перейти к земледелию по вполне понятным причинам. Все знания и навыки, связанные с оседлостью, оказались излишними и потому трудны для освоения. Но кое-что из нашей цивилизации —

ружье, хлеб, чай и сахар, инструменты, не говоря уже о водке, — приняли быстро и охотно.

Ненецкие дети в основном носят две фамилии: Айваседо и Пяк — по названию двух рек, сливающихся у Тарко-Сале. В паспортах у всех русские имена. (Иногда татарские или еврейские — для ненцев-то разницы нет.) Дома, в чуме, у каждого есть другое, настоящее, имя. За этим — искреннее желание общаться с нами так, как нам привычнее. Коль скоро два космоса нечаянно пересеклись на земле во времени и пространстве, приходится как-то уживаться.

Нас извлекают из-под обломков

Авария на шахте «Зырянская» — самая страшная в послевоенной России.

Рвануло в ночь на второе декабря, в час семнадцать, когда мужики с подготовительного участка уже выходили с «Зырянской», а ребята с третьего очистного начинали работу. На тот момент их было в шахте 130 человек — две смены. 67 из них — под землей.

Как при всякой сколько-нибудь крупной аварии на шахтах, число погибших устанавливается не сразу, а по мере того как на свет из-под обломков извлекаются либо трупы, либо покалеченные, но живые рабочие. Потом кто-то умирает в больнице. Правда, в данном случае прогноз, сделанный практически в первые часы, оказался точным: все 67 погибли.

Правительственная комиссия еще была в пути, а на месте уже знали, что она скажет: как водится в подобных случаях, найдут у кого-нибудь в кармане сигареты и заявят, что рабочие курили в шахте. Хотя, как уверяли сменные мастера, где-где, а на «Зырянской» в забое никогда не курили: слишком опасно. Скорее всего, объясняли те же мастера — самые осведомленные люди в шахте, произошло трагическое совпадение: заискрился ленточный конвейер как раз в тот момент, когда произошел выброс метана.

Директор «Зырянской» Владимир Виншток рассказал, что 22 апреля здесь уже был взрыв, правда, не такой сильный: восемь человек обожгло, но никто не погиб и даже не был изувечен. После этого в шахте, по его словам, тщательно провели профилактику, после которой и администрация, и рабочие «Зырянской» считали, что аварии быть не должно. Правда, 25 ноября (это говорил уже не Виншток, а работяги) в шахте опять «бахнуло». На сей раз никто не пострадал, но шахту снова на неделю закрыли, снова, как тут выражаются, «почистили», и 1 декабря она возобновила работу «свеженькой».

Трагическая случайность. Хотя, если разобраться, не такая уж неожиданная. Шахты в России делятся на четыре категории в зависимости от выхода метана на тонну угля. Чем выше категория,

тем рискованнее работа. «Зыряновская» относилась к разряду «сверхкатегорийных». В отдаленной перспективе Росутоль планировал закрыть все такие шахты. Как раз потому, что сколько-нибудь основательных гарантий безопасности в сверхкатегорийных шахтах дать нельзя. Но как закрыть ту же «Зыряновскую», когда она — одна из самых прибыльных, дает деньги и в Кузнецкутоль, и в Росутоль и еще налоги платит? Все знали, что «Зыряновская» — опасная шахта. Но у Винштока в приемной каждый день толпились работяги: лучшие шахтеры со всей окрестности приходили наниматься на работу. Говорят, человек по пятьдесят в день просились, а брали одного-двух. Такой конкурс. Потому что на «Зыряновской» зарплату платили не просто каждый месяц, а даже с авансом, то есть два раза в месяц, «как при коммунистах».

При крупных авариях государство всегда помогало пострадавшим и семьям погибших особенно щедро. Так было и на этот раз. Первые же отклики президента и премьера содержали обещания помочь родственникам, и буквально 3 декабря эти обещания воплотились в конкретные распоряжения и суммы: 1,2 млрд. рублей из резервного фонда правительства отпущено на единовременную помощь пострадавшим; расходы на погребение и ритуальные пособия взял на себя Фонд социального страхования; 6 млрд. на медицинскую помощь выделено из Фонда медицинского страхования. Семьи погибших получают по 90 млн. рублей. (Положив эти деньги в банк, вдова шахтера будет ежегодно получать в качестве процентов больше, чем приносил домой ее муж.) Глава обладминистрации Аман Тулеев, разумеется, не останется в стороне и выделит помощь уже из областного бюджета. Никак по-другому отозваться на катастрофу власти просто не могли. И так покорило шахтеров ельцинское философское: «Стихия есть стихия...»

Где-где, а в шахтерских регионах погибших в забое оплакивают всем миром. Приспущенные флаги в Кузбассе — не проформа. На похороны приходят не только родные и сослуживцы — приезжают автобусами с других шахт. И женщины, никогда не видевшие никого из умерших, могут вдруг расплакаться в автобусе. И поминать ребят станут во многих-многих шахтерских домах. Каждый горняк понимает, что не сегодня-завтра такое может случиться и с ним, каждая жена и мать готовится вот так же оплакивать своего. Одно только нарушает шахтерскую солидарность: и в Новокузнецке, и в поселке при «Зыряновской», нет-нет да и скажут, как всегда и непременно говорят после подобных «государствен-

ных» похорон, — вот, мол, ИМ дали бог знает какие деньжищи да еще и похоронили за государственный счет, а НАШИ, погибшие в забоях по одному-двое-трое, никаких почестей не удостоиваются, и выкручивайся потом как хочешь на мизерную пенсию, а, если так рассудить, чем мы хуже?

По числу погибших в катастрофах на шахтах Россия не лидирует — до Турции, к примеру, нам далеко. Но есть, согласитесь, что-то людоедское в установившейся традиции: если «сильно бахнуло» — пять, шесть и более трупов, огонь, пожар — тогда и реакция на высшем уровне, и компенсации, и журналисты. Если тихо засыпало одного-двух-трех, если рухнул кусок свода и у работяги сломалась рука-нога-позвоночник, — так это обычное дело, шахтерские будни. В те же дни начала декабря, когда правительственная комиссия, и премьер, и президент комментировали и выражали соболезнование по поводу зырянской трагедии, в Воркуте тихо похоронили троих: одного с «Северной» и двоих с «Заполярной».

Мы не лидируем по числу катастроф, мы — первые от конца по продолжительности шахтерской жизни. Летом в Кузбассе Санэпиднадзор проводил проверку состояния шахт. Выяснилось, что из 194 тысяч кузбассовских шахтеров 140 тысяч работают в условиях значительных нарушений норм и правил безопасности. То есть там, где избыток угольной пыли и метана. Несмотря на это, взрывы бывают не так уж часто. А вот людей со здоровыми легкими и бронхами среди подземщиков со стажем практически не бывает. Вообще-то каждой шахте положен прибор для измерения концентрации метана. Без него нельзя — это грубейшее нарушение техники безопасности, за которое шахту беспощадно штрафуют. Однако кое-где приборы неисправны: нет денег обзавестись новыми. Но и там, где все в порядке, на их показания зачастую не обращают внимания: ну, превышение и превышение нормы, что ж теперь, не работать, что ли? Какой-нибудь датчик автоматической блокировки телогрейкой закутают, чтобы не мешала, зараза, людям уголь рубить, — и вперед.

Спасатели на «Зырянской» сначала нашли 39 тел. Они лежали все в одном месте, около сгоревшего угольного вагончика. Но взрыв был столь сильным, что обрушил два километра шахтных выработок — предстояло искать еще там, извлекать из-под завалов. Родственники и друзья в таких случаях подвергаются долгой пытке: на опознание погибших обычно уходит день-два. Как устанавливается личность обгоревшего до неузнаваемости шахтера? По номеру

индивидуального спасательного комплекта. Такое приспособление, не вполне противогаз, но что-то вроде, которое шахтер вешает на боку справа перед спуском и которым должен воспользоваться в случае превышения концентрации пыли или метана. Каждая такая штука имеет свой номер, и в принципе по этому номеру узнают, чьи останки нашли.

Но если шахтер опаздывает на смену — торопится, скорей-скорей, — он хватается не свой, а первый попавшийся. И тогда при опознании возникают трудности. Больше суток не могли идентифицировать девятых. Два дня после взрыва шахта была оцеплена. Даже не оцеплена, а запружена милицией. То ли опасались шахтерского бунта и беспорядков, то ли журналистов на всякий случай не хотели подпускать к месту катастрофы. Журналистам, между прочим, досталось не от милиции, а от работяг и родственников: тех, кто фотографировал в толпе перед милицейским кордоном, обругали новомодным «папарацци» и вытолкали взащей, при этом изрядно помяв.

К вечеру 3 декабря картина более или менее прояснилась: как и предполагалось, 67 умерших, пять человек в тяжелейшем состоянии, жизнь остальных пострадавших — обгоревших и придавленных — вроде бы вне опасности.

У всех людей, работающих в ситуации повышенной опасности, есть свои специфические традиции, свои песни, свои приметы. Есть «афганские» песни, есть «чеченские»... Российские шахтеры вот уже без малого век поют: «Нас извлекут из-под обломков». Это потом, при Халхин-Голе, а позже во время Великой Отечественной, эту песню перехватят танкисты, и, почти не меняя слов, будут петь ее как свою. Но шахтерское происхождение песни выдает припев: «А молодого коногона // Несут с разбитой головой». (Если кто не знает: коногон — старинная шахтерская профессия.)

И полетят-то телеграммы
Родных и близких известить,
Что сын их больше не вернется
И не приедет погостить.

Сколько доводилось бывать на шахтерских сборищах: сначала байки, шутки-прибаутки, а потом, после двух-трех стопарей, обязательно заводят: «... извлекут из-под обло-омков».

Традиция? Вообще-то ведь и немцы до сих пор провожают шахтерскую смену привычным: «Gluck auf!» (то есть в приблизи-

тельном переводе: «Счастливо вылезти»). По средней продолжительности жизни современные немецкие шахтеры почти не отличаются от других немцев. У нас шахтеры живут лет на десять меньше, чем остальные.

В середине 60-х такая же по масштабу и по типу авария произошла в США. После этого на десять лет безопасность работы горняков оказалась в центре общественного внимания. В 77-м Конгресс принял закон о защите жизни и здоровья шахтеров, на основании которого были сформулированы инструкции по безопасности труда на шахтах. Есть азбучные для американцев принципы, нарушить которые не вправе ни один шахтовладелец. Например, категорически запрещено вести одновременную добычу угля и метана. В США либо сначала откачивают из пласта метан, либо, если это получается дешевле, закачивают такое количество воздуха, чтобы разбавить метан до безопасной концентрации.

Когда Мировой банк разрабатывал план реструктуризации российской угольной промышленности, нам было предложено позаимствовать американские технологии. Российские угольные генералы решили, что это категорически невозможно: из наших пластов будто бы никак нельзя откачать метан. В том же Кузбассе вскрывают новые угольные пласты, и опять параллельно с добычей угля будет вестись добыча метана. Руководителям отрасли, естественно, проще работать с привычными, давно знакомыми технологиями. Росуголь в течение нескольких лет проталкивал в Госдуме закон об угле. Но речь в этом законе шла об обязательной поддержке отрасли, а вовсе не об обязательных принципах и гарантиях безопасности труда.

В углу заплачет мать-старушка,
Слезу с ресниц смахнет отец,
И дорогая не узнает,
Какой шахтеру был конец.

При участии Николая Кузнецова, «Наша Газета», г. Кемерово

Разноцветный достаток

Неправда, что в России есть только очень богатые или очень бедные. Правда, однако, что вдалеке от Москвы нет среднего класса.

«Вы, москвичи, известное дело, не так, как мы, живете: у вас зарплаты под потолок и получаете вовремя», — Сергей везет меня из Красноярска в Дивногорск. Подобными разговорами встречают москвичей в любом российском городе или поселке. Не возражаю, поскольку считаю такую постановку вопроса, в общем, справедливой. Он продолжает: «Жена на базе работает, два с половиной года зарплату не платили. Кусок колбасы сунут или там тапочки — вместо зарплаты. Я раньше тоже на базе работал — ушел: мне пацанов кормить надо. Не жизнь, а бардак, одним словом!» Сергей несколько минут молчит, потом снова заговаривает: «Кручусь вот теперь на тачке. И чего имею? Рублей двести в день остается, это разве деньги?» Быстро умножаю в уме: «В месяц шесть тысяч выходит новыми? Это не деньги?» — «А что деньги, что ли? — удивляется Сергей. — А если не каждый день работать, так и еще меньше получается». (Интересно, какие, по его мнению, зарплаты у москвичей.) — «И много у вас в Красноярске таких бедствующих?» — «Немного. Считайте так: процентов 20 богатых, процентов 30 так-сяк, средних, вроде меня, остальные — нищие». Сергеева статистика явно с потолка. И насчет богатых он загнул — даже в Москве их никак не 20 процентов, и насчет «нищих» преувеличивает. Впрочем, если для него все, кто получает меньше тысячи баксов в месяц, с ходу зачисляются в «нищие»...

Внешние приметы

«Поляризация общества» — притча во языцех. От политика или чиновника до читающего газеты обывателя любой тебе доложит, что главная проблема в нашей стране — отсутствие «среднего класса», что все наши сограждане либо очень богаты, либо очень бедны.

Чепуха! Среднеобеспеченные люди есть, приметы их существования налицо не только во всех областных центрах, но зачас-

тую и в небольших городах. Расплодившиеся за последние годы маленькие кафе и бары не пустуют, а ведь «новые русские» туда не ходят: предпочитают проводить время в ночных клубах и казино. Многочисленные турфирмы зазывают клиентов на Кипр или в Испанию за 600–800 долларов (тоже не на «новых русских» расчет). Быстро растет число личных автомобилей (в том же Красноярске за последние пять лет, по словам губернатора Зубова, легковых машин стало вдвое больше), причем в основном не за счет «Джипов» и «Мерсов», а за счет «Опелей» и «Шкод». (Отечественные подержанные «девятки», не говоря уже о машинах попроще, покупают по большей части водители-новички — «чтобы бить не жалко». Вообще-то российские автомобили у тех, кто с достатком, увы, совсем не популярны.) Как-то в Праге познакомилась с симпатичной студенческой парой из Тверского университета: им родители в качестве свадебного подарка купили тур в Прагу. Кто же эти родители? У него мама — бухгалтер в Тверь-универсалбанке, а у нее папа — архитектор, «им в институте зарплату не платят, но он зарабатывает какими-то заказами».

На орловских дорогах как-то разговорились с обладателем КамАЗа, который по заказам местных коммерсантов возит продукты в Москву и барахло из Москвы. При советской власти работал человек на заводе, получал около четырехсот рублей. Завод встал, он купил КамАЗ: «Когда четыре лимона в месяц выходит, а когда и все девять». (Дело было, естественно, до дееноминации. — Г. К.) Мы с ним считали-вычисляли, выиграл он в деньгах или проиграл, в итоге решили, что «примерно как было, так и есть». Богатый он? Бедный? Типичный середняк. А куда, как не к среднеобеспеченным, отнести фермеров? Нет, не тех, кто еле-еле задницу может прикрыть, а тех, что уже прочно встал на ноги. Мои друзья из Воронежской области, к примеру, один — отставной офицер, другой — бывший математик (доктор наук, между прочим!), уже и дома себе приличные построили, с садом и сауной, и жен по разу свозили за границу отдохнуть, и — главное — систематически вкладывают деньги в расширение производства.

Что же, выходит, наши правители, политики и социологи-политологи ломаются в открытую дверь? Мечтают о появлении «среднего класса» в то время, как он уже всю жизнь живет и процветает? Не совсем так. Сам по себе среднеобеспеченный слой — не обязательно «средний класс» в его западном понимании. «Средний класс» — это ведь не просто уровень дохода, равноудаленный от самых бога-

тых и самых бедных. Это еще и определенный взгляд на жизнь, система ценностей и предпочтений. А тут-то и закавыка.

Недовольные, но терпеливые «бывшие»

Прежде всего огромное большинство наших «средняков» себя таковыми не осознает. Сергей из Красноярска, искренне верящий, что тысяча долларов «не деньги», потому как внушил себе, будто в далекой буржуйской Москве зарплаты во много раз выше, — случай, скорее, типичный, чем исключительный. Тот же владелец КамАЗа из Орловской области поначалу, пока мы с ним не занялись подсчетами его доходов, уверял, что раньше, когда вкалывал на заводе, жил «как король», а теперь вот «забедовал». Потом, когда разобрались и оказалось, что снижения покупательной способности не произошло, он объяснил, откуда ощущение потери: «Раньше на все хватало, вроде больше и не надо. А теперь почему-то мало кажется. Потом, тогда жил спокойно, от звонка до звонка, и денежки второго и пятнадцатого. А теперь мороки сколько. То конкуренты наедут, то заказанного товара на месте нет...» Потом помолчал, подумал и добавил: «Зато я теперь свободный человек. Хочу сачковать — никто слова не скажет, сам себя рублем накажу».

У наших соотечественников, даже вполне прилично зарабатывающих, привычки и навыки еще советские. Им кажется, что денег может быть «достаточно», они не знают того, что впитывает с молоком матери человек западного «среднего класса»: «не хватает» — нормальное, повседневное состояние, будет вдвое больше — все равно не хватит. Так что наши среднеобеспеченные сограждане в отличие от классического «среднего класса» не испытывают удовлетворения и гордости за собственные достижения, а существуют, как и бедные, с чувством, что жизнь не удалась. Винят в этом чаще всего правительство и власти. Правда, на выборах все равно за коммунистов не голосуют. Большинство «средняков», с кем мне доводилось общаться, зачастую предпочитали какую-нибудь оппозицию «из центристов» (во всяком случае из тех, кто им казался «центристами»): «Женщин России», Лебедя, Явлинского... Впрочем, за «партию власти», скрепя сердце, тоже голосуют, особенно на региональных выборах — плюются, матерятся, но «не было бы хуже». А фермеры мои — те убежденные «гайдаровцы».

Политические пристрастия среднеобеспеченных россиян связаны, как мне кажется, вовсе не с осознанием каких-то своих особых интересов. Заметная их часть — выходцы из советского

«среднего класса» и голосуют так же, как и их стремительно обедневшие «бюджетные» собратья. Ценностная система — вещь довольно инерционная, она не меняется автоматически с изменением имущественного положения или статуса. Советский «средний класс», при всей условности этого понятия, в смысле осознания себя и своих интересов больше походил на класс или сословие, чем нынешние российские «середняки». Шахтеры, летчики, геологи, работники «оборонки», научная интеллигенция (доктора-профессора), как бы ни различались уровнем образования и культуры, были, бесспорно, едины в стремлении к западным стандартам потребления и западному образу жизни. (Другое дело, что они этот образ жизни часто мифологизировали и идеализировали.) Они хотели свободно ездить за границу, не желали сидеть на партсобраниях, ненавидели и презирали партноменклатуру. Именно советский «средний класс» стал социальной базой демократической революции 1989–1991 годов.

Сегодня большинство из них, привыкших жить богаче «рядовых» сограждан, живет хуже и беднее остальных. Буквально десятки выбились в большой бизнес, не больше 10–15% — в те самые «среднеобеспеченные». Остальные, несмотря на обвальное снижение уровня жизни и статуса, не стали опорой и поддержкой «непримиримой оппозиции». Это отчетливо видно на примере шахтерских регионов: да, Кузбасс выбирал в 1996-м Зюганова, но там особый случай, там — Тулеев, любимец и кумир, по призыву которого люди готовы проголосовать за кого угодно. Остальные же — Воркута, ростовские Шахты, угольные районы Красноярска, Норильск — не «покраснели». Не выбирают коммунистов ни Урал, ни Нижегородская область, ни тот же Красноярский край — регионы, перегруженные буксующими предприятиями ВПК.

Братва

Трудно сказать, какая часть среднеобеспеченных россиян генетически связана с советским «средним классом». На глаз кажется, что за пределами Москвы их очень немного. Завсегдатаи провинциальных баров зачастую демонстрируют вполне «новорусское» поведение — без швыряния денег, но со звучным, демонстративным матом, радостной готовностью к мордобойу и прочими атрибутами «крутизны». Да и скромные «Фольксвагены» в провинции порой так же нахально лезут на встречную полосу, как столичные «Джипы». Дело в том, что значительную часть немосковского слоя «середняков» составляют

люди криминальные или близкие к ним по духу. Рэкетир-исполнители (их «крестные отцы», разумеется, обеспечены не «средне»), охранники всевозможных коммерческих структур, часть милиционеров, живущих на те же, по сути, рэкетирские доходы, клерки из налоговых и аудиторских служб... (различия в психологии всех этих типов для стороннего наблюдателя трудноуловимы).

Общаться с этим народом трудно — они страшно раздражаются, когда интересуешься источниками их доходов, и не любят фотографироваться. Зато о политике рассуждают довольно охотно. И, между прочим, тоже недовольны, правда, не столько собственной жизнью, сколько положением державы. Их огорчает, что «американцы русским диктуют», что «в правительстве одни евреи». Словом, это тот социокультурный тип, который в 1991-м желал видеть российским президентом Жириновского. (Стоит ли уточнять, что кое-кто из них в 1996-м голосовал за Брынцалова — «духарной мужик, я балдею», а кое-кто отдал свой голос Лебедю — «с нами по-другому нельзя: надо, чтобы половина страны лес валила, тогда другая половина будет слушаться».)

В Москве среднеобеспеченные люди — это в основном высокооплачиваемые (по российским меркам) наемные работники. В столице довольно мощный слой сверхбогатых, которые готовы прилично содержать и сферу собственного обслуживания: частные поликлиники и больницы, школы и домашних гувернеров, журналистов и изготовителей всевозможной рекламной продукции и проч. За пределами московской окружной дороги, где богатых не слой, а единицы, соответственно меньше и среднеобеспеченных. А услуги, в которых остро нуждаются и за которые готовы щедро платить провинциальные «капиталисты», сводятся преимущественно к охране и вытряхиванию денег. Так что значительную долю «средняков» составляет «братва». При такой неоднородности наших среднеобеспеченных сограждан о каком-то более или менее единообразном политическом или электоральном поведении, понятное дело, говорить не приходится.

В нынешней России есть те, кто не слишком богат и не очень беден, и их немало, их даже становится все больше. Однако они пока не составляют ни класса, ни даже слоя, они рассыпаны на «отдельных представителей» или сбиты в малочисленные группки, порой полярно различающиеся по своим пристрастиям и устремлениям. Так сказать, почва для «среднего класса» в России уже готова, а самого класса пока нет.

Всероссийский тромб

*Шахтеры показали всем, что есть безотказный способ
обратить на себя внимание властей.*

Так скверно еще не было. Во всяком случае после октября 1993 года. Сейчас, когда пишутся эти строки, каждый час появляется информация о новых акциях протеста. Ни одну железнодорожную магистраль до сих пор не удалось разблокировать, начались перегораживания шоссейных магистралей — например, работники «Воронежского электросигнала» перекрыли Московский проспект в Воронеже и обещают стоять, пока не получат зарплату.

Все попытки найти путь в обход заблокированных дорог, старательно пресекаются пикетчиками. Ростовские железнодорожники, чтобы миновать сидящих на рельсах шахтеров, взялись поначалу возить пассажиров электричками и автобусами. Рабочие поставили второй пикет, южнее первого, чтобы — намертво. Анжеро-Судженский пикет можно было объехать по двум веткам (при этом нагрузка на железнодорожные пути, не рассчитанные на такой режим, превышала безопасный уровень). Горняки из Прокопьевска сначала блокировали одну из них — соответственно эксплуатация другой стала совсем уж рискованной — на следующий день, спохватившись, отрубили и вторую.

По данным МПС на 21 мая, общий ущерб железнодорожного транспорта составил более 150 миллионов рублей. 297 грузовых и 222 пассажирских поездов не могут проехать к месту назначения. В ближайшее время издержки МПС, несомненно, вырастут. Вероятно, железнодорожникам придется платить штрафы за задержку доставки грузов. Кроме того, почти четверть миллиона человек (примерно столько томятся в задержанных поездах) могут подать на МПС в суд с требованием возмещения ущерба. Если это произойдет, железнодорожное ведомство России может превратиться в банкрота.

Блокирование железных дорог, по сути, — акт террористический. Страна должна была бы ужаснуться и проклясть. Ничего подобного. Посланцы от шахт Воркуты попытались было уговорить шахте-

ров Инты пропускать важные для работы воркутинцев грузы. Приехали, потоптались с пикетчиками и встали рядом в знак солидарности. Сочувственно по отношению к протестующим шахтерам (уже не только шахтерам: в Кузбассе на рельсах сидят и машиностроители, и медики, и пенсионеры) высказываются порой даже несчастные пассажиры тех самых поездов, что еле дотащились до места назначения. Абсурд? Да нет, просто у нас половина населения сидит без зарплаты.

Неплатежи начались с 1992 года, и с 1993-го шахтеры регулярно бастуют и голодают. А правительство, да и общество в целом и к забастовкам, и к голодовкам успели привыкнуть, они становились все менее и менее действенны. Что дальше? Нынешней осенью на закрывающейся шахте «Ягуновская» мне рассказывали, что вот увольняются со смехотворным выходным пособием, а все потому, что пособие рассчитывается из среднемесячного заработка, а они два месяца бастовали. Бастовали же потому, что до этого полгода не получали зарплату. «Зато как перекрыли Транссиб, нам через два дня денежки привезли. Дураки были: перекрыли бы сразу, сейчас бы нормальное пособие получили». Заметим, до сего времени дороги перекрывали нечасто, но каждый раз, когда это случалось, власти на время прекращали рассуждать о том, чьи долги — правительственные или нет. Деньги находили.

Горняки, а за ними и другие кредиторы-беззарплатники, наконец, нашли беспроектный способ быть услышанными. Их действия незаконны и исключительно опасны для будущего России, но это действия людей, убежденных в справедливости своих требований. Своего рода рэкет как средство взыскания долга, который иначе не взыщешь.

Разогнать пикеты с помощью ОМОНа невозможно. Это почти наверняка приведет к тому самому «бессмысленному-беспощадному», которым мы столько времени пугали друг друга, но в который не верили. Решившись сесть на рельсы, отказавшись слушать очередные уговоры и посулы, люди перешли некую грань — теперь они уже не остановятся ни перед чем: ни перед погромами, ни перед вооруженным сопротивлением. Тем более значительная часть сограждан — за них.

Хорошо бы заплатить им долги, сейчас же, немедленно, и больше никогда не допускать задержек. Но, во-первых, денег на покрытие нефедеральных (преимущественно энергетических) долгов в бюджете нет. Правительство судорожно что-то изыскивает — нельзя не оценить изящество идеи с постановлением о сокращении

расходов на содержание законодателей и исполнительной власти — и вице-премьеры какие-то суммы в регионы привезли. Но, как известно не только нам, но и шахтерам, как только погашается очередная задолженность, немедленно начинает расти новая. Во-вторых, дело зашло на сей раз так далеко, что едва освободится место на рельсах, его вполне могут занять, скажем, оборонщики и машиностроители. Раз уж это дает эффект, почему бы не воспользоваться. Тупик? Похоже на то.

Акция началась и проходит без «руководящей и направляющей роли» профсоюзов. Росуглепрофсоюз (ФНПРовский) оказался в щекотливом положении. Его председатель Виталий Будько недавно стал членом кириенковского правительства. Нового председателя у Росуглепрофа еще нет. Заместитель Будько Иван Мохначук, профсоюзник с репутацией «своего в доску» народного заступника, в первые же дни акции встретился и с Немцовым, и с Кириенко. Они дали совместное интервью РТР, объявили, что «нашли взаимопонимание». А пикетчики на их «понимание» положили с прибором. И теперь уже тот же самый Мохначук заявляет, что участники акции «требуют не денег, а отставки президента». Но все равно всем уже ясно, что он и его коллеги-профсоюзники никак на ситуацию повлиять не могут.

Другой, «свободный», шахтерский профсоюз, НПП, акцию тоже проморгал и вдогонку принял постановление, в котором сами требования пикетчиков поддерживаются, а «рельсовая война» осуждается. Словом, протест вспыхнул стихийно и стихийно же нарастает.

Коммунисты попытались, конечно, примазаться. Надо сказать, что, например, в Анжеро-Судженске они чувствуют себя уверенно: глава городского рабочкома там — лидер местной ячейки КПРФ Владимир Фокин, и он стал одним из активных участников пикета. А в Прокопьевске и в Инте пикетчики коммунистов гоняют прочь. Соответственно и настроения шахтеров в разных регионах разные. В Прокопьевске работяги говорят: «Как только деньги будут в кассе — идем по домам». В Анжерке пока настроены круче: «Только отставка Ельцина!»

Они сидят на рельсах и поют: «Стоять до конца и ни шагу назад, // Веру в царя мы давно потеряли...» Это песня шахтерского барда Геннадия Шевченко. Она написана в 1989 году, понятно, при каких обстоятельствах. Те же песни, те же в основном люди. Они снова вместе, и снова в опьянении от своей силы и мужества. Им, наверное, кажется, что время вернулось, ИХ время. А страна трещит по швам.

При участии Александра Рыклина.

Отложенное исцеление

Российские законы в отношении психически больных гораздо гуманнее советских. Но реальных прав у больного не прибавилось.

Для Лины Адамовны время делится на «до» и «после». «До» была жизнь: любимая работа, толпа друзей и поклонников, богемное окружение, любящий и прилично зарабатывающий муж и главный успех в жизни — прекрасный сын, который защитил диплом у одного из известнейших в стране экономистов. Перед мальчиком открывались захватывающие перспективы. Но вскоре после защиты диплома он заболел шизофренией и стал инвалидом. Все кончилось. Она ушла с работы, оборвала все контакты, сменила телефон. «В нашем возрасте люди, когда встречаются, о чем первым делом говорят? О детях, об их успехах. А я что о сыне должна сказать? Я, когда своих старых друзей нечаянно встречаю, на другую сторону перехожу. А если уж столкнулись нос к носу, я так быстренько: «Привет-привет» — и мимо».

Она убеждена: для всех «нормальных» здоровых людей психическая болезнь — что-то вроде клейма, не просто несчастье, но и позор. Переубеждать бесполезно. «У моей бывшей подруги дочь больна рассеянным склерозом. Страшная болезнь, смертельная. Но ведь она может хотя бы рассказывать о своем горе, ее жалеют. А я никому не могу признаться...» (Другая мать дочери-шизофренички в сердцах воскликнет: «Лучше бы у нее был рак!» Чему, оказывается, можно завидовать.) Лине повезло: муж не ушел из дома («пока не ушел» — уточняет она), продолжает работать, зарабатывать. Они не бедствуют, хотя с прежним не сравнить. Вообще-то мужья-отцы в подобных случаях часто оставляют семьи — не выдерживают. «А нам, мамам, деваться некуда». Конечно, были мысли о самоубийстве. Нельзя. Невозможно даже вообразить себе, что тогда будет с сыном.

Сколько видела мам — у всех похожие истории. До поры до времени были вполне благополучные дети. А потом совершенно неожиданно наступала болезнь — и нормальная жизнь семьи кончалась. «Вышел погулять с собакой и застыл в одной позе. Мы ждали-

ждали, потом встревожились, выскочили во двор — он там стоит». Все родители корят себя: «Поздно спохватились, надо было давно обратить внимание...» Господи, да если бежать к психиатру каждый раз, когда сын-студент завалил сессию, разве хватит в стране психиатров? Если видеть признаки шизофрении в том, что старшеклассник чрезмерно переживает свой неуспех у девочек, кто окажется вне подозрений? Маму насторожило сыновнее увлечение буддизмом — что-то показалось ей в этой страсти неестественным. Но в районном психдиспансере ее и слушать не стали: радуйтесь, мол, что не наркотики. Зато потом, когда он голоса стал слышать и в этих голосах совсем запутался, тогда рекомендовали срочно в больницу.

«А старшая моя здорова. И внуки очень хорошие», — проносит одна из мам, согласившаяся со мной поговорить. Другая тут же ее одергивает: «Что говоришь-то? Надо сказать: пока, кажется, здорова. Будто не знаешь: это приходит, когда не ждешь». — «Да, конечно», — поспешно соглашается первая, и все стучат по дереву. Никто не застрахован — уж это-то родственники, да и сами больные — те из них, кто осознает свою болезнь, — знают лучше всех. Это может приключиться с кем угодно в любой момент. Знание, что даже самый удачливый везунчик, может вдруг оказаться одним из них, как-то помогает преодолеть разрыв с остальным, здоровым, миром. Причины психических заболеваний доподлинно не установлены, и нет способа уберечься с помощью «здорового образа жизни» или «рационального питания». Если в семье есть больные, вероятность заболеть несколько выше. Но попадают в больницу с серьезнейшими расстройствами и те, у кого родословная в этом смысле «чистая». Шизофренией, к примеру, несколько чаще болевают мужчины в подростковом и юношеском возрасте, а женщины между двадцатью и тридцатью пятью, но может первый приступ случиться и в сорок, и в пятьдесят.

Дальше все тоже непредсказуемо. Приступ может закончиться так же внезапно, как начался. Иногда даже сам по себе, хотя с лекарствами быстрее и легче. Может не дать ощутимых последствий и никогда больше не повториться. Может повториться через много лет, и снова пройти почти бесследно. А бывает и так: острые проявления (бред, галлюцинации и проч.) прошли, но человек уже не тот, что прежде: личность меняется необратимо. В ремиссии (состояние между обострениями) такие люди все равно остаются инвалидами. Бывает (к счастью, сравнительно редко), когда стремительно развивающееся заболевание в кратчайшие сроки приводит к глубокому

слабоумию. Есть масса промежуточных вариантов, и никто из заболевших не может знать, что именно его ждет. Серьезные врачи позволяют себе лишь крайне осторожные прогнозы.

Трем моим бывшим однокашникам в разное время ставили один и тот же злобещий диагноз — шизофрения. Один из них — артистичный, капризный и нервный — в тридцать с небольшим вдруг стал активно общаться с инопланетными цивилизациями... Через три месяца выписался из больницы, но уже без всяких инопланетных увлечений, чуть оглушенный и придавленный. Еще через пару месяцев стал прежним. Сейчас менеджер в иностранной фирме, заботливый муж и отец талантливого мальчика, душа любой компании. Категорически не желает разговаривать о том, что с ним когда-то приключилось. Другая лечилась с переменным успехом лет шесть, переходя от ремиссий к обострениям. Сегодня, по прошествии восемнадцати лет от начала болезни, странности в ее поведении заметны лишь тем, кто близко знал ее раньше. Третий сгорел за полгода: замкнулся, запил, бросился под поезд.

Когда удастся подсмотреть процесс исцеления — вдруг проступает свет на лице, казавшемся лицом идиота, слышишь связную речь из уст того, кто еще неделю назад издавал лишь бессмысленные звуки, — психиатр начинает казаться богом. Увы, психиатрия, как и вся медицина, не всесильна. К тому же медикаментозная психиатрия — область сравнительно молодая, и многое здесь еще непонятно. Лекарства больному приходится подбирать, при неверно найденном препарате может даже произойти ухудшение. Может, из-за этого психиатров так панически боятся. Впрочем, сами врачи полагают, что российская «психиатрофобия» — отчасти следствие вообще «психофобии», стремления отодвинуть от себя как можно дальше все, имеющее отношение к психическим заболеваниям, отчасти же — расплата за десятилетия существования карательной психиатрии, когда больницы использовались не только для лечения, но для изоляции и даже наказания.

Добровольно или принудительно

Году эдак в 89-м мне довелось наблюдать сцену, которую еще двумя годами ранее и вообразить себе было невозможно. Милиционер привел в психоневрологический диспансер оборванного вида тетку, громко и оживленно, на разные голоса, беседовавшую с самой собой. Постучал в кабинет, врач выглянул, кивнул, отпустил милиционера и провел тетку без очереди. Маявшиеся в ожидании прие-

ма больные и их родственники не возражали: видно же — «острое состояние», значит, осмотр — чистая формальность и займет буквально пару минут, потом вызовут машину, именуемую в простонародье «психовозкой». Вышло, однако, иначе. Двери кабинета оставались закрытыми больше часа. Потом женщина вышла и, продолжая разговаривать на разные голоса, отправилась восвояси. Очередь ошалело переглянулась, потом зашумела: что происходит? Врач, что ли, спятил? Регистраторша объяснила: совсем недавно вышло какое-то постановление, что в больницу можно класть и вообще лечить только с согласия больного. Врач пытался женщину уговорить, да не смог. «Но она же точно не в себе», — недоумевала очередь. Людям, многие из которых не раз лежали в больницах, казалось полным вздором идея обязательного согласия больного на лечение: если помрачение рассудка — о чем тут спрашивать?

Вообще-то то десятилетней давности постановление, прошедшее почти незамеченным в непсихиатрических кругах, должно было бы означать революцию. Создавалась принципиально новая правовая ситуация — аналогичная западной. Отныне (российское законодательство уже после распада СССР закрепило этот порядок Законом о психиатрической помощи 1993 года) в России, как и во всех цивилизованных странах, требуется судебная санкция на принудительную госпитализацию и принудительное лечение, и только тогда, когда промедление угрожает жизни самого больного или жизни и здоровью других людей, врач вправе сам принять соответствующее решение, но все равно потом ему придется доказывать свою правоту в суде. Такой порядок, естественно, направлен в том числе и против всяческих злоупотреблений психиатрией — он и принят-то был в основном под давлением мирового сообщества, озабоченного психиатрическими репрессиями в СССР. Но радикально меняется и статус самого душевнобольного: по логике Закона о психиатрической помощи, больной уже не просто объект — помощи, милосердия, заботы, как пострадавшее животное. Он становится субъектом, носителем воли и права самому решать свою судьбу.

Уже десять лет с этим новым статусом душевнобольного не могут смириться ни врачи, ни общество в целом. «У больного, к примеру, бред преследования, он от людей шарахается, а я, вместо того чтобы срочно оказывать помощь, должен уговаривать его дать согласие на лечение таким-то и таким-то препаратом. Ну не абсурд? Наверное, многих больных как-то можно уговорить. Но ведь на это

сколько времени и сил уходит. Была бы у меня, как на Западе, на десять пациентов бригада из врача, психотерапевта, социального работника, фельдшеров, санитаров — можно искать подходы, пробовать разные доводы. А у меня в отделении на 26 мест 28 больных, да еще везут острых, и всего нас, врачей, сегодня двое с одной медсестрой и двумя санитарками». В принципе можно ведь и не добиваться от больного согласия. Можно, если врач в самом деле видит такую необходимость, начинать принудительное лечение, а через два дня просить на него судебного согласия. Однако вот парадокс: все ругают принцип добровольности, но все стараются, насколько возможно, сводить к минимуму число «недобровольных» случаев. «Добровольность» стала чем-то вроде нового показателя в соцсоревновании.

По словам Валерия Евтушенко, заместителя главного врача Московской областной психиатрической больницы, если дело доходит до суда, то российские суды в таких случаях, как правило, просто автоматически соглашаются с врачом. А что остается судьям, как ни опираться на мнение профессионалов? Они-то не могут компетентно решить, опасно или не опасно данного пациента оставить без лечения. Интересы больного в правовом государстве должен был бы представлять адвокат, но, сами понимаете, насколько это в нашей жизни реально. Независимая психиатрическая ассоциация с момента принятия закона несколько раз ставила вопрос, что надо бы создать специальную государственную службу защитников прав психически больных, независимую и от Минздрава, и от Минюста. Но пока ничего подобного нет даже в зародыше.

Закон о психиатрической помощи в нынешнем его виде не может толком работать еще и потому, что уж очень не ложится в традиции отечественной не только психиатрии, но и медицины вообще. У нас ведь не только психиатр — любой врач привык принимать решения, не консультируясь с больным и не посвящая его в свои замыслы. «Вы доверяете и слушаетесь, а я вас лечу» — стереотип отношений советского (теперь российского) врача с пациентом, закреплённый в фильмах и в литературе.

Бедность по-психиатрически

Обшарпанные стены, палаты по пятнадцать человек, койка к койке и по одной тумбочке на троих, в конце длинного коридора воняет сортир. Пациенты молчаливые. Немногие с журналами или книжками. Большинство сидят на кровати и смотрят перед собой. Кто-то прохаживается по коридору взад-вперед. Переговариваются

кратко, все больше по делу: «Дайте пройти!» или «Можно журнал?» Какой запомнилась мне «психушка» начала 80-х — ад не ад, но тоска невозможная, одно слово — советская больница, — такой я ее увидела и сейчас. На вид все как раньше. «Да что вы! — заводделением только что руками не замахала. — У нас разве было так запущенно? Гораздо уютнее было. И потом вдоль всей во-он той стенки стояли холодильники — родные гостинцы приносили. Мы перед приходом санинспекции эти холодильники всегда потрошили. А теперь — видите? — нет холодильников».

В Центральной больнице Московской области тяжелые пациенты со всего Подмосковья. Жду привычных жалоб про зарплату. Но врачи первым делом говорят о деньгах на лекарства. Все остальное — ремонт, питание (но «наших больных разве так нужно бы кормить?») — важно, но все-таки лекарства — первоочередное. Валерий Евтушенко уточняет: в день на лекарства для одного больного полагается 4 рубля. Приходится — когда-то это было строжайше запрещено Минздравом, а теперь вынужденно смотрят сквозь пальцы — просить родственников, чтобы приносили лекарства сами. Один из таких родственников остановил меня на пороге отделения: «Журналистка? Тогда слушайте: у меня пенсия пятьсот рублей, а мне предлагают купить для дочери лекарство за триста пятьдесят. Что я должен делать?»

В селе Приютное, в Калмыцкой республиканской больнице, тоже первым делом разговоры о лекарствах. В ординаторской беседем под аккомпанемент заунывного крика, доносящегося из-за двери, ведущей в женское отделение. «Знаете, что это? Это препаратов нет». Василий Бессарабов, заведующий женским отделением: «Мы ведь теперь имеем право закупать любые препараты и там, где подешевле. Но деньги выделяют нерегулярно. Бывает, начинаем лечение, а завершить не можем. А перерывы у нас, знаете, могут дать резкое ухудшение...» В Приютном проблема добровольной или принудительной госпитализации получает неожиданный поворот: «Да, к нам теперь многие сами просятся. На зиму особенно. Кто топлива не запас или кому кушать нечего — у нас хоть чаем с хлебом три раза в день, но накормят. И тепло у нас — вот за этим строго следим. А люди-то в республике бедуют...»

Безденежье — драма всей российской медицины, и не только медицины. Взять младший медперсонал. И в советские-то времена охотников делать тяжелую работу санитарки или нянечки за весьма небольшие деньги было немного. А сейчас эти медработни-

ки из соматических (не психиатрических) больниц почти повывелись. Но в «психушках» без санитаров нельзя. У одной только наблюдательной палаты (где лежат «новенькие» и самые тяжелые, кого страшно даже на минуту оставить без присмотра) должен кто-то круглосуточно дежурить. Большинство больниц стараются нанимать в санитары мужиков покрепче. В Приютном за больными на прогулке надзирал санитар, с виду от пациентов неотличимый — неопрятный, небритый, по временам издававший маловразумительные звуки. Впрочем, оказалось, он просто пьян в стельку.

Мой знакомый, сам врач-хирург, недавно вынужден был положить дочку-старшеклассницу в одну из московских психиатрических больниц. Через четыре дня забрал: девочку сильно избили. Кто — непонятно. У девочки бред, она ничего не расскажет, а «от санитаров толку не добьешься — он то ли идиот, то ли алкоголик». Больницу мой знакомый просил не называть: «Что они могут при таких деньгах».

После больницы

Занятная статистика: при том, что душевнобольных за последние десять лет больше не стало, доля психических инвалидов заметно выросла. Причем число инвалидов третьей группы (имеющей право работать) стремится к нулю, а растет именно вторая группа. Все очень просто: раньше человек отлежит в больнице, поправится и, если в состоянии, возвращается на прежнее рабочее место. Сегодня ему, как правило, вернуться некуда: кто это будет терпеть 4–5-месячное отсутствие работника, даже по самой что ни на есть уважительной причине. (Закон, конечно, запрещает увольнять из-за длительной болезни, но всегда можно провести реорганизацию, сокращение и проч.) Дальше начинаются поиски новой работы, все чаще безрезультатные. В итоге вполне «сохранный» человек бросается к психиатрам и умоляет дать направление на ВТЭК: «хоть какие-то гроши буду получать». Их жалеют — дают вторую группу.

Между тем для психически больных работа — важнейшее терапевтическое средство. Болезнь развивается по своим загадочным и непредсказуемым законам, но любой опытный психиатр подтвердит: пока есть необходимость вставать в определенное время, приводить себя в порядок — умываться и одеваться, добираться до работы и хоть как-то общаться с людьми — личность пациента сопротивляется болезни. Когда больной сидит в четырех стенах, он разрушается гораздо быстрее.

Но больному нужно не только рабочее место. Если после острого психотического приступа в человеке произошли серьезные изменения: нарушены интеллект или память, воля или ориентация — он должен заново освоиться в мире, проверить и понять, на что он теперь способен. Это называется «социальная реабилитация». В цивилизованном мире существует большой штат специально подготовленных работников и учреждений, которые этим занимаются.

В советское время функцию социальной реабилитации кое-как (очень кое-как) выполняли лечебно-трудовые мастерские. Там почти все было не так, как надо, но все-таки они были: организовывали время больного и — что очень важно — служили местом встреч, знакомств, общения. С тех пор как в конце 80-х эти мастерские перевели на хозрасчет, они позакрывались либо числятся только на бумаге. У нас опять получилось не как у людей: при формальном расширении прав психически больных их, по сути дела, еще сильнее оторвали от общества.

Есть, например, категория больных «с голосами». Обычно голоса удастся снять медикаментами. Но есть небольшой процент так называемых «носителей голосов», которым наращивать дозы лекарств нет смысла — только повредишь. Человека надо учить с этими голосами жить. Например, не подчиняться их приказам, не вступать с ними в диалог в присутствии других людей... Если такой больной включается в общество и ведет более или менее нормальную жизнь, «голоса» могут притихнуть, даже отступить.

«Но кто реально, — рассуждает Валерий Евтушенко, — будет после выписки учить такого больного? Врач из диспансера? Но социальная реабилитация — не дело врача, это другая специальность. Социальные же работники — те, кто призваны как раз заниматься с инвалидами, — к нашим больным не ходят. Работы для больного нет. Больной остается наедине со своими «голосами» и быстро-быстро деградирует. А Министерство соцзащиты, вместо того чтобы развивать службы социальной реабилитации, строит интернаты для психохроников. Получается, что наша система не оставляет больным иного пути, кроме интерната».

Справка

Как ни трудно в это поверить, доля душевнобольных в разных странах и в разные времена примерно одинакова: не зависит ни от состояния экологии, ни от экономических

показателей, ни от социальных потрясений, вроде войн и революций, ни от уровня урбанизации. Врачи-психиатры со странным торжеством подчеркивают, что даже Германия, где, как известно, при Гитлере попробовали «очистить» свой генофонд, истребив и стерилизовав в короткие сроки огромное количество шизофреников и больных тяжелыми формами маниакально-депрессивного психоза, уже в следующем поколении «догнала» все остальные государства. (Когда мы говорим, что шизофренией во всех странах больны около одного процента населения, мы ведем речь, понятное дело, только о той части мира, где представления о психической болезни и здоровье более или менее сходны с нашими. Есть ведь и совсем иные цивилизации, где нет понятий «бред», «галлюцинация» или «слабоумие».) В нашей стране вопреки распространенному предрассудку число людей с тяжелыми психическими расстройствами в последние десять лет не увеличилось, несмотря на значительное усложнение жизни.

Бурхан поможет

Языческое мировоззрение плохо сочетается с рыночной экономикой.

Нигде до сих пор не встречала такого настороженного к себе отношения. За годы командировок привыкла: в любом российском селе, будь то в Сибири, на Кавказе, в Центральной России, стоит подойти к группке беседующих женщин или мужчин и представиться — мол, из Москвы, журналистка, хочу про вас написать, — как тебя обступят и тотчас начнут взахлеб рассказывать про свои беды, про плохое начальство, соседей-инородцев и, конечно, врунов-журналистов. В Бурятии — ничего похожего. В здешних деревнях не встретишь такого, чтобы люди, сойдясь на улице, просто так беседовали. И завалинок-скамеечек там не предусмотрено. Детишки, конечно, бегают, а серьезные взрослые люди — дома, возятся со скотиной. Те, кого окликала из-за забора, не спешили открывать. «Вы лучше с мамой поговорите, только она спит». «Это вам пусть муж расскажет, но его нет». И даже когда сама, невзирая на отчаянный лай рвущейся с цепи собаки, в поисках живой души заходила во двор, хозяин обычно встречал сдержанно. Не то что в дом позвать и чаю налить — даже в тенок пройти не предложит. Стоишь на солнцепеке — и стой, побыстрее отстанешь со своими дурацкими расспросами.

За десять дней странствий по республике один раз позволили зайти: «Хотите — поглядите, как живем», и еще, когда мои спутники, обалдев от изнуряющего южносибирского солнца, попросили в одном доме попить, нас угостили чаем. Впрочем, скорее всего, на этот раз нам повезло потому, что с нами был местный учитель. Конечно, открытой неприязни не было. Со двора не гнали. Спросишь — отвечали. Но на лице — «чего пристала». «Какой журнал то? А чего про нас писать-то?» — «Людам же интересно, как живут в тех местах, где они никогда не бывали». — «Как всюду, однако, живем». — «Вы сами-то работаете или уже на пенсии?» — «На пенсии, ага». — «А раньше где работали?» — «Работал». — «В колхозе?» — «В колхозе, ага». — «А дети у вас есть?» — «Есть, однако». — «С вами живут?» — «Со мной, ага». — «Работают?» — «Работают». —

«А где?» — «Кой-где работают. А вы чего приехали-то?» Редко-редко кого зацепишь за живое. Один старик в горном Тункинском районе («Как у вас тут красиво!» — «Летом везде красиво, однако»), услышав от меня, что, к примеру, в Калмыкии нет ни гор, ни лесов, а только степь плоская, как блюдце, и трава солнцем выжжена, совсем разволновался: «Плоско-плоско? А как же они живут? А что корова кушает? А как же хлеб растет?» И долго потом сокрушался: «Неужели беднее нас живут? И на соболя не охотятся?»

Поначалу на неласковый прием обижаешься, но скоро понимаешь — тут не враждебность и не скупость: если к буряту зашел сосед — бурят ли, русский, — его без «чаю» (включающего и закуску и выпивку) не отпустят. А про меня в самом деле непонятно: чего этой журналистке надо? Пришла бы по делу: купить, продать чего или рассказать, что мука в городе подорожала, — тогда почет и угощение. А так — издалека ехать, чтобы про баранов расспросить, — в Москве, что ли, спросить не у кого? С чего бы? Уж, наверное, не к добру.

Глава администрации Джидинского района Алексей Идамжапов года четыре назад затеял у себя в районе программу «Подворье»: чиновники администрации ходили по дворам и записывали, у кого сколько скотины, какой огород и в чем нужда. Цель была самая благородная: помочь индивидуальным хозяйствам. «Намучились изрядно, — вспоминает Идамжапов. — То хозяина дома нет, то он выпимши, то разговаривать не в настроении. По три-четыре раза на один двор ходили и все равно на всякий случай нам правды не говорили. «Восемь голов у меня», — мы так и пишем, хотя понимаем, что это означает десять».

Катастрофа

Закрытые и подозрительные бурятские крестьяне охотно и по собственной инициативе высказываются лишь по поводу Ельцина и «перестройки». (Все последнее десятилетие здесь упорно называют «перестройкой»: мол, как начались с Горбачева эти безобразия, так и по сей день не кончились.) «Поедете в Москву, скажите Ельцину, чтобы сдох!» Как-то не выдержала: «Вы верующий?» — «Ну». — «Буддист?» — «Ну». — «Разве буддист может желать кому-либо смерти?» Собеседник никак не ожидал такого поворота. Ошалело потряс головой, подумал с минуту: «Пусть сдохнет. Пусть Зюганов будет». — «А вы знаете, что Зюганов предлагает русским рожать побольше, чтобы их процент увеличить?» Насторожился:

«А бурятам?» — «А буряты и все остальные и так, он считает, много рожают». Крестьянин задумался надолго: «Тогда надо Ленина воскресить. Пусть Ленин будет». Как и повсюду в сельской России, в Бурятии оплакивают блаженные брежневские времена и считают «перестройку» личной и общероссийской трагедией. (Бурятия — сельская республика не столько по составу населения, сколько по тому, что именно в селе сохраняется собственно национальная жизнь. Отправить ребенка в город — мечта бурятского крестьянина, но в городе в первом же поколении теряются язык и уклад. Так что настоящую Бурятию надо искать в селах.)

Привычный деревенский рефрен: «Молодежь без работы, колхоз развалился, скот забили. Как жить будем?» Причем слышишь это не только от людей в возрасте, но и от совсем молодых, и именно в виде «Молодежь», а не «Мы без работы». При ближайшем рассмотрении, впрочем, обнаруживается, что все не так просто.

«Где работаете?» — «Нигде». — «Безработный?» — «Ну». — «Пособие платят?» — «Нет». — «А на что живете?» — «Так». Живет на самом деле со своего хозяйства. Слово за слово клещами удается вытянуть, что в семье, хоть все и «безработные», девять коров, две свиньи и три самочки-чернобулки. (Опять же «девять» — читай, одиннадцать-двенадцать.) Не считая, конечно, огорода, птицы, коз и прочей мелкой живности. Хозяин и его домочадцы считают себя «безработными», хотя вся семья крутится с утра до ночи и, конечно, не голодает. Еда своя, кроме муки и сахара. Живые деньги от продажи мяса и шкурок. Выделанная чернобулка (выдeldывают сами, иначе невыгодно) идет тысячи за три, пeсeц по 800 рублей, хороший крупный бычок может принести до 4 тысяч. Три-четыре года назад главной проблемой было сбывать мясо или шкурку. Но потихоньку все наладилось. Регулярно приезжают перекупщики, цена более или менее стабилизировалась. Из ближних сел («ближними» здесь считаются и те, что за 250 километров от города) жители и сами возят мясо в Улан-Удэ — на две-три семьи непременно найдется одна машина. Из Тункинского района, куда чаще всего ездят перекупщики-иркутяне, самим возить стало невыгодно: «Они помногу покупают. Если что и выиграешь, то на горячем больше проиграешь». (Посредническая деятельность, похоже, перестает быть паразитической и становится неотъемлемой частью производства.)

В степном селе Боргой попала на праздник Сурхарбан (традиционное местное состязание спортсменов) и поразились тому, как элегантно, по-городскому одеты и накрашены девушки. Конеч-

но, жизнь в бурятском селе отнюдь не зажиточная, однако семья семье рознь. Есть очень бедные: хозяин пьет или родственников в городе много — все мясо и молоко им идет и продавать нечего. Но чем больше скота, тем семья живет лучше. Это ли не возвращение к исконному укладу бурятской жизни?

О постоянном сокращении поголовья скота в Бурятии говорят все, но вопрос этот не такой простой. Да, год от года уменьшаются колхозно-совхозные стада. Но опережающими темпами растет количество скотины в домашних хозяйствах. По республике в целом как было в прошлом году 146,6 тысячи коров-быков, так столько и осталось. При этом в коллективных хозяйствах поголовье уменьшилось на 14%. В Тункинском районе в доперестроечные времена колхозные стада насчитывали 25 тысяч голов крупного рогатого скота и еще 5 тысяч в личной собственности. Сейчас по колхозам осталось 4,5 тысячи, а по дворам — 31 тысяча. То есть стадо даже выросло. По сути дела, в семьи вернулся тот скот, что когда-то был насильственно отнят коллективизацией. Однако это не только не радует крестьян, но переживается как катастрофа.

В хрущевские времена отдаленные «неперспективные» села переселяли на равнину, поближе к центральным усадьбам. Сегодня люди начали потихоньку возвращаться. В горах ведь остались бескрайние пастбища, и грех их не использовать. Три-четыре семьи (чаще молодые) собираются, ставят в горах срубы-пятистенки, оборудуют зимние стойла. Связь с «Большой землей» конная — несколько часов верхом до райцентра. Возможности для расширения производства — колоссальные. Но слышишь от этих уехавших то же, что и от всех: «Раньше мы жили, а теперь выживаем». Фермер, умудрившийся по бурятскому обыкновению на протяжении всего разговора не ответить ни на один вопрос, оттаял, лишь когда я его спросила, жалеет ли он о прежних временах: «Когда я был в колхозе главным агрономом? Как же не жалеть — тогда все спокойно, стабильно было».

«Раньше я знала: дети учиться будут, работать будут, зарплата будет. Сейчас: сын учится — шкурки продавай, выучится — работу надо искать. За коровой ходить — зачем учиться, однако?» Здесь, как и везде, нормальные, неопустившиеся, неспившиеся люди хотят дать детям высшее образование. Но в отличие от своих братьев по крови калмыков и отчасти русских, от прагматичных консервативных бурятов не доводилось слышать разговоров о самодостаточной ценности образования. Калмык-инженер, пасущий

овец, все равно гордится своим дипломом. Буряты все больше сокрушаются, что диплом теперь не обеспечивает карьеры. (То ли разная судьба — калмыки прошли депортацию и пятнадцатилетнюю ссылку, — то ли разная степень зависимости от природно-погодных условий — в Калмыкии что ни год, то засуха, а в Бурятии как повезет — выковали столь разные национальные характеры у генетически близких народов.) Раньше все было ясно. Либо педагогический и потом работа в школе — а там, глядишь, выбьешься в советские или партийные работники, либо сельскохозяйственный — агроном, ветеринар, зоотехник и, если повезет, председатель. Хорошая зарплата, дефицит без очереди, всюду почет и уважение. Ради этого матери готовы были горбатиться на фермах — кстати, доярка неплохую зарплату имела. Сейчас перспективы туманны. Кормить чадо все пять лет учебы в институте — и ради чего? Чтобы потом в городе болтался без работы? В деревню возвращаться — так в колхозе работы нет. А с домашним скотом и без института управится. Все, кого удавалось разговорить, на разные лады повторяли: «Самое страшное: нет будущего».

Раньше в каждом районе была большая школа-интернат. В ней учились не только дети из неблагополучных семей, но и ребята из еще не ликвидированных отдаленных сел. Родители не видели ничего противоестественного в том, что они, самостоятельные, прилично зарабатывающие люди, отдают своих детей на полное государственное иждивение и получают их только на каникулы. Сейчас почти все интернаты позакрывались, а те три, что остались, влечат жалкое существование. Чтобы прокормить питомцев, воспитатели вынуждены сами сажать огород. Ребятишки месяцами питаются одной только картошкой да капустой с него. А ведь у части этих детей вменяемые и любящие родители, которые кушают, как положено бурятам, мясо и молоко из личного хозяйства и вполне в состоянии накормить, одеть и обуть своих чад. Живи дети дома, они бы так и делали. Но право «отдать ребенка на готовое» — это святое. Им даже в голову не приходит подбросить в интернат еды, привезти малышу приличную одежду. Как не приходит в голову и администрации интерната обратиться к родителям за помощью. Полуголодные, оборванные и недоученные дети (когда учить, если преподаватель занят интернатским и своим огородом, коровами, ремонтом?) — вроде как на совести Ельцина и «перестройщиков».

Весной в республике велись ожесточенные споры по поводу республиканского Закона о земле. Как и везде, камнем преткнове-

ния был вопрос о собственности. Победили, разумеется, противники купли-продажи. В этом аграрном регионе, кажется, не найти ни одного крестьянина, который бы выступал за полноценную частную собственность. Даже фермеры говорят: «Не торговать землей надо, а помогать хозяйствам». Приспособившиеся к новой жизни, но не смирившиеся с ней бурятские крестьяне отчаянно цепляются за все атрибуты прежней жизни, будь то интернат или колхоз. Кстати, колхозы в Бурятии не развалились. Они даже в большинстве своем не акционированы. Скажем, в Джидинском районе из 19 коллективных хозяйств не акционировано ни одно. «Не думайте, президентский земельный указ 1991 года мы соблюдаем, — говорит глава района Алексей Идамжапов (как именно «соблюдают», остается загадкой: ведь указ как раз предписывает коллективные хозяйства акционировать и выделить индивидуальный пай каждому работнику). — Однако мы решили пойти эволюционным путем. В нашей сухостепной зоне крупные хозяйства имеют большую перспективу. (Воистину бессмертен искандеровский председатель колхоза, объяснявший журналисту: «У нас козлотур наших коз не любит. Не гуляет. У нас климат влажный». — Г. К.) Зона рискованного земледелия. Понимаете? Где-то град побил урожай, зато в другом месте выросло». На самом деле администрацию другое волнует. Скот в подворье налогом не облагается, и районные бюджеты пополняются по-прежнему за счет коллективных хозяйств. Так что даже самые прогрессивные районные руководители будут при полной поддержке своих сограждан беречь колхозы и совхозы.

Те, кто работает в колхозах, считают себя счастливыми. Даже в нищих и развалившихся держатся за место, что уж говорить о более или менее стабильных. Имена директоров и председателей, сумевших «избежать развала», то есть акционирования, гремят на всю республику. Например, Петр Зайцев, директор совхоза (теперь госплемзавода) «Боргойский». Он, видно, и впрямь замечательный хозяин, поскольку сумел наладить у себя в совхозе глубокую переработку почти всей продукции, а это живые деньги. И пошивочный цех у него есть (шерсть продают в Улан-Удэ, а овечьи шкуры на месте выделывают и шьют куртки), и сыроваренный заводик затеял, и придорожное кафе открыл — там такая баранина, что в соседние заведения никто носу не кажет, — и гречиху обрабатывает до крупы... Зайцев с удовольствием рассказывает о себе: «Я не терплю, когда мне работник на своего начальника жалуется. Значит, говорю, ты его довел, если он тебе двинул». Не скрывает, что и у самого рука

тяжелая. «У меня тут заявлений о приеме на работу — вон, класть некуда, но ведь деревня, вместе живем, как лодыря уволишь», — а вот морду набить — святое дело. А такого, чтобы кто-то сам уволился — этого не бывает и не может быть. Зарплаты? «Комбайнеры, было, и по 17 тысяч за год зарабатывали». Одна из работниц, когда я обратилась к ней с тем же вопросом, прошептала с пугливой оглядкой: «Если я скажу, мне от Петра Ивановича достанется». В зайцевском хозяйстве работают и русские, и буряты — все взирают на него с обожанием. Хотя те же буряты-животноводы, получающие по шестьсот рублей раз в квартал, со своего хозяйства имеют явно больше.

Впрочем, любой чабан вместе с колхозной отарой пасет и свою. «Сколько из них ваших личных овец?» — тщетно пытаюсь добиться (уже в другом колхозе) от знатного чабана Андрея. «Я их не разделяю». Потом от его жены услышала: «Мы сейчас семьдесят голов продали, чтобы трактор купить». — «Ваших? Личных? Или колхозных?» — «Своих, ага». Нет, не случайно здешние люди так стоят за колхозы.

Очередное распоряжение из центра, предписывающее до января 2000 года завершить, наконец, процесс акционирования, вряд ли что-то изменит в Бурятии. Потому что предел мечтаний здешнего человека — быть начальником, а вовсе не собственником.

Боги и духи

После всего, что читала и слышала о шаманских камланиях, увиденное въяве показалось чем-то обыденным и будничным. Шаману лет пятьдесят, он спокойный улыбчивый дядька, никакого мистического туману напускать и не пытается. «Откуда? Ох, издалека. Чего узнать хочешь? А звать-то как? А мужика как звать?» Он берет со стола несколько монеток — современных и дореформенных — вперемешку и начинает подбрасывать их в горсти, потихоньку пришептывая: «Василий». Через минуту объявляет: «У Василия все с работой в порядке будет». Но я-то спрашивала про себя. Очевидно, у духов строгая очередность — сперва про мужа. «А у меня?» — «Погоди. У него как здоровье-то? Вот я вижу, со здоровьем неважно. Лечить его надо. Таблетками не лечи — печень только испортишь. Привози к нам целебные воды пить. И самой поправиться не грех». Он снова гремит монетками, шепчет уже мое имя. «У тебя получше со здоровьем. Хорошо даже». Откупоривает бутылку водки и пускает туда дыма благовонной палочкой. (Я, как наказали местные,

войдя, сразу положила на стол десять рублей, придавив бумажку бутылкой водки, а рядом кулек с конфетами и печеньем. Он червонец тут же спрятал, конфеты пересыпал в вазочку и лишь тогда, поставив перед собой водку, начал со мной беседовать.) Глядя на дым в бутылке, говорит: «Почками или по-женски не болеешь? Нет? А то я вижу тут — вроде тяжестей тебе поднимать не надо. Не знаю, из-за спины, наверное. Работа, говоришь. Чего там с работой?» — «Начальник обругал». — «Обругал? — он на мгновение отрывает взор от бутылки, переводит на меня. — Такую симпатичную? Язык ему вырвать. Ладно, ты, главное, сама с ним не ругайся. — Встряхнул монетки. — Ругаться никому не надо, ни мужчинам, ни женщинам». Снова вгляделся в клубящийся в бутылке дым: «Вообще-то он к тебе хорошо относится, это у него характер такой. Сама работай хорошо, и никто тебя не тронет». Потом спросил год рождения и, заглянув в какую-то книжечку, предостерег: «Нынешний год — самый для тебя опасный, а опасность исходит от воды». Напоследок вылил из бутылки граммов двести в серебряную пиалу, перелил, что-то бормоча, в другую, и так несколько раз. Наконец, наполнив заговоренной водкой стакан, капнул туда из какой-то бутылочки — их перед ним стояло множество — и придвинул ко мне: «Пей до дна!» Мать честная! За окном плюс тридцать шесть, меня ждет прокаленная «Волга» местной администрации, и еще целый день сегодня работать. «Не могу я». — «Как не можешь? — вся его невозмутимость мгновенно улетучивается. Видно, в первый раз с таким столкнулся. — Тогда ничего хорошего не будет». — «Если выпью, тогда уж точно ничего хорошего не будет». — «Ладно, — подумав, видно, решил, что москвичке можно сделать послабление. — Палец обмакни и проведи по лбу. Умная ты, молодец. Выпей теперь немножко, сколько сможешь». Сеанс завершился, и мы просто так поболтали. Шаман раньше был кузнецом и, по словам односельчан, отменным. А потом что-то в нем произошло такое, что, вот, или шаманом — или не жить. А если и помрет, то этот груз перейдет к сыну — младшему. В его роду — восемь поколений шаманов. «Трудная у меня работа, — вздыхает он. — Как и у тебя, мы же со словом занимаемся. Ты неверное слово напишешь — беда будет. Я неправильно скажу — беда будет». На этом прощаемся: к нему уже очередь. На «работу со словом» в Бурятии неплохой спрос.

Буряты считают себя буддистами. «Шаманисты — это западные буряты, те, что в Иркутской области, а мы — буддисты, у нас развитие выше». По всей республике — дуганы (буддийские

храмы) и дацаны (буддийские монастыри). Вдоль дороги все время попадаются «святые места» — «обо» с ленточками и кисточками. Всякий, кто мимо них проходит или проезжает, непременно побрызгает (угостит местных духов) водкой и сам пригубит или выпьет. Местный житель вообще без бутылки старается никуда не отправляться. Буддийскому ламе здесь для совершения обряда или гадания, как и шаману, приносят водку. «К кому чаще ходят, к ламе или шаману?» — спрашиваю пожилую русскую учительницу, всю жизнь прожившую в бурятском поселке Кырен. «К кому ближе». Лама из дугана в селе Нилова пустынь, когда я интересуюсь, не смущает ли его, что одни и те же люди и к нему, и к шаману обращаются, только плечами пожимает. «Есть предсказания, которые шаман очень хорошо делает. Я могу по звездам посмотреть и сказать, к черному шаману надо идти или к белому». К ламам действительно, как и к шаманам, ходят за конкретной надобностью. Муж ли захворал, сын ли в институт поступает, дождь ли нужен — и чтоб именно над твоим покосом, — лама похлопочет, мантры почитает. Крестьянин, как правило, не очень отличает мантры и шаманское заклинание. (Кстати, я и ламе задала вопрос о своем будущем. Тот, спросив год рождения, теми же словами, что шаман, посоветовал в этом году не подходить к воде. Я было оторопела от такого совпадения, но заметила, что лама листает ту же самую астрологическую брошюрку.)

В отличие от Бурятии в другой буддийской республике — Калмыкии о своей приверженности буддизму рассказывают меньше. Обычно говорят, что, потеряв веру отцов, теперь, мол, стремятся к ней вернуться. Уж если человек называет себя буддистом, значит — конечно, на своем уровне — он ищет смысл бытия. Здесь же, в Бурятии, вера носит удивительно практический, заземленный характер. Нужны конкретные ответы на конкретные вопросы: ехать ли дочке в город в техникум или учиться в местном ПТУ, как назвать новорожденного сына, где искать пропавшую корову. Какая там карма? Какой «круг сансары»? «Мы, буряты, все верующие, — гордо говорит мой случайный собеседник. — У нас это в крови. Даже при советской власти все были буддисты. И коммунисты молились». — «И вы буддист?» — «Ну». — «Молитесь?» — «Обязательно. У меня дома висит бурхан, я, если что, ему молюсь». — «Бурхан это дух?» — «Ну». — «Бурханов много?» — «Много. У гор, у рек, у земли — везде бурханы». — «А Будда?» — «Тоже Бог». — «А кто главнее, Будда или бурхан?» Долгая пауза. «Будда, однако, главнее».

Буддизм куда терпимее к язычеству, чем христианство. Он прекрасно уживается с народными верованиями и в Бурятии остается совсем поверхностным, чисто номинальным, практически не задевающим народного мироощущения. Никакой враждебности или ревности к шаманам или местным языческим богам ламы не проявляют. В большинстве своем они ведь сами — плоть от плоти этого народа. Настоятель самого крупного в республике Иволгинского дацана вежливо объяснял корреспонденту «Итогов»: «Хорошо, что человек к нам пришел. А что он ведом не духовным поиском, а конкретной заботой — не страшно. Придет за одним и, сам того не ведая, обретет другое. И против шаманов, как вы говорите, мы не выступаем. Все, что служит благу, — хорошо. Целитель помог — хорошо». На вопрос, почему ламы, как и шаманы, совершая обряды, кропят водкой, ответил: «Не водкой, а амритой — священной водой, в которую лама силою духа превращает любую жидкость». — «Но почему «любая жидкость» — это всегда водка?» — «Люди отдают духу самое дорогое». Правда, есть и такие ламы, которые, пытаясь противостоять кромешному пьянству, совершают обряды не водкой, а молоком. Но их единицы.

Местные русские (кроме старообрядцев), естественно, называют себя православными, но, как и буряты, брызгают водкой на «обо», ходят за советом к шаману или ламе, о чем, впрочем, предпочитают священнику на исповеди не рассказывать. У «обо» лежат монеты и купюры разного достоинства — духам полагается дарить не только водку, но и деньги. Лежат годами, десятилетиями (я видела старые советские рубли и монеты). Никто — ни русские, ни буряты — их не трогают. При том, что воруют в республике будь здоров как. Не то что с пастбища, прямо со двора уводят скот. Правда, один изрядно выпивший старикан поведал мне по секрету, что иногда берет по чуть-чуть. «Дух тоже иногда спит — тогда не видит, однако».

По Тункинскому району меня возил работник районной администрации, русский, активный коммунист. Ни одного «обо» не пропустил, чтобы не «побурханить», и к ламе пошел спрашивать, как у него с работой сложится. Тревожится человек: в декабре выборы районной администрации — ну, как сменится глава и новый с работы погонит. Лама его успокоил — тот сразу повеселел. Замглавы джидинской администрации, тоже русский, рассказывал, как возил дочку «к буряточке». «Два года с мужем жила — а детей нету. Бабушка над ней руками поводила, пошептала и говорит: в декабре, доча, родишь. И точно — забеременела. Я обрадовался, накопил гос-

тинцев, коньяк хороший, ликер, водку, конечно, и поехал к бабушке. А ее сын пьяный по двору гоняет, денег на водку требует. Я ему говорю: чего шуметь-то, вот она, водка, сядем, отпразднуем. А дочка как пошла беременеть, так уж не знает, как предохраниться».

Окунаясь в этот простой и ясный языческий мир, начинаешь понимать, как неуютно должно быть этим людям в рыночной стихии. Они живут с внутренним ощущением: есть высшие силы, которым и подчинено все их существование. Эти силы надо уважать и ублажать. В крайнем случае можно подкупить или обхитрить. Но так или иначе с ними необходимо найти общий язык. С советской властью в этом отношении уживаться было легче, чем с нынешней: договориться, подкупить, обхитрить, произнести нужное заклинание — это запросто. Теперь же, когда на тебя обрушилась ответственность за каждый прожитый день, твой и твоих детей, как вести себя — непонятно. «Лама, однако, обещал, — утешает себя красавец бурят лет сорока пяти, — еще будет хорошая жизнь. Жизнь, как раньше будет, ага».

У страха глаза узки

Никакой «китайской экспансии», ни явной, ни ползучей, не существует. Миф о ней порожден нашим комплексом национальной неполноценности.

«Наконец-то хватились! — женщина, узнав, что я из московского журнала и что собираюсь писать о китайцах в Приморье, даже вышла со мной из автобуса и проводила до гостиницы. — Давно Москве пора с этим делом разобраться». — «По-моему, уж столько писали...» — «А что толку, все равно везде эти китайцы». Как бы в подтверждение ее слов, свернув за угол, мы натываемся на китайскую туристическую группу, ведомую прелестной молоденькой гидшей. Идут себе не спеша, никому не мешают. «Видите, везде они. Нашим людям работать негде, а их пускают, чтобы они хлеб у нас отбивали. Моя дочка уж на что классный специалист — и аудитор, и бухгалтер, — а работу найти не может. А они находят». — «Аудиторами и бухгалтерами работают?» — «Нет, они больше простыми работягами. Но наши-то сами без работы. Уж вы напишите как есть: не нужны тут китайцы».

Здесь его попросту называют Андреем. Он так и представляется. Андрей — бригадир в фермерском хозяйстве. И колхозы, и фермеры, использующие сезонников — обычно нанимают китайцев на овощи, — заключают договор с одним человеком, который и называется бригадиром. С ним загодя договариваются об условиях, и он за зиму набирает в Китае рабочих на сезон. Расплачиваются с бригадой частью урожая, обычно это сорок процентов. Андрей уже который год привозит овощеводов к одному и тому же фермеру. Говорит, раньше можно было чуть ли не по конкурсу отбирать, а в этот раз желающих оказалось мало: в прошлый год из-за кризиса капуста шла в убыток. Андрей — бывший сельский учитель. Но на учительскую зарплату жить трудно. Когда-то он мечтал преподавать русский язык (до сих пор кое-как может объясниться, благодаря чему и выбился в бригадиры). Но обострились советско-китайские отношения, и учить русский стало незачем, да и опасно. «Теперь русский снова нужен, — грустно улыбается бригадир, — но мне уже поздно учиться».

Китайские сезонные рабочие живут в отвратительных условиях. В сараюхах, на топчанах вповалку, моются в тазах, воду таскают часто бог знает откуда. В страду вообще ночуют в поле. Палатки, примусы — вот и все имущество. И так месяцами. Максимально дешевое жилье, максимально дешевое питание. Колхозы побогаче предлагают им более цивилизованные условия. Они отказываются. Китайцы здесь не живут, китайцы здесь зарабатывают.

Проклятый вопрос, на который никак не могу найти ответ. Когда мексиканцы работают в США, мне понятно. Там безработица за последние годы упала до рекордно низкого уровня. Да и американскому безработному наниматься в сезонники нет резона, его месячное пособие больше, чем мексиканец получает за сезон. Наши же безработные зачастую вообще не получают пособий: полагаться-то полагается, а нету. Почему нельзя нанять их на ту же капусту с морковкой? «Не идут, — объясняет колхозное начальство. — Невыгодно». — «Почему китайцам выгодно, а им нет?» Пожимают плечами. Спрашиваю одного сельскохозяйственного чиновника в Уссурийске: «Как вы считаете, нужны нам китайские сезонники?» Отвечает, не задумываясь: «Нет, конечно. Не китайцев надо использовать, а, как во всем мире, дотировать сельское хозяйство». — «Китайцы свое дотируют?» — «Ну, китайцы. Посмотрите, чем они работают». Действительно, эти мотыги я видела еще в учебнике истории древнего мира. «Вы и нашим предлагаете работать вручную?» Кажется, поняла — либо пахать на тракторе, который должно подарить родным селянам всемогущее государство, либо уж на китайцах. Иного не дано.

Большинство моих собеседников во Владивостоке, Уссурийске, поселке Пограничном высказывались в том смысле, что без китайцев на сегодняшний день не обойтись, однако ухо с ними надо держать востро. «Они чувствуют себя здесь свободно и уверенно, — по интонации можно заключить, что моя собеседница сама еще не решила, достойны ли китайцы за их раскованность порицания или нет. — Мы на днях ходили с мужем в китайский ресторан. Часа три сидели — хоть бы один русский зашел, одни китайцы. Разговаривают по-своему, держатся, как у себя дома». — «Это плохо?» — «Не знаю. Здесь же не Китай все-таки». «Они в душе злые! — мужчина только что взалхб рассказывал, как китайцы классно работают, насколько проще иметь дело с ними, а не с нашими работягами, и вдруг такое: — Один китаец моему приятелю одолжил сто долларов, а у того трудности всякие... короче, не смог вернуть вовремя. Так китаец

на него с ножом: отдавай, и все. А главное — никогда не поймешь, что у них на уме». — «Так что, — спрашиваю, — не надо, чтобы китайцы сюда приезжали?» — «Да нет, надо. Просто нельзя пускать это на самотек, следить надо, как и что...» Очень многие приморцы, и из числа должностных лиц, и просто те, с кем случайно сталкивалась, отвечали столь же неопределенно: дескать, закрывать границу и запрещать въезд не стоит, но и расслабляться не следует. Главное опасение: «Они же мечтают к нам перебраться». «Из чего это следует?» — «Ну это же очевидно. Их там вон сколько, а нас всего ничего. Если, как сейчас, не принимать мер, они в конце концов заселят наш Дальний Восток». В этом убеждены все — от пограничников до лавочников, от государственных мужей до последних бомжей. Спрашиваю: «Много их здесь насовсем поселяется?» — «Насовсем не так много, но живут подолгу». — «Хорошо живут?» — «Не, так себе, экономят. Тут зарабатывают, а тратить предпочитают дома». Пограничник, который тоже боится китайской экспансии, предполагает: «Китаец же может жениться на нашей и пустить корни». — «Ну и что? Он же тогда станет нашим, как местные корейцы». Скептически хмыкает и крутит головой: «Нет, корейцы — совсем другое. Они-то наши люди...» Реально же мои собеседники в городе Уссурийске смогли припомнить только один случай «китайской натурализации»: «Как же, Дима Довгаль, что раньше в угрозыске работал, на китаянке женился. У них уже ребеночек есть».

Нашествие

«Нужны в Уссурийске китайцы?» — в лоб спрашиваю главу уссурийской администрации. Получаю такой же прямой и четкий ответ: «Необходимы для снятия социального напряжения». Поймав мой недоуменный взгляд, Владимир Ведерников объясняет: «У людей мизерные зарплаты. О пенсиях не говорю. Единственное место, где они могут что-то купить, — китайский рынок. Без него ходили бы голы-босы. Ну и потом, с рынка в городскую казну идут налоги. В прошлом году мы за счет них месячный долг бюджетникам погасили». В Уссурийске самый большой в Приморье, да и вообще в России китайский рынок. Он существует с 1994-го, и поначалу был местом перманентных бандитских разборок. Теперь потихоньку приобретает цивилизованный вид. Днем он работает для обычных покупателей, ночью — для оптовиков. В Уссурийск за китайским товаром ездят из Приморья, Хабаровского края, Амурской области, даже из Иркутска.

В декабре 1992-го в Приморье был установлен облегченный режим пересечения границы. С того времени российские и китайские туристические группы ездят к соседям, не оформляя виз. Порядок такой: зарегистрированные турфирмы подают список группы и указывают срок ее пребывания (до двух месяцев). Лицу, значащемуся в списке, при пересечении границы достаточно предъявить загранпаспорт. Китайцам в отличие от российских граждан такие паспорта выдаются каждый раз перед поездкой в обмен на внутренние удостоверения личности. Любимая тема российских чиновников — как легко в Китае получить такой паспорт. Будто бы его оформляют прямо в накопителях на вокзалах или выправляют специальные фирмы, но вся процедура занимает не более получаса. Никто толком ничего не знает, но все сходятся в одном: Китай максимально упростил процедуру выезда, чтобы выпихнуть из страны как можно больше граждан.

Когда в 1992-м приоткрыли границу, «тургруппы» работяги и челноков мощным потоком хлынули в Россию (поток русских в Китай был много слабее). Кто не вез тюки с барахлом, вез свои рабочие руки: брались за любую работу. Жители Пограничного вспоминают, что был период, когда на улице русские лица вообще терялись среди китайских. «У нас в Уссурийске их не столько было, сколько в Пограничном, — до нас все же почти двести километров добираться, но тоже не пройти было. Сидели на земле со своими тюками, окликали, дергали, прямо всучивали свои шмотки». Далее неизменно следует история о покупке некачественного товара: «Уж так приставал, я и поддалась. Нам ведь сколько месяцев зарплату не выдавали, у ребенка ботиночки совсем сносились. А он задешево отдавал. Ну, купила, а они через три дня развалились. Пришла на то же место, так разве разберешь, — они все на одно лицо».

Пик миграции пришелся на 1994–1996 годы. Перед лицом этого нашествия оказались бессильны все: милиция, ФСБ, санитарный контроль, налоговые службы. Другого и ожидать было нельзя: у них, у китайцев, иной образ жизни, иные правила гигиены, иной опыт общения с налоговыми органами. Что могли поделать российские милиционеры с китайскими преступниками, если им, как той тетке, что искала продавца бракованных ботинок, они все казались братьями-близнецами. Правда, оказалось, что китайских бандитов в России интересуют исключительно их соотечественники. Инциденты между китайцами и русскими случались крайне редко, да и то в основном все ограничивалось мелкими потасовками.

Поток схлынул

Но время шло, и китайская миграция потихоньку пошла на спад. Торговцы поняли, что при кажущейся бездонности российский потребительский рынок ограничен низкой покупательной способностью населения, и ездить стали меньше. Китайские товары чрезвычайно дешевы, но не для средней семьи в Приморье. Китайцы на рынке в Уссурийске говорят, что товар хорошо идет, «когда дождя нет, когда воскресенье и когда пенсия». В дни выдачи пенсии на базаре появляются отнюдь не одни только старики — во многих семьях это основной источник денег.

Сократившись, миграционный поток приобрел некоторую упорядоченность. Подавляющее большинство приезжих теперь знают, куда, зачем и на сколько едут. Если торговать, то на определенном месте. Если работать, так в конкретное хозяйство или на конкретный завод. Китайские рэкетиры тоже разделили сферы влияния, и бандитские разборки по существу прекратились.

Особенно резко снизилось число приезжих в нынешнем году. В том же Уссурийском районе в 1998-м работали по найму 1600 граждан, в 1999-м — 780. Местные, когда речь заходит о знаменитом уссурийском рынке, только рукой машут: «Разве это рынок? В этом году совсем маленький стал. Вот раньше...» Главная причина такого резкого сокращения — прошлогодний обвал рубля и резкое снижение покупательной способности рубля по отношению к юаню. Замдиректора уссурийского говорит, что с осени и до апреля рынок жил в убыток: арендную плату повышать нельзя (число торгующих и так заметно сократилось), площади же и соответственно расходы по их обслуживанию остались прежними.

Китайцев в крае стало резко меньше, но разговоры об их экспансии именно нынешним летом приобрели поистине истерический размах. «Китайским вопросом» занялось даже Приморское законодательное собрание. Собственно, страсти разгорелись во время обсуждения законопроекта, запрещающего ввоз на территорию края китайской сельхозпродукции. Дискуссия быстро переросла в обсуждение проблемы «китайского засилья» и выплеснулась за стены парламента. Каждый влиятельный политик и уважающее себя СМИ посчитали своим долгом высказаться на тему, нужны ли России китайцы. Позиция главы краевой законодательной власти Сергея Дудника достаточно взвешенная: по его мнению, инвесторы-китайцы ничуть не хуже любых других инвесторов, а вот наемный китайский труд в сельском хозяйстве для России вреден, по-

сколько у нас полно своих безработных крестьян. На губернатора края Евгения Наздратенко умеренность спикера действует как красная тряпка на быка: «Некоторые заявляют, что надо спешить запускать сюда жителей Китая... В 99 случаях из 100 китайский турист приезжает на территорию края с целью торговли или воровства лесных и морских ресурсов». (Наздратенко не видит большой разницы между торговлей и воровством.) Законопроект в конце концов был провален, но возня вокруг него еще больше разожгла антикитайские настроения.

Общество инвалидов потребовало, чтобы китайцам запретили заниматься починкой обуви, — они, мол, отбивают хлеб у русских инвалидов. В итоге жители Владивостока чинить обувь практически перестали: у китайцев это было дешево, быстро и удобно. Отвалился каблук — четверть часа подождешь на лавочке и топашешь дальше. Теперь приходится идти в мастерскую, стоять в очереди, платить немалые деньги и потом еще ждать как минимум день. Правоохранительные органы Приморья тоже решили внести лепту в «решение китайской проблемы». В июле они собрали координационный совет, чтобы обсудить ситуацию с китайской миграцией. Совет выпустил никого ни к чему не обязывающее постановление, которое только подлило масла в огонь. «Нацелить глав муниципальных образований на обеспечение законности пребывания на их территории иностранных граждан... Нацелить работу туристских организаций на необходимость строгого соблюдения законодательства... Миграционной службе усилить контроль за законностью выдачи разрешений на право привлечения и использования иностранной рабочей силы...» Все в таком духе.

Включилась в эту истерическую кампанию и «Комсомольская правда». Разворот в одном из ее июльских номеров под грозной шапкой «Китайцы идут» пестрел устрашающими врезками и заголовками порой откровенно расистского толка. При том что сами корреспонденции с мест по тону и смыслу были вполне спокойными и объективными. Содержательная заметка приморского корреспондента Натальи Островской о торговом балансе в приграничном обмене товарами снабжена почему-то полублатным заглавием «Пожелтели наши нивы и прищурился базар», а корреспонденция из Вашингтона с рассказом об американских чайнатаунах, которые, как пишет автор, чуть не самые спокойные районы в американских городах, озаглавлена так: «Даже американцы не лезут в чайнатауны».

Нелегалы и государственные интересы

То и дело слышишь о «нелегальной миграции». О ней, как о главной своей проблеме, говорят и пограничники, и работники местного отделения миграционной службы. «Нелегальная миграция» в Приморском крае — не совсем то, что принято обозначать этим термином. Китайцев, пробирающихся через нашу границу тайными тропами, совсем немного. Если кто из китайцев и забредает на российскую сторону, то это обычно сборщик женьшеня. Попытки въезда в Россию по поддельным документам тоже нечасты, а вот выезды — явление распространенное. Приехал, скажем, человек с группой на определенный срок, а товар распродать не успел. Оформлять продление крайне сложно, да и смысла нет — штраф за пребывание в России дольше установленного срока мизерный. Получается, что человек въехал легально, а выезжает «нелегально». «Постоянно недосчитываемся, — жалуются в миграционной службе. — Въезжает тур из двенадцати человек, уезжает десять». В 1995–1996 годах разница между въехавшими и выехавшими (как еще считать число оставшихся?) составила шесть с половиной тысяч на двухмиллионный Приморский край. Скорее всего, это были в основном не «натурализовавшиеся», а «опоздавшие». На первое августа нынешнего года число «невозвращенцев» в Приморье составило 118 человек. «Маловато для экспансии?» — «Пожалуй», — легко соглашается со мной начальник миграционной службы.

Истерика

В чем причина такого всплеска нервозности по поводу китайцев, причем именно сейчас, когда число приезжих заметно снизилось? Мои владивостокские коллеги предложили такое объяснение: пограничники, миграционщики, ФСБ и милиция запугивают китайской экспансией, чтобы выбить под борьбу с ней дополнительные средства. На первый взгляд убедительно, но есть одна закавыка: о китайской угрозе твердят и те, у кого никаких ведомственных интересов нет, и даже те, кто прямо заинтересован в китайцах. Агроном совхоза «Уссурийский» каждый сезон нанимает китайцев на овощи. Он прекрасно знает, что все они осенью возвращаются в Китай, и все же твердит вслед за другими: «Мы ж не знаем, сегодня возвращаются, а завтра могут захотеть остаться».

«Нельзя относиться к этому легкомысленно», — вторит ему директор Уссурийского кирпичного завода. В 1993-м, казалось, этот завод встал намертво: русские работяги на него не шли, труд тяже-

лый и низкооплачиваемый (около тысячи рублей в месяц на обжиге). И тогда главный его акционер, Приморгражданстрой, несмотря на сопротивление миграционной службы, сдал завод в аренду китайцам. Те быстро наладили производство, и до прошлогоднего обвала рубля заводик дышал. Теперь китайцы интерес к предприятию потеряли: кирпич в России продается плохо. Они свернули производство и потихоньку распродают остатки продукции. «Что будет с заводом?» — спрашиваю директора. «Умрет, если не найдем другую китайскую бригаду», — честно отвечает он. И все равно: «С ними надо быть осторожным».

Во всех «ученых» геополитических рассуждениях об экспансии, во всех разговорах приморских обывателей о засилье китайцев звучит одна и та же нота: «Больно смотреть, как они на нас богатеют». Здесь, думается, и зарыта собака. «Я эту китайку помню с 1992 года, — голос моей собеседницы дрожит от обиды. — Сидела прямо на земле со своим барахлишком, замурзанная такая, жалкая. А теперь — глядите? Расцвела. Ходит гордая, нарядная, помолодела лет на десять. Сама уже не торгует, только командует. Наши торгуют, а она командует». «На той стороне ближайший к нам город называется Суйфэньхэ, — дальневосточник, с которым я разговаривала в Пограничном, с горечью кивает в сторону соседей. — В 1992-м, когда мы начали ездить, там такая нищета была — не передать. Крыши, соломой крытые. А мы были все же райцентр, поселок городского типа. Солидно смотрелись. Теперь у них современный город, весь в рекламе, залит огнями. А мы? Только фасады облупились да асфальт потрескался».

Когда наши челноки потянулись в Китай, местные с криком «помогай!» буквально набрасывались на них, рвали из рук мешки и сумки, готовы были тащить их на край света, только бы чуть заработать. Теперь и в России появились свои «помогаи», которых нанимают китайские торговцы. Наши, когда об этом говорят, прямо дрожат от негодования.

Вся страна знает, что живем мы плохо и бедно, не в пример хуже американцев, европейцев и японцев. Но когда на твоих глазах поднимается и богатеет еще недавно нищий сосед, в то время как сам ты только беднееешь, — это испытание для национальной гордости непосильное. 1999 год стал переломным: во Владивосток из Китая устремились настоящие туристы. Город ими буквально заполнен. Гуляют себе беззаботно небольшими группками, сидят в кафе (преимущественно китайских, но не только), живут в прилич-

ных, хоть и не самых дорогих гостиницах. А еще вчера этот щеголяющий в приличном костюме турист был жалким китайчонком, «помогаем», таскал твои тюки. Трудно такое вынести.

Угроза с Востока — это реальность. Только она не в мифической «экспансии», а в поселившемся в душах приморцев комплексе национальной неполноценности, который вот-вот перерастет в невроты и фобии. Китайцы все еще живут очень бедно. В массе своей гораздо беднее русских. Но наблюдать изо дня в день, как люди, приезжающие на твою землю зарабатывать деньги, не заработанные тобой, пусть медленно, но богатеют, — невыносимо. И срабатывает защитная реакция: не просто так они к нам ездят, наверняка хотят остаться — чтобы жить у нас. Как мы.

Изгнанные из жизни

*Не отдавайте детей в интернат.
Даже в самый хороший. Никогда не отдавайте,
ни здоровых, ни больных.*

Надпись: «Отделение для обездвиженных». В первой по ходу комнате на полу десять разновозрастных детишек сгрудились в кучку. Сияющие нам навстречу личики — бледные и больные. «Как тебя зовут?» — «Сергей». — «А меня Ярославчик». Разговор ведет самый старший из детишек, явный лидер. Как-то он с ходу сосредоточился на Сергее — тот тоже неформальный лидер нашей маленькой группки, приехавшей в интернат для умственно отсталых детей. Сергеем Колоскову, председателю Российской ассоциации «Даун-синдром», ездить по таким заведениям не впервой. Остальные — журналисты и представители воронежской организации христиан-евангелистов — на новенького.

В этой комнате проводят день самые «продвинутые» дети из «отделения для обездвиженных». На самом деле никакие они не «обездвиженные», просто у них ноги не работают. А двигаться: ползать, ходить на руках или даже неуверенно переступать ногами — они вполне могут. Полгода назад этих десятиерых впервые в их жизни вынули из кроваток, где они до этого проводили 24 часа в сутки. Теперь днем они играют на полу, с ними занимается воспитательница. Персонал интерната говорит, что именно за последние полгода они стали чрезвычайно быстро развиваться. Первый шок при виде искалеченных детей, как ни странно, довольно быстро проходит. Они так откровенно рады нас видеть, поговорить или хотя бы просто прикоснуться к вошедшим, с такой готовностью отзываются на любое действие. (Сергей заиграл на флейте — замерли счастливо, я протянула пацаненку руку — он ухватился, словно большего подарка ему никто не делал.) Через пару минут заражаешься их радостью. Неприятное начинается позже: нам надо уходить от них. У нас не так много времени, мы спешим... Уж лучше бы они заплакали. Они не плачут — мертвают. Видно, хорошо усвоили, что радость быстро кончается. Мы уже почти вышли, когда Ярославчик

обреченно попросил в спины: «Сереженька, подуди еще!» — «Мы вернемся», — вроде бы невпопад, а на самом деле в самую точку ответил Сергей.

Нам еще предстоит войти в палаты для лежачих, подняться в группы «продвинутых» ходячих детей, то есть тех, с кем проводятся занятия, и пройти в отдаленный корпус тяжелых, то есть тех, кого никогда ничему не учили, поскольку признали их в этом смысле безнадежными. И с первых до последних шагов по территории интерната везде нас будет сопровождать это невыносимое ощущение собственной подлости. Они рады тебе, как, может, никто никогда не радовался, — а ты бросаешь их и уходишь.

Я почему-то ожидала увидеть тупые, равнодушные ко всему физиономии. Есть такой стереотип: глубокая умственная отсталость ассоциируется с невосприимчивостью и эмоциональной ограниченностью. Чушь. Ходячие и лежачие, те, кто умеют говорить, и те, кто совсем не могут, — все жаждут общаться. Тянутся к новым людям так, словно ничего важнее в их жизни нет. Глазами, жестами, мычанием, словами — как могли, умоляли подойти, дать до себя дотронуться. На шею американской журналистке буквально выпрыгнула из кровати крошечная девчушка с синдромом Дауна. Обхватила руками — не оторвать. Потом малышку снимали с рук и укладывали обратно в кровать — вспоминать об этом стыдно и страшно. В одной из лежачих палат все-таки расплакался один детеныш, не дождавшись, чтобы к нему подошли. Бросились к его кровати, стали плакать другие. Мы из той палаты сбежали. Уже перед самым отъездом я нечаянно подслушала, как один из «продвинутых» вкрадчивым шепотком упрасивал воспитательницу: «Скажите им, чтобы они еще приехали!»

Жизнь напролет

Нормальная, в сущности, реакция интернатских детей на острый дефицит человеческого общения и тепла. У этих детишек, независимо от диагноза (даун ли, имбецил, или еще что-то), те же потребности, что и у здоровых: любить, дружить, познавать мир, радоваться. А они лежат в кровати и смотрят в потолок. День напролет. Всю жизнь. Или (как в отделении для тяжелых) при хорошей погоде выходят на тесную, огороженную забором террасу без игр и игрушек, и с завтрака до обеда, а потом с обеда до ужина сидят там в сопровождении одних и тех же санитарок. Санитарки следят, чтобы они не обижали и не калечили себя и друг друга. В

плохую погоду все то же самое, но в специальной комнате. Все. И так с пяти лет, когда им поставлен соответствующий диагноз и они признаны «необучаемыми» и до восемнадцати, когда их должны перевести в такой же интернат, но для взрослых. Там условия хуже, чем в детских...

На минутку представить себе, что в такие условия попадает пятилетний ребенок совсем без умственных отклонений — просто ошиблись врачи при постановке диагноза (ошибки, кстати, не редкость, мы еще об этом скажем), — сколько времени ему понадобится, чтобы сделаться похожим на настоящих имбецилов и идиотов? Директор одного из домов ребенка в Подмоскovie показывала мне альбом с фотографиями усыновленных детей. «Это до усыновления — а это в новой семье. Видите? У нее диагноз был: имбецильность. Ну, вы и по фотографии видите: имбецилка. А это она же — нет, ее еще не увезли в Америку, она здесь успела две недельки пожить с приемными родителями. Куда девалась наша имбецильность?»

Помнится, в один из первых своих выездов в «капиталистическое» зарубежье в маленьком австрийском городке вдруг изумилась самостоятельности человека с синдромом Дауна. (Люди с даун-синдромом сразу бросаются в глаза из-за широких, как бы монголоидных лиц. Их в Европе долгое время так и называли «монголами».) Шел человек по улице, зашел в лавчонку, купил сыра и йогурт, двинулся дальше. Сам, один, без врачей, санитаров, сопровождающих лиц. И никто на него не пялился, не удивлялся. Потом я встречала таких людей довольно часто — в одиночку, компаниями, среди здоровых и без здоровых. Успела удивиться: почему на маленький городок их так много? — и сообразить: их не много, их столько же, сколько везде (по статистике число детей, родившихся с синдромом Дауна, пропорционально только численности населения). Это у нас их не видно: они в большинстве своем в интернатах. Значит, могут жить и не в интернатах? Могут сами себя обслуживать, даже в магазин ходить? Может, не потому большинство российских детишек с даун-синдромом не умеют не только читать-писать-считать, но, часто, и говорить, и даже пользоваться туалетом, что их нельзя этому научить, а потому, что их просто не учили? Ведь и здоровый ребенок не научится, если не учить.

В 1998-м вышел русский перевод потрясающей английской книжки англичанки Каролины Филпс «Мама, почему у меня синдром Дауна?» Это подлинный, практически не обработанный литературно родительский дневник, который восемь лет вела жен-

щина, родившая Лиззи — девочку с даун-синдромом. По-дневниковому откровенное изложение: первый шок, когда узнала про это, отчаянная решимость: «Ты будешь у меня самой умной «монголочкой» на свете!» — упорные самоотверженные занятия, изнуряющие мать и Лиззи, и вдруг явившееся понимание, что «самой умной» — вовсе не обязательно, что счастье возможно и с «не самой умной» дочкой. Периоды смятения: «Мне кажется, что я ее не люблю», и опасения: не слишком ли много внимания именно Лиззи? Не ревнуют ли ее брат с сестрой — словом, самые обычные материнские переживания: радости, горести, надежды, разочарования — все то, что неизбежно чувствует любая мать с любимым ребенком, будь он здоровым или больным, вундеркиндом или двоечником. Читается как открытие: оказывается, не надо «сдавать» ребенка с таким диагнозом, и семья не обречена на вечные скорби, можно и нужно жить с таким ребенком в радости и любви. Особенно впечатляло послесловие, написанное Каролиной Филпс к русскому изданию: «Элизабет исполнилось 17 лет. Она уверена в себе и свободно общается с окружающими. Лиззи самостоятельно ездит в близлежащий городок на занятия в колледж. Она хочет учиться уходу за детьми. Она... все более уверенно справляется со своими учебными делами — хотя, когда ей надо что-то выяснить у преподавателя, она, насколько я знаю, часто просит своих друзей подойти и спросить вместо нее... Лиззи уже работала в магазине христианской книги, в кафе, в доме для престарелых и сейчас помогает в яслях при церкви... Она занимается греблей, скалолазанием и стрельбой из лука...»

Никто из интернатских детей с тем же синдромом, что и у Лиззи, не освоил даже слогового чтения и ни разу не покидал территорию интерната. А про девушку, что кинулась на шею американке, персонал говорит: «Она и ходить не сможет».

На Западе лучше лекарства и государство богаче. Ну и что? Синдром Дауна — он и в Африке синдром, и не нашли еще лекарства, которое бы его лечило. Просто ребенка с этим синдромом, так же как и с любым другим, как и без всякого синдрома, необходимо любить, воспитывать и учить. Для этого не надо ни много денег, ни хитроумной техники. У Сергея — того, что ездил с нами в интернат, — девятилетняя дочка с синдромом Дауна учится в первом классе интегративной школы «Ковчег» (в России, увы, пока одна такая школа, где по общей программе средней школы вместе учатся дети с отклонениями и абсолютно здоровые). Верочка любит иг-

рать на переменках в салочки с подружками, сердится, когда у нее не получается арифметика, умеет читать по слогам и пишет вполне разбираемые каракули. Иногда ее речь трудно понять — язык во рту плохо двигается, особенно на уроках арифметики. Зато если выпрашивает подарок или уговаривает поиграть в мячик, язык делается послушным и речь разборчивой. По ритмической гимнастике ей нет равных в классе. Кроме мамы, папы и старшей сестры, она любит двух своих собак и кошку. Если бы Сергей и его жена в свое время послушались настойчивых роддомовских увещеваний («не заговорит», «не пойдет», «все равно ничего понимать не будет»), этот хитрый и жизнерадостный ребенок лежал бы неподвижно в кровати и издавал призывное мычание навстречу входящему посетителю.

Интернаты хорошие и плохие

После того как в прошлом году американская фотожурналистка Кейт Брукс обнародовала фоторепортаж, снятый в нескольких российских психоневрологических интернатах, а английское телевизионное агентство новостей Ай-ти-эн транслировало видеорепортаж, снятый в Красnodубровинском психоневрологическом интернате, на Западе поднялся скандал. Европейская и американская общественность увидела изуродованных, покрытых язвами, истощенных детей, детей избитых, привязанных за руку к батарее, детей в смиренных рубашках, истощенных до дистрофии и просто голодных — и ужаснулась. Хельсинкская правозащитная ассамблея сформировала специальную комиссию по расследованию нарушений прав российских детей, находящихся под государственной опекой. В декабре минувшего года эта комиссия представила свой доклад. Доклад этот полностью подтвердил впечатления фото- и телерепортеров: «интернированные» дети живут в невыносимых условиях. Отчет Хельсинкской группы изобилует кошмарными сценами издевательств воспитателей над воспитанниками, подробным описанием детей, лишенных необходимой медицинской помощи, детских судеб, сломанных из-за неправильной постановки диагноза, и проч.

«Когда я была маленькая, Светлана Петровна совала меня головой в унитаз и била...»

«У девочки Алины, 5 лет, была расщелина неба, которая расширилась из-за того, что девочку не лечили, когда она была ма-

ленькая... Она не могла есть и, конечно, ей поставили диагноз «имбецил», потому что она не могла говорить...»
«У Тимки был спинальный дефект, в результате которого возникли такие осложнения, как паралич, недержание и другие. Он был нервным мальчиком с речевыми трудностями. В возрасте пяти лет он внезапно начал нормально говорить и очень хорошо пел. Он все понимал, смотрел по телевизору сериал „Санта-Барбара“ и рассказывал работникам дома ребенка содержание всех серий. Затем Тимка из дома ребенка попал в интернат. Через три-четыре года директор дома ребенка видел его там и рассказал следующее: „Тимка лежал в постели на клеенке, голый ниже пояса. Он узнал меня, но не смог произнести мое имя“.

В России, однако, скандала не получилось. До нас докатилось лишь слабое эхо бури, разразившейся по нашему поводу на Западе. Разве что сняли директора наиболее «прославившегося» Краснодубровинского интерната, и во все остальные интернаты стали еще менее охотно допускать посторонних. Какой еще реакции от Министерства социальной защиты можно было бы ожидать? Уволить всех директоров до единого? Ведь в большинстве своем (кроме редких проявлений настоящего садизма) жестокое обращение с больными и здоровыми «интернированными» детьми — не результат чьей-то злой воли, а закономерное следствие самой интернатской системы. На детей надевают смирительные рубашки? Так только на тех, кто без этого расцарапывает себе лицо, или засовывает кулак в горло, или копается в собственных испражнениях. Привязывают? Но ведь иначе они разбегутся. Оставляют лежать голыми на клеенке? А где напасть простыней и кто будет стирать круглосуточно? А пролежни — что ж, попробуйте с вечно лежащими обойтись без пролежней. Примерно по тем же причинам, наверное, не содрогнулось и российское общество. Не то чтобы нам не жалко было этих несчастных, но вроде и поделаться-то ничего нельзя. Ну, если директор совсем уж безбожно ворует, заменить его на другого, более скромного.

Интернат в Бутурлиновке Воронежской области, который нам довелось посетить, — очень-очень, прямо-таки исключительно, хороший. Потому, видать, и пустили туда сравнительно легко, что директор по праву гордится своим хозяйством. Там нет крайне

истощенных детей и детей с пролежнями — санитарки и сестры терпеливо кормят в том числе и самых трудных («Бывает, санитарка уже всю палату накормила, а сестра все еще кормит одну Юлечку — с ней проблемы»), и не экономят пеленки, тотчас меняя их у мокрых детишек. Именно поэтому — чудо! — даже в отделении для лежачих пахнет не мочой, а свежей выпечкой. (Конечно, к нашему приходу расстарались, помыли-почистили где надо. Но ведь застарелый запах мочи и за неделю не выветришь.) Санитарки и воспитательницы знают своих подопечных по именам и, очевидно, их не обижают, не издеваются. Директор интерната Сергей Васильевич очень волновался по поводу привезенных американцами гостинцев: «Вы хорошо посчитали? На всех апельсинов хватит? Представляете, что будет, если кому-то не достанется!» И, встретив с нашей стороны полное понимание, горько сетовал на областных чиновников: «А вот они не соображают. Распределяют витамины, выделяют мне на 80 детей. Я им объясняю: „У меня их триста. Я же не могу одному дать, а другому не дать — это же дети! Они не хотят врубаться“.

Директорская инициатива «в порядке эксперимента» начать занятия с «продвинутой» десяткой лежачих — настоящий подвиг. Ведь ни дополнительных средств, ни даже «спасибо» работники интерната за это не дождутся. А работы, очевидно, прибавилось. Интернат в Бутурлиновке — место, где думают о детях. Так, как могут и умеют в рамках интерната.

«С этими что можно сделать? — горько, но без тени сомнения рассуждает Сергей Васильевич о воспитанниках из отделений для лежачих и для тяжелых. — Кормить четыре раза в день, следить, чтобы были сухими, чтобы не покалечились. А вот с теми (это про «продвинутых») надо заниматься». В действительности современная наука и современное право требуют заниматься со всеми без исключения. Россия, как известно, подписала конвенцию «О правах ребенка», из которой, в частности, следует, что право на образование имеет всякий ребенок, независимо от его диагноза и степени инвалидности.

Дискриминация более тяжелых детей — вещь в условиях интерната неизбежная. Ведь даже в обычных школах любому равнодушному учителю интереснее и приятнее заниматься с более способным ребенком. Но там никакой особой трагедии из этого не получается: каждый двоечник и троечник после уроков придет домой, где его хоть и обругают за неуспеваемость, но и порадуются его

индивидуальному, личному достижению, пусть хотя бы тройке с минусом за диктант. «Интернированные» дети, больные и здоровые, нуждаются в индивидуальном поощрении ничуть не меньше, чем домашние. И, не получая необходимого, отстают в развитии больше, чем могли бы.

Если ребенок не играет, а царапается, его надо не привязывать, а терпеливо и тщательно учить играть. Учить проситься на горшок и пользоваться унитазом, а не стирать без конца или оставлять на клеенке. Но учить индивидуально в рамках интерната невозможно. Господи, да «нормальные» дети, закончив «нормальный» интернат, не умеют ни сами одеться (в смысле выбрать подходящее к случаю платье), ни заварить чай, ни строить отношения с любимым человеком. Полноценная социализация возможна лишь в семье. А уж больным-то и подавно необходимо семейное воспитание.

Впрочем, если честно, общество, помещая умственно отсталых детей в интернат (в буквальном переводе «места заключения»), меньше всего планирует их социализацию. Они же не вернутся оттуда к нам. Они проведут там всю жизнь и там умрут. Мы позволили себе поверить, что так лучше всем.

Центр лечебной педагогики, или Что можно сделать

«Настенька!» — зовет педагог. Шестилетняя Настя, кажется, не реагирует. «Настя слышит речь и знает свое имя, — это комментарий для меня вполголоса. — Но у нее замедленно восприятие. Видите, обернулась». Девочка начинает свой путь на голос. Она двигается на коленках — ноги не ходят. У Насти тяжелейшие последствия перенесенного в полтора года энцефалита. Пару лет назад, когда ее только принесли в Центр лечебной педагогики, она могла лишь ползать на животе, никак не отзывалась на речь и по десять раз в день билась в эпилептических припадках. Поликлинические и больничные врачи искренне уговаривали Настиных родителей «сдать» ее в интернат как безнадежную. В Центре лечебной педагогики считают, что безнадежных и необучаемых не бывает. Более того, здесь настаивают, что компенсаторные способности головного мозга, особенно детского, до конца не изведаны, и при грамотных целенаправленных занятиях терапевтический эффект может превзойти самые смелые ожидания. Впрочем, это не значит, что научить ходить, говорить, решать задачки можно всех. Просто у каждого есть право и возможность учиться.

«Про Настеньку невропатолог сказал: «Сначала будем к позвоночнику приделывать руки-ноги, — рассказывает физкультурный педагог. — Разработал программу упражнений. Самое трудное были эти припадки. Позанимаешься с напряжением — тут же начинался приступ. А противосудорожные препараты нам мешают — тормозят развитие». — «Родители не испугались занятий, из-за которых возникают припадки?» — начинаю я... и осекаюсь. Чего еще могли бояться родители после того, что уже произошло с Настей? «Настины родители молодцы. Не испугались, а потом и еще ребенка родили. Настя, глядя на младшенького, лучше развивается, и стимул есть: подползает к нему, трогает его игрушки, даже вместе пытаются играть». В центре не сомневаются: через полгода Настя будет ходить. Правда, довольно долго еще будет ходить неуверенно, но в конце концов освоится. И руки заработают. Вот заговорит ли она когда-нибудь — вопрос. Но выразить свои чувства: удовольствие и неудовольствие, симпатию и антипатию, желание или намерение — девочка вполне может и сейчас. «Вот так мы ставим ноги, — комментирует свои действия преподаватель. — Это больно. Но Настя не только не хнычет — видите? — даже не возражает. Ей так важно общение, что она терпит и более серьезные неприятности». Настя непременно научится сама есть, одеваться, отправлять естественные потребности. Она умеет играть, может радоваться жизни, любить родителей, брата, педагогов. В интернате, даже самом лучшем, она бы скорее всего не выжила.

В центре с каждым ребенком занимается целая команда: физкультурный педагог, логопед, арт-терапевт, музыкальный терапевт... причем работают не каждый сам по себе, а согласованно ставя ребенку очередную функцию (например, учат говорить, или ползать, или играть в коллективе). Здесь стремятся «выстроить индивидуальную траекторию развития» каждого, то есть предоставить возможность любому человеку, независимо от диагноза, максимально реализовать свои личные возможности. Занимаются в группах или индивидуально. Чаще всего сначала индивидуально, а потом в микрогруппах, составленных так, чтобы члены группы дополняли и стимулировали друг друга.

В дверь стучат, потом заглядывает очаровательная девчушка лет восьми с хитрой осмысленной мордахой. «Можно?» — «Подожди, Светочка, поиграй пока, я сейчас освобожусь». — «Эта-то у вас какими судьбами?» Логопед смеется: «Это наша Света. Ее три года назад принесли такой, знаете, плюшкой: ни речи, ни мотори-

ки. Диагноз: глубокая олигофрения, ну и, конечно, на родителей давили — мол, сдавайте в интернат, никогда она соображать не будет. Мы посмотрели: сохраненный интеллект. Моторика совсем не была поставлена. Из-за этого ни зрение не развивалось, ни слух, ни речь — говорю, плюшка была. Стали заниматься мышцами и координацией — видите, что получилось. Осенью в массовую школу идет». Случаев, когда «безнадежных» детей выпускают из Центра лечебной педагогики в массовую школу, не так мало. Но именно родители таких детей категорически не хотят общаться с журналистами: «На ребенке всю жизнь будет клеймо!» Некая мама даже переехала жить из одного подмосковного города в другой, где ее дочку «умственно отсталой» никто не помнит. «У девочки проблемы-то остались, — рассказывают в ЦЛП, — «лобные»: математику не тянет. Но девка хитрая, математику прекрасно списывает, таблицу сложения и умножения выучила наизусть, в классе ее любят, потому что красotka и общительная. В общем, девять классов одолеет. У нее мечта есть: в аптеке работать. А для этого таблицы умножения вроде как хватит».

В центре охотно рассказывают о любом ребенке, гордятся всеми. Поставить Настю на ноги — задача не менее сложная и почетная, чем вывести Светочку в массовую школу. Одних детей дотягивают до уровня вспомогательной школы, кого-то до поступления в единственную пока в Москве школу для детей с глубокой умственной отсталостью. Кто-то сможет пойти в интегративный детский сад (они появились в Москве по инициативе того же центра), кому-то рекомендуют индивидуальное обучение, но при этом стараются подыскать и подходящую среду общения — здесь считают, что без общения, как и без обучения, никто не может жить.

Центру десять лет. Это негосударственное учреждение, существующее на гранты. Аналогов в России нет. Поэтому очередь туда только на первичную консультацию — два года. А потом еще надо ждать места в группе. Заниматься с проблемными детьми, согласно идеологии того же центра, надо начинать как можно раньше. «Это ужасно, — признавались работники центра, — видеть ребенка, с которым надо было интенсивно работать еще позавчера, и понимать, что не начнешь с ним работать даже послезавтра». В самом центре и вокруг — блестящие специалисты, одержимые энтузиасты, получившие редкую возможность соединения науки и практики. Но их должно быть во много раз больше. Для этого, как считают в том же центре, надо в корне изменить саму систему обес-

печения и финансирования социальной помощи детям-инвалидам. В самом деле: если ребенок остается в семье, на него платят только инвалидную пенсию (в Москве это чуть больше 400 рублей, в остальных регионах 250–350). Ни о какой государственной оплате обучения и воспитания таких детей и речи нет. Между тем на содержание одного ребенка-инвалида в интернате до кризиса расходовалось в месяц больше 400 долларов — сейчас эти цифры в у.е. сократились, но все же остались несопоставимыми с инвалидной пенсией. (Другой вопрос, какая часть этих средств доходит до самого ребенка, а какая «исчезает» по дороге.) Во многих интернатах сложилась практика скрывать детскую смертность — не ради «статистики» или «показателей», а просто чтобы подольше получать деньги на содержание ребенка.

Получается, что государство более или менее сознательно дискриминирует именно семьи, оставившие ребенка-инвалида дома. Даже опекуны получают более солидную государственную поддержку, чем родная семья.

Центр предлагает простую и очевидную вещь: те деньги, что сейчас выделяются интернатскому ребенку, отдавать в семью. Вернее, делить эту сумму на две примерно равные части. Первую выдавать родителям в качестве пособия на еду-одежду-лекарства-игрушки и проч., а вторую — реабилитационно-образовательный полис — ежемесячно переводить на детский счет, минуя промежуточные инстанции. Родители или опекуны не смогут использовать эти деньги иначе, как на образовательно-реабилитационную программу. Соответствующие учреждения, получив подобную материальную подпитку, начнут, наконец, развиваться в России. Выбор подходящего заведения останется, как и в случае «нормальной» государственной школы, за родителями. Примерно так это устроено в развитых странах. Позже этот полис можно будет передать в организации, занимающиеся профессионализацией и трудоустройством подростков-инвалидов.

В брошюре «О положении детей-инвалидов в России», своего рода манифесте Центра лечебной педагогики, говорится: «Мы надеемся, что в будущем образовательные полисы будут у всех детей. Разница лишь в том, что у детей с ограниченными возможностями размер полиса будет несколько больше... Опыт центра показал, что не бывает детей, у которых нельзя было бы в той или иной мере скомпенсировать имеющиеся нарушения развития. Потенциал ребенка настолько велик, что нередко дети, по-

ступившие к нам с клеймом «необучаемые», после серьезной реабилитационной работы поступают и учатся в обычных школах. Так как реформа позволит максимально развить личностный потенциал, большинство детей окажутся способными к общественно полезному труду».

Осуществление этой реформы по сути дела упирается сегодня лишь в неготовность общества жить бок о бок с инвалидами. В наше с вами неумение видеть в умственно отсталых — людей с правами и статусом.

Третья Корея

*Драма сахалинских корейцев — одна из многих,
развернувшихся в годы Второй мировой.
Но конца ей не видно.*

Восьмого марта вдруг поднялся страшный буран — руки вытянутой не видать. И самолет, который должен был доставить очередную партию корейцев-репатриантов из Южно-Сахалинска в Сеул, не смог взлететь. Отложили рейс до 15 марта. Что ж, ждали 57 лет, подождут еще недельку. Женщины плакали. Если бы рейс не задержался, они бы тоже плакали. Они плачут с той минуты, как решились уезжать. Это не слезы радости — ведь они прощаются с детьми и внуками. И скорее всего, навсегда.

Во время Второй мировой войны японцы вывезли несколько десятков тысяч корейских крестьян с юга Кореи на Сахалин (по-японски Карафуто). Корея, как и Южный Сахалин, входила в то время в состав Японии. Имперская военная машина нуждалась в чугуне и стали, а значит, и в сахалинском угле. В первые годы войны корейцев на шахты набирали «добровольно». По селам ездили вербовщики и сулили местной бедноте золотые горы за год-два работы на Карафуто. Кто-то верил, но большинство подписывало контракт из страха оказаться в списках неблагонадежных, за которыми местные власти, выслуживаясь перед японскими хозяевами, устанавливали усиленный полицейский надзор. Завербованные, как правило, всячески старались увильнуть от отправки, поэтому к 43-му году японцы отказались от такой относительной «добровольности» и стали попросту сгонять корейских парней на пароходы, отправляющиеся на Карафуто.

Ким Чу Дин оказался на Сахалине в 19 лет. Мы успели поговорить с ним до отлета. Впрочем, русским он владеет плохо. Понимать вопросы — понимает, хотя и с трудом, а отвечает в основном через переводчика. Прожив на Сахалине 57 лет, он так и не выучил язык и не принял российского гражданства. Воспоминания о пережитом из него приходится вытягивать клещами. У нас человека, пережившего столько, сколько он, хлебом не корми, дай выговориться,

излить душу. С корейцами же я намучилась. «Как вас привезли на Сахалин?» — «Согнали и повели». — «Вы на побережье жили?» — «Нет. Пешком до моря шли». — «Кормили по дороге?» — «Немного. А то бы мы умерли». Из одной только его деревни забрали 46 парней, не дав им ни собраться, ни толком проститься с родными. Больше суток гнали практически без отдыха, кормили соей, рис первый раз увидели на Сахалине. Плыли 12 суток. Один сахалинский старик-кореец в 93-м, впервые после депортации слетав в Корею, вспоминал, что несказанно был удивлен: пятьдесят лет думал, что родина где-то далеко-далеко, а оказывается — всего три часа на самолете!

Под японцами

Каторга — не каторга, но и не воля. Шахтеры жили в бараках по несколько десятков человек в комнате (Ким Чу Дин пытался выговорить «общезитие», но так и не справился с трудным словом). Новичков сразу под землю не отправляли: давали освоиться наверху. Работа считалась оплачиваемой: из «зарплаты» вычитали за жилье, спецодежду, еду и штрафы. И еще полагалось еженедельно часа по два-три отработать бесплатно на Великую Японию. Но Ким Чу Дин вообще не помнит, чтобы кому-то давали деньги: наверное, все уходило на штрафы. По шахтерскому поселку в нерабочее время перемещаться можно было свободно, но покидать его не позволялось. Кроме штрафов, применялись телесные наказания. К примеру, отпросишься по болезни у мастера, а потом в барак обязательно заявятся проверяющие, и если сочтут, что ты не так болен, чтобы не работать, — будешь бит палками. На завтрак наваливали миску соево-рисовой каши и сразу выдавали «тормозок» — шахтерский обед. Молодые ребята иногда съедали этот обед вместе с завтраком. Если вахтер на проходной обнаруживал такой беспорядок, тоже били. Когда Ким Чу Дина удалось-таки раскрутить на воспоминания, он сказал: «Я думаю, в российских СИЗО так не мучали, как нас японцы». Но это он хватил, конечно.

Конечно, японские рабочие у себя в Японии жили примерно так же, но на сахалинских шахтах японцы были только начальниками. Корейцы в большинстве были холостыми, но случались и женатые: угоняли, невзирая на семейные обстоятельства. В начале 90-х в Корею прилетел один старик, и в аэропорту его встречала жена, с которой он не виделся 45 лет. К некоторым «женатикам», правда, через полгода-год приезжали жены с детьми. Таким было легче, и не только потому, что рядом родные. Статус женатого человека и у япон-

цев, и у корейцев очень высок. Женатые селились в своих домиках, заводили огород, хозяйство. Корейские дети ходили в школу вместе с японскими, где им давали японские имена, учили только по-японски.

Но бывало, только жена с детьми разыщет на Карафуте мужа, а его угоняют в другое место. Один из наших собеседников, человек лет шестидесяти, рассказал, что мать привезла его на Сахалин трехлетним ребенком. Они не успели и двух недель пробыть с отцом, как того угнали в Японию, на какой-то завод. А они с матерью так и застряли на Сахалине — не было денег выбраться. И только в 88-м году — мать еще жива была — из специальной передачи по южнокорейскому радио он узнал, что отец жив и все еще не теряет надежду найти семью.

Резня в Мидзухо

В 45-м пришла Красная Армия. Когда она высадилась на острове и начала продвигаться вглубь, японцы учинили несколько корейских погромов. Самый известный случился в деревне Мидзухо, где местные крестьяне-японцы зарубили крестьян-корейцев, всего 27 человек, в том числе женщин с малыми детьми. Погромами нашу страну не удивишь. Однако, когда читаешь документы о Мидзухо (расследование вело НКВД), поражает ледяная бесстрастность всех участников событий. Собственно, случившееся даже погромом назвать трудно. Ведь погром — это озверевшая толпа, вспоротые перины, массовые изнасилования. Здесь, насколько можно судить по показаниям участников и свидетелей, происходило методичное и спокойное исполнение работы. «После убийства корейцев мы все пришли в дом Куриямы Китидзаемон, где покушали и отдыхали до вечера. Когда мы вернулись в дом Куриямы, последний поблагодарил нас за то, что мы убили корейцев, и угостил обедом, а также угостил спиртом. Вечером все участники убийства, и я в том числе, убрали трупы убитых нами корейцев и закопали их. После погребения трупов мы все вернулись в дом Куриямы и поужинали». А вот показания дочери этого самого Куриямы Китидзаемон: «Я слышала разговор между японцем Киосукэ Дайсукэ (один из главных инициаторов и участников резни. — «Итоги») и моим отцом в присутствии матери. Киосукэ Дайсукэ говорил: «Вот убили корейцев, а лучше было бы, если бы не убивали. Ошиблись». Отец мой сказал: «Да, убили корейцев без причины».

Еще из показаний обвиняемых: «22 августа 1945 года в сарае японца Конбэ были убиты все проживавшие там корейцы, од-

нако похоронить их нам тогда не удалось. 25 или 26 августа, когда мы вернулись в Мидзухо, ко мне зашел Митинака Тадао и предложил мне пойти захоронить трупы корейцев. Придя на место, мы обнаружили корейца в возрасте примерно 30 лет полуживым. Митинако Тадао ударом топора по голове убил его. Здесь же и захоронили убитого. ... Мы вошли в дом Конбэ, где застали еле-еле дышавшую женщину корейку, положили ее на циновку и понесли в заросли кустарника, за сарай, выкопали на склоне маленькой горки яму. Перед захоронением указанную женщину Касивабара Дзюнси ударил железной лопатой по голове и убил ее. После чего труп закопали». Еще показание: «С актами судебно-медицинского исследования трупов я знаком, однако не могу признать за собой вину в том, что убийства, совершенные нами, носили характер зверств. Убивая корейцев, мы не ставили своей целью причинить им какие-либо мучения. Убийства в основном совершены саблями, вы сами понимаете, что с одного раза убить трудно, тем более что человек сопротивляется и убегает. Поэтому... били, пока человек не умирал. Важно было, чтобы все корейцы были убиты».

Как ни пыталось НКВД, расследуя это дело, обвинить во всем японский милитаризм, ничего не получилось. Никаких свидетельств того, что резню устроили по приказу сверху, не нашли. Одному из уважаемых людей в деревне пришлось в голову, что необходимо убить корейцев, иначе они будут служить приближающейся Советской Армии, — этого оказалось достаточно. «Я спросил Мориситу, за что мы должны убивать корейцев. На мой вопрос он ответил, что сейчас не место и не время об этом разговаривать. На предложение принять участие в убийстве корейцев я дал согласие». Ни тебе страсти, ни ненависти, ни даже выдуманной причины, вроде мацы на крови христианских младенцев. Надо так надо. Характерно, что и сами жертвы не хотят вспоминать об этих событиях, как, скажем, армяне вспоминают о сумгаитском погроме и о 1915 годе. Я узнала о трагедии в Мидзухо не от моих корейских собеседников, а из брошюры русского учителя, заинтересовавшегося судьбой сахалинских корейцев. По его признанию, вытрясать воспоминания из соседей и приятелей было делом нелегким. Ему отвечали: «Кому это нужно?» Корейцы ищут помощи, но не сопереживания. А убитым в Мидзухо никто уже не поможет. Непривычный, бесстрастный мир.

Под русскими

Если кому-то из японцев действительно показалось, что корейцы

обрадуются Советской Армии, то он заблуждался. Им до нее дела не было, тем более что они плохо представляли себе, что сулит им приход русских. Кто посообразительней, вроде моего знакомого Ким Чу Дина, тот воспользовался общей неразберихой, чтобы сбежать из шахты. Он добрался тогда до Южно-Сахалинска, поселился в домишке, покинутом японской семьей.

На какое-то время среди корейцев ожила надежда, что вместе с отступающими японцами они вернутся на родину. Из некоторых поселков их действительно вывели и заставили пройти 180 км до порта, из которого отбывало японское судно с сахалинскими японцами. «Японцы уехали, а нас обманули, бросили в порту», — с непрощенной обидой рассказывает семидесятишестилетний участник того перехода. «Зачем же гнали?» — «Обманывали». Мой собеседник за полвека ни разу не задался вопросом, что имели в виду японские власти, заставив его проделать этот путь. «Обманули» — и дело с концом. Что было на самом деле, можно только догадываться, наверное, кто-то руководивший эвакуацией решил вывозить всех подданных Императора, а потом пришло распоряжение корейцев не брать. Как бы то ни было, их оставили на Сахалине. Когда в 45-м и в 47-м по договоренности с СССР остров организованно покидали оставшиеся японцы, возвращением корейцев никто не озаботился. Советские власти менее всех были заинтересованы в их репатриации: предстояло обживать и осваивать отвоеванный Сахалин. Дешевая рабочая сила была опять к стати — как раньше японцам.

Как жилось им в СССР? Да все так же: лагерь — не лагерь, воля — не воля. Сначала они значились иностранными гражданами. Потом, когда Япония в ходе трудных дипломатических переговоров с СССР отказалась считать корейцев своими гражданами, стали «лицами без гражданства». Сахалин, напомним, в ту пору — закрытая зона, так что к иностранцам и прочим несоветским людям внимание было особое. Например, выехать за пределы населенного пункта, где прописан, кореец не мог без разрешения милиции. Прошение о выезде подавать надо было не меньше чем за три дня. Ответить могли и через месяц. А если похороны? Или в город в больницу? Тех, кто ехал без разрешения, задерживали, штрафовали и отправляли обратно. В хрущевские времена вышло послабление — разрешили принимать советское гражданство. Или корейское, на выбор. Конечно, корейское — значило только гражданство КНДР. Некоторые аполитичные корейцы, купившись на имя «Корея», назвались гражданами КНДР, хотя ехать туда не хотели — южане не считают север

Кореи своей родиной даже географически, — и, получив гражданство, потом ужасно жалели. В СССР каэндээрзовское гражданство не давало никаких преимуществ по сравнению с положением без гражданства — те же ограничения. Но из статуса «без гражданства» перейти в советское можно было сравнительно легко, а вот сменить одно на другое не дозволялось. СССР обязался перед КНДР корейцев «не сманивать». До сих пор есть корейские семьи, где родители — граждане КНДР, а дети — российские. Не принимали никакого гражданства только самые упорные старики, опасавшиеся, что это помешает им когда-нибудь вернуться.

Про существование Южной Кореи СССР знать не желал, а между тем все сахалинские переселенцы — крестьяне с юга (промышленно развитый корейский Север японцы не трогали). Письма из Южной Кореи не приходили и туда не отправлялись. Вспоминать-то вслух, что у тебя там родственники, не следовало. Что их отсталая, сельская, полуграмотная страна вырвалась в число мировых экономических лидеров, что конкурирует с Японией и США, что ее называют «тигром», никто из них не знал. «Нас, партийных активистов корейской национальности, в 87-м году собрали в обкоме. И тогда, при гласности, мы впервые слышали, что, оказывается, Южная Корея — такое развитое государство. Лектор, который нам про нашу страну рассказывал, сам, кажется, удивлялся». Отыскивать родных стали тогда, в горбачевские времена. Переписываться с Южной Кореей еще было невозможно, но уже не боялись писать родственникам через Японию. В Японии активно помогали соотечественникам бывшие сахалинские корейцы, женившиеся на японках и уехавшие вместе со всеми японцами. «Письмо получил, там фотография брата была. Если бы не фотография, как бы я его узнал?» «Списалась, узнала: отец умер, а его младшая сестра жива. Летела — думала: нет, не узнаемся. Вдруг в аэропорту подходит старенькая, смотрит внимательно на меня, говорит: «Лоб наш, родовой. Ты дочь такого-то?» По лбу меня опознала! Мы так плакали».

Дождались

С началом гласности сахалинские корейцы заговорили о репатриации. В советские времена казалось, что главное препятствие на пути домой — советская политика. Но вот СССР разрешил выезд, а потом и вовсе скончался, и тогда оказалось, что ехать не на что. Многие корейцы жили в относительном достатке: неприменный огород и сейчас помогает им продержаться. Однако у стариков-пенсионеров на пе-

реезд и устройство на новом месте денег не было даже близко. Но ведь не по своей воле попали они на Сахалин — значит, и возвращение им кто-то должен компенсировать. На Сахалине как грибы стали расти организации, озаботившиеся вопросом репатриации. Им помогали общественные движения в Южной Корее и даже в Японии. (В Японии одна такая организация называлась «Общество по размышлению о послевоенной ответственности Японии в Азии».)

Под давлением корейских и японских лоббистов родился нынешний проект репатриации под названием «Пилот» (или, как его иногда называют на Сахалине на английский манер, «Пайлот»). Суть его такова: Япония выделила 350 млн. иен на строительство в Южной Корее дома для престарелых на восемьдесят мест и пятистотквартирного дома для репатриантов. Право на поселение в доме для престарелых получали одинокие старики, родившиеся до 1930 года и насильно депортированные или последовавшие за главой семьи на Сахалин. В дом для престарелых въезд уже прекращен: он заполнен до отказа.

Двухкомнатные квартиры в жилом доме предназначались для семейных пар. Сначала предполагалось, что дата рождения обоих супругов тоже не должна быть позже 1930 года, но, поскольку таких не хватило даже на заселение дома престарелых, разрешили въезжать всем, кто родился до 1945-го, то есть «под японцами». Детей брать с собой нельзя — Япония не считает себя в долгу перед теми, кто родился уже в СССР, а Корея не в состоянии брать на себя заботу обо всех поколениях сахалинских корейцев. Нельзя приезжать с русской женой или вообще без жены. Каждой семейной паре раз в месяц выдается пособие — 450 долларов, из которых 100 вычитают за квартиру. На оставшиеся 350 вдвоем прожить в Корее трудно, но можно. Овдовевшему причитается половина пособия — 225 долларов. Из них все равно пришлось бы платить за квартиру 100 долларов, а на 125 долларов уже никак не просуществовать. Одинокие корейцы заключают фиктивные браки и дают подписку, что не будут пытаться воспользоваться полученным гражданством Республики Корея, чтобы перетащить к себе детей. Впрочем, проект «Пилот» составляли предусмотрительные люди: квартиры все равно не переходят в собственность переселенцев. Они сдаются им в аренду на тридцать лет или до смерти (уж за тридцать-то лет все поумирают), а потом остаются у муниципалитета Ан Сан (так называется место, где построен дом).

Понять это трудно. Ким Чу Дин вкалывал в шахте на Великую Японию. Великая Япония за это построила ему на старости лет

полквартиры. При чем здесь муниципалитет в Южной Корее? И на каком основании можно обязать человека отказаться от права на воссоединение семьи? И как быть с теми, кто все же не хочет возвращаться, а предпочитает помереть хоть на чужбине, зато со своими детьми и внуками, — выходит, перед ними у Японии никаких обязательств уже нет? Когда программа «Пилот» еще только готовилась, российский МИД сдержанно отметил: «Японская сторона... по-прежнему настаивает на исключении... даже упоминания о финансовой компенсации сахалинским корейцам. ... С нашей точки зрения, японский подход к проблеме противоречит требованиям самих корейцев и нарушает их гражданские права (право на свободу выбора места жительства и т.д.). В то же время нами не отрицается возможность переселения сахалинских корейцев в РК по «пилотному проекту» на индивидуальной основе» (из письма заместителя министра Г. Карасина губернатору Сахалинской области И. Фархутдинову от 17 декабря 1996 года). В самом деле, не может же МИД возражать, если корейцы согласны.

«Почему Россия не говорит громко о нарушении наших прав? — возмущаются активисты Сахалинской общественной организации репатриации. — Мы писали Ельцину, писали в правительство — никакого ответа». «Почему Южная Корея не требует от Японии оплатить возвращение наших стариков вместе со всей семьей? Почему Япония не ведет себя как Германия — немцы ведь платят всем жертвам фашизма?» — недоумевают и в Организации репатриации, и в Обществе по воссоединению разлученных семей, и в Областной общественной организации сахалинских корейцев. Негодуют, обижаются и простые корейцы.

Жертвы международных отношений

Какой-то рок преследует сахалинских корейцев: они все время оказываются заложниками сложных межгосударственных отношений. Япония использовала их — и бросила. СССР подобрал, но готов был подарить «братской» Корее: в 77-м сорок сахалинских корейцев, пять семей с малыми и грудными детьми, выслали в Северную Корею. Старшие члены этих семей пытались устроить что-то вроде митинга с требованием отпустить их в Южную Корею. Их, как полагалось в ту пору, отправили в психушку, «пролечили», а потом в одночасье отправили в Пхеньян. С тех пор ни об одном из этих сорока никто не слышал. «На бойню отвезли», — дружно уверены сахалинские корейцы. В 90-м году сахалинский активист Ли Гук Дин

отправит в МИД СССР и в Верховный совет СССР через депутата Евдокию Гаер запрос о судьбе этих людей. И получит ответ из КГБ: «Просим принять во внимание, что достижение реального результата... по не зависящим от нас причинам может занять продолжительное время. С учетом этого обстоятельства считали бы возможным рекомендовать Вам, т. Ли Гук Дин, со своей стороны одновременно попытаться использовать все имеющиеся возможности для розыска переданных в КНДР лиц».

США и союзники делили Корею с Россией и Китаем. Холодная война могла того гляди перерасти в горячую. Кому было вспоминать о забытых Японией на Сахалине корейцев? В момент своего становления Южная Корея так дорожила признанием Японии, что охотно подписала с ней в 1965 году «Договор об основах отношений», отказавшись от права на получение от Японии каких-либо репараций. Так что теперь Япония, невзирая на протесты сахалинских корейцев, именует свой вклад в «Пилот» не «компенсацией», а «гуманитарной помощью». У России сегодня на Востоке все так непросто складывается — куда ей еще «бестактные» вопросы о правах сахалинских корейцев?

По правде сказать, поначалу сахалинские корейцы недооценили жестокости «Пилота». Вся их жизнь прошла под знаком ожидания встречи с родиной, они так боялись не дожить, что не решились воспротивиться бесчеловечным условиям проекта. Тешили себя иллюзиями: выберемся — детей вытащим. На митинги будем ходить... После того как в начале нынешнего февраля уехали первые группы (они вылетают теперь еженедельно, по средам по сто — сто десять человек), стало ясно: ни на какие митинги никто не пойдет. Южная Корея страна, конечно, демократическая, но... Подписались — значит, будут доживать без детей. Пятьдесят семь лет назад их разлучили с семьей. И вот, выходит, новая разлука. Скончаются родители — дети даже визу не успеют оформить, чтобы на похороны прилететь. «Две недери совсем не спрю, — жена Ким Чу Дина немножко говорит по-русски, но «л», как многие ее соплеменники, не выговаривает. — Неправильно сдерари. Хоть бы одного ребенка с внуками можно быро взять. Хоть не всех, хоть одного».

Почему все-таки едут? Не за райскими кущами — на тамошнее пособие не разгуляешься. Те же Ким Чу Дин с женой здесь живут наверняка обеспеченней, чем будут жить там. У них есть джип, неплохой домишко. Своя розовая оранжерея: он возится с цветами, жена продает их на базаре. Им хорошо помогают сыновья-предпри-

ниматели. «Надо родина умереть», — говорит Ким Чу Дин. Его жена, любящая мать и бабушка, вторит: «Хочу родная тепрая земля умирать». У шестидесятилетнего Ким Ок Сека в прошлом году уехала в дом для престарелых мать. Разве они с братом не могли обеспечить ей достойную жизнь? Могли. Но его отец, скончавшийся в 1982 году, всю жизнь повторял, что они, корейцы, непременно должны умереть у себя на родине. Мать тоже боялась, что не успеет, умрет здесь. Сам Ким Ок Сек разрывается между страстным стремлением туда, в Корею (уехал шестилетним, но все равно — «родина») и нежной любовью к семье сына. Ехать ему все равно придется. Здесь, в России, осталась могила отца. Мать перед отъездом взяла с него слово, что он приедет в Корею и перевезет туда отца прах. Тогда все они соединятся на земле, где похоронены предки.

Странная вещь — чувство родины. Вот Ким Ок Сек считает своей родиной Корею. А его зять, ровесник, решительно отвечает на вопрос о Корее: «Другая страна. Не наша. Я там две недели пробыл — еле выдержал. Тут везде лес, а там все вырублено, застроено, пойти некуда». Старушка-корейка, которая еле держится на ногах, но торгует на базаре всякой корейской снедью, сокрушается: не пускают ее, несчастную вдову, в тот многоквартирный дом. В дом для престарелых она не хочет, а в квартиру — только парой. Вообще несправедливо: почему японцы не могут здесь, в России, дать ей те деньги, которые потратили бы на нее, захоти она уехать? А женщина помоложе, но тоже «репатриационного» возраста, даже думать не хочет об отъезде: «У меня здесь все: внуки мои любимые, дом, огород. А там и люди не такие, не родные. Мне тут тепло, хоть тут зима морознее». Что ж тут удивляться, ведь и евреи — одни в аэропорту Бен-Гуриона взлетную полосу целовали, а другие до сих пор по снегу и морозке тоскуют. «У нас что-то вроде инстинкта: умереть там, где родился», — полушутливо заметил в разговоре с «Итогами» Пак Хе Рен, президент областной общественной организации сахалинских корейцев. Это не инстинкт, это глубоко укорененные восточные традиции: духи твоих предков покровительствуют тебе на твоей земле и твой дух будет покровительствовать твоим потомкам. Но где они, потомки? Они-то родились уже на другой земле.

На Дальнем Востоке, на окраине мира, происходит драма небольшой общины, попавшей в жернова истории. Эта драма, подобно сотням драм, началась в годы Второй мировой. Кажется, ей нет конца. Или точку поставит естественный уход из жизни старшего поколения.

Доктор Жив

Доктор жил, доктор будет жить, несмотря на все беды отечественного здравоохранения.

Григорий Александрович носит самую подходящую для врача «Скорой помощи» фамилию — Жив. Специальная такая медицинская фамилия. Сам он как-то обмолвился, что, имея в запасе еще одну жизнь, стал бы фотографом или портным. Хотя, кажется, не возражал против того, что его сын тоже избрал себе медицинское поприще. Впрочем, узнать что-то о нем непросто: Григорий Александрович не больно-то разговорчив. Начнет что-то рассказывать о себе, о работе, и тут же сам себя одернет: «Нет, это не интересно». Ему за пятьдесят — на своей 21-й подстанции он почти патриарх. И держится соответственно — хранителем традиций: нипочем не соглашается сменить белый халат на синий комбинезон с курткой, придуманные специально для «Скорой». Новая форма, пожалуй, удобнее: немаркая, водоотталкивающая, позволяет утеплиться в холод — а то все равно поверх халата куртку или пальто надевать. Но доктор Жив непреклонен: «У доктора уже есть форма — белый халат. Зачем еще что-то выдумывать?» Нашего фотокара отдельно просил: «Вы меня лучше не снимайте. Или смотрите, чтобы мы в кадре не оказались с коллегами. Наше начальство не любит, когда на снимке кто-то в синем, а кто-то в белом. Будут ругать Вартапетова (заведующий 21-й подстанцией. — «Итоги»), да и мне достанется». Произносит это Григорий Александрович совершенно невозмутимо. Кто еще не привык к его интонациям, иронии не уловит. Невозмутимость — пожалуй, основное его качество. В отличие от своих коллег, доктор Жив, кажется, никогда не возмущается, не жалуется, не обижается на больных, на безденежье, на начальство или диспетчеров. Жизнь такова, какова она есть — нечего тратить нервы. Правда, пару раз довелось услышать в его голосе неподдельное восхищение. Один раз, когда я спрашивала о карьере его сына, он еще упомянул жену: «Она тоже врач. Но она — настоящий врач». — «Настоящий — это что значит?» — «Настоящий. Может из-за больного... В общем, таких мало». Второй раз, когда

говорил об одной из своих коллег: «Вот это доктор. Вам с ней надо поездить. Именно с ней».

Вызов прямо в поликлинику: нестабильная стенокардия; вызывает участковый терапевт. Приезжаем, поднимаемся в кабинет — кабинет заперт. Григорий Александрович приоткрывает дверь соседнего: «„Скорая помощь“». Где больной с интенсивной стенокардией?» У сидящего в кабинете врача на лице полное недоумение. «Очевидно, речь обо мне, — произносит мужчина, сидящий в коридоре. — Доктор ушел, у него рабочий день кончился, а мне велел вас тут дожидаться». Даже спиной чувствую, как закипает негодованием фельдшер Татьяна Швыдкова, которая работает сегодня вместе с Григорием Александровичем. Синеглазая кокетливая красавица, Татьяна вообще легко приходит в неистовство: легко обижается на больных, вызывающих за ерундой, и на родственников, дотошно выпрашивающих, каким препаратом укололи. Ей все время приходится сдерживаться, чтобы не выплеснуть негодование, так что ее глаза то и дело мечут искры. На сей раз она сердится на поликлинику, и совершенно справедливо. Ни при каких обстоятельствах врач не имеет права оставить больного с нестабильной стенокардией без присмотра в коридоре. Если у больного без пяти минут инфаркт, ему нужно обеспечить покой и присмотр.

Доктор Жив, как обычно, принимает действительность без эмоций и сразу сосредоточивается на пациенте: «Сейчас откроем кабинет. Вставайте, потихоньку проходите — не спешите — и прилягте. На что жалуетесь?» Больному под сорок, смотрит потерянно: «Доктор, поверите, первый раз в жизни такое. Не пью, не курю, по утрам бегаю — отчего вдруг прихватило?» — «Ну, все в жизни когда-то бывает в первый раз, — философически замечает Григорий Александрович. — Давно заболело?» Выспрашивает подробно и тщательно, не спуская глаз с пациента — непонятно, на что больше ориентируется: на слова или на то, как тот говорит — с усилием или без, как при этом двигается. Пациент не менее внимательно смотрит в глаза врачу, но на лице Григория Александровича ничего не прочтешь. «Так», — едва уловимое движение, и Татьяна потянулась к кардиографу. (Сколько ездила со «скорой», не могла привыкнуть: как они друг друга понимают, даже не с полуслова, не с полувзгляда. И не только Григорий Александрович с Татьяной — все бригады, и те, кто много лет работают парой, и те, кто только сегодня вышли вместе на линию. Врач почти никогда не называет лекарство или действие, очень редко вообще что-то говорит фельдшеру.

Тот сам знает, в какую минуту и чем надо наполнить шприц, когда подойти к кардиографом.)

Григорий Александрович неспешно изучает кардиограмму: «Знаете, на пленке ничего страшного. Но вы человек молодой, давайте не рисковать. Поедем сейчас в больницу, они вас еще посмотрят, обследуют». Пока собираются, Татьяна успевает прошептать: «Нет, я на них нажалуюсь». Григорий Александрович протестующе поводит плечом: «Не надо. Они же тоже видели, что никакой тут интенсивной стенокардии нет. Вообще нет стенокардии». Разговор, естественно, ведется так, чтобы больной не слышал. А мне слышно, и я интересуюсь: «А зачем тогда в больницу?» — «На всякий случай, — просто отвечает доктор. — Лучше перебдеть, чем недобдеть. Видите, он волнуется. Если скажем: нервы — не поверит, будет сомневаться, дергаться, боли усилятся. В больнице сделают анализы — он скорее поверит, что все в порядке». — «А что вы напишете?» — «Напишу „стенокардия под вопросом“». — «Вы же считаете, что ее нет?» — «Ну, мне так кажется. Может, и есть. Напишу «невралгия» — его могут пять часов в приемном промурыжить, а со стенокардией, бог даст, быстрее им займутся».

«Давайте не рисковать» и «лучше перебдеть» — его фирменный стиль. Вызов на дом: бабушка глотнула йоду. На самом деле, как выясняется по приезду, не глотнула: взяла в рот, спутав с микстурой от кашля, и тут же, испугавшись, выплюнула. Через несколько минут ей показалось, что в горле что-то мешает: она подумала, не попал ли йод в горло, и набрала 03. «Точно не глотнули? Точно-точно?» У бабушки ничего не болит — похоже, не глотнула. «В горле что-то мешает, мешает, прямо не знаю». Григорий Александрович просит ее подойти к окну, несколько раз, давая старушке передохнуть, внимательно с ложкой исследует горло. «Ничего не вижу. Давайте в больницу поедем, пусть там доктор с зеркальцем глянет». Лор есть не во всех больницах, Татьяна заказывает место в такой, где есть врач-ото-ларинголог. По дороге бабушка то отвлекается и весело болтает на посторонние темы, то вновь тревожится: «Ой, что-то мешает в горле». Долго-долго ждем ларинголога в приемном. Сам осмотр — Григорий Александрович с пациенткой заходят в кабинет, мы с Татьяной ждем снаружи — занимает едва две минуты. «Нет ничего, — сообщает Григорий Александрович, выходя из кабинета. — Наорали только». — «На вас?» Татьяна, кажется, сейчас ворвется в кабинет и набьет кому-то морду. «Да нет, на бабулечку, — утихомиривает фельдшера доктор Жив. — Зачем, мол, «скорую» вызывала». Помолчав, убежденно до-

бавляет: «Правильно вызывала. Всегда лучше лишний раз подстраховаться». — «Скажите, доктор, — выкладываю заветную мысль, — но ведь это случай явно не для «скорой», ей бы домашнему врачу позвонить, который ее знает и сразу догадается, что ком в горле — истерическая реакция. Можно в поликлинику к тому же лору сходить. Разве можно врача, фельдшера, машину гонять по такому поводу». — «Ну, напишете про семейного врача, — без энтузиазма реагирует Григорий Александрович. — Вы думаете, у нас они появятся? Вообще-то я вам так скажу: раз нас зовут, значит, человеку плохо. Когда хорошо — нас не зовут. И больному все равно, кто ему поможет: семейный врач, участковый или «скорая». Ему надо помогать», — он умолкает, непривычный к столь длинным тирадам.

Вызов в метро: молодая женщина, повышенное давление. Приезжаем. В милицейской комнатке не одна, а две молодые женщины. «Вызывали вон к той, — показывает милиционер, — а эта позже подошла, ей тоже плохо». Начинаем с первой: «На что жалуетесь?» Выясняется: ни на что. Закружилась было голова, она присела на скамеечку, подошел милиционер, спросил, в чем дело. (Девушка премиленькая, отчего ж не подойти?) Предложил вызвать «Скорую», а пока посидеть в милицейской комнатке. Голова тем временем кружиться перестала, но вообще-то у нее год назад тоже было головокружение, и тогда на работе в медпункте ей намерили давление 140 на 90. Татьяна достает тонометр: давление — хоть в космос посылай. «Поедем в больницу, — предлагает Григорий Александрович, без особого, правда, энтузиазма. — Пусть посмотрят, отчего у вас кружилась голова». — «Что вы! — изумляется женщина. — Я мужа жду, он через пять минут за мной заедет. Всего вам доброго!» — удаляется пружинистой походкой. На Таню боюсь взглянуть. Григорий Александрович невозмутимо напутствует: «Будьте осторожны, ходите помедленней, чтобы опять плохо не стало». Переходит к следующей. Та жалуется на боль в животе. «Где болит?» — «Ну, где-где? Как обычно, при месячных». — «Всегда при месячных болит?» — «Ну, раньше всегда болело, а последние полгода не болело. А сегодня опять болит». Девушка начинает всхлипывать. «Не плачьте, голубушка, — утешает ее доктор. — Прилягте, расстегните брюки. Тут больно?» — «Ой! — девица прямо сквозь слезы разражается хохотом. — Вы чего? Щекотно же!» — «Ну, милочка, не так уж, стало быть, больно, раз смеешься», — деловито замечает Григорий Александрович, продолжая осмотр, в ходе которого девушка попеременно то смеется, то рыдает. «Поедем в

больницу?» — «Какая больница?! Таблетку дайте, чтобы живот прошел!» — «Таблетки у нас нет, — отвечает Григорий Александрович. — А причину, по которой болит живот, доподлинно установит в больнице хирург». — «Чего установит? Месячные, объясняю ж вам!» — «Нет, но зачем вы «скорую» вызывали? На месячные?!» — все, Татьяна сорвалась. «А я и не вызывала, — девица снова рыдает. — Я таблетку хотела. С такими врачами вообще лучше не связываться». Она уходит, продолжая всхлипывать. «Какова!» — Таня от возмущения просто слов не находит. «Кажется, я ее не обижал» — в голосе Григория Александровича ни обиды, ни насмешки.

Таких, как он, я среди медиков больше не встречала: он как будто всегда на стороне больного — неважно, в самом ли деле человек болен или ему что-то от мнительности показалось, прилично он ведет себя или хамит. У Григория Александровича, кажется, даже порыва не возникает одернуть. «Когда хорошо, нас не зовут». Но и к своим обидчивым и нервным коллегам он относится с полным пониманием: «Они устают, им тяжело». Пациенты частенько говорили мне, принимая за члена скорпомощной бригады: «Какой у вас замечательный доктор». Даже когда он ничего не делает, а только предлагает отправиться в больницу, пациент как-то сразу успокаивается: в нем чувствуется заботливая надежность. Всем бабушкам по пути до машины и от машины до больницы шутиливо-галантно предлагает руку. Обозревателя «Итогов» неизменно с пристрастием допрашивал: «Вы взяли с собой покушать?» И строго выпроваживал с подстанции после десяти вечера: «Хватит, сколько можно с нами мотаться на двух бутербродах. Вас дома заждались». Возможно, из него получился бы замечательный фотограф или портной. И все-таки славно, что он работает не тем и не другим, а врачом «Скорой помощи».

Николай Александрович Куликов — человек жизнерадостный, и годы работы на «скорой» его жизнелюбия не поколебали. По дороге на вызов он не ворчит о нелегкой врачебной доле, а от души радуется свежей весенней зелени и теплему дню. Вкусно мечтает, отдежурив, поехать к себе на дачу, где весна еще красивее, чем в Москве. С готовностью подхватывает шутку, с удовольствием смеется. Не только шуткам: старушка на вызове делилась — мол, я в мои 79 совсем хвоя, «а приятельница моя — ей целых 83, — а она бодрей меня. Она, правда, еврейка. Но, знаете, человек неплохой». «Еврейка, но человек неплохой?» — переспросил Николай Александрович, и так от души заразительно расхохотался, что бабушка тоже засмеялась, хоть явно не понимала, что так развеселило симпатич-

ного доктора. В Москве он работает всего месяц с небольшим, сам из Ногинска. Фельдшер Ольга, что с ним в бригаде, тоже здесь совсем недавно — она из Чехова. Подмосковная «Скорая» отличается от московской прежде всего трудностями госпитализации. Областные больницы забиты, пристроить туда пациента не так просто. У новеньких еще не выработался навык всех подряд волочить в больницу — Николай Александрович с Ольгой в этом смысле вполне гармоничный тандем. Ольга вообще-то настроена учиться на врача: «Уже есть опыт работы, можно быть уверенной, что это — мое», но не знает, сможет ли поступить в этом году.

У двухлетнего Бахрама второй день температура за сорок. Вызвали на «судороги», но, как оказалось, дедушка-бакинец, звонивший в «Скорую», просто не смог объяснить, что это озноб. «Он весь так мелко-мелко дрожал, зубы стучали — так страшно». «Покажи дружок, где болит», — наклоняется над мальчиком Куликов. Грустный черноглазый Бахрам сидит перед ним на диване, облокотившись о спинку, и молча в упор глядит на доктора. «Горло?» Тот отрицательно мотает головой. «Живот?» Также нет. «Голова?» Осторожно кивает. «Ложись, я тебя посмотрю». Мама причитает: «Я так испугалась, я ночь не спала, я уж не знаю, что ему давать». Куликов трогает ступни, потом резко наклоняет его голову вперед — менингита нет. Тщательно ощупывает живот — тоже все спокойно. В легких и бронхах чисто, горло воспалено, но налетов не видно. Похоже на ОРВИ, у детишек этого возраста они иногда дают высоченную температуру. «Сделаем жаропонижающий укол. Вы, наверное, не хотите в больницу? Тогда распишитесь вот здесь, что не хотите. Температура еще день-два будет подниматься — пить давайте, растирайте его спиртовым раствором, водку разведите один к трем. И если что-то не так, опять зовите нас». (Присутствуя на дежурствах других бригад, я ни разу не слышала, чтобы спрашивали про больницу, хотя туда ехать или нет. Уже на выходе я поинтересовалась у Николая Александровича, почему он не уговаривал госпитализировать малыша. Он взглянул удивленно: «Ему прежде всего нужен уход. А в больнице — осекся, получалось, что он порочит больницы перед журналом, но закончил мысль: — К сожалению, не всегда и не во всех бывает хороший уход».) Мама явно разочарована рекомендациями: «А разве при такой температуре не нужно давать антибиотики?» — «Пока не нужно, — отвечает доктор. — Организму нужно бороться с вирусом. Антибиотики ему только помешают». — «А алоэ не надо закапать?» — «Вы себе капали?» — «Себе? Нет. А старшему своему

всегда закапываю, хотя он и кричит, но я заставляю». — «Обязательно закапайте себе, — серьезно советует Николай Александрович. — Если понравится, экспериментируйте на детях. Вообще меньше мальчика заставляйте — больше толку будет. А то кормите насильно, поите насильно. Это вредно, — и уже с улыбкой: — Он у вас такой умный, молодец, настоящий джигит. Сам знает, что ему надо».

Куликов охотно разговаривает с больными. Подробно объясняет, что надо делать, чего делать ни в коем случае не надо. Сетует, что время пребывания у пациента жестко регламентируется: «Надо же человеку растолковать». Тоже, наверное, ногинская привычка: если нет возможности сдать больного в стационар, приходится подробнее рассказывать ему, как сражаться с недугом дома. Впрочем, когда он считает, что к госпитализации есть серьезные основания, везет в больницу железной рукой: «Нет, сейчас решать будете не вы, а я». Николай Александрович огорчается, когда при нем ругают его коллег. «Вы все так хорошо объяснили, а приходил участковый врач — от него никакого толку». Он неизменно реагирует: «Никакого толку от врача? Так не может быть. Он помогает на своем месте, я на своем — у нас просто разная работа». А уж когда один врач ругает больного другого — это, по мнению Куликова, вообще полное безобразие. «Увидел ошибку коллеги — исправь. Но больному не говори, не подрывай доверие к доктору. Должны быть какие-то корпоративные правила».

В американском сериале про «Скорую помощь» тамошние врачи-киногерои, чем бы ни занимались, больше всего озабочены карьерным ростом. Дружба, любовь, забота о детях — все отступает на второй план перед возможностью поступить в ординатуру, поприусловствовать на операции именитого профессора, самому поучаствовать в сложной, нестандартной операции. Сегодня получить право на более сложную манипуляцию, чем вчера, завтра на более сложную, чем сегодня, — вот, насколько можно судить по фильму, главный смысл жизни и деятельности американского врача. У нас «Скорая помощь» — не карьерное место. Пришел на подстанцию фельдшером или врачом — ездил, работай. Накапает стаж, будешь получать чуть больше. Теоретически можешь параллельно заниматься медицинской наукой, практически это мало что даст в смысле карьерного роста. Зато наш врач может жить, не подстегивая себя поминутно, может позволить себе философски-созерцательно или, наоборот, весело относиться к жизни. Преимущество, может, и слабое, но других все равно нет.

Островное братство

Жители островов не хотят под Японию. Они привыкли к своему вечно временному статусу, и он их, похоже, устраивает.

Идет по поселку Южнокурильский румяная бодрая женщина лет шестидесяти, несет в руке ведро, от которого за версту пахнет навозом. Увидала нас: «Корреспонденты что ли? (У коллеги на шее камера, так что догадаться несложно. — «Итоги».) Неужто с самой Москвы? А я тетя Тоня. Иду вот за коровьими лепешками, огород свой удобрять. У меня картошка хорошая, крупная родится, потому что я всегда натуральным удобряю. И морковка есть, и перчик... А чего это вас к нам занесло? — и вдруг догадалась: — Небось, потому что Путин в Японию поедет? Опять будут японцы говорить, чтобы острова наши им отдать». — «А надо отдавать, тетя Тоня?» — мне, наконец, удается вставить словечко. Тетя Тоня мотает головой: «Ни за что!», а потом ставит свое пахучее ведро на землю и, подбоченясь, заводит песню: «Отдавать их не надо, // Кто бы их ни просил. // Ничего нет на свете // Краше наших Курил». Песенка была довольно длинной. Там и про то, как после землетрясения «дали деньги, контейнер и — прощай, Кунашир», но, мол, на материке все не ладится, и люди возвращаются обратно. И неизменный припев: «Нету места на свете // Краше наших Курил». У самой тетя Тони, как и у очень многих курильчан, есть квартирка на материке, купленная на ссуду после землетрясения, но она там не прижилась — вернулась: «Привыкла здесь, меня сюда родители девочкой привезли, всю жизнь, почитай, тут. — И без всякого перехода: «Давайте я вам еще японскую песню спою, про сакуру, мы ее к приезду японцев в ансамбле выучили. Спели японцам про то, чтобы Курилы не отдавать, и про сакуру, чтобы им приятно было».

Япония претендует на четыре острова Курильской гряды: Хабомаи, Шикотан, Кунашир и Итуруп. Хабомаи, строго говоря, не остров, а цепь маленьких плоских островков. Люди там не живут. Шикотан и Кунашир, расположенные ближе всего к японскому Хоккайдо — его прекрасно видно и с Шикотана, и с Кунашира, — объ-

единены в Южнокурильский район Сахалинской области. Итуруп, самый большой и самый северный из четырех островов, составляет самостоятельный, Курильский, район. В советское время именно Южнокурильский район считался самым богатым и перспективным. Сейчас он беднее Курильского. Сами кунаширцы и шикотанцы говорят, что по ним пришелся двойной удар: реформы и страшное землетрясение 1994-го. Впрочем, и то, и другое на Итурупе тоже имело место, однако Итуруп как-то поднялся, и уже пару лет живет без областных дотаций, а Южные Курилы все никак не оправятся. Последние две зимы вообще провели практически без света и тепла, а зимы здесь хоть и не морозные, но холодные: такая влажность, что и при минус трех коченеешь. После землетрясения население на южных островах уполовинилось: по данным переписи 98-го года сейчас на Кунашире и Шикотане живет около восьми тысяч человек, а раньше было 15 тысяч. Испугались землетрясения и уехали, тем более что прежние предприятия — крупнейшие в СССР Южнокурильский рыбокомбинат на Кунашире и комбинат «Островной» на Шикотане — к тому времени уже дышали на ладан, зарплату не платили, и люди рады были, что, благодаря ссудам на обзаведение, у них появилась возможность попытаться счастья на материке. Однако немало и таких, кто, как тетя Тоня и героини ее песенки, не прижились и вернулись. «Кто-то с берега крикнул: «Что ты, брат, здесь забыл?»// Нету места на свете//Краше наших Курил».

Цари природы

Здесьняя природа в самом деле фантастически, неправдоподобно красива. Именно неправдоподобно, потому что на этих островах даже вполне банальные травки, деревья или птицы приобретают совершенно необычный облик: лопухи вымахивают в человеческий рост, березки кривятся по два-три тоненьких ствола из одного корня, решительно опровергая выражение «стройная как березка», а вороны все иссиня-черного цвета с внушительными горбатыми клювами, как у попугаев. Или вот поднимаешься на пригорок и видишь типичный северный пейзаж: тут и там кедровый стланник, да редко стоящие ели. Только под ногами при этом не мох, а... бамбук. А через несколько шагов можешь попасть в джунгли: густой широколиственный лес, какие-то лианы свисают. И тут же рядом — скалы, и океан шумит. Кажется, Бог затеял в этих местах что-то вроде экспериментальной лаборатории, такое здесь неистовое буйство разных форм и видов жизни, такое не-

мыслимое разнообразие пейзажей на крошечном, в сущности, пространстве.

Когда среди этого великолепия набредаешь на следы жизнедеятельности человека, испытываешь шок почти такой же силы, как от соприкосновения с курильской природой: «И зачем Господу понадобилось это омерзительное создание?» Человек на Кунашире и Шикотане обнаруживает свое присутствие главным образом помойкой. Насквозь проржавевшая бронетехника, кинутая где попало и как попало, такие проржавевшие ничейные шхуны у пирса, здания, разрушенные землетрясением, не восстановленные, но и не снесенные торчат себе без окон и дверей. Да и жилые дома, поселки имеют вид крайне неаппетитный: эдакие бараки-временки, обтрепанные и неопрятные. И всюду мусор, мусор. В поселках, на берегу, в самых красивых бухтах — окурки, битые бутылки, консервные банки. В России почти везде так, но почему-то именно на Курилах это выглядит прямо-таки кошунством. Коли ты равнодушен к красоте, зачем здесь живешь? А коли неравнодушен — зачем гадишь? Местные жители, кстати, легко соглашались с такой постановкой вопроса и неизменно сокрушенно качают головами. И тут же, прямо по ходу разговора, бросают на берег какую-нибудь опорожненную бутылку.

На Шикотане довелось наблюдать встречу местных пограничников с японской делегацией. Японцы приехали на старое кладбище поклониться родным могилам. Задача пограничников была предельно проста: сосчитать приехавших японцев и удостовериться, что уехало столько же, сколько приехало. Однако в действительности для ребят с заставы это отличный повод расслабиться, устроить себе маленький пикничок в живописном месте. Так что отправились встречать гостей загодя, накануне вечером, большой дружной компанией, еще и «краснопогонников» с собой прихватили (так на островах называют военных, которых, в отличие от пограничников, местные жители почему-то не жалуют и считают, что основное загрязнение окружающей среды происходит именно от них). Наловили креветок (здесь креветки называются чалимами), горбуши и, пока японцы молились на своем кладбище, начали на бережку закусывать. Представитель районной администрации, Валерий, который работает с японцами буквально с самых первых дней всех этих безвизовых обменов и визитов, попробовал было поуготоваривать: «Давайте огрызки в одну кучу складывать, а то перед японцами неловко», но тщетно. Зато тема японской чистоплот-

ности была охотно подхвачена: местные жители, включая пограничников и армейских, практически все хоть по разу, да побывали в Японии все по тому же безвизовому обмену и имеют о ней свои суждения. «Да уж, японцы объедки под себя не бросают». Нам с коллегой, в Японии никогда не бывавшим, с энтузиазмом сразу на несколько голосов рассказывают, что японцы носят с собой карманные пепельницы, в которые стряхивают пепел, дабы не мусорить на улицах. «А я, — вставляет начальник погранзаставы, симпатичный вполне цивилизованного вида мужик, который только что плакался нам, как ему не хватает в этой глуши канала НТВ, как тяжело довольствоваться скудным пайком ОРТшных новостей, — а я нарочно бросал окурки на землю и ногой растирал. Они на меня со всех сторон тарашились, но слова не говорили. Что я, в самом деле, извращенец, пепельницу в кармане носить?» «Да уж, такие мы есть, — философически заметил Валерий. — Нас не переделать».

Вернулись на берег японцы — наши тотчас принялись потчевать их чалимами и ухой. Те заулыбались, закланялись благодарно, приняли угощение и сунулись было присесть рядом с нашими на травку. До сих пор перед глазами стоит застывшее на миг лицо японца, когда он увидел, что зеленый холмик, на который он вознамерился усестя, весь усеян креветочными панцирями. Впрочем, он тотчас снова заулыбался, отошел и ел, как и другие его соотечественники стоя на берегу, лицом к морю. Потом настал черед японцев угощать наших. Откуда ни возьмись появился огромный мягкий полиэтилен, который служил скатертью (не без труда нашли еще не замусоренное место), достали пластиковые контейнеры, в которых лежала японская снедь, выложили на скатерть. Переводчик пригласил всех к столу и, немного смущаясь, добавил, что по японскому обычаю надо бы снять обувь. После еды японцы вынули огромные пластиковые пакеты и стали собирать в них мусор. Подходили и к нашим, улыбаясь и кланяясь, подставляли пакеты — кидай, мол, туда. Видела, как один наш солдатик растерянно улыбнулся в ответ... и все-таки бросил банку из-под пива мимо пакета, на землю. И впрямь «не переделаешь»?

Мы и они

Пока наши дискутировали про японские пепельницы, японцы бродили по заросшему по пояс кладбищу и аккуратно прощупывали землю стеками, пытаясь найти надгробья. Один старик с каким-то застывшим выражением лица так и пробродил все время церемо-

нии и не нашел могилу, что искал. Потом быстренько, кто механической косилкой, а кто и просто маленькими косами, выкашивали траву и вручную кое-как подправляли покосившиеся надгробия. «Что же мы за люди, — спросила я, вернувшись к нашим воякам, что не можем людские могилы обиходить?» — «А ты на наше кладбище загляни, — меланхолически ответили мне. — Там ничуть не лучше».

Японцы и Япония присутствуют в жизни Южных Курил постоянно. Безвизовые обмены (детские, молодежные, семейные, специалистов и проч.) предполагают обмен равновеликими делегациями. Но в Японии живет около 110 млн. человек, а на Кунашире да Шикотане — 8 тысяч. При этом японская сторона оплачивает поездки и своей и российской делегаций. Так что возможность на халяву прокатиться есть у всех. Да и принимать японских гостей приходится то и дело. Почти все курильчане, с которыми доводилось общаться, называли по несколько имен знакомых-приятелей японцев, которые останавливались по приезду у них в семьях, а потом, напротив, принимали у себя. Редкий житель Шикотана или Кунашира, вспоминая землетрясение, не добавит: «Японцы первыми нам помогли, когда Москва еще и не чухнулась» и тут же расскажет, что уйму японской гуманитарки, разумеется, разворовали местные власти. На Шикотане непременно покажут построенную японцами электростанцию: «Благодаря ей мы в Крабозаводске зимой не околели: и свет бывал, и тепло, а в Малокурильске (на Шикотане всего два этих населенных пункта) вообще подышали». Начальник этой станции рассказал, что первое время удавалось выпрашивать у японцев и гуманитарное топливо для станции — а то, дескать, будет она зря простаивать. «Пока гуманитарное топливо давали, все было отлично. Потом стали наше, из области завозить, так оно водой разбавленное. А японская станция на разбавленном работать не хочет. Пришлось нам сепаратор поставить. Японцы приезжают, никак в толк не могут взять: зачем на электростанции сепаратор?» Сейчас строят такую же гуманитарную электростанцию на Кунашире, в Южнокурильске. Строят японские рабочие, которые живут при этом в море, на судне. Утром причаливает катер с группкой, кажется, совершенно одинаковых: в формах, касках, пажилетах, которые тут же по прибытии на берег аккуратно снимаются и складываются в малюсенькие свертки — и, вытянувшись муравьиной цепочкой, отправляются на работу. Вечером так же возвращаются. Специально построили пирс, чтобы не причаливать к гнилому полуразвалившемуся. Сделали и заасфальтировали дорогу от пирса к

месту стройки: не возить же материалы по местным колдобинам. И дорогой и пирсом, естественно, пользуются не только японцы.

Мои попытки выяснить у местных — простых ли жителей или начальства — почему даже простейшие работы японцы выполняют сами, не нанимая никого из курильчан, и почему даже щебень привозят свой в мешках, совсем не используя здешних материалов, как ни странно, ставят собеседников в тупик. До меня никто, видимо, не задался этим вопросом: к такому поведению японцев привыкли. Районные начальники ограничиваются констатацией: таково было категорическое требование японской стороны, а им ли, району, пережившему две такие зимы, что и лютому врагу не пожелаешь, торговаться и препираться. Местные же работники задумчиво и без особой уверенности предполагают: «Японцы же о своей выгоде думают, чтобы им удобнее было». — «Так выгоднее нанять дешевого работника, и щебень не возить из-за моря». — «Не, у них свой интерес...»

Очень сложное здесь, на Курилах, отношение к японцам. На уровне личных контактов — сплошная сердечность. Каждый с видимым удовольствием рассказывает про «своего» японца (того, который останавливался в его доме), какой тот приятный в общении человек. Японские детишки, уезжая на родину после побывки на Курилах, прямо-таки заливаются слезами и утешаются, лишь получив клятвенные заверения, что полюбившиеся им семьи непременно приедут с ответным визитом. И все же нельзя сказать, что курильчане прониклись к японцам сколько-нибудь теплыми чувствами. Каждый жест доброй воли, каждая акция помощи с японской стороны воспринимается со смесью признательности («без них нам бы вообще худо пришлось») и настороженности («они же это не просто так»). В представлении российского человека добро творимое «не просто так» — уже как бы и не добро. Жители Кунашира и Шикотана помнят о японских претензиях на острова постоянно, как, не скрываясь, постоянно помнят об этом японцы. Они приезжают в гости не с пустыми руками: везут подарки, гостинцы, в том числе, например, самоучители японского языка и видеокассеты на русском языке «Знаете ли Вы историю северных территорий?». Курильчане не зашвыривают эти кассеты куда подальше — смотрят, языками цокают: «До чего ж они твердо гнут свою линию. Мы так не умеем». Именно то, что жители Курил изо дня в день наблюдают эту японскую неуклонность и последовательность, и вместе с тем твердая убежденность, что Россия никогда и ни в чем не сможет быть

так последовательна, заставляет кунаширцев и шикотанцев жить в постоянных сомнениях: «Отдадут? Не отдадут?» Вся остальная Россия твердо знает: Путин сказал, что у нас лишней земли нет — стало быть, нечего и думать об этом. А местные-то видят: в России Ельцин скажет одно, Путин — другое, а Япония, как там власть не меняется, стоит и будет стоять на своем.

Отдавать — не отдавать

Можно было бы ожидать, что побывавшие в Японии курильчане захотят себе подобной жизни. Этого, однако, почти не происходит. «Итоги» как-то писали: в Приморье, особенно в тех местах, что непосредственно граничат с Китаем, наши соотечественники последние годы переживают тяжелый стресс и комплекс неполноценности: китайские поселки и города, сами китайцы на их глазах поднимаются и богатеют, а у нас никаких признаков роста. Так вот японцы, кажется, никакого комплекса неполноценности не вызывают. Им даже не завидуют — как можно завидовать инопланетянам? Китайцы — другое дело, они еще вчера были беднее нас, они были замурзанными чернорабочими, готовыми буквально за гроши на самый тяжелый труд в самых невыносимых условиях, а сегодня вдруг стали появляться в виде прилично одетых туристов или состоятельных бизнесменов. А японцы — это как в кино про богатых, которые плачут: не станешь же свою жизнь мерить этими мерками. За две недели на Курилах ни разу не слышала ничего вроде «нам бы их...» (жилища, зарплаты, умение обращаться с природой и проч.). Даже в форме «куда нам до них». Регулярное общение с японцами укрепило в убеждении: там — иной мир, иная цивилизация. Настолько иная, что тянуться, учиться, пытаться что-то заимствовать — бессмысленно.

«Мы не сможем жить под Японией, — твердо отвечает на мой вопрос Евгений Григорьев, директор Южнокурильского заповедника, интеллигентный и деятельный человек, абсолютно лишенный державных завихрений. — Я много и охотно работаю с японцами, восхищаюсь их умению вписаться в природу, не обезобразив ее. Но я точно знаю: это закрытый мир, там чужим места нет. И потому, — Евгений улыбается, — у нас же с ними все в противофазе: у нас цвет траура черный, у них — белый, мы водку пьем холодную, они — теплую». Конечно, мало кто из курильчан может выдать такие чеканные формулировки, но чувствуют так почти все. За все время обнаружила всего троих, кто хотел бы «пожить под японца-

ми». Один пенсионер, бывший геолог, попавший на Кунашир три года назад (врачи категорически потребовали жить во влажном климате) и безоглядно в него влюбившийся. «Больно смотреть, как гадят и мусорят здесь наши. Хочу умереть среди чистой природы, поэтому хотел бы, чтобы остров достался японцам». Второй, тоже сравнительно недавний переселенец и тоже прикипевший сердцем к здешним местам. Сам советский кореец, беженец из Казахстана, он говорит осторожно: «Я хотел бы попробовать жить с японцами. Все же в наших культурах немало общего». Он же категорически утверждает: «Русские с японцами точно не уживутся. Если что, им придется уезжать». Третий — молодой врач, работающий в поликлинике, построенной все теми же японцами. Ему доводилось бывать в Японии по профессиональным делам, он немножко знаком с их медициной, их оборудованием. Он знает, что в записке «О мерах в отношении жителей российского происхождения», разработанной Обществом по изучению проблемы восстановления суверенитета Японии над северными территориями, говорится: «Дипломы врача, медсестры, имеющиеся у жителей российского происхождения, будут признаваться действительными лишь после прохождения определенных учебных курсов». Но у него так и вспыхивают глаза, когда он произносит: «Поработать при японцах...»

Может, кроме этих троих, найдутся еще с десяток чудачков. Остальные же курильчане делятся на тех, кто, как тетя Тоня, настроен «ни за что не отдавать», и тех, кто, напротив, не возражал бы, чтобы острова перешли под Японию — «тогда нам дадут приличную компенсацию — будет, с чем на материк уезжать». Но даже и они, говоря: «Хоть бы отдали острова японцам», — кажется, немного лицемерят и пытаются таким образом шантажировать Москву. В самом деле, положение, к примеру, в Горном Алтае в чем-то сходно с Южно-Курильским: богатейшие природные ресурсы и — все нерентабельно из-за огромных расстояний. И люди там живут не богаче, чем на Курилах. Однако никаких программ по Горному Алтаю никто не принимает, правительственные комиссии туда не мотаются: забыли про него и забыли. А с Курилами — вопрос политический. Было бы странно, если бы местные жители не пытались извлечь максимум выгод из японских претензий на острова.

На Кунашире гораздо чаще встречаются те, кто «ни пяди земли», на Шикотане больше согласных отдать. На Шикотане гораздо больше народу с чемоданными настроениями. Отчасти это связано с тем, что шикотанцы в среднем живут победнее. Во-первых, ку-

наширская акватория богаче высокосортной рыбой и ценными морепродуктами. Во-вторых (и, конечно, в главных), на Кунашире все начальство: районное руководство, главные пограничники и особенно таможня и рыбнадзор. Кстати, единственное приличное здание во всем Южнокурильске принадлежит как раз рыбинспекции. Шикотан еще больше, чем Кунашир, оторван от остальной России. На Кунашир попадают самолетом из Южно-Сахалинского аэропорта. Формально самолеты летают четыре раза в неделю, фактически же — все зависит от погоды. Можно ждать в аэропорту (буквально «у моря погоды») неделю, можно и месяц — как повезет. Но на Шикотан вообще ничего не летает. Чтобы с Шикотана попасть на материк, надо сначала найти какое-нибудь суденышко, плывущее оттуда на Кунашир, а уж потом торчать в аэропорту. Дополнительная прелесть этой ситуации: ни один капитан никогда не знает толком, когда именно тронется в путь и сможет ли взять с собой пассажиров — это зависит и от той же погоды, и от всяких производственных обстоятельств. Так что рассчитать время попадания в Южно-Сахалинск невозможно даже с точностью до недели.

Главное отличие кунаширского мироощущения от шикотанского связано вот с чем: бывшие работники советского Южнокурильского рыбокомбината худо-бедно свою зарплату получили, а шикотанский рыбокомбинат «Островной» до сих пор не выплатил задолженность по зарплатам кому за два года, кому и больше. Поэтому кунаширцев формально на Курилах ничего не держит: съездили на материк, попробовали — не понравилось, вернулись. А бывшие работники «Островного» в душевном раздрае: неужто уехать и подарить неведомо кому свои кровные? Этих «кровных» кому-то осталось получить не так уж много: после продажи большей части имущества «Островного» кое-какие долги людям заплатили, правда, как это принято в постсоветском мире, в основном не деньгами, а продуктами по завышенным ценам. Многие от отчаяния (а то совсем ничего не получим) брали хоть так. Среди тех, кто решился ждать живых денег, есть и такие, кому должны тридцать-сорок тысяч. «Вернули бы деньги или японцы бы компенсацию подарили — ноги бы моей больше здесь не было», — в сердцах повторяют многие шикотанцы. А вот бабушка, продавщица в местном магазинчике, уже собралась на материк: она на «Островном» не работала, ее долги не держат. Домик свой продаст за 15 тысяч. Конечно, этих денег только-только хватит, чтобы добраться самой и увезти контейнер с вещами. Но у нее квартира на окраине Волгограда

— там и собирается жить на свою «северную» пенсию. Вот только выписываться с Курил не хочет: «Может, все же отдадут острова-то. Жалко компенсацию терять». Ей и жалко, чтобы острова перешли Японии: «Земля здесь хорошая, рыбы много, да и вообще отдавать — не брать, кому приятно», но людей здешних еще жалче: «Никогда они от наших своих денег не дождутся, а японцы дадут, раз обещали. Они с нами специально встречу устраивали, и мы им тогда сказали: смотрите, мол, чтобы ваши компенсации не раскрасили, как гуманитарку после землетрясения. Они тогда обещали: прямо каждому в руки, без всяких посредников».

Труд и капитал

Крупные капиталисты-рыбопереработчики появились в Южнокурильском районе совсем недавно, чуть больше или чуть меньше года назад. Сахалинский губернатор Игорь Фархутдинов считает, что главная беда района как раз из-за того, что местное руководство непрослительно затянуло процесс приватизации обанкротившихся экс-советских монстров. Наследство «Островного» поделили между собой две фирмы: в Малокурильске обосновались собственники, унаследовавшие и название: они называются ЗАО Рыбокомбинат «Островной», а на острове их зовут «москвичами», хотя среди тамошних руководителей есть и сахалинцы, и местные, успевшие в советское время поработать на прежнем «Островном». Загвоздка в том, что хозяин ЗАО вместе со своей командой появился на Шикотане в качестве внешнего управляющего обанкроченного «Островного». А потом уже в ином качестве выкупил часть той недвижимости. Разумеется, выкупил он недвижимость, а вовсе не долги. Долги остались на Государственном унитарном предприятии Комбинат «Островной», которое номинально еще существует. Однако людям, которым не заплатили зарплату, постичь эти премудрости, прямо скажем, сложновато. Не мудрено, что хозяев ЗАО на острове не жалуют. Как, впрочем, откровенно не любят и других капиталистов, купивших остатки прежнего монстра в Крабово-заводске. Там хозяйничает компания «Гидрострой» (ее в народе окрестили «Хитрострой») — крупный, серьезный собственник, который, по словам того же Фархутдинова, по существу и поднял экономику Итурупа (их головное предприятие находится там).

У гидростроевцев планы наполеоновские: они закупили и почти закончили монтаж новейшего оборудования, рассчитанного на круглогодичную работу. (Вообще-то рыбопереработка —

вещь сезонная, но при серьезных возможностях хранения можно обеспечить основному составу работников занятость на весь год, а на пик путины поднимать еще сколько-то.) Развернуться планируют уже в ноябре, то есть когда пойдет минтай. Прошлую путину отработали еще на старом оборудовании, а сейчас нанимают людей на строительные работы. Вот бы и радоваться населению: сколько лет перебивались случайными сезонными приработками, а тут перспектива оплачиваемых рабочих мест. Но шикотанцы на ЗАО «Крабозаводский» (так называется местный филиал «Гидростроя») наниматься не спешат. «Там ужасные условия труда, — объясняет энергичная женщина лет тридцати при полном согласии своих подруг, которые тоже предпочитают жаловаться на безработицу, но не работать в ЗАО. — Там как раб: два часа работаешь, не смей на минутку оторваться, потом можно пятнадцать минут передохнуть. Задержался на минуту — штраф, а то и вовсе под зад коленом». Рыбопереработка — конвейерное производство. При всем желании не могу представить себе, как будет работать конвейер, если любой работник в любую минуту может перекурить. «А в советское время как было?» Женщины единодушны: «Такой эксплуатации не было». То ли забыли, то ли и вправду тогда даже на конвейере можно было сачковать, то ли от государства легче терпеть жесткие требования, чем от собственника. «Я не привык иметь дело с такими работниками, — говорил обозревателю «Итогов» директор «Крабозаводского». — У нас на Итурупe люди не прогуливают, не опаздывают. А здесь после зарплаты половина уходит в загул на несколько дней. Сначала увольнял за нарушения дисциплины, потом понял: скоро не с кем будет работать. Тогда ввел систему штрафов». В итоге получилось: за прошлогоднюю путину рабочие, завезенные в Крабозаводский с Итурупа получили существенно больше, чем местные, — местных то и дело штрафовали. Любви к новым хозяевам от этого на Шикотане не прибавилось.

Картина везде одинаковая: местный люд жалуется на пришедших капиталистов, а те на местных работают: пьют, разгильдяйничают, плачутся по поводу безработицы, а работать не хотят. Радикальнее всех настроены владельцы ООО «Южно-Курильский рыбокомбинат», выкупившие развалины советского гиганта. Там по итогам прошлогодней путины оставили из более чем полутораста всего восемь местных работников, и уже на моих глазах уволили еще троих из этих восьми. Рабочих завозят с Сахалина, вербуют частично из отставных моряков, частично из шахтеров, уволенных

с закрытых шахт. Исполнительный директор ООО Георгий Якушин отстаивает преимущества вахтового метода: не воруя — нести некуда, живут все в общежитии, а кормят их до отвала бесплатно в рабочей столовке; не отвлекаются на домашние огороды, а целеустремленно вкалывают — зашибают бабки, размеры которых зависят от выработки; не запьют: прогуляют — их, в соответствии с контрактом, уволят, и ему не хватит денег даже на материк отсюда выбраться; наконец, не надо ломать голову, чем занять их в промежутке между путинами. Якушин вообще считает, что строить на Курилах градообразующие предприятия, как это делали коммунисты, — полное безумие. «Здесь, на островах, должно остаться совсем немного людей», — говорит Якушин. В его словах немалый резон: и острова целее будут, и бюджетные затраты на жилкомхоз сократятся. На Курилах, понятное дело, энергетика и топливо — да все, что приходится завозить, безумно дорого. Как, впрочем, дороги и продукты в магазинах — они же тоже завозные: хлеб, к примеру, 15 рублей буханка, самая мерзкая колбаса — рублей по 180. Смотришь на здешние цены и думаешь: да они должны толпами в очереди на работу стоять, а не халтурить. Поди ж ты.. Немногочисленные предприниматели-рыбопереработчики из местных бережнее и терпимее относятся к своим землякам. Но и они сетуют: после зарплаты несколько дней рабочих не соберешь.

Курильский коммунизм

Это только на первый взгляд странно, что курильчане не радуются новым рабочим местам на рыбокомбинатах. Рыбопереработка — дело монотонное и изнуряющее, режим: двенадцатичасовая смена через каждые двенадцать часов. При этом максимум, что зарабатывали на прошлой путине в ЗАО «Крабозаводский» — 7–7,5 тысячи рублей в месяц. (Это если без штрафов. А в Южно-Курильском и того меньше.) Между тем здесь же, на островах, масштабный браконьерский промысел приносит доходы совершенно иного порядка: по слухам, рыбаки на судах, нелегально вывозящих морепродукты в Японию, могут зашибить за сезон 500–600 тысяч баксов. (Доходы их хозяев никто не берется оценивать.) Речь идет о давно известном и многожды обсуждавшемся нелегальном бизнесе: зарегистрированные, имеющие лицензию рыбодобывающие суда получают лимит на вылов, к примеру, одной тонны краба или морского ежа, вылавливают, прикрываясь разрешением на вылов тонны, столько, сколько удастся и по демпинговым ценам продают япон-

цам. Местный журналист Сергей Хван рассказывал: в прошлом году курильские рыбаки в сумме получили лимитов на вылов десяти тонн краба. Специальный агент, посланный в Японию, за один день зафиксировал продажу с курильских судов более 100 тонн. На фоне браконьерских доходов — а ведь островной мир тесен и от соседа деньги особенно не спрячешь — горбатится за жалкие рыбокомбинатские зарплаты кажется особенно унижительным. Притом время от времени можно кое-что подзаработать при браконьерах (подремонтировать, подправить снасти или оборудование, просто помочь в чем-то по мелочи), и эти заработки между делом не в пример приятнее, чем монотонный конвейер. Да и не так унижительно, как гнуть спину на пришлого капиталиста. Конечно, при советской власти тоже вкалывали на конвейерах и в том же двенадцатичасовом режиме. Но тогда на свою зарплату они проводили отпуск в Сочи, выступая в роли богатеньких дядюшек-тетушек для всех материковых родственников. Теперь даже в один конец в Москву с семьей не слетаешь.

Здесьняя природа не даст умереть с голоду. Лопух, тот самый, что ростом с человека, к примеру, по вкусу больше всего напоминает спаржу, а рыбу, краба, креветку при желании можно в сезон доставать из воды прямо руками. Но руками никто не достает: малое, бытовое, браконьерство — дело здесь настолько обыденное, что никем ни минуты не почитается за грех. Простой пример: когда пограничники взяли нас с коллегой на встречу-пикник с японцами, они, разумеется, первым делом стали угощать нас чалимами. Приди хоть кому-то из них в голову, что они делают что-то недозволенное, разве стали бы они забрасывать сети при московских журналистах? Но никто (включая, я уверена, рыбнадзор, если бы он случился в тот момент в том месте) ни на минуту не усомнился, что москвичей надо потчевать именно тем, чего они в своей Москве в жизни не попробуют. Кстати, и правительственная комиссия на наших глазах, вылетавшая с Кунашира, усердно грузила в самолет ящички с гостинцами — уж, наверное, не лопухами. Но как повернется язык укорять бытовым браконьерством, когда всем ведомы масштабы браконьерства промышленного.

Специфика островного образа жизни: здесь, как удачно выразился один местный офицер, «все всем свои, потому что иначе не прожить». Зашел в магазин без денег: «Запиши на меня...» (Это при том, что все магазины — частные.) Охотно со смешком рассказывают, какими глазами смотрят на них на материке, когда по своей

островной привычке просят: «Мне чуток не хватает, ты запиши, я занесу попозже». Ни на Кунашире, ни на Шикотане никакого общественного транспорта, зато у всех японские машины, правда, старенькие, в основном купленные еще до повышения таможенных тарифов. На два острова ни единой бензоколонки. Все двигатели работают на солярке. Впрочем, пунктов продажи солярки вы, разумеется, тоже не обнаружите. «За четыре года, что здесь живу, ни разу не покупал солярку, — признался наш водитель, когда мы посоветовали ему экономить горючее. — Если надо заправиться, попрошу — нальют». Кто нальет? Ну, разумеется, те, кто получают горючее бесплатно и кто вечно жалуется на его недостаток. Здесь всегда подбирают голосующего на дороге попутчика (не остановятся, лишь если машина забита под завязку) и ни за что не возьмут денег — да их никто и не предложит.

Как-то раз нас застал в дороге ливень, прямо-таки водопад, и пока мы под этим водопадом пробирались к оставленной на глинистой кунаширской дороге машине, она успела увязнуть по брюхо, так что вытолкнуть ее не было никакой возможности. Первый же пойманный на трассе уазик сделал отчаянную попытку подобраться к нам, чтобы вытянуть, но не смог подъехать: оскальзывался на глине. Тогда из него выскочили четверо мужиков и в течение полутора часов под тропическим ливнем, отчаянно матерясь и то и дело шмякаясь в грязь, на руках вытаскивали несчастную легковушку. По правде сказать, я все ждала, когда же им надоест эта заведомо безнадежная операция. Однако терпение и труд сделали свое дело. Когда мы уже были на трассе, наши спасители налили нам по сто грамм (не мы им — это было бы справедливо, но у нас с собой не было — а они нам!) и никак не могли взять в толк, почему я чуть ли не со слезами их благодарю: «Не бросать же вас было в этом болоте!» Наш шофер подтвердил: здесь по-другому не бывает. Он же загорелся угостить нас горбушей местного посола. Спросил у первого встречного, не знает ли, у кого сейчас такая есть. Заехал по названному адресу, взял несколько рыбин. Мы схватились было за кошельки, он засмеялся, махнул рукой: «Это бесплатно. Угощает».

Станный, как поглядишь, здесь народ. Вроде бы с претензиями: пять тысяч им не деньги, — и вместе с тем неприхотливый: живут в своих грязненьких уродливых поселках и ни малейших попыток украсить жизнь. Губернатор Игорь Фархутдинов, сам родом сибиряк, выросший в дедовом бревенчатом срубе, с трудом скрывая раздражение, рассказывал: «Им привезут на зиму уголь, выва-

лят перед входом — так они его не убирают. Всю зиму ходят в дом, перебираясь по угольной куче». С одной стороны, все местные по-своему любят природу: и выпить норовят на природе, и вообще весь курильский патриотизм на этой любви держится. С другой — гадят на эту природу при любой возможности. И все это при своеобразном коммунизме: все готовы помогать друг другу и делиться, в том числе тем, что украли сами у себя, будь то браконьерские уловы и заначенная солярка. Они все живут здесь как бы временно. Они или их родители приехали сюда подзаработать и уехать. Они и сейчас постоянно ощущают временность этого своего статуса: то ли острова отдадут, то ли зарплату, наконец, выплатят. «Курильское братство» — сложившийся здесь способ выживания временных людей — штука настолько притягательная, что без него потом трудно жить. Они уезжают — и возвращаются, потому что их уже засосал этот временный островной образ жизни. Им все-таки лучше здесь, на островах. А вот островам, пожалуй, лучше было бы без них.

Покой и воля. Каждому свое

В соавторстве с Николаем Петровым
и Алексеем Титковым

*Бедный Псков на первый взгляд демократичнее богатого
Новгорода. Псковичи новгородцам завидуют.*

Сегодня вся страна знает, что в Новгороде — хорошо, а в Пскове — плохо. Даже президентский полпред на Северо-Западе Виктор Черкесов, которому, казалось бы, полагалось держаться «равноудаленно», рассуждая о возможном укрупнении регионов, проговорился: «Есть... пара: Новгородская и Псковская области. Первая — устойчивая, вторая — депрессивная. Если быть уверенным, что Новгород... подтянет Псков, тогда можно говорить об укрупнении».

Как раз сейчас Новгород переживает не лучшие времена, а в Пскове темпы роста выше, чем в среднем по стране. Но репутация — штука инерционная. И новгородцы, и псковичи равно уверены: в Новгороде живется не в пример лучше. И дело вовсе не в том, что в Новгородской области ВВП на душу населения выше, чем в Псковской, а в 1990-м был одинаковый. Псковский таксист на вопрос, доволен ли областным начальством, досадливо махнул рукой: «А, у нас бардак. Вот Новгороду — повезло». На конгрессе предпринимателей Псковской области один из выступавших риторически пригрозил местным властям, что псковский бизнес уйдет в Новгород, — зал взорвался овациями.

Репутации регионов и их лидеров, как всегда, — результат некоторого упрощения. В стране в целом, в московских политических кругах новгородский Михаил Прусак считается реформатором и демократом. В обеих областях ему ставят в заслугу вовсе не это: «Настоящий хозяин. О людях думает». Прусак отнюдь не всегда ведет себя как руководитель с рыночным мышлением, и насчет его демократизма можно бы очень поспорить. Сразу после дефолта, в сентябре 1998-го, когда «рыночник» Прусак одним из первых губернаторов в стране запретил экспорт из области, а псковский «реакционер» Михайлов еще не успел обставить свою вотчину таможенными постами (чуть позже он сделал то же самое), псковичи

чи горестно вздыхали: «Вот, Прусак заботится о своих. А нашему наплевать».

Жизнь в глубинке, в депрессивных районах обеих областей, куда еще не ступала нога инвестора, и там и там примерно одинакова: то же бездорожье и безденежье, как и всюду в средней России, так же люди кормятся преимущественно со своего огорода. Но когда приезжаешь из обшарпанного, неухоженного Пскова, где единственная приличная гостиница пристойна лишь по советским понятиям (в Новгороде — четырехзвездочная «Береста», две трехзвездочных и несколько двухзвездочных гостиниц), в вылизанный, прибранный, ярко освещенный Новгород, отчетливо видишь: две бывшие средневековые республики, две области со схожей историей и примерно одинаковым потенциалом последние десять лет развивались совсем по-разному.

Эпоха перемен

Прусак как был назначен Ельциным в 1991 году, так до сих пор и возглавляет область, успев дважды, в 1995-м и в 1999-м (досрочно), триумфально переизбраться. Псков пережил радикальную смену власти. В 1996-м на губернаторских выборах ельцинского назначенца Владислава Туманова победил элдэпээровец Евгений Михайлов. Тут политический курс поменялся первый раз. После выборов в 2000-м губернатор остался прежний, но курс опять откорректировали. В 1996-м, рассказывают аналитики из псковского Центра социального проектирования «Возрождение», новоиспеченный губернатор был «более верным и истовым элдэпээровцем, чем сам Жириновский». Областью интересовался мало, зато ездил в Приднестровье «наводить мосты», выпустил книгу «Время имперской власти».

Газета обладминистрации «Псковская правда» печатала в ту пору подробные отчеты о поездках и выступлениях Владимира Вольфовича, в области немалыми тиражами выходили откровенно черносотенные газетенки. Потом все это потихоньку сошло на нет. С 1999-го михайловские публичные выступления посвящены в основном уже не геополитическим, а областным проблемам. Он больше не жириновец — возглавляет областную организацию «Единства». Рецидивы «жириновства» еще случаются — в ноябре 2000 года Михайлов в одном из своих выступлений похвастал, что «Псковская дивизия сможет за 48 часов оккупировать Эстонию», но теперь такие эскапады скорее скандальное исключение, чем правило. Областная газета по-прежнему, разумеется, «губернаторская», обрела но-

вого, вполне respectable редактора и достойный облик, а всякого фашизоидного nepотpeбствa в киосках не видно. Поменялось и губернаторское окружение: отставлены наиболее одиозные личности, появились новые люди, в том числе заместитель по экономике Владимир Бланк, толковый экономист либеральных взглядов, этакий псковский Греф, человек, о котором даже яростные противники губернатора отзываются с неизменным уважением. Огoлтeлaя антизападная риторика постепенно уходит в прошлое — теперь псковские лидеры с гордостью рассказывают о работающих в области зарубежных инвесторах, пусть пока и немногочисленных, и участвуют в семинарах по местному самоуправлению в рамках евросоюзoвскoй программы «Тасис».

Удивляться тут нечему. Михайлова в 1996-м выбрали именно как лидера ЛДПР. В Псковской области — и в этом одно из важнейших ее отличий от Новгородской — велик удельный вес державно озабоченных. В советское время соседствующие с Псковской областью Эстония и Латвия, сыто-благополучные «витрины социализма», вызывали у псковичей раздражение. А уж когда прибалты вздумали отделяться да еще заявили претензии на псковские территории, раздражение переросло почти в ненависть. В области много военных пенсионеров, вынужденно покинувших Эстонию и Латвию, — не мудрено, что лозунги возрождения имперской мощи, угрозы в адрес Запада, «дерьмократов» и всех, кто «развалил державу», находят здесь поддержку. На думских выборах 1993-го, когда список Жириновского победил в России, получив 22 процента голосов, в Пскове ему отдали предпочтение 41 процент избирателей. (Тогда аналитики заговорили о «псковской политической аномалии». Позже репутация аномалии подтвердилась: нигде, кроме Пскова, жириновцам не удалось попасть в губернаторы.) Похожая картина наблюдалась и на более поздних выборах. Местные журналисты убеждены: губернаторские выборы 1996-го выиграл не Михайлов, а Жириновский, который собирал огромные аудитории. Явление Владимира Путина облегчило Михайлову разрешение непростой задачи — совместить верность прежнему державно-патриотическому идеалу с инвестициями и «Тасисом». Теперь он «человек Путина»: Путину же удается выглядеть сразу и патриотом, и западником. Владимир Бланк в интервью «Журналу» с усмешкой заметил: «Никакой разницы в идеологии ЛДПР и «Единства» нет — почитайте программы».

Впрочем, имидж Михайлова за эти годы менялся заметнее, чем политика его администрации. Как понатыкали с его приходом

во всех отраслях ГУПы (государственные унитарные предприятия), так они по-прежнему «унитарные», и никто не собирается их приватизировать. Блуждая по городу, натыкаешься, к примеру, на государственную унитарную переплетную мастерскую. Почему переплетное дело должно быть в руках администрации? «Все эти ГУПы — просто увод бюджетных денег в частный карман», — считает президент областной торгово-промышленной палаты Владимир Зубов. В январе областное собрание сочло работу ГУПов неэффективной и потребовало от администрации представить план их реформирования. Главный областной ГУП — «ПсковАлко», водочный монополист, любимое губернаторское детище.

Отношение к малому бизнесу в области остается враждебным. Показательна история введения «вмененного налога». (Переход на уплату фиксированного налога на вмененный доход освобождает мелкого предпринимателя от всех прочих.) Закон о налоге приняли на федеральном уровне, а ставки устанавливает регион. В Пскове ставку ввели такую, что предприниматели дружно встали на дыбы, собрались на конгресс и угрожали чуть ли не забастовкой. На конгрессе выступил Бланк, сказал, что «такие налоги платить невозможно», всех более или менее успокоил. Законодателям было предложено: пока не вводить единый налог, собирать старые, а в администрации тем временем посчитают и предложат более реальную ставку. Не успели законодатели проголосовать за это предложение, как администрация его отозвала: дескать, вносил его Бланк, а он на то полномочий не имел. Другой зам. губернатора, полномочиями облеченный, заявил, что администрация настаивает на исполнении ранее принятого. Скандал развивается, конца ему пока не видно.

В Новгороде — никаких скандалов. «У нас более дифференцированный подход, более проработанные ставки. Высчитывали, чтобы ни один вид бизнеса не попал под нож», — объяснял нам один аналитик новгородской администрации. Владелец крошечной будочки «Срочный ремонт обуви» выразил ту же мысль проще: «Тяжело стало с этим налогом. Но у нас хотя бы правительство о нас думает: делают так, чтобы кто водкой торгует — больше платил, а кто ботинки чинит — поменьше». В самой ли дифференциации дело или во всеобщей новгородской убежденности, что «о них думают»?

Казалось бы, смена элит — дело благое, гарантия от застоя. Опыт Пскова говорит об обратном. Новгородская «стабильность» оказалась вполне плодотворной.

Новгородское чудо

Псковские власти, когда им ставят в пример Новгород, обычно ссылаются на крупнейший химкомбинат «Акрон». Дескать, в Пскове в начале 90-х рухнули все предприятия, а в Новгороде не все: уцелел химкомбинат, который успешно работает, экспортирует минеральные удобрения. Однако неизвестно, как сложилась бы судьба «Акрона», если бы он не сумел вовремя привлечь иностранный капитал и прорваться на западный рынок. Новгородские власти первыми из всех региональных властей всерьез озаботились привлечением внешних инвестиций и с начала 1990-х последовательно выдерживают эту линию. Теперь, правда, новгородцам придется придумать что-нибудь новенькое. Когда по всей России разнеслась весть о «новгородском чуде», регионы принялись один за другим вводить у себя новгородские законы. В Новгороде особенно горюют, что налоговые послабления ввела у себя Ленинградская область — с ней, ясное дело, трудно конкурировать. Пока существовал в прежнем виде Совет Федерации, в котором рачительный Прусак возглавлял Комитет по международным делам, удавалось добывать инвестиции, используя международные контакты губернатора. Теперь и этот ресурс иссяк.

Объемы иностранных инвестиций в новгородскую экономику в последнее время снижаются. Правда, появились отечественные инвесторы: москвичи, сибиряки и проч. Область расположена недалеко от Москвы и Питера — двух важнейших потребительских рынков. Для шоколадной фирмы «Кэдберри», например (одного из крупнейших новгородских инвесторов), да и для многих других пищевиков это, наверное, решающий фактор. Вторая не менее важная вещь — в Новгороде инвестора любят и старательно обхаживают. Бывший первый заместитель Прусака Валерий Трофимов еще десять лет назад сообразил, что надо не просто создать благоприятные налоговые условия, но и помочь пришлому капиталисту прорваться через российскую бюрократию. «Мы их буквально водили за руку по всем кабинетам, — вспоминает новгородский чиновник. — Инвесторов помельче люди моего ранга, крупных — сам Трофимов». Позже, когда инвестиции пошли уже потоком, тот же Трофимов покинул администрацию и основал коммерческую фирму, готовящую «под ключ» регистрационные документы. Но в отличие от Пскова, где люди, покидающие администрацию, зачастую превращаются в ее врагов, Трофимов в новгородской остается «своим человеком».

Новгородские чиновники, что городские, что областные, с явным удовольствием и гордостью рассказывают о «своих» инвесторах и о своей работе с ними («Вы знаете, сколько «Кэдберри» вкладывает в благотворительность?», «А вы напишите, что Новтрак помогает многодетным семьям») и клянутся: «Мы взятки не берем». Обозреватель «Журнала» ехидно поинтересовалась, как это, мол, вы, самые низкооплачиваемые чиновники Северо-Запада (даже в Пскове зарплаты в администрациях повыше), не берете взятки? Присутствовавший при разговоре молодой специалист, который дотоле ни во что не вмешивался, вдруг весь передернулся и всплеснул руками: «Что вы такое говорите? Позор-то какой!» Американская исследовательница Наталья Динелло просила новгородцев и псковичей оценить по пятибалльной шкале уровень коррупции в своих областях. Псковичи ставили 3–5 баллов, новгородцы — чаще 2. Гендиректор Новтрака Андрей Комов (немецкая фирма «Зоммер», сборка грузовых прицепов для «дальнобойных» трейлеров) говорит практически то же, что и чиновники: да, по любому вопросу, от нехватки квалифицированных кадров до внезапных изменений федерального таможенного законодательства, он обращается в городскую или областную администрацию, и ему неизменно помогают, чем могут.

Любить инвестора — в Новгороде официальный политический курс, и под него удалось найти профессиональных и заинтересованных исполнителей. Местные журналисты шепчутся по углам о тайном соперничестве губернатора с мэром. Уж, наверное, этот дым не без огня. Но при этом городская и областная администрации, независимо от амбиций лидеров, успешно сотрудничают. (Не в пример Пскову, где губернаторы и мэры приходят и уходят, а городская власть с областной продолжают воевать клан на клан.)

Насколько оправдали себя налоговые льготы? За все то время, что действует льготный режим, Новгородская область «недополучила» 465,9 млн. рублей, а поступило в бюджеты и внебюджетные фонды 783,2 млн. Сумма вроде бы не впечатляющая. «Если бы не льготы, и этих денег не было бы», — утверждает Наталья Савушкина, заместитель председателя комитета по экономике в областной администрации. Суммы невелики, потому что многие предприниматели хитрят — льготы давались на срок окупаемости, многие предприятия по истечении этого срока запускают новый проект и, соответственно, вновь подпадают под льготное налогообложение. «Не можем же мы быть к ним в претензии за то, что они поль-

зуются недостатками нашего законодательства», — заметил Борис Вишневский из городской администрации. Только фирма «Кэдбери», у которой рассчитанный срок окупаемости истек в 2001-м, пошла по другому пути: обратилась в область с просьбой продлить срок льготного налогообложения — из-за дефолта 1998-го не вышли на окупаемость. Область скорее всего пойдет навстречу, несмотря на бюджетные трудности.

2001 год Новгородская область прожила с бездефицитным бюджетом — цель, к которой стремились десять лет, казалось, была достигнута. Но по новому Налоговому кодексу с 2002 года большая часть налогов уходит в Федерацию, поэтому новый бюджет принят с дефицитом 9 процентов. Но хорошие отношения с инвестором дороже. Новгородская область первая, еще до того, как был принят соответствующий федеральный закон, установила, что в случае изменений российского законодательства в неблагоприятную для инвестора сторону те, кто уже вложил деньги, будут жить по-старому. То есть область за инвесторов доплатит налоги в общероссийскую казну. Российским законом о защите инвесторов в Новгороде недовольны. «Федеральный закон оговаривает возможность сохранения льгот только для «приоритетных инвестиционных проектов», — возмущается Наталья Савушкина. — А для нас любой приоритетный, кто хотя бы два рабочих места создал».

В области убеждены, что социальная, если угодно, социокультурная роль инвесторов, западных и российских, важнее, чем фискальная. Такой подход, похоже, себя оправдывает. Игорь Школьный работает на Новтраке начальником производства. Ему еще нет тридцати, до Новтрака был рабочим на крупнейшем местном химкомбинате «Акрон». Закончил вуз, понял, что на «Акроне» карьера ему в ближайшее время не светит, пошел пробоваться на Новтрак. Прошел конкурс, стал заведовать производством. Доводилось встречать и других молодых людей, которые вот так, с улицы, приходили и устраивались на высокооплачиваемую (по местным, конечно, понятиям) работу. Сама такая возможность — хороший стимул. В Пскове молодые люди чаще всего жалуются как раз на отсутствие перспектив.

О свободе и демократии

Новгородская власть зримо или незримо присутствует, кажется, во всех сферах жизни. Областная и местные администрации «решают вопросы» бизнеса, когда надо, уговаривают действовать в интере-

сах области, как в истории с водочной войной, или выступают «разводящими» во внутренних конфликтах. При этом сама администрация консолидирована сверху донизу: хотя именно в Новгородской области по инициативе Прусак местные власти получили больше бюджетных полномочий, чем где бы то ни было, все ответственные решения принимаются по согласованию с областью. Словом, «все схвачено», все в руках губернатора. И предприниматели, и активисты неправительственных некоммерческих организаций объясняют, что властная опека не в тягость, а наоборот: и в Москве губернатор лоббирует их интересы, и грант «под него» выхлопотать легче. «В Новгороде тоталитарный режим», — проникновенно говорил Владимир Бланк обозревателю «Журнала». Это неправда. Хотя бы потому, что никаких фактов репрессий в отношении непокорных никто в Новгороде не может припомнить. На входе в здание новгородской обл администрации висит грозное объявление: «Вход строго по пропускам или документам, удостоверяющим личность». — «Что, просто по паспорту?» Стоящий в дверях дюжий милиционер улыбается: «Проходите, пожалуйста». Вслед за обозревателем «Журнала» входит бабушка в потрепанном пальто и даже паспорт не показывает, говорит: «Мне на укольчик», — и топает мимо поста. «В гардеробе разденьтесь, пожалуйста», — напутствует ее в спину милиционер. Оказывается, поскольку в администрации по штату все равно положена ставка фельдшера, здесь рассудили: пусть заодно обслуживает пенсионеров из окрестных домов. Какой, к черту, «тоталитарный режим»!

Но, конечно, и демократией в Новгороде тоже не пахнет. На последних выборах Прусак получил 91,8 процента голосов, и нет данных, чтобы кто-нибудь что-нибудь подтасовывал. Просто не было выбора. В области нет даже намека на оппозицию. Редактор и издатель единственной в Новгороде независимой газеты — «Новой новгородской газеты» — Сергей Брутман объясняет: «У нас нет основы для оппозиции: нет второго центра, такого, как Великие Луки в Псковской области, нет мощных предприятий, конкурирующих между собой. Не вырос пока и амбициозный лидер, который мог бы претендовать на власть в области. Винить Прусак в том, что он не занимался выращиванием оппозиции?» — он выразительно пожимает плечами. По словам Брутмана, за время существования «Новой новгородской» Прусак несколько раз обижался на публикации, но ни разу не пытался «наехать» административно: «Ему это было бы неудобно. Он все же дорожит своей репутацией».

В Пскове выходят две открыто оппозиционные газеты: одна областная, другая городская, причем обе печатаются в псковской областной типографии. Обе газеты и еще один телеканал принадлежат Михаилу Кузнецову, основателю МДМ-банка, депутату Госдумы от Псковской области, в свое время избиравшемуся, как и Михайлов, по спискам ЛДПР, потом тоже покинувшему партию. Кузнецов некогда был близок с Михайловым, избирался от Псковщины при покровительстве последнего, а в 2000 году неожиданно для своего недавнего партнера выдвинулся в губернаторы. Сегодня Кузнецов по существу главная оппозиционная сила на Псковщине, причем пока неуязвимая для областной власти: его главные ресурсы расположены за пределами области. «Это не оппозиция, — считает бывший мэр Пскова Александр Прокофьев, наиболее последовательный местный либерал, некогда решительно оппонировавший сначала Туманову, потом Михайлову. — Оппозиции как организованной силы, объединенной идеей, у нас нет. А Кузнецов и Михайлов — одна семья, что-то внутри себя не поделившая». Пусть так, но газеты выходят хорошие, содержательные, критикующие Михайлова за дело: за ГУПы, за непомерную ставку налога, за неумение договариваться с бизнесменами. «Мы пишем, как хотим, у нас только два ограничения: не нападать на Кузнецова и его мелькомбинат», — делились местные журналисты. Конфликт Михайлова с Кузнецовым — возможно — борьба амбиций, действительно никак идеологически не окрашенных. Но именно этот конфликт создал пространство для маневра и журналистам, и обиженным предпринимателям, получившим трибуну для выражения своих претензий. В Пскове есть и собственно независимая газета, симпатичная и интеллигентная, но она едва-едва перебивается на спонсорские вливания и, по мнению некоторых аналитиков, долго не продержится. «Гражданского общества» в Пскове количественно меньше, чем в Новгороде. Зато некоторые организации существуют не просто независимо, а в прямом противостоянии властям. «Если бы у нас были такие власти, как в Новгороде, и мы бы с ними охотно сотрудничали», — уверял обозревателя «Журнала» Лев Шлосберг, директор Центра социального проектирования «Возрождение».

В Новгороде сложились классические патерналистские отношения общества и власти: граждане любят начальство, начальство «о них думает». Порой (очень редко) граждане проявляют самостоятельность и действуют вопреки воли начальства: например, на выборах в Госдуму прокатили Геннадия Бурбулиса, которого изо

всех сил поддерживал Прусак. Но, как правило, властям удается договариваться с самыми разными общественными структурами. За десять лет область не знала ни одного серьезного социального или политического конфликта.

Псковская область демонстрирует иной, «конфликтный» способ существования. Псковская власть ни разу на протяжении минувшего десятилетия не была столь сильна, чтобы контролировать все сферы жизни. Дело тут, разумеется, именно в объективной слабости, а не в сознательном отказе от таких попыток.

Конфликт, конкуренция на первый взгляд ближе к классической демократии, чем патернализм. И впрямь, вот в Пскове пусть небольшие, но «островки свободы», а в Новгороде «все схвачено». Но с точки зрения самых широких слоев новгородцев и псковичей псковская «конфликтность» жить мешает, а новгородский патернализм — как раз то, что нужно. За минувшие десять лет новгородская модель оказалась эффективней и с точки зрения развития региона, и с точки зрения психологического комфорта граждан.

Нежелательный контингент

Россия нуждается в рабочих руках. А власти ограничивают въезд в страну.

Если бы не Светлана Ганнушкина, я бы тоже никогда не узнала, что все люди с советскими паспортами, оказывается, по закону российские граждане. Светлана Алексеевна, известный правозащитник, председатель общественной организации «Гражданское содействие», занимается проблемами беженцев и вынужденных переселенцев, так что она в курсе. Шутит, показывая текст закона «О государственной политике РФ в отношении соотечественников за рубежом» («Закон о соотечественниках»): «Никто, кроме меня, этого не знает».

В шутке изрядная доля правды. Ни один из трех проектов закона о гражданстве, внесенных в Госдуму, никак не соотносится с пунктом 4 статьи 11 «Закона о соотечественниках»: «Гражданами Российской Федерации признаются лица, состоявшие в гражданстве СССР, и их потомки по прямой нисходящей линии, не заявившие путем свободного добровольного волеизъявления о своем желании состоять в гражданстве других государств». Закон был принят в мае 1999 года, подписан президентом и никем не отменен. Беженцы из Азербайджана, Казахстана, Узбекистана десять лет живут без гражданства и понятия не имеют, что автоматически стали гражданами России. Выпускники российских вузов, уроженцы Украины и Казахстана, заключают фиктивные браки, чтобы обрести вожделенное гражданство и остаться работать в России. Им и невдомек, что, будучи «прямыми потомками по нисходящей линии», они могут просто требовать российский паспорт, если, конечно, не заявляли о желании обрести гражданство другой страны.

Что будет, если кто-нибудь заявится в паспортный отдел, держа в одной руке свой серпастый-молоткастый (доказательство, что «не заявлял путем свободного волеизъявления»), а в другой — текст «Закона о соотечественниках»? Ганнушкина, человек бывалый, отвечает без тени сомнения: «Ему ответят, что этот закон не действует. Всем же известно, что у нас не все законы действуют». Потому и забыли про закон, что он, наверное, ни разу за три года

не применялся. В России иммиграционный режим определяется не законами.

Закон о гражданстве 1991 года позволял бывшим гражданам СССР вплоть до конца 2001 года стать российскими гражданами, подав соответствующее заявление. В сопроводительном письме законопроекта, сейчас внесенного Владимиром Путиным в Думу, по этому поводу сказано: «Сравнительный анализ действующего закона с зарубежным законодательством о гражданстве выявил его уникальный либерализм». Что с чем сравнивали? Совершенно очевидно, что постсоветское пространство уникально. Ничего подобного не наблюдалось ни при распаде Британской империи, ни Французской. Бывшие советские украинцы, армяне, молдаване, даже литовцы гораздо ближе русским, нежели индусы англичанам или алжирцы французам. Эту уникальность и пытались учесть в 1991-м. Другое дело, что за минувшие десять лет не все желающие смогли получить российское гражданство. Заявление надо было подавать по месту регистрации. Те, кто, перебираясь в Россию, не выписался из своего Ташкента или Целинограда (не всегда ведь есть уверенность, что удастся устроиться на новом месте), не получали здесь постоянной регистрации. Стало быть, требовалось вернуться «к месту постоянного проживания», либо выписаться, либо там идти в консульский отдел. На это нужны немалые деньги, а откуда их взять недавним иммигрантам? В бывших советских республиках тоже не все было просто: очереди в консульство на годы. По данным «Гражданского содействия», во многих консульских отделах этим пользовались и брали деньги за ускорение процедуры — ставка доходила до 250 долларов — суммы для тамошних жителей огромной. Так что довод противников «ультралиберального» порядка, мол, все, кто хотел, уже получили гражданство, не вполне справедлив. Кроме того, за десять лет выросло новое поколение: немалая часть украинской, казахстанской, молдавской молодежи хотела бы учиться по-русски и работать в России. Зачем России ставить на их пути препятствия?

Страна — и это единодушно признается всеми экспертами-демографами, об этом кричат политики всех видов и мастей — переживает демографический кризис. Через несколько лет число работающих сравняется с числом пенсионеров, и тогда не из чего будет платить даже такие мизерные пенсии, какие платят сейчас. Пару лет назад, в связи с пенсионной реформой, эта проблема активно обсуждалась и в обществе, и в правительстве — предлагали и отодвинуть на пять лет возраст выхода на пенсию, и ускорить пере-

ход к накопительной пенсионной системе. В итоге в правительстве пришли к выводу, так объяснял автору этих строк в декабре 2000 года заместитель министра экономики Михаил Дмитриев, что единственно возможное решение — активное привлечение в Россию иммигрантов. Собственно, никакого велосипеда не изобрели: именно с помощью молодого приезжего населения решают демографические проблемы «стареющие» Европа и Северная Америка. У России в этом смысле есть очевидное преимущество: наш основной иммиграционный ресурс — не культурно чуждые арабы, турки или мексиканцы, а те, кто еще совсем недавно был нашим соотечественником, — люди, которым не надо специально учить русский язык и привыкать к нашим обычаям.

Казалось бы, политическая задача ясна: создать им в России режим наибольшего благоприятствования. За минувшие 10 лет из стран ближнего зарубежья к нам, по оценкам демографов, перебрались около четырех миллионов. Для решения наших задач этого явно недостаточно. Академик Анатолий Вишневский, специалист по проблемам народонаселения, считает, к примеру, что стране необходим приток как минимум в миллион в год. Разумеется, выполнить такой план или хотя бы приблизиться к этим цифрам за счет одних только русских ближнего зарубежья нереально. Но, слава богу, Россия может пока быть привлекательна не только для русских. В беднейшей европейской стране Молдове на Россию взирают как на Клондайк — чуть не треть мужского населения у нас на заработках. В основном нелегально. То же с жителями Армении. Украина куда как богаче Молдовы и Армении, но и украинцев в России немало, и тоже в большинстве своем нелегалы. Государственный интерес не в том, чтобы поймать их, разоблачить и выдворить, а в том, чтобы облегчить им переезд в Россию: пусть живут и работают легально.

Ученый-демограф Жанна Зайончковская уверена, что миграция из Закавказья могла бы решить множество демографических проблем. В 80-е годы переселенцы из Закавказья занимали, по словам исследователя, важные трудовые ниши: в основном их силами велось строительство дорог в средней России, и во многих колхозах и совхозах Нечерноземья грузины и азербайджанцы работали зоотехниками, агрономами и ветеринарами. «Это легко адаптирующиеся к нашим условиям мигранты, — говорит Зайончковская. — К сожалению, мы теряем этот потенциал. Последние годы они предпочитают переезжать куда-нибудь в Турцию и Грецию». Получается, что режим, существовавший до 2001 года, был не «слишком»,

а недостаточно либеральным. Вместо того чтобы сделать получение российского гражданства еще проще (навести порядок в консульских отделах, предоставить возможность обращаться с заявлениями по месту временной регистрации и проч.), его зачем-то усложнили, а от «заявительного» принципа отказались вообще.

По новому закону требуется не менее пяти лет непрерывного законного проживания на территории РФ. (Сказано, что для бывших граждан СССР срок может быть сокращен, но решать это будут в МВД, то есть сами понимаете, по какому принципу.) Оговорено: «законное» — это значит с видом на жительство. Опять же все в соответствии с мировой практикой. Вот только у нас до сих пор нет закона, в котором были бы изложены основания для выдачи вида на жительство. Никто не знает толком, что это такое и кому и зачем оно нужно.

Депутат Госдумы Борис Надеждин, автор одного из предлагавшихся законопроектов о гражданстве, оценивает число выданных за десять лет по инициативе местных властей «видов на жительство» примерно в десять тысяч. (Это на 4 млн. мигрантов!) Если потенциальные соискатели гражданства сейчас выстроятся в очередь за «видами», сотрудники МВД смогут значительно улучшить свое материальное положение. Еще одно требование к будущим гражданам — наличие «законного источника средств к существованию». На первый взгляд против этого трудно возражать. Только задумаемся: зачем люди домогаются российского гражданства? Если бы оно, как американское, давало чувство защищенности в любой точке земли, или сулило бы некие социальные преимущества, или просто заведомое уважение на любом паспортном контроле в любой стране... Так ведь нет. Что, наши бывшие соотечественники, платившие по 250 долларов за российский паспорт, так стремились участвовать в выборах? Или, может, в армии Российской мечтали послужить? Да нет, людям надо было легализоваться в России. Получить тот самый «законный источник средств к существованию». Для них (в отличие от европейских или американских иммигрантов) гражданство — не завершение, а начало интеграции. Те, у кого есть уже и вид на жительство, и постоянная работа, не станут хлопотать о гражданстве.

Все появившиеся на свет комментарии к законопроекту полны рассуждений об опасностях «неконтролируемой миграции» и способах отсечь «нежелательный контингент». Эти комментарии гораздо хуже, чем сам законопроект, потому что именно они указыва-

ют магистральное направление движения: «Не пущать!» Путин вроде бы говорит противоположное. Подписывая в конце февраля указ о передаче функций Федеральной миграционной службы МВД, он произнес: «Россия заинтересована в притоке трудовых ресурсов в страну, и задача миграционной службы — обеспечить этот приток», — но он и про защиту свободы слова все время говорит. Между тем Министерство внутренних дел при всем желании не может заниматься привлечением мигрантов. Оно, разумеется, может и должно контролировать миграционный процесс. Но весь предшествующий опыт заставляет предположить, что контроль сведется к тому, чтобы «держать и не пущать». Стало быть, эта задача признана главной. Так, словно у нас, как в Китае, своего народу девать некуда. Между тем в любой точке России (кроме Северного Кавказа), стоит только разговориться с собственниками или менеджерами крупных предприятий, обязательно услышите жалобы на нехватку людей: «Область недоселена. Некого нанимать», — говорили мне и на Курилах, и в Калининграде, и в Новгороде, и во Владимире. (Речь идет не о том, что число рабочих мест больше численности населения. Но хороший хозяин не берет кого ни попадая, а отбирать не из кого: мало молодежи — еще меньше не спившейся и работающей.) Один калининградский капиталист мечтал: «Чуть-чуть раскрутимся — построю коттеджи и приглашу работников из ближнего зарубежья». Расчет простой: тот, кому лишь бы дожить до ближайшей бутылки, с насиженного места не сорвется. Мигрант — всегда человек, ищущий лучшей доли. Значит, будет стараться, зарабатывать, вкалывать. «Как только чуть-чуть зашевелилась экономика, стало очевидно, что работать некому», — говорит Зайончковская.

Представитель президента в Госдуме Александр Котенков при обсуждении законопроекта выдвинул замечательный «ужесточительный» аргумент: дескать, практика показывает, что к нам едут не состоятельные люди, а бедные: «Москва наводнена нищими таджиками». Наблюдение верное. Да только богатые, благополучные, всем довольные люди вообще не имеют обыкновения эмигрировать. Нефтяные магнаты из стран Персидского залива к нам не поедут. Но сегодняшние нужды России требуют, чтобы «нищие таджики» смогли перестать pobираться в подземных переходах, шарахаясь от каждого милиционера, легализоваться и стать обычными российскими налогоплательщиками и, кстати, многодетными родителями будущих налогоплательщиков. Нам так нужно. Не им, а нам.

Законсервировавшиеся

Российские правые окончательно уверовали, что рыночная экономика может успешно развиваться и без либеральной политической системы.

Весной 2001-го Владимир Мау, глава Центра экономических реформ при правительстве РФ, один из самых ярких игроков гайдаровской команды, в разговоре с автором этих строк высказался в том смысле, что либеральные ценности все глубже проникают в общественное сознание, а либеральные идеи стали почти официальной идеологией. Я, признаться, опешила. Процесс сжирания НТВ был в самом разгаре (на тот момент опальному каналу в его прежнем виде оставалось жить меньше месяца); Гусинский был «объявлен в международный розыск», а все прочие олигархи приведены в состояние повышенной нервозности и один за другим клялись в верности президенту; советский гимн был восстановлен в своих правах — словом, атмосфера в стране, как мне казалось, царила препаршивая. А тут один из главных российских либералов демонстрирует такой оптимизм.

«Могли ли вы еще недавно предполагать, что дискуссии об экономической политике будут вестись не между коммунистами и демократами, а между Чубайсом и Илларионовым?» — парировал Мау мои сомнения. И стало понятно, почему Гайдар и его единомышленники решительно поддержали Путина и даже войну в Чечне и почему не слышны были их голоса, когда уничтожали независимые СМИ... Наши правые в какой-то момент вспомнили марксистский тезис о первичности общественного бытия и экономики и решили, что главное — торжество частной собственности и свободного рынка, а все остальное приложится. Теперь для них либерал — тот, кто за рыночную конкуренцию, а их отношение к свободе слова или бомбардировкам чеченских сел зависит от того, поддерживает ли президент снижение налоговых ставок. После прихода Путина к власти в СПС разве что Борис Немцов время от времени вспоминает о правах человека и гражданских свободах и пытается как-то оппонировать президенту. А Гайдар, Чубайс, тот же

Мау, Илларионов — наиболее авторитетные и влиятельные политики из числа либералов — не говорят о безобразиях, а лишь о «постреволюционной стабилизации» и о том, что президент — единственный гарант экономических реформ.

Помнится, перед выборами в Госдуму 1995 года, когда возглавляемый Гайдаром «Демвыбор России» занимал резко антивоенную позицию (шла первая чеченская война), я спросила Егора Тимуровича, как ему кажется, прибавляет ли эта оппозиционность им голосов. Он ответил гордо: «Думаю, мы скорее потеряли. Но разве можно было иначе?» Прошло четыре года — оказалось: еще как можно! На днях довелось напомнить Леониду Гозману, помощнику Чубайса и влиятельному функционеру СПС, как накануне выборов 1999-го его шеф, Анатолий Борисович, во время теледебатов с Григорием Явлинским обвинил последнего чуть ли не в измене родине лишь за то, что тот не одобрил вторую чеченскую войну. «В Чечне возрождается наша армия!» — воскликнул тогда Чубайс. «Это была правильная позиция, — улыбнулся мне Гозман. — Она принесла нам голоса».

И это правда. Не от злокозненности или порочности правые выбрали нынешнюю позицию — их жизнь заставила. Российское общество, в конце 80-х жаждавшее (по крайней мере его наиболее активная часть) прежде всего свободы слова, печати, манифестаций, самовыражения, за десять лет радикально изменилось. Сколько там человек вышло на митинг в защиту НТВ? Вспомнить смешно! А за ТВ-6 вообще почти никто не почесался. Это при том, что как раз перед отъемом лицензии ТВ-6 запустило самый рейтинговый проект «За стеклом». Представляете, сколько народу высыпало бы на улицу в 91-м, если бы Горбачев попытался прикрыть российские «Вести»? А сколько выходило защищать Литву! Шахтеры тогда вообще политическую забастовку за ликвидацию поста президента СССР организовывали. Сейчас подобные страсти могут кипеть разве что из-за невыплаты зарплат или против реформы ЖКХ. Еще в середине 90-х общество хоть и не сразу, но ко второму году чеченской войны стало от души сочувствовать жертвам бомбежек и «зачисток» и сумело добиться прекращения войны. Вторая же чеченская была принята на ура практически всеми. И даже теперь, когда война затянулась и стала непопулярна, античеченские настроения и готовность к любому насилию в отношении чеченцев нарастают в обществе вместе со стремлением закончить войну. На протяжении 90-х наши согра-

ждане утвердились в мысли, что свобода и права, свои и особенно чужие, не так важны, как государственная опека и защита, и что вполне можно пожертвовать свободой и правами во имя «сильного государства» (понимаемого зачастую как репрессивное). Маятник общественных настроений качнулся от либеральных к государственно-патриотическим. В самом деле, «постреволюционная стабилизация».

В 95-м «Демвыбор» сохранил лицо, но не прошел в Думу и едва сохранился как политическая сила. В 99-м СПС не только прошел, но и набрал неожиданные даже для его лидеров 8,5 процента. Конечно, он прихватил «чужие» голоса: в начале 2000-го во время социологического обследования, проводившегося в одном провинциальном городе среди избирателей СПС, вдруг выяснилось, что эти избиратели твердо стоят за государственное регулирование экономики и убеждены, что Россия должна «не подражать Западу, а двигаться своим, свойственным лишь ей путем». Но и классический «правый» электорат к 1999-му приветствовал войну и не желал, да и теперь не желает, слушать никаких «правозащитных благоглупостей» (именно так выражается в последнее время мой добрый знакомый, некогда поклонник диссидентов, а ныне приверженец Гайдара с Чубайсом). Слово «правозащитник» произносится в сегодняшней России почти с пренебрежением. Не мудрено, что наши умные правые испугались перспективы оказаться в политических маргиналах. И ход их мысли вполне понятен: пока в стране нет слоя, нет общественной силы, способной последовательно отстаивать ценности прав и свобод, «серьезные» политики не будут выступать на эту тему. А вырастут эти силы, согласно марксистской логике российских либералов (их правильнее было бы теперь именовать «консерваторами», да они и сами все чаще себя так называют), не раньше, чем окрепнет слой свободных предпринимателей. То есть сначала экономические реформы, а права и свободы потом, на закуску.

Однако вопрос, можно ли в современной России создавать либеральную экономику и одновременно отстраивать «вертикаль власти» в нынешнем ее виде, то есть подгрывая «под президента» все общественные и государственные институты, остается открытым. К примеру, отсутствие независимого суда приводит к тому, что экономическая конкуренция сплошь и рядом подменяется неэкономической. Типичная история: у фермера, у которого производительность труда в хозяйстве раза в полтора-два выше, чем в сосед-

нем ЗАО (бывшем колхозе), это самое ЗАО спокойно отбирает землю. По суду, разумеется. Судья у нас не желает ссориться с местной администрацией, а местная администрация всегда дружит с колхозами, а не с фермерами. Никто и ничто не мешает региональным или местным властям отобрать предприятие у эффективного, но «не своего» собственника и передать неэффективному, но «своему». Это рынок? И как, если не развитием подлинно независимых суда, аудита, арбитража и (уж извините) СМИ, можно с этим бороться?

Беда наших правых в том, что, как замечает видный российский политолог Игорь Клямкин, «в современной России нельзя быть либералом и консерваторм одновременно, потому что либеральные принципы и ценности до сих пор проходили здесь по разряду невоплощенного, в общественном и государственном укладе не укорененного». Другими словами, «консервировать» либеральные институты и традиции у нас рановато — их еще надо создавать. Те, кто некогда называл себя либералом, по существу разделились на «экономическое» большинство — СПС и близкие ему политики, и малюсенькое, еще меньше СПСа «правозащитное» меньшинство — «Либеральная Россия» (субсидировать которую осмеливается только Борис Березовский). По-настоящему и тех, и других трудно назвать «либералами»: первых потому, что либерал все же от слова «свобода» (любая, а не только экономическая), вторых потому, что в упоении от своей оппозиционности они не замечают несомненно либеральных действий правительства в сфере экономики. В итоге либеральная позиция вообще не звучит. Черт знает, что творится вокруг «дела Буданова» (российского полковника, изнасиловавшего и задушившего девятнадцатилетнюю чеченку), доносятся лишь громкие вопли тех, кто называет Буданова «героем» и «лучшим русским» и требует его немедленно отпустить, а правые — как воды в рот набрали. Журналист Григорий Пасько получает срок по явно сфабрикованному обвинению в шпионаже — чем не повод заявить свою позицию о роли и месте спецслужб в правовом государстве. Ничего подобного — только тонкие голоса правозащитников слышны, а записные либералы-экономисты, видно, считают, что не их это забота. А проблема чеченских беженцев? Тоже ведь политический вопрос, по которому надо бы высказаться. Или СПС разделяет позицию президента и в этом вопросе и готов запикивать этих людей обратно в Чечню?

А у власти развязаны руки. Было бы странно ожидать, что президент или какие-либо еще властные структуры будут заботиться о праве граждан противостоять этим самым структурам. Во всем мире власти терпят независимые СМИ и свободолюбивых граждан лишь потому, что общество этого требует. У нас этого требует столь ничтожная часть общества, что ею смело можно пренебречь. Так что судьба той самой «свободной и ответственной личности», о которой печется Евгений Ясин, вызывает серьезные опасения.

История с продолжениями

Погром наподобие того, что был в Красноармейске, может повториться там же или в другом российском городе. У страны нет иммунитета к крайним проявлениям шовинизма.

Сидят на жердочке — низкой оградке вокруг чахлых газонов — трое пацанов лет десяти и между собой толкуют: «Армянов пойдешь мочить?» — «Угу». Останавливаемся, интересуемся: «Ребята, вы на митинге были?» — «Были, — отвечает самый бойкий, тот, что собирается «мочить армянов». И хвастается: — Там Галья моя выступала, брата жена». В тот день в Красноармейске, маленьком подмосковном городишке, был митинг. Собравшиеся требовали выгнать из города армян и вообще всех нерусских и еще отпустить погромщиков. За несколько дней до митинга в городе случился армянский погром, хотя местные власти и милиция предпочитают называть это «дракой на бытовой почве». Все и впрямь началось с драки. Сидела за столиком в баре подвыпившая армянская компания, пристали к девушке за соседним столиком, а парень, девучкин приятель, их окоротил. Те прицепились к нему, мешали танцевать, требовали: «Пойдем, выйдем». Когда тот вышел, бросились избивать, а главный заводила — тот, что и девушку за руки хватал, пырнул ножом. К счастью, милиция быстро подроспела, хулигана с ножом задержали на месте, Игорь (так зовут молодого человека, которого пырнули) отделался легкой раной — она быстро зажила. Однако по Красноармейску тотчас пронесся слух: «Армяне нашего зарезали», — и в мгновение ока откуда-то возникли парни с бейсбольными битами, бросившиеся избивать армян. Не тех, кто бил Игоря и приставал к девушке, а кто под руку подвернется. Окружали машины, вытаскивали и били, врывались в квартиры, топтали ногами. Вахханалия началась около семи вечера и длилась, почитай, всю ночь. В пять утра погромщики вломились на табачную фабрику — там армянское начальство, и фабрика считается «армянской», точнее «инородческой». Работают на фабрике в основном не местные, а приезжие разных национальностей. Так уж сло-

жилося, что, несмотря на сравнительно неплохие оклады (тысяч по семь могут заработать простые работяги, а специалисты и все двадцать), «коренные» красноармейцы сюда не идут — смена по двенадцать часов, график очень напряженный. На «табачке» погромщики лупили кого ни попадя. «Никола — он вообще хохол, он тут вроде ни при чем, — рассказывал нам вальяжный светлоголовый работник фабрики, армавирец, чистокровный русак. — Он едва нагнулся за сырьем, а ему эти бейсбольной битой ка-ак вломят — он до сих пор еле ходит». Только в больнице после погрома оказалось двенадцать человек, а те, кому досталось не так сильно, в больницу обращаться побоялись.

Армяне

Рафаэль снимает комнату в знаменитом на весь Красноармейск общежитии под названием «Париж» — тараканы, грязные, вонючие сортиры, сырые, обшарпанные стены. Кроме него, армян в общежитии нет. Он стоял на балконе, курил и видел, как подъехали парни с бейсбольными битами и один из них поначалу переговаривался с жителем соседнего дома, стоявшим неподалеку. «Это был милиционер, только он был в гражданке», — уточняет Рафаэль. А потом тот, что шептался с соседом, крикнул: «На второй этаж», и жена, гулявшая внизу с маленькими дочками, попробовала по-армянски предупредить Рафаэля, чтобы тот спрятался, а ей тотчас заорали: «По-русски говори!» Рафаэлю бежать было некуда, его поймали в коридоре и били, пока он не потерял сознание. «С соседями хорошо живете?» — «Замечательно, — отвечает за Рафаэля его молоденькая жена. — Здесь, например, одна бабушка всегда за детьми присмотрит, если я попрошу. И с другими тоже хорошо». — «И никто из соседей не вышел, не попытался вмешаться?» — «Боялись, их большая толпа была».

У Рафаэля сломано несколько ребер, и он мучается, что уже две недели как не может работать. «Только нашел хороший заказ, два дня проработал, а тут такое...» Рафаэль по образованию инженер, в России живет уже полтора года и зарабатывает как строительный рабочий: нанимается строить и ремонтировать дачи, квартиры. У него тут же, в Красноармейске, живут брат и двоюродная сестра с мужем и сыном. Рафаэль работает вместе с братом и племянником, а когда втроем не справляются, нанимают еще кого-нибудь из приезжих: молдаван или украинцев. Армянам не только в Красноармейске, а везде, где возникает «армянский вопрос», как

раз и ставят в вину, что они приезжают к родственникам, так что после появления кого-то одного вскоре жди целого клана, и с родственниками же предпочитают работать.

Действительно, все армяне, с которыми довелось разговаривать в Красноармейске, приезжали сюда к кому-то из родственников или свойственников, снимали квартиру или комнату, потом приглашали других родственников и свойственников. Похожим образом ведут себя все приезжие, а в Красноармейске есть и молдаване, и узбеки, и украинцы. Приезжают на заработки, спасаясь от бескормицы дома. Ближнее Подмосковье — притягательный район для тех, кому не удалось зацепиться в Москве: заработки не московские, но больше, чем где-нибудь в Рязани или Калуге, и есть надежда рано или поздно перебраться в столицу. Одни живут и работают бобылями, исправно пересылая деньги жене и детям, другие, те кто в принципе рассчитывает закрепиться в России надолго, может быть навсегда, перевозят семьи. Гастарбайтеры сплошь легкомысленные авантюристы, и регистрация у большинства просрочена. Паспортный стол в Красноармейске с недавних пор не занимается оформлением регистрации — эту функцию передали в район, и теперь с бумагами надо ездить в Пушкино. А люди здесь деньги зашибают, им некогда, да и неохота тащиться за семь верст, отстаивать очередь, тем более что до самого последнего времени никто к ним с этой регистрацией не приставал. Теперь все изменится. На митинге мэр объявил во всеуслышание: в городе на сегодняшний день всего 43 зарегистрированных армянина. «Вы же знаете, — сказал он, — где живут незарегистрированные. Вот и сообщайте куда следует». Тут толпа недовольно загудела: «У вас свои службы есть. Пускай милиция сама работает». Поразительный в каком-то смысле народ — избивать не зазорно, а стучать не хочется. Как бы то ни было, у мэрии сейчас, видимо, нет другого способа сбить волну страстей, кроме как начать «образцово-показательное» выселение армян — тех, разумеется, кто не зарегистрирован. Прямо Краснодар какой-то.

Погромщики и их заступники

Город всколыхнулся после погрома. Не ужаснулся случившемуся, а смертельно обиделся на «несправедливые обвинения» в свой адрес — дескать, «ребята отомстили за девушку», а «пресса нагнетает». Милиция в конце концов задержала двоих из тех, что носились с бейсбольными битами. «Зачем забрали ребят? — говорят прохо-

жие на улицах. — Они за девушку заступились!» «Ребята» — это такое ласковое название погромщиков. И еще на улицах говорят: «Выселить всех армян из нашего города!»

Вообще-то время от времени и до, и после митинга люди собирались перед зданием городской администрации, чтобы «высказать наболевшее». Митинг вскоре после погрома — пик этих черносотенных настроений. «Почему, по какому праву их лечат в нашей больнице?» — возмущались митингующие. Рассказывали, как безмерно страдают они от соседства с армянами: «Они даже детей маленьких против нас настраивают. У нас соседский ребенок-армянин бежит с палкой и глаза детям выбивает!» (В местной больнице, естественно, не могут припомнить ни одного случая, чтобы кому-то из детишек выбили глаз.) Или: «Поставят свою машину, все перегорят — не сдвинешь!» — «Гнать их из города!» — тотчас отзываются в толпе. Потихоньку спрашиваю милиционера, надзирающего за митингующими: «Они правильно все говорят?» Тот отвечает как полагается: «Я при исполнении. Сниму форму — отвечу». Потом, вздохнув, добавляет: «А по секрету — все правильно».

Разумеется, звучат обычные в таких случаях жалобы на приезжих: девушкам не дают прохода, парней задирают и прочее. Единственный случай отвратительной поножовщины, после которого начался погром, в устах толпящихся у горадминистрации обрастает живописными подробностями: «Схватили девушку за волосы и потащили за свой столик, хотели здесь же ее на всех ...» — и тут же превращается в систему: «Постоянно наших девчонок за волосы таскают! Насилуют! Сколько наших парней порезали! И никому ничего! Вся милиция куплена. А наш только черного толкнет, сразу в тюрьму! Пусть ребят выпустят!» И то и дело: «Гнать всю черноту из нашего города!» В будние дни у горадминистрации собирается несколько десятков человек, но на главный митинг, тот, на который созывали листовками: «Неужели мы отдадим родной город в чужие руки?... Подумайте еще раз: сегодня порезали их...» и т.п., собралось, наверное, больше трехсот человек. Для 27-тысячного Красноармейска это много, примерно как для Москвы 100 тысяч. И это при том, что накануне часть листовок работники мэрии сорвали и развесили другие — что митинга не будет, отменяется.

Как всегда на митингах, выступают в основном люди средних лет, больше женщины, но толпится и одобрительно покрикивает народ самый разный. Подхожу к молодежной группке: два парня и девушка стоят поодаль, ни во что не вмешиваются. «Ребята, вы

просто посмотреть пришли?» — «Да, — охотно отвечает белоголовый парнишка лет двадцати. — Просто из любопытства. Они без толку разговоры разговаривают. Что они тут кричат: «Выселить» — это все ерунда. Черных с милицией не выселишь, они покупают себе любую прописку. Надо не разговаривать, а бить их. Вот побили, теперь эти нерусские сидят тихо, многие вообще сбежали». У моего юного собеседника свой счет к «нерусским». Там, где он работает, на упаковочном предприятии «Геопак», по его словам, директор — украинец, и «хохлы непрописанные по двадцать тысяч зарабатывают, а наш русский Ваня за копейки вкалывает». Сам он, к примеру, работает просто на износ (то-то посередь рабочего дня торчит — глазееет на митинг. — Г. К.), а получает на руки всего шесть тысяч.

Нормальные «черные силы»

А насчет «сбежали», кстати, правда: многие после погромов уехали из города. Да и те, кто еще не уехал — долечивается или заканчивает работу, поговаривают, что, наверное, подыщут себе другое место: «Ничего в этом городе хорошего не будет. Найду работу в Мытищах, в Пушкино... — пускай без меня живут». Впрочем, и те армяне, кто намерен покинуть Красноармейск, и те, кто собирается остаться, считают нужным заверять «представителей прессы», что «здесь не межнациональный конфликт, это кто-то нарочно подстраивает», что до этого эпизода «очень хорошо с русскими жили». Многие даже пускаются в «геополитические» рассуждения: вот, дескать, Армения — единственный союзник России на Кавказе, это кому-то мешает, и этот кто-то задумал поссорить Армению с Россией... Словом, «русские не виноваты, это какие-то черные силы...» Один со сломанными после погрома рукой и ногой (имя просил не называть) рассказывал мне про «черные силы», а потом припомнил, как весь в крови силился подняться и не мог залезть в подъехавшую «скорую», а «рядом на скамейке бабки сидели и смеялись». «Что эти бабки тоже «черные силы»?» — поинтересовалась я. «Люди не виноваты, их настраивают», — махнул рукой мой собеседник.

В одном правы и мэры города, и местные армяне: «межнационального конфликта» и впрямь нет. Конфликт — это вещь двусторонняя, а в данном случае армянская сторона ни с кем не конфликтует. Та злополучная драка возле кафе в самом деле не была межнациональной. А вот все последующее развитие событий — национализм в самых гнусных, погромных его формах. Избивали именно армян и теперь требуют выгнать армян и заодно всех при-

езжих — и это факт, которого, как бы ни старались городские власти, нельзя не заметить. Самое трогательное, что не только армяне, но и жители города, в том числе митингующие, из всех сил соглашались с мэром — да никакого национализма у нас нет, у нас обычная бытовая история.

«Неужели триста человек на митинг собралось?» — кажется, не очень поверил мне охранник с табачной фабрики, один из немногих на «табачке» коренных красноармейцев, моложавый, улыбочивый пенсионер. И поспешно добавил: «Вы не делайте, пожалуйста, скоропалительных выводов. У нас вообще-то нормальная обстановка. Вот с моими родителями по соседству жила армянская семья — у них были прекрасные отношения. Правда, сейчас эти армяне куда-то уехали». Он, как и его напарник (тот тоже из местных), слова худого не скажет ни про кого из приезжих: «Все работяги: и армяне, и молдаване, и хохлы — все у нас нормально работают». Национализм искренне осуждает, но страшную историю, случившуюся в Красноармейске, и он, и его напарник стараются представить окружающим, да и самим себе, случайностью, эдаким малозначительным эпизодом.

Вообще немногочисленные «положительные» люди, с которыми довелось встречаться в Красноармейске, поражали именно этим: никто не в ужасе, не в отчаянии от погрома — все первым делом говорят: «Пресса нагнетает». Вот серьезный инженер с местного оборонного предприятия — упитанный сорокалетний дядька с явным осуждением глянул нам вслед на городской улице: «Митинг собираетесь освещать? До чего ж вам жареное нравится! Вот увидите, вас, журналистов, там будет больше, чем народу!» (Ошибся.) Разговорились: «Все у нас нормально. Дети армянские с русскими играют, в школу вместе ходят — никаких проблем. Обычная бытовая драка». Поговорили еще, он сказал, что, кстати, рынок в Красноармейске держат армяне и цену заламывают непомерную: «Моя личная точка зрения — я бы этот рынок вообще закрыл бы». Девушка-официантка в баре недоумевает, кому помешали армяне: «У нас рядом в автосервисе работают — нормальные парни. Кому надо их выселять?» Подумав, она добавляет: «Если бы армяне сами эту историю не раздули, ничего бы не было». Я не поняла: «Раздули» — это сообщили в прессу и на телевидение, когда их избили?» — «Ну да», — спокойно согласилась девушка. Интеллигентного вида женщина жаловалась мне, что на семью за последнее время обрушилось два подряд несчастья: в конце мая неизвестные — «они ме-

жду собой не по-русски говорили» — избили и ограбили мужа, а в июне какой-то «гражданин Молдавии» изнасиловал дочь. В обоих случаях преступники не пострадали: грабителей не нашли, а насильника продержали два дня в милиции ипустили. После горького монолога о продажности и некомпетентности милиции женщина неожиданно заключила: «Знаете, я — нормальный человек, у меня подруга азербайджанка, но если сейчас при мне будут бить армян — я не заступлюсь и милицию не вызову».

Активных сторонников погромов в городе, конечно, не большинство, но, ей-богу, армянам, да и всем приезжим в Красноармейске оставаться опасно!

Этот и другие города

Красноармейск при советской власти был закрытым городом. Здесь расположен артиллерийский полигон и при нем еще два оборонных предприятия. Раньше полгорода работало в «оборонке», а вторая половина на местной фабрике, которая в огромном количестве выпускала кирзу. Теперь фабрика практически умерла — один, что ли, цех работает, и никто толком не мог объяснить, чем занимается, а на закрытых предприятиях зарплаты совсем низкие, и те на полгода задерживают. Поэтому в «оборонке» трудятся в основном люди предпенсионного возраста. Вообще привлекательных рабочих мест в городе практически нет. При этом местные жители страшно гордятся своей «оборонкой»: каждый встречный непременно скажет, что у них в городе есть полигон, а на вопрос, что за полигон, хитро прищурится: «Это секретный объект». Все как один вздыхают о временах, когда город был закрытым: «Тогда никаких безобразий не было, было все тихо, никаких наркотиков не знали. А теперь чурки среди бела дня по закрытому предприятию ходят». Одна предпринимательница из Пушкино, торгующая на местном рынке, рассказала мне по секрету, что у Красноармейска репутация самого наркоманского в округе города. Насчет наркотиков не знаю, но пьяные попадают на улицах с раннего утра. Пьянство и прочие социальные напасти — удел многих бывших закрытых городов. И все жители этих городов винят в своих бедах приезжих и ностальгируют по былой «закрытости». На самом деле, думается, дело тут в том, что в советское время на «оборонке» особенно тщательно следили за дисциплиной, и общество, привыкшее жить с внешними ограничителями, не сумело выработать внутренних. «Закрытость» — это ведь был не только режим, но еще и

определенный статус. Жители Красноармейска — да что греха таить, все работники «оборонки» — горячо сожалеют об этом утраченном статусе самых нужных, первостепенных людей в стране. Появление приезжих, «черных» стало для них своего рода символом этого утраченного статуса.

Как и все города ближнего Подмосковья, Красноармейск во многом выполняет роль «спального района» для Москвы: утренняя семичасовая электричка на Москву уходит битком набитая — люди едут на работу. Получилось так, что в городе как бы две категории населения: те, кто работает в Москве или ближе, но тоже вне города (в Пушкино, в близлежащем Цареве), — люди, вынужденно оторванные от жизни Красноармейска: они с утра пораньше на работу, вечером возвращаются поздно, им лишь бы до постели. И это самые предприимчивые, энергичные, умелые жители города. Остальные ощущают себя обделенными и злобятся на весь свет. Так что некому дать отпор погромщикам.

Мы долго успокаивали себя: Россия — не националистическая страна. Утешались выгодными сравнениями с Закавказьем, Прибалтикой и прочими. Действительно, средний российский гражданин, средний русский человек, если он живет не на Кубани, как правило, не очень озабочен национальным вопросом. Но вот все чаще встречаются у нас исключения из этого правила: то скинхеды забьют «черного» насмерть, то плакат «смерть жидам» заминируют и выставят на всеобщее обозрение. И оказалось, что у страны, у нации напроочь отсутствует иммунитет против национализма. Даже вполне спокойный, лояльный ко всем народам российский человек совершенно не готов не то, чтобы остановить погромщика, но даже по-настоящему возмутиться его действиями. Мало ли у нас таких городков, как Красноармейск, где жители чувствуют себя несчастными и рады сорвать злость на приезжих — армянах ли, азербайджанцах или ком еще?

Страна вежливых людей

Тайваньское общество нарушает все представления о восточной традиции и противоречит западным теориям политического развития.

В маленьком ресторанчике не нашлось ни одной вилки. В столице Тайваня Тайбэе вилку и нож подадут по вашей просьбе даже в самой непритязательной забегаловке. А в поселке Даси если и бывают туристы, то из Гонконга: им вилка не нужна. Пока я растерянно крутила палочки, прикидывая, как бы подцепить ими кусочек замысловатого китайского блюда, хозяин ресторана сбегал в соседнюю лавочку и специально для меня купил вилку. Нет, он не боялся потерять в моем лице клиента — просто хотел, чтобы мне было удобно. У них так принято. Один русский профессор, несколько лет преподающий на Тайване, вывел формулу: «Тайвань — страна вежливых людей». Тайваньцы очень любезны с гостями, как и все на Востоке, но они любезны и друг с другом. Здесь никогда не толкаются, даже в автобусе, и все улыбаются друг другу. Слово «сиеси» — спасибо — единственное, которое я научилась различать в потоке китайской речи, звучит буквально на каждом шагу. Коллегам, друзьям, просто случайным попутчикам непременно стараются сказать что-нибудь приятное и частенько без всякого повода дарят какие-то безделушки. В одной компании заговорили о политике, и я спросила о причинах неприязни моих собеседников к одному местному депутату. Мне объяснили: «Он грубый. Когда задает вопросы чиновникам исполнительной власти, делает это резко». «Грубый» у тайваньцев — убийственная характеристика.

Востоко-Запад

Тайбэйские улицы — прижавшиеся друг к другу разнокалиберные многоэтажки с торчащими наружу кондиционерами и множеством непривычных вертикальных вывесок — яркими иероглифами по контрастному фону: красным по желтому, синим по белому, черным по зеленому. Неказистый в сущности город очень хорошеет в темноте, когда вывески загораются огнями и город начинает си-

ять и светиться. В городе на первый взгляд незаметно никакой восточной экзотики: уличная толпа одета по-европейски и также по-европейски себя ведет. Тщетно пыталась я уловить хоть какие-то черты традиционного общества: женщины гоняют на мотороллерах не хуже мужчин, отцы таскают детишек в кенгурятниках и возятся с ними не меньше, чем матери, дети раскованные, в меру озорные и абсолютно не капризные — никто их не дергает, не изводит постоянными замечаниями. Словом, все как на Западе.

Чтобы почувствовать на Тайване Восток, надо зайти в храм или потолкаться в очереди к какому-нибудь из многочисленных прорицателей судьбы. Тогда понимаешь, в какой мере местная жизнь наполнена непостижимой для европейцев мистикой. Вот людская толпа не помещается в маленьком даосском храме. Все верят, что заклинание здешнего жреца может исправить характер ребенку, и множество родителей приходят сюда с детскими вещичками. Есть специальное гадание-вопросание: если не знаешь, затевать ли то или иное мероприятие и хочешь испросить совет у всевышнего, надо бросить специальные деревяшки, и, если они лягут подходящим образом, значит, всевышний готов отвечать на твой вопрос. Тогда можно тянуть палочку, на которой написан номер, и вновь кидать деревяшки, выясняя, правильный ли номер ты вытянул. Потом в ящичке, похожем на библиотечную картотеку, найти запись, соответствующую номеру, — получаешь ответ, правильное ли дело ты задумал. Такого рода ритуалов великое множество, и относятся к ним тайваньцы абсолютно всерьез.

Большинство тайваньцев называют себя буддистами. Однако ходят в даосские храмы. Буддийских храмов гораздо меньше и расположены они, как правило, на отшибе, в тишине — тамошние монахи говорят, что им необходим покой для самосовершенствования. Так что молящиеся собираются туда в основном по религиозным праздникам. Даосские же храмы буквально на каждом шагу и все время переполнены. Даосизм признает и Будду, и множество других святых. Вот люди и ходят туда, где можно и Будде помолиться, и заодно других святых покровителей попросить о собственных надобностях: например, чтобы сын успешно сдал экзамены в университет. Любой верующий может зайти в любой храм помолиться, погадать или просто посидеть — для пожилых людей храмы своего рода клубы, где они проводят долгие часы за разговорами о жизни, как, впрочем, и жители большинства восточноазиатских

государств, за исключением, пожалуй, лишь Северной Кореи, где всякая мистика запрещена. Но и на этом фоне тайваньцы выделяются особой веротерпимостью. К примеру, бывший президент Тайваня набожный христианин и даже сам проповедует, и, хотя христиан на Тайване всего около 7%, это нисколько не помешало его всенародному избранию в 1996-м. Представить избрание христианина японским премьером все-таки трудно.

Впрочем, тайваньское общество лишь на первый взгляд ничем не отличается от западного. Присмотревшись, обнаруживаешь, что оно пока еще более консервативно и нравы здесь более пуританские, чем на Западе. Целующихся парочек на улице не увидите (хотя за ручку молодые люди ходят нередко). Впрочем, местные социологи убеждены, что уже в поколении нынешних подростков от былой строгости нравов ничего не останется. Число разводов пока существенно меньше, чем в США или Европе, но растет год от года. С утверждением «внебрачная половая связь — безответственное поведение» пока еще соглашается большинство, но при этом среди несогласных — около четверти опрошенных мужчин и около трети женщин. Естественно, молодежь чаще отвергает эту сентенцию, чем даже тридцатилетние.

Нынешние тридцатилетние еще учились в отдельных школах. И сейчас сохранились отдельные школы, но смешанных уже больше. Учительница, двадцать лет отработавшая в школе, рассказывает, что объединение мальчиков с девочками добавило хлопот: «Теперь влюбляются прямо на уроках», но добавляет, что, конечно, отдельных школ вскоре не останется: «Такова тенденция». На Тайване мизерные пенсии. Госслужащих кое-как обеспечивают на старости лет, а работающие в частном секторе должны довольствоваться суммой в 45 месячных зарплат, которую пенсионер получает на руки одновременно — по выходе на заслуженный отдых. На это не прожить. Здесь очевидный расчет, что стариков будут содержать их дети, и этот расчет в значительной мере оправдывается. Во всяком случае в Департаменте социальных дел меня заверили, что пока еще большая часть стариков пользуются помощью своих детей. Отношение к старшим, прежде всего к родителям, пожалуй, наиболее существенный остаток традиционного общества — согласно конфуцианской традиции сын обязан заботиться о родителях в старости. Правда, на сегодняшний день, как мне объяснили, и здесь произошли существенные перемены: дочери, в том числе и замужние, теперь опекают своих престарелых родителей ничуть не меньше, чем сыновья.

Если раньше в китайской семье счастьем было рождение сына — дочь выдавали замуж, и она должна была проявлять заботу уже о своей свекрови, то теперь дочкам радуются ничуть не меньше. Еще одна важная перемена случилась буквально в последние десять-пятнадцать лет: теперь женатые дети, как правило, живут отдельно от родителей, а в самое последнее время и взрослые неженатые и незамужние стараются отделиться, если позволяют средства.

Знаменитое «чудо»

Про «тайваньское чудо» слышали, наверное, все. С начала 50-х годов и до самого последнего времени экономика Тайваня росла как на дрожжах. Сейчас на острове еще живы те, кто ходил в школу босиком не из-за жары, а из-за отсутствия обуви и кто в молодости завидовал филиппинцам — они казались такими богатыми. Сейчас филиппинцы — местные гастарбайтеры, нанимающиеся на работы, которыми брезгуют тайваньцы. До середины 1960-х Тайвань был аграрной страной: в кабинете любого чиновника вам непременно с гордостью скажут, мол, в начале 50-х у нас производились разве что бананы, рис и сахарный тростник. Сейчас деревень на острове почти не осталось, сельское хозяйство дает 2% ВВП, и основу его составляет уже производство фруктов, овощей и морепродуктов. Сейчас Тайвань специализируется на высоких технологиях: здесь сосредоточено 100% мирового производства сканеров, 70% — материнских плат и прочей компьютерной начинки. Жизнь на Тайване, несомненно, благополучная, правда, местное благополучие несколько иной природы, чем западное.

Средняя зарплата в промышленности составляет в переводе на американские доллары около 1,5 тысячи, а минимально допустимая — 500. Впрочем, зарплата не вполне подходящий показатель. Большинство живет не на зарплату, за исключением сот-рудников нескольких крупных корпораций, специализирующихся как раз на высоких технологиях, и госслужащих (учителя, военные и многочисленные чиновники — на Тайване бюрократия цветет пышным цветом). Тайвань — страна мелких и средних предпринимателей — семейных предприятий и таких, что используют от силы с десятков наемных работников. Тайбэй, уездные городки, поселки целиком состоят из мелких лавчонок, ресторанчиков, мастерских, магазинчиков.

Поселки или даже целые уезды часто специализируются на каком-то виде продукции: например, поселок Шэнькэн знаменит

своим тофу (китайским соевым творогом), и тайваньцы и туристы из Гонконга, а порой и американцы приезжают, чтобы его попробовать. В поселке Ингэ делают и продают керамику, в поселке Даси — мебель, причем в первую очередь молитвенные столики и т.д. Обычно посередине поселка проходит главная улица, сплошь состоящая из лавчонок соответствующей специализации. Как они умудряются делать бизнес, собравши весь товар до кучи? Мои собеседники объясняли, что, наоборот, так удобнее: люди уже знают точно, куда ехать за товаром. Кто может, выдумывает, чем бы таким особенным завлечь посетителя. Вот хозяин керамической мастерской и магазина (большой по здешним меркам бизнес, целых одиннадцать человек работают, включая самого хозяина и жену) устроил у себя нечто вроде музея производства. Мастерскую открыл еще его прадед в 20-е годы (все тайваньцы непременно гордо сообщают, с какого года существует их магазин, ресторан и проч., — чем старше, тем почетнее), и теперь там выделен специальный закуток, где все оборудовано «как тогда» и стоит старый прадедов станок. К нему в мастерскую возят детские садики из самого Тайбэя, и детишки учатся у него гончарному делу — лепят на маленьких кругах, с энтузиазмом расписывают красками уже обожженные и высохшие горшки и чашки. У нашего знакомого есть еще заводик в материковом Китае. В последние годы все больше собственников размещают свой бизнес на материке, где рабочая сила пока несоизмеримо дешевле. Для Тайваня это становится большой проблемой — тайваньцы остаются без работы. В поселке Ингэ года три назад было больше десяти керамических заводиков, теперь осталось всего шесть. А вот хозяин ресторанчика в поселке Даси хотел было тоже открыть ресторан на материке, но ему отсоветовали друзья, уже не первый год пытающиеся наладить там свой бизнес: сказали, слишком велика коррупция, и, если ты приезжий, тебе трудно сориентироваться на месте, кому сколько давать.

Этот малый бизнес — основа не только экономики, но и общества: если угодно, местного «среднего класса». На Тайване сравнительно невелика разница между богатыми и бедными: разрыв между богатейшей и беднейшей частями общества меньше не только, чем в Европе или Америке, но даже чем в коммунистическом материковом Китае. Бедными здесь официально считаются те, у кого душевой доход меньше 250 американских долларов в месяц (в Тайбэе этот порог выше, там жизнь дороже), и им платят пособие в размере тоже чуть меньше 250 долларов (в Тайбэе около трехсот). Но

бедных здесь согласно официальной статистике совсем немного — 0,7%, а нищих вообще не видно. Это несмотря на то, что пенсии совсем маленькие и пособия по безработице очень невелики. К безработным на Тайване суровы: до 2000 года им вообще ничего не платили, сейчас пособие выплачивают в течение 6 месяцев, потом — живи как знаешь. Безработных пока мало — не более 5%, но пару лет назад было вдвое меньше, и в стране встревожены ростом безработицы. Принято считать, что тайваньцы — трудоголики. Во всех рекламно-репрезентационных брошюрах про Тайвань вы можете прочесть, что именно самоотверженный труд местного населения сотворил знаменитое «тайваньское чудо». В самом деле, магазинчики и рестораны в Тайбэе открыты с раннего утра до поздней ночи и безо всяких перерывов — правда, уже в провинции, где покупателей поменьше, режим работы куда более льготный. Экскурсовод из Национального парка Тароко, расположенного на северо-востоке острова, говорит, что поколение нынешних пятидесятилетних и старше действительно наибольшее значение придавало работе — еще недавно главной гордостью тайваньца была способность трудиться с утра до ночи. А в последние годы люди, особенно молодежь, все больше стали заботиться о своем досуге — вот и в Тароко на выходные погулять, полюбоваться природой стали все чаще приезжать не туристы, а тайваньцы. Я и сама замечала: в разговорах со старшими тема отдыха практически не присутствует — люди гордо говорят: «Мне некогда путешествовать, некогда ехать в отпуск». А те, кто помоложе, охотно рассказывают, в каких странах побывали. Путешествие — страсть молодых тайваньцев. Из 23 миллионов населения острова 6 млн ежегодно выезжают за границу. В основном в материковый Китай, Сингапур, Японию, США. Молоденькая продавщица в керамической лавочке все сокрушалась, какие консервативные у нее родственники: никто ни разу никуда не ездил. А она успела побывать в Японии. Правда, ей показалось, что там ничего особенно интересного нет, теперь она хочет съездить в Европу: думает, там будет поинтересней.

Неизвестное «чудо»

Про политическое тайваньское «чудо» говорят отчего-то меньше, чем про экономическое. Между тем оно не менее достойно восхищения. До конца 80-х на Тайване царил жесткий авторитарный режим с цензурой, политзаключенными, с однопартийной диктатурой и культом вождей: основателя Китайской Республики 1912 года

Сунь Ятсена и создателя тайваньского государства в 1949-м, первого президента Чан Кайши. Правившая на Тайване до 2000 года партия Гоминьдан была типичной «партией ленинского типа», построенной по образцу ВКП(б) и Компартии Китая. Чан Кайши сознательно формировал ее по образу и подобию главных врагов, считая, что только так можно им достойно противостоять. Стоит посетить огромные безвкусные мемориалы Сунь Ятсена и Чан Кайши, чтобы с первого взгляда признать родной стиль монументальной пропаганды: гигантских размеров скульптурные портреты, у которых до сих пор стоят почетные караулы, бережно хранимые пальто и тапочки вождя, бесконечные фотографии в разных возрастах и видах...

И вот этот самый режим сам, без сколько-нибудь серьезного давления со стороны оппозиции — да оппозиция, по сути, состояла из немногочисленных диссидентов, не пользовавшихся среди тайваньцев заметным влиянием, — без массовых митингов, без путчей, танков и баррикад в рекордно короткие сроки трансформировал себя в демократию. В 1987-м, на последнем году жизни, второй президент Цзян Цзинго, сын Чан Кайши, отменил действовавшее в стране с 1949 года военное положение. Была отменена цензура, разрешены политические партии. На протяжении 90-х власти стали избираться населением. Первые прямые президентские выборы состоялись в 1996-м — тогда на них победил уже правивший в тот момент лидер Гоминьдана. А в 2000 году выборы выиграл представитель оппозиционной Гоминьдану Демократической прогрессивной партии (ДПП). Сейчас высшие государственные посты на Тайване занимают вчерашние диссиденты: президент Чэнь Шуйбянь в свое время несколько месяцев провел в тюрьме, вице-президент, знаменитая Аннет Люй, одна из первых тайваньских феминисток, была осуждена на десять лет и вышла из тюрьмы досрочно лишь благодаря усилиям «Эмнисти Интернейшнл», нынешняя министр труда сидела чуть ли не десять лет — список можно продолжить. Но главное — за десять с небольшим лет состоялась не просто смена элит — произошло ненасильственное преобразование абсолютно недемократического режима в полноценную демократию американского типа. Сейчас в местном парламенте четыре основные фракции, представляющие крупнейшие партии: больше всех мест у ДПП, на втором месте Гоминьдан. Вместе с союзниками ни та, ни другая партии не имеют подавляющего большинства, так что все политические решения проходят трудно — нормальная демократическая жизнь.

Вместе и врозь

Сравнения с коммунистическим материковым Китаем присутствуют постоянно. Его судьба, его состояние — предмет неизменного интереса и элиты, и обычных граждан. Отношение к Китаю не укладывается в какую-либо простую формулу. С одной стороны, все время помнят про сотни ракет, нацеленных через пролив из материкового Китая прямо на Тайвань: Китай не отказался от принципа возможного применения силы для воссоединения Тайваня с Китаем, и тайваньцы живут с ощущением, что война в принципе не исключена в любой момент. С другой стороны, большую часть населения Тайваня (кроме крайне немногочисленных аборигенов) составляют бежавшие полвека назад с материка, а также их дети и внуки, многие при возможности с удовольствием навещают «историческую родину» — провинцию или деревню, из которой переселились их отцы и деды.

По данным социологических опросов, лишь очень немногие местные жители готовы определенно называть себя «китайцами» или «тайваньцами» (последних немножко больше). Подавляющее же большинство граждан отвечают, что они тайваньцы и китайцы одновременно. Естественно, они идентифицируют себя со страной, в которой живут, — и столь же естественно для них осознавать себя этнически и культурно китайцами. К примеру, Конфуция они знают даже основательнее, чем в материковом Китае, — из тамошнего общества великого философа вытравляли маоистской кампанией «Критики Линь Бяо и Конфуция», а здесь из поколения в поколение Конфуция проходят в школе, это — отдельный предмет. До 1987 года контакты тайваньцев с материковым Китаем были официально запрещены. Снятие запрета почти совпало по времени с отменой военного положения — и прорвало плотину. За это время жители Тайваня совершили 17 млн поездок в материковый Китай. Огромные инвестиции — по некоторым оценкам, до 100 млрд. американских долларов вложено тайваньцами в материковый Китай. 500 тысяч тайваньцев проживают в Китае постоянно — это предприниматели и их семьи, заключено 100 тысяч китайско-тайваньских браков — словом, общение идет весьма интенсивное.

По вопросу о воссоединении с Китаем среди тайваньцев нет единодушия, но разногласия не таковы, чтобы всерьез расколоть общество. С 1949-го официальная доктрина партии Гоминьдан заключалась в том, что Китайская Республика включает в себя территорию и материка, и Тайваня, просто на материке временно захва-

тили власть коммунистические мятежники. Считалось, что воссоединение Тайваня со всей остальной территорией — вопрос времени: вот падет коммунистический режим...

Аналогичным образом коммунистический Китай не признает Тайвань отдельным государством и считает, что воссоединение — в его понимании присоединение к КНР — непременно состоится. Ныне правящая на Тайване Демократическая прогрессивная партия в бытность свою в оппозиции выступала за тайваньскую независимость и сумела благодаря этой идее привлечь немало сторонников. «Независимость» применительно к Тайваню означала бы его признание де-юре ведущими мировыми державами и, пожалуй, изменение названия. Но в КНР сама постановка вопроса о независимости вызывает не просто неприятие — тут же следует официальное заявление о немедленной готовности к силовым действиям. Во время первых всенародных президентских выборов на Тайване в 1996-м Китай устроил грандиозные маневры в Тайваньском проливе. Многие считают, что не в последнюю очередь под угрозой начала войны тайваньцы не решились проголосовать еще тогда за претендента от ДПП. Перед выборами 2000 года партия ДПП сильно смягчила свою позицию: обещала в ближайшие годы не объявлять о независимости, если не будет прямого нападения на Тайвань, не менять название страны, не проводить референдум о воссоединении. (КНР решительно намерена не допустить на Тайване референдума, поскольку по всем социологическим опросам лишь ничтожная часть тайваньцев готова немедленно присоединиться к Китаю. Впрочем, немногим больше — 3–4% согласны тотчас объявить и о независимости. Более 90% населения хотели бы сохранить статус-кво.) Сегодняшняя позиция правящей партии осторожна, и никаких официальных заявлений или демонстративных шагов в направлении независимости не делается. Но люди на улицах, рассуждая о политике, неизменно приписывают ДПП курс на независимость. Да и президент Чэнь Шуйбянь время от времени произносит заявления, позволяющие трактовать их как долгосрочный курс на независимость: то заявит, что для Тайваня мог бы служить примером Сингапур, независимое государство с китайским населением, то выскажется в том духе, что у Китая и Тайваня разные жизненные пути.

Большинство же простых тайваньцев относятся к будущему своей страны на редкость спокойно. Большинство согласно в том, что «сейчас нельзя ни провозгласить независимость — тогда

Китай начнет войну, ни объединяться — ведь современный Китай недемократический, коммунистический. А когда-нибудь будет видно. Если Китай станет богатым и демократическим, можно и объединиться. А можно, наоборот, провозгласить независимость — ведь демократический Китай уже не будет против нас воевать». За пятьдесят лет тайваньцы и те, кто переселился с материка два века назад, и те, чьи отцы или матери еще называют себя «материковыми китайцами», успели привыкнуть жить в своей непризнанной стране с как бы неопределенным статусом. Они живут благополучно, ездят по всему миру, учатся на Западе и открыты всем культурным веяниям: японским, корейским, американским и европейским. Даже во имя великого Китая, культурной частью которого продолжают себя ощущать, не готовы менять свою жизнь на неизвестность.

Закон есть закон

Армянские мужья русских жен, украинские жены русских мужей в одночасье стали в России нелегалами и подлежат депортации.

Когда Александр Васильевич Нистряну, далеко уже не мальчик, бывший чернобыльский ликвидатор, много чего в этой жизни повидавший, произносит: «И вдруг я Ее встретил», — он молодеет лет на двадцать. Ему вроде бы и неловко так откровенно выплескивать свои чувства и вместе с тем так приятно говорить о своей Татьяне, что он не может удержаться и снова, и снова, рассказывая о чем-то совсем другом, заводит речь о ней. И предлагает мне, человеку вполне постороннему: «Вы бы заехали как-нибудь в гости, полюбовались на нашу куклу» — это об их двухлетней Настеньке. Так и хочется написать: «Вот оно, семейное счастье», — но как раз счастья-то и нет. Потому что с 2002 года в России действуют новый закон «О гражданстве Российской Федерации» и закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», которые ни много ни мало ставят под сомнение самую возможность Александра и Татьяны быть вместе и вместе растить свою дочь.

У Александра российский паспорт, у Татьяны — украинский, она «иностранная гражданка». Они расписались в 2000 году и вскоре попытались подать прошение о получении Татьяной российского гражданства, но как раз в 2000-м прежний порядок, при котором бывшему гражданину СССР, чтобы стать россиянином, достаточно было изъявить такое желание, перестал действовать. Вернее, формально он действовал до принятия весной 2002 года нового закона о гражданстве, но фактически в ожидании этого нового закона заявления перестали рассматривать уже с 2000-го и даже с конца 1999-го. Новый порядок получения гражданства предполагает, что соискатель сначала получает вид на жительство и потом, прожив с видом не менее пяти лет, может просить о гражданстве. Для супругов российских граждан, впрочем, этот испытательный срок всего год. Но вид на жительство дают лишь тем, кто может представить доказательства наличия у него жилплощади, а у Тани

своего жилья в России нет. В квартире Александра живет его первая жена с его сыном и своей матерью, и она категорически не дает согласия на то, чтобы Татьяну туда прописали. Татьяна с Александром квартиру снимают и никак не могут взять в толк, почему это обстоятельство не позволяет обменять украинский паспорт на российский: «Мы же снимаем на свои деньги, ни у кого не просим».

Выехать и снова въехать

После того как 1 ноября минувшего года вступил в действие закон о правовом положении иностранных граждан, процедура еще более усложнилась. Теперь вид на жительство дают только тем, кто год прожил в России со статусом «временного проживания». А для того чтобы законным образом испросить статус «временного проживания», иностранцу, живущему в России, необходимо вначале получить разрешение на «временное пребывание». Не путать! Разрешение на временное проживание выдается на три года в пределах квоты на численность иностранных граждан. Эта квота определяется властями каждого региона в отдельности, потом сводится воедино и утверждается правительством. Слава богу, супругам российских граждан, а также нетрудоспособным родителям и детям нетрудоспособных родителей российских граждан разрешение дается вне квоты. А «временное пребывание» — это та же регистрация, только теперь, по закону о правовом положении, она для тех, кто имеет визу, определяется сроком действия визы, а для тех, кто въехал из ближнего зарубежья «в порядке, не требующем получения визы», «не может превышать девяносто суток». Закон о правовом положении требует от иностранцев, пересекающих границу, заполнить миграционную карточку на границе (это анкета вроде тех, что мы заполняем в самолете, направляясь в некоторые страны), а от тех, кто, как Татьяна, уже жил здесь на момент вступления в действие закона, в двухмесячный срок взять карточку в своем ОВИРе. Заполнил карточку — получил на три месяца статус «временного пребывания». Если не заполнил и не получил, ты нелегальный мигрант и тебя в любой момент могут задержать и депортировать.

Казалось бы, путь «легализации» сложный, но понятный: получаешь «временное пребывание», подаешь на «временное проживание». Не тут-то было! Срок рассмотрения заявлений о «временном проживании» по закону — шесть месяцев. Плюс еще месяц дается ОВИРам на то, чтобы проинформировать соискателей о

принятом решении. А «временное пребывание» заканчивается через три месяца, повторно зарегистрироваться нельзя! И дальше ты опять нелегальный мигрант. Живущие в России иностранцы вроде Татьяны и лица без гражданства — то есть обладатели советских паспортов, до сих пор не удосужившиеся или не сумевшие поменять их на какой-либо национальный, как прослышали про такой порядок, бросились кто в милицию, кто в ОВИР с вопросами: как быть? Как сохранить легальный статус? Милиционеры всюду пожимали плечами: дескать, сами не знаем. Потом додумались: в большинстве случаев дают совет через три месяца выехать из России и снова въехать, снова получить карточку и опять, как свежеприбывший, оформлять «временное пребывание». Интересно, авторы закона на это и рассчитывали? Если да, то зачем?

На самом деле, конечно, разработчики закона об этом не думали. Они, как, видимо, и законодатели, дружно проголосовавшие за эту нелепость, вообще не думали о тех, чей правовой статус закон регулирует. Совершенно очевидно, что ездить за границу и обратно люди не будут. А будут либо прятаться от милиции и откупаться в случае, если их застукают с просроченной регистрацией, либо быстро найдут какую-нибудь «фирму», которая поставит им повторную регистрацию за сравнительно небольшую мзду. Такие «фирмы» и сейчас существуют, и наши бывшие соотечественники, а ныне иностранные граждане, порой прибегают к их услугам в ситуации, когда легально зарегистрироваться почему-либо не получается. Законы вроде закона о гражданстве и особенно о правовом положении иностранных граждан принято называть «взяткоемкими».

Сразу после вступления в силу закона о правовом положении в ОВИРах карточек не было. Прибежавшим за ними испуганным украинцам и узбекам иронически советовали: «А вы больше телевизор смотрите, там и не такое расскажут». Однако перед самым новым годом карточки появились. Естественно, российские чиновники первым делом попытались на этом деле нажиться. Недавно пересекавший русско-украинскую границу уроженец Днепропетровска рассказывал, что пограничники хотели за каждую карточку по 20 долларов: «Сказали: без этих карточек вы в России теперь никто». А другой анонимный собеседник жаловался, что в одном из ОВИРов заломили и вовсе безумную цену: три тысячи рублей за штуку. Это, конечно, возможно, только пока миграционная карточка — вещь новая и непривычная: скоро все будут знать, что ее обязаны выдавать бесплатно.

По свидетельствам очевидцев, почти по всем ОВИРа́м развешаны объявления, что документы на временное и постоянное проживание (вид на жительство) до поры не принимаются. Конечно, никто пока не понимает, как этот статус оформлять, по каким реальным критериям предоставлять или нет, как обращаться с данными о квотах и прочее. Чиновников понять можно, но каково несчастным иностранцам и лицам без гражданства, у которых вскорости заканчивается «временное пребывание». Впрочем, нашей Татьяне не станет легче, даже когда ОВИ́Ры начнут принимать документы. Потому что среди оснований для отказа в выдаче разрешения на временное проживание значится такое: «По истечении трех лет со дня въезда не имеет жилого помещения». Так что у нее на сегодняшний день нет шансов получить не то что вид на жительство, но даже и разрешение на временное проживание. К счастью, Татьяну с ее славянской внешностью и двухлетним ребенком не останавливают на улице милиционеры. Но, скажем, пособие на ребенка она как негражданка не получает, и, если вдруг соберется пойти работать, ее на законных основаниях на работу не возьмут.

Ни работать, ни отдыхать, ни лечиться

Иностранцев со статусом «временного пребывания» теперь имеют право взять на работу только те работодатели, у которых есть на то специальное разрешение. «Иностранный гражданин, — говорится в пункте 4 статьи 13 закона о правовом положении, — имеет право осуществлять трудовую деятельность только при наличии разрешения на работу». При этом в законе ни слова о том, кто и при каких условиях должен выдавать такие разрешения. И никаких оговорок насчет того, что женам, детям и родителям российских граждан можно работать на тех же основаниях, что и россиянам. Получается, что люди, живущие и работающие в России годами, но не имеющие гражданства, в ближайшее время все должны быть уволены.

Бывшая бабинка Ольга Кацоева живет в Подмоскowie с 90-го года. Ей повезло: она вскоре после приезда устроилась на работу на Краснохолмский камвольный комбинат, там и работала 12 лет, и жила в комбинатском общежитии. Поначалу о гражданстве не задумывалась, но в 99-м поняла, что со временем придется и пенсию выправлять, да и вообще нужно как-то определяться со статусом: подала документы на гражданство. Ответили ей только в 2001-м: мол, старый порядок больше не действует. После

принятия закона о правовом положении Ольгу уволили с комбината (там шло сокращение, вот администрация и решила заодно избавиться от «незаконных» работников) и требуют, чтобы она выселилась из общежития. Выселяться ей некуда, уезжать из России тоже некуда: азербайджанского гражданства у нее никогда не было, а получить российское она не может, поскольку у нее теперь нет жилья.

Кроме отсутствия жилья, предусмотрено и такое основание для отказа в получении статуса «временно проживающего»: «Не может представить доказательств возможности содержать себя и членов своей семьи в Российской Федерации в пределах прожиточного минимума, не прибегая к помощи государства...» (пункт 8 статьи 7). Вроде бы правильная идея: не плодить иждивенцев и нищих. Но правильно, если бы эта норма распространялась только на вновь въезжающих. А как быть тем, кто живет и работает здесь, женам и мужьям россиян, чьи зарплаты часто не позволяют содержать членов семьи в пределах прожиточного минимума? Минимум у нас сейчас около двух тысяч рублей (в разных регионах по-разному, но в среднем под две), если в семье четыре человека, соискатель должен предоставить справку о доходе в восемь тысяч рублей. Много ли рабочих мест с такими зарплатами? Еще один замечательный мотив для отказа: «...страдает одним из инфекционных заболеваний, которые представляют опасность для окружающих» (пункт 13 статьи 7). Что имеется в виду: туберкулез? сифилис? чесотка? Есть ли хоть одно инфекционное заболевание, которое не представляло бы опасности для окружающих? В законе говорится, что «перечень таких заболеваний и порядок подтверждения их наличия или отсутствия утверждаются правительством РФ». Пока такого перечня и порядка подтверждения нет.

Юрист Ольга Зименкова, президент Центра защиты прав человека имени Э.М. Аметистова, справедливо пишет в своем заключении на закон о правовом положении, что иностранцы, опасаясь отказа, просто не станут обращаться к врачу, заподозрив у себя любое инфекционное заболевание. И это-то и создаст эпидемиологически опасную ситуацию. Не говоря уже о том, что такой порядок, распространяясь на супругов российских граждан, прямо нарушает права семьи: если, не дай бог, муж-армянин или жена-молдаванка заболели туберкулезом, их, что, вышлют из России?

Пункт 2 статьи 11 закона о правовом положении гласит: «Временно проживающий в Российской Федерации иностранный гражд-

данин не вправе по собственному желанию изменять место своего проживания в пределах субъекта Российской Федерации, на территории которого ему разрешено временное проживание, или избирать место своего проживания вне пределов указанного субъекта Российской Федерации». В пункте 5 статьи 13 говорится, что временно проживающий не может также работать за пределами определенного ему субъекта Федерации. И опять эта норма распространяется и на вновь прибывших, и на уже живущих, включая жен и мужей. Выходит, даже если бы Татьяне удалось получить статус «временно проживающей», она не смела бы поехать с мужем в отпуск в Сочи или устроиться на работу в Подмосковье. А взять нероссийского гражданина на работу, связанную с командировками, и вовсе нельзя: ему запрещено перемещаться по территории России.

Депортация

На момент принятия новых законов в России проживало множество наших бывших соотечественников, не имевших никакого гражданства или имевших гражданство какой-либо страны СНГ. В миграционной службе МВД их численность оценивают примерно в 400 тысяч. Правозащитники из программы «Миграция и право» правозащитного центра «Мемориал» считают, что их больше в разы. Эти «иностранцы» в свое время приехали сюда без визы и, поскольку не существовало никаких норм, ограничивавших их пребывание в России, жили вполне легально, продлевали регулярно регистрацию, работали, ощущая себя вполне законопослушными людьми. В одночасье все они превратились в потенциальных нелегалов. Вскоре закончится срок их трехмесячной регистрации — и что тогда? Новый административный кодекс позволяет судам с легкостью выносить постановления о заключении под стражу для дальнейшей депортации.

У братьев Кобаля, Кахи и Цезаря, регистрация была просрочена всего на три дня. Их задержали и посадили «до депортации». Оба они жили в Москве с 1991 года, приехали из Абхазии еще до начала тамошней войны. Оба работали, Цезарь состоял в незарегистрированном браке с москвичкой, у них есть трехлетний ребенок, и Цезарь указан в его свидетельстве о рождении. Когда суд принимал решение о депортации, адвокат из «Мемориала» Наталья Дорина сказала о ребенке, которого обрекают расти без отца. Судья отреагировала: «А что русских мужей нету?» — и отправила Цезаря в заключение. Месяц братья находились под стражей. Вообще прак-

тика такова: людей держат под стражей, пока те не найдут деньги, чтобы оплатить собственную высылку, — у государства денег на депортацию нет. По данным «Мемориала», нищие таджики сидят под стражей уже более двух лет. Эти люди не совершили уголовных преступлений — вся их вина в том, что вовремя не оформили регистрацию. Цезарь и Каха не выдержали. Своих денег у них не было, но билеты согласился оплатить работодатель одного из братьев — просто из дружеского расположения. Высылать братьев в принципе было некуда: из Абхазии все грузины, как известно, уехали, а в Грузии они никогда не жили, у них в Грузии ни угла, ни родни. Да они и по-грузински-то едва говорят: учились в русской школе, в семье говорили по-русски. Не случайно же уехали именно в Россию. И гражданства грузинского у них нет. Тем не менее их посадили в самолет и отправили в Грузию. Братьев приютили пока родственники Натальи Дориной, что делать дальше, они не представляют. При этом безвизовый въезд никто не отменял. Если у человека есть деньги, он может сесть на поезд и вернуться. Правда, зарегистрироваться на прежнем месте, наверное, будет сложно, но, во-первых, Россия — большая и даже в Москве можно затеряться в другом округе, а во-вторых, за деньги у нас и не такие проблемы решаются.

Рамзана Закаева взяли под стражу после того, как он вызвал милицию к своим соседям: сын-алкоголик издевался над старой матерью, та кричала: «Убивают!» Милиция соседями не заинтересовалась, а вот на Рамзана, гражданина Казахстана, немедленно отреагировала. Рамзан — чеченец, родители его живут в Казахстане, он в 92-м году жил с ними, тогда и принял казахское гражданство. Вскоре уехал в Чечню, а в Москву перебрался вместе с женой и тремя детьми от войны и бескормицы. Жена Рамзана, Имани, российская гражданка, носит ему передачи и ломает голову, как быть. Самое интересное, что Рамзан и так собирался уезжать в Казахстан: не мог найти работу в Москве. Думал, уедет, устроится, перевезет туда семью. Медлили с его отъездом, потому что никак не могли наскрести денег на билет. Это на железнодорожный, а наша миграционная служба требует, чтобы высылаемые покупали только авиабилет — на это у Имани с Рамзаном никак не хватит.

Валерий Горбунов приехал, как и братья Кобалия, из Абхазии. Вернее, его привезли оттуда десятилетним мальчиком. Почему ни его мама, ни сам он, когда вырос, не приняли российского гражданства? Почему вообще остались без гражданства многие наши соотечественники, живущие в России? Да по небрежности: вове-

мя не успели, а в 2000-м, когда хватились, было уже поздно. Кто-то пытался получить статус беженца (в этом случае нельзя просить одновременно о гражданстве), а пока хлопотал, наступил все тот же 2000 год. Но многие рассказывают, что у них отказывались принимать документы — велели ехать выписываться по месту прежнего проживания. А куда ехать? В Абхазию, где война? Да и денег на лишние поездки не было. У Валерия как-то в метро украли все документы. По закону о правовом положении лицо, утерявшее документы, подлежит депортации в течение десяти дней. (Раньше в таких случаях выдавали справку об утере документов, которой можно было пользоваться вместо паспорта.) Интересно, куда можно депортировать русского переселенца из Абхазии?

Новые законы пока привели к тому, что люди вроде Валерия или Татьяны должны обходить стороной каждого милиционера, не могут законно работать и вообще спокойно жить. Вряд ли Россия как государство в этом заинтересована. Во многих странах параллельно с ужесточением иммиграционных правил принимают порядок, облегчающий легализацию тех, кто уже живет на нелегальном положении. Именно потому, что цель таких кампаний — предельно сократить число нелегалов. У нас все наоборот: наши вчерашние соотечественники в один миг стали нелегалами. И живут в ожидании депортации.

Жизнь в прошедшем времени

*Тоска по советской власти лучше всего лечится
в Приднестровье. Там эту власть холят и лелеют,
а она все равно дышит на ладан.*

Гуляешь по Тирасполю, сворачиваешь с улицы Ленина на улицу 25-летия Октября, с Свердлова на Котовского, и чудится, что время здесь, в так называемой Приднестровской Молдавской республике (ПМР), остановилось где-то в середине 80-х. Рекламы на улицах не видать, машины ездят старенькие, все больше «шестерки» да «москвичи», редко-редко попадаются дорогие иномарки. Приехала я в столицу Приднестровья в праздничный день — отмечали годовщину освобождения города от «немецко-румынских захватчиков» (в Приднестровье выражаются именно так). Из динамиков разносилось: «У незнакомого поселка, на безымянной высоте». В газете с характерным названием «Днестровская правда» поздравления городского начальства: «Это героическая страница истории нашего города... Память о тех днях останется с нами навсегда... Неувядаемой славой покрыли себя... Низкий поклон вам, ветераны...» и проч. И все же, присмотревшись, замечаешь приметы нового времени: через каждые десять шагов интернет-клубы, на всех углах продают бананы и апельсины, частенько встречаются магазины с гордым названием «супермаркет», да и прохожие, как и на всем постсоветском пространстве, одеты не в серые совковые, а в яркие турецкие шмотки.

Форпост

Приднестровье складывалось как форпост советской империи. Когда в Молдове в конце 80-х стал набирать силу Народный фронт, выступавший за отделение республики от СССР, в Приднестровье, населенном преимущественно русскими и украинцами, возникла сильная просоветская оппозиция. Помнится, один приднестровский патриот в мае 1991-го с жаром доказывал мне: «Девушка, видишь красный флаг? Он будет всегда, как Советский Союз. И Молдавия будет советской, и Прибалтика будет советской. Никто никуда не денется». Советскому Союзу тогда оставалось жизни чуть более полугода.

После распада СССР Приднестровская Молдавская республика провозгласила независимость. В июне 1992-го молдаване попытались приструнить сепаратистов и двинули через Днестр войска. Их встретили приднестровские ополченцы. Но главную роль в том конфликте сыграла 14-я российская армия под командованием Александра Лебеда, решительно вставшего на сторону приднестровцев. С тех пор ПМР, как и Абхазия, Южная Осетия, Карабах, существует фактически самостоятельно. Это никем не признанное квазигосударство со всеми атрибутами государства настоящего — границей, таможенной, президентом и парламентом (Верховным советом) — первое время упорно хранило верность советским идеалам: именно Приднестровье направило добровольцев на помощь Руцкому и Хасбулатову в памятном октябре 1993-го, именно там нашли приют самые одиозные фигуры советского КГБ, разыскиваемые полицией стран Балтии. В то время как в соседней Молдове решительно избавлялись от советских символов: снимали памятники Ленину, переименовывали улицы — в ПМР эти символы берегли и лелеяли. Огромный мраморный Ленин по-прежнему нависает над Тирасполем.

Не мышонок, не лягушка

Сегодня Приднестровье являет собой причудливую смесь советского и несветского, остатков социализма и весьма своеобразных элементов капитализма. Как ни поносили в ПМР российские реформы и «прихватизацию», но пришлось и свои предприятия приватизировать: сегодня большинство из них — АО, в которых государство имеет пакет, но, как правило, не контрольный. (Особо важные «стратегические» предприятия, вроде коньячного завода «Квинт», выпускающего очень качественный и исключительно дешевый коньяк, остаются в руках государства.) Впрочем, государственный контроль над АО сохраняется: не через акции, а через налоговую и пожарную инспекции, таможни и т.п. Как в прошлом советские, приднестровские лидеры убеждены, что именно промышленность должна составлять основу экономики. В свое время вице-президент ПМР Александр Караман с гордостью, словно об особом достижении, сообщил обозревателю «Журнала», что промышленные предприятия дают 86% доходов бюджета. Правда, бюджет этот малюсенький — по некоторым данным, около 90 млн долл. Громадные заводы, составлявшие гордость Приднестровья в советское время, загружены процентов на 10 своих мощностей, а некоторые вообще стоят. Зарплаты у рабочих мизерные: 50 долл. счита-

ется вполне приличным заработком, обычно же он не превышает 20–30 долл. В крае жуткая безработица, по некоторым данным, около 60%. Люди в поисках работы едут в Россию, на Украину, а кто более энергичнее — на Запад.

В Приднестровье немыслимое количество всевозможных «силовиков»: армия, полиция, МГБ, таможня, налоговая полиция... На улице то и дело натыкаешься на мужчин в форме. 43% доходов бюджета-2003 ПМР пойдет на содержание всей этой гвардии. Присутствие «силовой составляющей» ощущается постоянно: почти все мои собеседники, разговаривая, оглядывались, понижали голос, даже если ничего против власти не говорили, — так, на всякий случай. Очень многие живут с ощущением, что за ними следит МГБ или что на них там заведено досье.

Чисто по-советски решается в Приднестровье национальный вопрос. Формально — равенство народов и языков: русский, украинский и молдавский имеют статус государственных. Фактически — полное господство русского: всюду только русская речь, делопроизводство ведется на русском, украинских школ две на всю ПМР, молдавских немногим больше. В конце 80-х Молдова перешла с кириллицы на латиницу. Когда ПМР отделилась, молдавский вновь перевели на кириллицу. В итоге выпускников приднестровских молдавских школ можно считать грамотными людьми исключительно в пределах республики. К тому же на кириллице нет учебников, и дети пользуются советскими 70-х годов.

В Приднестровском государственном университете студентов-бюджетников и тех, кто учится на коммерческом отделении, примерно поровну. Для первых существует обязательное распределение. Складывается парадоксальная ситуация: порой негосударственные предприятия, которые не могут заполнить вакансии (несмотря на страшную безработицу из-за мизерных зарплат отнюдь не на все рабочие места находятся желающие), подают университету заявку на молодых специалистов, и тот ее послушно выполняет.

«Мы взяли все худшее и от капитализма, и от социализма», — шепотом сказал мне один тираспольский студент. Если бы СССР не рухнул, а загнивал бы эволюционно, он, скорее всего, стал бы со временем похож на нынешнее Приднестровье.

Опыт ностальгии

«При советской власти здесь был рай!» Лидия называет себя молдавской националисткой, она выступает за присоединение Придне-

стровья к Молдове, и я, признаться, ожидала, что о советском времени она отзовется не слишком тепло. Про рай я слышала от многих приднестровцев — тех, кому под сорок и больше. «Здесь было солнечно, тепло, цвели сады!» Поначалу я недоуменно переспрашивала: разве число солнечных дней в году, равно как и температура, зависит от того, какая власть? Когда про тепло и солнце сказал мне шестой человек, до меня, наконец, дошло: у людей теперь не то настроение, чтобы радоваться солнышку. Сады же и впрямь захирели. Они здесь поливные, но трубы сплошь проржавели, а заменить их нечем и не на что. С умилением вспоминают в Приднестровье даже то, чему умиляться вроде бы странно: «У нас столько было яблок, что их собирать не успевали, студентов из института пригоняли, и те не справлялись — столько яблок гнило. А теперь у нас польские яблоки продают — позор, докатились!»

«Были коммунисты — було, шо исты. Пришли демократы — нечем сраты», — ответила мне кондуктор в троллейбусе на вопрос, как живется в Приднестровье. Про советские зарплаты и пенсии, про советские цены вспоминают с тоской. «Хлеб белый за 16 копеек, молока пол-литра — 13 копеек, — погибает пальцы колхозник-молдаванин из села Малаешты, — и молоко, и кефир — все в магазине, не надо с коровой в грязи возиться». На вопрос, куда ездили при Советах за колбасой, мои собеседники отвечали, что никуда, у них здесь «все было». «Мы особо не гонялись за этим дефицитом, простому человеку много и не нужно». Ностальгию приднестровцы испытывают отнюдь не только по социалистическому «благополучию». «Мы были частью великой страны, понимаете? Мы же не думали, что мы там, в Молдавии. Мы знали, что мы — в СССР. А теперь мы кто? Никто!» — вздыхает сорокалетняя Галина, библиотекарь. Утрата статуса гражданина великой державы, да еще на фоне приднестровской непризнанности переживается весьма болезненно, возможно, даже болезненней, чем нищета. «Я была на конференции в Польше, — рассказывает Светлана, местный политолог. — Меня спрашивают: «Вы откуда?» Я говорю: «Черт его знает. Родилась я в стране, которой уже нет, а живу в стране, которой еще нет». Это я вроде как шутила, но мне было очень грустно».

Пока общаешься со взрослыми, кажется, что ностальгия по СССР — чувство общее. Но как только заговариваешь с кем-то из молодежи, понимаешь: нет, не все плачут по Советскому Союзу. «Я помню мало и только плохое, — говорит двадцатидвухлетняя студентка Таня. — Как в 1989 г. нам выдавали по одной буханке хле-

ба на всю семью, как все было по талонам, кроме молока и кефира. Опять туда? Нет, спасибо!» У Тани мама — высококлассный бухгалтер, поэтому семья живет в относительном достатке. Олеся, ровесница Тани, считает, что при СССР жилось, в общем, неплохо, но «все равно ничего вернуть невозможно, нет смысла об этом и разговаривать». «Это пенсионеры, ну, там, пожилые скучают по Советскому Союзу, — говорит девятнадцатилетний Стас. — А кто помоложе, думает не о прошлом, а о будущем, о том, как устроиться, что-нибудь заработать». Двадцатилетний бизнесмен Руслан тоже в СССР не хочет: «Все же сейчас даже у нас, а тем более на Украине или в России перед молодыми открылись новые возможности».

Тоска по утраченной империи в Приднестровье гораздо острее, чем в большинстве других бывших советских регионов. Но даже на этой земле, где и система власти, и атрибутика сохранились во многом прежние, советские, создать плацдарм для возрождения СССР не получается. Если уж приднестровская молодежь не хочет назад в семью братских народов, значит, империя рухнула окончательно. Необратимо.

Собачья жизнь

Смятение чувств

Я позвала Щенка в кухню и дала ему опустевшую пластиковую бутылку из-под боржома. Щенок радостно замахал хвостом, бережно взял бутылку в зубы и побежал в комнату, где всегда играет на коврике. Однако он не успел начать игру: за входной дверью шаркнули шаги, и послышался звук вставляемого в скважину ключа. Щенок взвизгнул и опрометью ринулся к двери: мой муж, он же обожаемый щенский Хозяин, возвращался домой. Где-то в полуметре от хозяйских ног Щенок вдруг затормозил, да так резко, что лапы разъехались в стороны. Морда выражала совершеннейшую растерянность: песик внезапно осознал, что во рту у него по-прежнему бутылка, и, стало быть, он никак не сможет исполнить ритуал приветствия — облизать, подпрыгнув, Хозяину нос и щеки, потом слегка покусать руку и, наконец, постанывая от восторга, долго и слюняво жевать хозяйский рукав. Как же проделать все это, если пасть занята посторонним предметом! Щенок прыжком развернулся и помчался обратно в комнату, намереваясь положить бутылку на коврик и вернуться к Хозяину. Добежал до коврика — и снова замер. Теперь в щенячью голову закралось подозрение, что, пока он будет миловаться с Хозяином, бутылка может запросто исчезнуть — так иногда уже бывало с недогрызанными игрушками, которые экономные хозяева припрятывали «на потом». Щенок потоптался на коврике пару секунд и, так и не выпустив изо рта бутылку, бегом вернулся в коридор, где вновь застыл около Хозяина — и снова припустил обратно. Раз шесть он успел сбежать туда-сюда, и каждый раз решимость сменялась сомнением. Наконец, вздохнул, улегся на коврик и занялся бутылкой. Надо думать, Щенок справедливо рассудил, что Хозяин, хоть и самый-самый лучший, приходит домой каждый день, а бутылка неизвестно когда еще обломится. Впрочем, настоящего кайфа от бутылки он, похожему, в этот раз так и не словил. Время от времени отрывался от игры, как бы задумываясь, прислушиваясь к чему-то в себе — похоже, взвешивал правильность сделанного выбора.

Мы, двуногие, так часто сетуем — мол, выбирать в этой жизни приходится исключительно между плохим и отвратительным.

Попробовали бы, как наш Щенок, повыбирать между Большим и Огромным Счастьями — небось, не хуже него метались бы.

На корм животным

Минувшей весной у меня заболел щенок. Ему назначили уйму каких-то лекарств, которые полагалось, чтобы лишний раз не дырять щенячью шкуру, вливать с одной иглы, сооружая из перевернутой банки и пары веревок нечто, вроде капельницы. Манипуляция длилась минут десять, и все это время щенок должен был лежать смирно, не дергаясь. Когда-то, когда сын был еще маленьким и должен был лежать смирно при горчичниках или банках, я рассказывала или читала ему сказки. С тех пор педагогическая наука далеко продвинулась вперед, но все равно более надежного способа заставить малыша полежать спокойно не изобретено. Так что я усаживалась рядом со щенком на пол и, почесывая ему нос, бормотала какую-нибудь ерунду: «Один Щенок не слушался свою Хозяйку...» Постепенно сложился цикл незамысловатых историй про Непослушного Щенка, который попадал во всякие неприятные истории из-за своего хронического непослушания.

Одна из историй звучала так: «Один Щенок не слушался Хозяйку и никак не хотел уходить с прогулки домой. Хозяйка просила: «Милый Щенок, пойдем, пожалуйста. Мне уже пора на работу. Ведь если я опоздаю, меня могут уволить». — «Вот и отлично, — подумал Непослушный Щенок. — Хозяйка не будет ходить на работу, она будет все время играть со мной дома!» Он убежал далеко-далеко, так что Хозяйка целых полтора часа ловила его в соседних дворах. Так и получилось, что Хозяйка на полтора часа опоздала на работу, и ее уволили. Теперь Щенок работает вместе с Хозяйкой. Он приходит с ней в подземный переход, ложится мордой на лапы и лежит тихо и грустно. Он бы, конечно, больше хотел бегать и прыгать, играть с другими собаками, но тогда он не заработает себе на корм «Даймонд».

Я запомнила эту историю потому, что через два дня после того, как я рассказала ее больному песику, меня вместе со всеми остальными уволили из журнала «Итоги». Правда, на работу я не опаздывала. И вообще Щенок был тут ни при чем.

раз

Чечня

доверять раз,

Раз в неделю слышу я
на 20 баллов
Пушкис - Утварис

Лесной пожар

Население Чечни на время забыло о национальных противоречиях и спасается вместе, как животные при лесном пожаре.

Грозный не блокирован. Разговоры о блокаде — одна из многих фальшивок, которыми морочит то ли себя, то ли нас официальная пропаганда. На самом деле до него можно добраться и из Ингушетии, и из Дагестана, причем в обоих случаях на пути не встречается даже намеков на российскую армию и стоят только посты внутренних войск, довольно лениво окликающие: «Оружия не везете?»

Из Дагестана в Чечню регулярно подвозят хлеб и воду. Это не пресловутая гуманитарная помощь властей России или республики Дагестан — это просто инициатива отдельных людей, чеченцев и нечеченцев. Эти же люди после ритуального уговаривания не ехать: «Нет, мы не можем вами рисковать, нет-нет, вы наши гости, мы за вас отвечаем» — охотно подвезут на своей машине.

Большими и официальными группами лучше все же ехать через Назрань. Там президент Аушев изыщет автобус и постарается обеспечить своей охраной. Правда, ингушское руководство предпочитает, чтобы автобус довез вас до окраины города, а потом поскорей поворотил назад. Несколько ингушских автобусов реквизируют дудаевцы для своих нужд. Ингуши рассказывают об этом без обиды («раненых им, кажется, нужно было перевозить — что ж, на войне как на войне»), но стараются больше своим транспортом не рисковать.

Мертвый город

Центр Грозного кажется адом, даже если попал туда в период редкого затишья и ничего вокруг не взрывается, а тишину разрезают только нечастые автоматные очереди. Город мертв. Там нет целых домов, почти нет людей без автоматов и камуфляжек, а те, что редкими теньями скользят по улицам, сосредоточенно-молчаливы и смотрят только под ноги. В довершение апокалипсической картины над городом висит смог, накрывший Грозный темным колпаком.

Стоят солнечные ясные дни, а в чеченской столице полутемно и сыро. Это копоть от нефтяных пожаров. Первая бомба попала в нефтехранилище двадцать восьмого декабря, на следующий день после знаменитой ельцинской речи о «прекращении бомбардировок».

Потом нефтяные склады бомбили под Новый год, а первого расстреливали из танковых орудий. Если рискнуть и подняться повыше (залезть на остатки какой-нибудь крыши), то и из центра прекрасно видны столбы дыма, копоты, сквозь которые прорываются языки пламени.

Самое живое, что есть на улицах Грозного, — группки автоматчиков, стоящих на месте или прогуливающих на небольшом отрезке. Эти не запуганы, приветливы, охотно вступают в контакт, наперебой дают советы: «Держитесь у стенки, да не у этой, во-он у той, оттуда снайперы стреляют. А дальше, вот оттуда, бегите короткими перебежками. Вот туда вообще не ходите, там танки догорают, могут в любой момент взорваться». Эти люди — дудаевское ополчение.

Странный штурм

С ополченцами довелось провести двое суток в подвале президентского дворца. Не просто суток: мы пережили вместе Новый год и соответственно новогодний штурм Грозного, завершившийся катастрофическим разгромом российской армии. Это было странное поражение, как странным и непонятным был весь штурм, заставивший говорить то ли о сознательном армейском саботаже, то ли о беспробудном пьянстве, то ли о вмешательстве Аллаха. Надо надеяться. Рано или поздно следователи и прокуроры или историки в нем разберутся.

Утром последнего дня уходящего года в дудаевском дворце царило обычное суетливое ничегонеделание. В Грозном давно не работает связь, нет воды и света, транспорт, разумеется, тоже не ходит, так что государственным чиновникам при всем желании трудно найти себе постоянное занятие. Какие-то попытки что-то организовать предпринимают в основном несколько энергичных женщин, кажется, чьих-то родственниц или секретарш, взявших в свои руки прокорм ополченцев, обихаживание раненых и других пострадавших под бомбами. (Войти сейчас во дворец проще простого, и людей, которых совсем уж некуда везти, доставляют туда.)

Около полвторого вошел дудаевский помощник (он все время входил-выходил, так что его поначалу и не заметили) и как-то

очень буднично объявил: «Около президентского дворца стреляют российские танки. Пойдемте в более надежное укрытие». Тогда показалось, что судьба Грозного решена и что взятие дворца вопрос нескольких часов. Когда к вечеру стало ясно, что штурм провалился, когда удалось поговорить с пленными и с ополченцами, сосчитать пылающие перед дворцом танки, ситуация все равно продолжала казаться неправдоподобной. В нашем представлении подойти к центру, к дворцу, означало уже взять город. И мы готовы были с пониманием отнестись к пояснениям дудаевцев, что это всемилостивый и милосердный Аллах еще раз продемонстрировал свои симпатии.

Цена лжи

Еще более неправдоподобным оказалось то, что на следующий день, первого января, картина повторилась в точности. Ровно так же без боя и без сопротивления в центр города пропустили всю танковую колонну. При этом складывалось впечатление, что входившие в город были дезинформированы и полагали, что занимают уже побежденный Грозный. Они оказались совершенно не готовы принять бой. Официальные предновогодние информационные сообщения действительно беззастенчиво лгали, что город и чуть ли не дворец контролируются российской армией и лишь «отдельные группы» продолжают сопротивление. Трудно представить, что и армия в районе боевых действий не представляла реального положения дел, однако иного объяснения случившемуся не видно.

Как бы то ни было, 1 января, как и накануне, танковую колонну, уже въехавшую в город, разделили на сектора и уничтожили из гранатометов. На следующий день в Грозном догорало около ста пятидесяти единиц российской бронетехники. В результате этой двухдневной операции погибли несколько сотен российских солдат, около ста были захвачены в плен. Отдельные группы пехотинцев, въезжавших на танковой броне, уцелели и еще два-три дня вели автоматный огонь, пытаясь то ли вырваться из города, то ли закрепиться в ожидании подмоги. Однако к четвертому числу, когда им на помощь в Грозный был брошен десант, с ними уже было покончено.

Ополченцы

Среди тех, кто воюет с чеченской стороны, странным образом не видно знаменитой дудаевской гвардии. Я запомнила гвардейцев с прошлого сентябрьского визита в Чечню. Не узнать их невозмож-

но даже переодетыми: статные как на подбор молодцы гренадерского роста, красавцы, не старше двадцати пяти лет. Сейчас в подвалах президентского дворца и на улицах заметны совсем другие люди — средних лет и среднего роста, без какой-либо выправки, больше похожие на крестьян и рабочих, чем на профессиональных военных. Ополченцы в самом деле люди мирных гражданских профессий, для подавляющего большинства из них война не способ существования, а необходимость сегодняшнего дня.

Правда, среди них встречаются особые люди, носящие узкие зеленые повязки вокруг головы, — смертники. Те, кто дал обет победить или умереть. Это, разумеется, наиболее экзальтированная публика. Однако при ближайшем рассмотрении даже они не производят впечатления обезумевших. Удивительно, но среди смертников преобладает не молодежь, а зрелые семейные люди. Когда интересуешься, на кого предполагается оставить жену с детьми, малолетних детей, стариков-родителей, отвечают, как правило, не формулой вроде: «Свобода дороже семьи!», а что-нибудь вроде: «Нас шестеро братьев, смертный обет дали двое, остальные должны уцелеть, чтобы позаботиться о наших близких и сохранить и продолжить наш род».

На прочие расспросы говорят, в общем, то же, что и все ополченцы: смерть им не страшна, поражение означало бы непереносимое унижение, после которого жить дальше невозможно, никакого способа более достойно распорядиться собой они не видят. За что они готовы умирать? В большинстве своем на этот вопрос отвечают, что ни на минуту не допускают, чтобы в их дом, деревню, квартал вошли русские солдаты. Почти все рассказывают, что служили в российской (еще тогда советской) армии и прекрасно видели, как ведут себя солдаты даже в неоккупированной деревне. Убеждены, что ни их семьи, ни честь их жен и дочерей, ни их дома и имущество не будут в безопасности, если российская армия победит.

Дудаев все же стал героем

Мне довелось встретить как бы три категории чеченских бойцов. Первая — те, кто с сентября 1991 года ощущал себя «дудаевским солдатом» и «защитником независимости». Продолжая работать где работали (в колхозах, конторах, на базах, в коммерции), эти люди всегда готовы были откликнуться на призыв своего президента и прийти с оружием туда, куда он скажет. Это те, кто выходил на продудаевские митинги против оппозиции, кто собирался в Гроз-

ном каждый раз, когда президент заговаривал о «московской угрозе». Они явно в меньшинстве.

Другая категория — те, кто воюет с августа–сентября прошлого года, с того момента, когда, по их признанию, им стало ясно, что так называемая «оппозиция» — просто форма российского вмешательства в чеченские дела. Это далеко не всегда поборники дудаевского режима, но бесспорно расценивающие российский диктат как национальное унижение. Наконец, третья группа — те, кто решился воевать только после одиннадцатого декабря, после вторжения российской армии в Чечню.

По отношению к Дудаеву ополченцы настроены так же, как и население республики в целом, то есть очень по-разному. Предостережения экспертов о том, что военная акция немедленно превратит теряющего популярность лидера в национального героя, похоже, не сбываются, несмотря даже на победы чеченского оружия. «Отдать жизнь за Джохара» собираются очень немногие. Они говорят о какой-то особой сверхъестественной гениальности, мужестве, доблести и прочих неисчислимых достоинствах своего лидера. Гораздо чаще встречаются те, кто выдвигает нечто вроде формулы условной поддержки: «Пока он наш президент, я обязан его поддерживать».

Однако приходилось нередко слышать и весьма радикальные оценки: «Сегодня главное — прогнать агрессоров и остановить войну. Но затем придется серьезно разбираться с Дудаевым и другими нынешними руководителями. По сути дела, они не меньше, чем Ельцин, виновны в нынешней катастрофе». Очень многие уверены, что Дудаев проиграл бы выборы, назначенные им на 1995 год. Интересуюсь: «А если бы он в последний момент отменил выборы?» Люди с автоматами снисходительно посмеиваются: «Да кто бы ему позволил?»

Добровольцы или наемники?

Катастрофическое российское новогоднее поражение, понятное дело, укрепило бодрость духа и оптимизм дудаевцев. «Мы боремся за свою землю, а российская армия не знает, за что борется, за нами правда и милосердный Аллах, за ними — тупой Грачев и подлый Ельцин».

Тем более нелепо выглядят сообщения, что на чеченской стороне якобы сражаются в основном не чеченцы, а наемники. Те, кого ловят как «наемников», больше напоминают самых обычных

контрабандистов, которых, естественно, в Чечне тьма-тьмушая. А среди ополченцев мне не довелось видеть никаких иностранцев, если не считать трех украинцев, одного из которых убили как раз первого января.

Украинцы эти тоже никакие не наемники, а добровольцы. Судя по разговорам, они принадлежат к той, распространившейся в последние годы по всему бывшему СССР породе людей, для которой война — единственное призвание и достойное ремесло. Такие воевали с обеих сторон в Приднестровье и в Абхазии. Кончится чеченская война — они, если останутся живы, подадутся куда-нибудь еще. Идеологическое обоснование им требуется минимальное — эти трое (теперь двое) сражаются «с русским империализмом», что не мешает им с гордостью вспоминать свое афганское прошлое и тогдашнее «фронтовое братство», которое они с энтузиазмом воспроизводят сейчас. К слову, только этих и пришлось за два дня видеть пьяными — бойцы-чеченцы «не употребляют» даже в Новый год.

«Мама-папа глаза исплачуте»

Ощущение собственной силы победителей делает ополченцев великодушными к побежденным. О пленных заботятся почти как о своих: содержат, насколько это возможно, в тепле, кормят из того же котла, из которого едят сами. Когда приносят группу раненых, сначала стараются оказать помощь пленному. Говорят о них со снисходительным сочувствием: «Пацаны совсем, где же им воевать». Знаменитая дудаевская формула: «Пусть Россия присылает нам своих солдат, мы их накормим, а потом отдадим мамам» — пользуется куда большей популярностью, чем сам Дудаев.

Кто-то придумал, и чеченские женщины одна за другой повторяют: «Если России ее мальчики не нужны, пусть нам отдадут. У нас семьи большие, нам еще по сыночку в самый раз будет». Здесь много демонстративного: доказывают себе и миру, что чеченцы благородны и не воюют с безоружными. Не думаю, что такая ситуация сможет сохраниться, если чеченская сторона начнет терпеть поражение. Но, конечно, есть и неподдельное искреннее сочувствие российским пленным: чумазым, до смерти перепуганным, абсолютно растерянными, так и не успевшим до конца понять, что с ними произошло...

Как плакала, как убивалась чеченка Зоя, когда на ее глазах умер от ран первый пленный. Зоя, бойкая, веселая, шустрая (она и покормит всех в подвале, и перевязки сделает, и водички прине-

сет и еще успеет всем рассказать, какой великий необыкновенный человек «наш президент» и что умереть она ни капельки не боится, потому что истинно верит в Аллаха) — кажется, огонь и воду прошедшая, все повидавшая и никогда не унывающая, совсем по-русски шептала сквозь слезы: «Да за что же тебе, милый, тут помирать, да тебя мама с папой домой ждут не дождутся, все глаза исплачут...»

Вряд ли такая ситуация сохранится, когда чеченцы из победителей окажутся побежденными. Но на волне успехов они совершают истинные чудеса.

Пленный офицер

В больницу в городе Шали мы попали через два часа после варварского налета российской авиации. Погибло больше двадцати больных и раненых, пять человек из медперсонала получили увечья (молодой медсестре срочно ампутировали ногу)... Пострадали несколько корпусов, в том числе и роддом, и чеченцы мрачно шутили: «Бандформирования истребляются буквально в зародыше».

Больница полностью вышла из строя: ни целых окон, ни тепла, ни света, а главное, разрушена была операционная вместе с оборудованием. Словом, встал вопрос об эвакуации больных.

Главный врач так и объяснил приехавшим с нами чеченцам из Дагестана: «Вон того, того и того заберите в свои больницы, вон тот и тот — нетранспортабельны, бесполезно, все равно не довезти...» Около одного остановился, взглянул мельком на нас: «Это русский пленный офицер. Ранен в живот и в грудь». Пленный был в полусознательном состоянии.

— Где вы?

С трудом приподнял веки. Разлепил губы: «Не знаю».

— Вы знаете, что вы у чеченцев?

Снова трудное движение губ, не открывая глаз: «Да».

Вмешался комендант Шали, грузный утрюмый чеченец с отличной военной выправкой: «Если можно его довезти — забирайте. У нас их двое было перед бомбежкой. Сейчас я легкого забрал к себе домой, можете с ним встретиться. А этого никто из наших взять не решится — вдруг у нас умрет?»

Врач подумал с минуту: «На специально оборудованной машине скорее всего доехал бы. На простой легковушке — шансов, что доедет, примерно пополам». И снова комендант: «Но здесь без лечения не выживет? Значит, забирайте».

Признаться, ни в одном виденном раньше конфликте мне не доводилось сталкиваться с тем, чтобы так легко выпускали из рук не то чтобы пленного, но даже и труп, тем более офицерский — они всегда служили «валютой» при переговорах и обменах. Здесь, однако, не только врач, но и комендант не сомневались в решении. (Забегая вперед, скажу, что этого офицера довели-таки живым до хасавюртовской больницы и сейчас он, надо надеяться, поправляется вместе со своими чеченскими товарищами по несчастью.)

Просто люди

Поразительное отсутствие шпионмании. В обстреливаемом городе, в селах, на которые рушатся с воздуха бомбовые удары, реакция на чужих, явно русских и явно пришлых: «Осторожней, там снайпер!» Или: «Воздух! Бегом, прячьтесь сюда!» Ни разу не спросили документы, верят на слово. Тоже, наверное, все до поры до времени, пока не ощутили себя битыми.

Вообще граница между ополченцами и мирным населением зыбка и трудноуловима. Например, ходят по городу или селу вооруженные мужчины разных национальностей: чеченцы, русские, армяне... — несут патрульную службу, то есть охраняют свои и соседские (кто уехал, кто от бомбежки прячется) дома, кварталы, участки от мародеров. Но вот такой патрульный отряд в Грозном натывает на «заблудившийся» российский БТР. Старший отряда начинает волноваться: «Где гранатомет? Где гранатомет?» — и опрометью бросается к президентскому дворцу за гранатометом. (В точности как охотник, выследивший лисицу, вдруг спохватывается, что ружье-то дома.)

Спрашиваю русских из другого патрульного отряда (специально отводя в сторону, чтобы не стеснялись чеченцев): «Армия придет, сдадите оружие?» — «Да ты что, — отвечают, — тогда-то оно особенно пригодится».

В Хасавюрте довелось пообщаться с двумя группами беженцев — чеченской и русской. Ни в одной, ни в другой не было ни одного мужчины старше пяти и моложе семидесяти. У чеченков не спрашиваю — все ясно. Спрашиваю у русских: «Где же главы семей?» Отвечают: «Там остались, дома стерегут...» Можете не сомневаться, стерегут с оружием в руках.

В Хасавюрте сейчас чуть больше 12 тысяч беженцев, несколько тысяч — в Ингушетии, однако очень много женщин, детей, стариков по-прежнему в Чечне. Люди мечутся как загнанные.

Грозный — село — Грозный

После начала бомбардировок Грозного многие покинули его, ушли в села. Кстати, разговоры о том, что русским тоже советовали уйти в чеченские деревни, вполне основательны. Правда, искать приюта у совсем незнакомых чеченцев редко кто из русских отваживался, несмотря на все их уговоры и предложения. Но те, кто ушел с соседскими семьями, с друзьями, считали, что поступили мудро...

До тех пор пока по селам не начали тоже наносить бомбовые удары. Тут как раз Ельцин сказал, что приказал Грозный не бомбить. Многие поспешили вернуться в город. Только удостоверились, что бомбить город продолжают, побежали обратно, как начались беспрецедентные массированные бомбежки сел.

И все же демографический состав Грозного по сравнению с довоенным сильно изменился. Наезжая туда начиная с 1991-го примерно раз в полгода, я могла наблюдать, как раз от разу он становился все более чеченским: все реже слышалась русская речь, мелькали русские лица... Сейчас он опять стал русским. И еще более русским, чем в 1991-м. И очень заметно постарел.

Очевидно, при всех метаниях все же те, большинство тех, кто не мог воевать и в силах был уехать, город покинули. Стоит заглянуть в любой грозненский подвал — там две-три чеченки с выводком детишек и битком русских стариков и старух. Чеченки спокойней: им некогда впадать в отчаяние, им надо успокоить одного ребенка, найти глоточек воды другому... Русские старухи по очереди заглядывают тебе в глаза и доверительно спрашивают: «Миленькая, а что же со мной дальше будет?»

Потом рассказывают, как работали всю жизнь — и в войну, и после войны, кто на заводе, кто на железной дороге, кто еще где, как остались на старости лет без пенсий (почти без пенсий, иногда что-то такое выдавали), но одна была отрада, что хоть угол свой. А теперь все сгорело, и все-все вещи, все, что за жизнь было нажито, тоже сгорело, как выскочили в подвал в тапочках и в халате, так теперь и сидят. Слава богу, хоть жива осталась. А соседка, так та заживо сгорела.

А вот Петровны муж, он из подвала высунулся, думал, мож, водички где раздобыть — и вот теперь здесь же, в подвале. Лежит неживой, а рядом детишки. Скоро разлагаться начнет, а не похоронить... Один из русских стариков с какой-то особой мстительностью добавляет: «Его русский убил, это точно. Я уж знаю, это из АКМа стреляли». На самом деле российские и чеченские бойцы

стреляют из одних и тех же автоматов, и понять, чья именно случайная пуля настигла конкретного дедушку, совершенно невозможно.

Кто кому «сыночек»

Одна из старушек вздыхает: «Может, хоть Дудаев узнает, что мы тут сидим — покушать нам пришлет...» Ничего она от Дудаева в жизни хорошего не видела. Пенсию не платили, жить становилось с каждым днем все страшней. Но просто у нее теперь никакой надежды не осталось: Ельцину она не верит, российской армии боится. Скажи ей завтра, что Дудаева больше нет — она заплачет: теперь уж и вовсе никто покушать не принесет.

Посмотришь, послушаешь и уже не удивляешься ни русскому парню среди ополченцев, ни тому, что одна из старушек — та, что пободрей, с риском для жизни пробирается из подвала в аптеку (верней, к тому, что осталось от аптеки) и забирает уцелевшие мази и бинты, чтобы перевязать раненого дудаевца, и называет его при этом «сыночек», как по идее, по патриотическому замыслу, должна была бы называть российского танкиста.

Но к российскому танкисту у нее свой счет. Эти русские бабушки наперебой рассказывают, как танк останавливался около дома и, «как нарочно, прямо в каждую квартиру, в каждое окошко стрелял».

Почему так вели себя танкисты, в общем, понятно. Хотя от этого не менее страшно, оказавшись внезапно в кольце огня. Потеряли голову. Стали палить куда попало. Могли стрелять (и, наверное, стреляли) чеченские гранатометчики. О том, что приехали сюда «разоружить бандформирования», забыли напроць и тотчас. Один из ополченцев (кстати, русский) схулиганил — влез радиоперехватом в отчаянную перебранку танкового экипажа с каким-то начальством и спросил: «Куда можно пройти сдать оружие? Было сообщение о специальных пунктах сдачи...» Со смехом рассказывал, что указанный ему адрес при дамах повторить не может.

Уничтожим коренное население?

Труднее понять психологию летчика, бомбящего город или село. Он не рискует ничем — «Стингеров» у дудаевцев нет, а зенитки были сняты с вооружения еще перед Второй мировой ввиду их полного бессилия уже перед тогдашней авиацией. Сегодняшние самолеты сбрасывают бомбы на низком бреющем полете и попа-

дают строго в цель: в больницу, дом инвалидов, рынок с массовым скоплением людей...

Начиная со второго января тактика бомбардировок несколько изменилась. Раньше удары наносились в основном по Грозному, причем там, где раньше стояла или могла бы стоять зенитная установка или бронемашина. (Так мне одна спасавшаяся от бомбежек женщина и объясняла: «Зенитка, она же на колесах — она здесь постоит, там постоит, дальше поедет. А самолет прилетит через несколько часов, да как давай бомбами лупить...»)

После поражения новогоднего штурма начали бомбить преимущественно провинцию, причем там, где больше людей: крупные базары, автостоянки, места, где скученно стоят дома. В Шали на общереспубликанский рынок автодеталей сбросили шариковую бомбу. Я была там через пару часов после бомбардировки и держала в руках еще не разорвавшиеся шарики. Радиус смертельного поражения этой штуки больше ста метров. И достигает она всякого, ложись не ложись. Несколько трупов я видела даже в канаве... В тот же день и там же бомбили больницу и продовольственный рынок. Потом большие села Атаги и Комсомольское (то самое, куда через пару дней сбросили десант), потом село Чечен-Аул, потом...

Что бы ни говорила официальная пропаганда, действия российской армии не оставляют сомнений: она рассматривает чеченское сопротивление именно как народную войну и ведет борьбу даже не только с чеченским населением, а с населением Чечни, которое не без оснований, быть может, рассматривает своего потенциального противника. «Армии никогда не победить народ», — говорят чеченцы. Вопреки опытам позорных поражений мне кажется иначе: армия еще чуть-чуть поднавалится и победит. Бомб и самолетов на это хватит.

Говорят, когда российские войска занимают жилой дом, подвалы забрасывают гранатами.

Цена войны

Оценки потерь в ходе чеченской операции существенно разнятся. Помощник Дудаева Мовлен Саламов называет около двухсот единиц российской бронетехники, уничтоженных только за два дня, с 31 декабря по 1 января. Он же говорит о 25 танках и БТРах, взятых в эти дни в качестве трофеев. И примерно о сотне пленных.

Российские депутаты, находившиеся в Грозном, назвали цифру 81 пленных. Представители Международного Красного Кре-

ста, посетившие российских пленных, подтвердили чеченские данные — сто человек.

Член парламентского Комитета по обороне генерал-полковник Юрий Родионов утверждает, что на 16 часов 6 января российская сторона потеряла 282 человека убитыми.

Хусен Диресов, помощник начальника департамента жилищно-коммунального хозяйства Чеченской республики, 3 января объехал центральную часть Грозного и насчитал по улицам 84 единицы сгоревшей российской бронетехники.

Данные, полученные корреспондентом «Известий» в 131-й Майкопской мотострелковой бригаде, штурмовавшей в новогодние дни Грозный со стороны вокзала: из 26 танков сожжено 20, из 120 БМП из города удалось вырваться только 18. Все шесть зенитных комплексов уничтожено. 74 человека попали в плен.

Командующий войсками Приволжского военного округа, побывавший в районе боевых действий, генерал-лейтенант Владимир Попов сообщил: 81-й гвардейский мотострелковый полк, ведущий боевые действия в Грозном в районе вокзала, потерял 16 военнослужащих срочной службы и 6 офицеров. Пока нет данных о судьбе еще 126 военнослужащих. Ранены 113 солдат и 22 офицера.

По Чечне настойчиво циркулируют слухи, что российские потери сознательно скрываются российской армией и трупы убитых уничтожаются непосредственно в Моздоке. Говорят о сокрытии нескольких сотен трупов.

Синдром глухоты

*Что произошло в Самашках, а что —
в Государственной Думе.*

Самашки — чеченское село, в апреле занятое российскими войсками. Не первое и не последнее. Там сожжен или разрушен каждый десятый дом и погибли люди, много мирных людей, не солдат и не боевиков. Так было.

Из Самашек вернулись несколько групп наблюдателей: правозащитники из «Мемориала», депутаты Анатолий Шабад и Борис Титенко и председатель Комиссии Государственной Думы по расследованию причин и обстоятельств возникновения кризиса в Чеченской республике Станислав Говорухин. Мемориальцы написали свой отчет, Шабад с Титенко дали несколько пресс-конференций, Говорухин выступил в Думе и потребовал... суда над Шабадом, а также никуда не ездившим депутатом Львом Пономаревым и на всякий случай над Сергеем Ковалевым, который уж точно во всем виноват.

Как можно понять из возбужденных, сбивчивых, эмоциональных речей Говорухина, он обвиняет своих оппонентов в том, что те сознательно исказили реальную картину случившегося при взятии села, преувеличили масштабы злодеяний, оклеветали армию.

«Это, ребята, дело серьезное, так что вы сейчас не превращайте в шутку... И Ковалева за распространение сведений, порочащих Российскую Федерацию, подрывающих государственность российскую. Я думаю, что такая статья найдется...» (из выступления в Думе).

Как изменяют родине

В чем, по Говорухину, выразился подрыв государственности? Его потрясла запись, сделанная Львом Пономаревым со слов очевидцев. Беженцы, только-только вырвавшиеся из Самашек в Назрань, звонили депутатам в Москву и говорили при этом слова, которые, увы, всегда говорят беженцы: «Звери... варвары... фашисты так не делали...»

Всякий, работавший в горячих точках, знает, что в таких случаях никак нельзя принимать один к одному живописные под-

робности о зверствах и надругательствах. Знает и иное: сообщающие их обычно не лгут, так что уличать и разоблачать их бессмысленно. Они свято верят в повешенных детей, в отрезанные головы... Не лгали азербайджанские крестьяне, которые после Ходжалы рассказывали, как их «били ногами двухметровые негры», не лгали сухумские грузины, настойчиво повторявшие, что «абхазы закапывали в землю живых женщин». Реальный, подлинный кошмар пережитой оккупации воплощается в таких вот и подобных фантастических образах.

Пономарев предоставил подробную запись рассказа в распоряжение Говорухинской комиссии. Комиссии необходимо знакомиться и с такими документами, причем не просто для того, чтобы удостовериться в легендарности большей части рассказанного, но и чтобы учесть в комплексе все последствия чеченской операции. Ведь, как бы то ни было, многие чеченцы теперь ВОТ ЭТИ (пусть вымышленные, но для них-то подлинные) ужасы сохраняют в душе, ВОТ ЭТО передадут и завещают детям...

Так возник этот материал — знаменитые три странички, которыми Говорухин размахивал на трибуне, обвиняя кого ни попадая в измене Родине. (Шабад и Ковалев к этому тексту никакого отношения не имеют.) Но ведь и сам Говорухин понимает и признает масштаб психологической травмы для чеченцев: «... был в Самашках, разговаривал с чеченцами... Они в ужасе от того, что произошло, озлобленные на российскую армию».

Все говорят о трагедии

Говорухин считает, что должен состояться суд и над виновными в гибели мирных граждан в Самашках. Вообще, он отнюдь не остался равнодушен к тому, что там увидел. «Я понимаю. Ведь и так то, что произошло в Самашках, достаточно страшно. Ну, предположим, погибло там не 300 человек, а, скажем, 30. Разве это не страшно? Что это за кровавая арифметика?»

Парадокс в том, что показания Говорухина и его оппонентов практически совпадают. Говорухин громыхает полемическим пафосом, доказывая, что село не бомбили с воздуха и не подвергали артобстрелу. Шабад тоже заявляет, что не видел следов бомбардировок и артиллерии, за исключением школы, ставшей на время оккупации казармой, которую солдаты расстреляли перед своим уходом. (Что-то, видимо, хотели скрыть.) И подтверждения тем легендам об изуверствах, которые так просто изобличает Говору-

хин, тоже не нашли ни мемориальцы, ни Шабад с Титенко. Говорухин не пойми с кем споря (разве что с беженцами, вырвавшимися из огня, которые уж точно не смогли толком посчитать, сколько домов горит) провозглашает: «Разрушена, конечно, не треть Самашек, а, скажем, так... каждый двадцатый дом». (Через несколько минут он скажет иначе: 50 домов из 500, и тоже не из зловредности, а потому, что не просчитывал скрупулезно.) Шабад называет примерно такие же цифры, причем уточняет, что разрушения — на четырех улицах, а остальная часть села вообще не тронута.

Шабад говорил мне: «В сущности, если бы у нас со Станиславом Говорухиным не было взаимных предубеждений, то в принципе я со многим из того, что он говорит, согласен. Несмотря на его истерику по отношению ко мне, мне многие его позиции созвучны. Ведь он сказал о главном: что нужно возбудить уголовное дело по событиям в Самашках».

... И никто никого не слышит

Поразительная вещь происходит. Независимые свидетели говорят, в сущности, одно и то же, и почти никто этого не слышит. Не слышит Говорухин, замороженный отвратительным ему словом «выборосс», ибо выборосс в его представлении может отвергать лишь мерзость и хулу на Отечество. Не слышат в основном и его оппоненты. Вон как набросился на него Борис Титенко: «...просто удивило, что вы не увидели тех вещей, которые... увидел я, и не только Шабад, а российские граждане, русские люди, которые там побывали...» (А Говорухин все увидел. И уже сказал об этом на заседании Думы. Но сказал, попутно понося на чем свет стоит со товарищи Бориса Титенко, и, значит, как будто и не сказал.) Борис Золотухин, один из самых интеллектуальных депутатов, юрист, тоже не слышит и предлагает отстранить Говорухина от должности председателя комиссии, поскольку комиссии теперь предстоит решить, чьи показания правдивее — Шабада — Титенко или Говорухина, а поскольку «никто не может быть судьей в собственном деле...» (Выходит, комиссия теперь не Чечней будет заниматься, а выяснять отношения Шабада с Говорухиным? Да лучше бы собрали свидетельские показания да подготовили судебный иск поскорей...)

Зачем завоевали Самашки?

Категорически не слышит совпадения в показаниях депутатский корпус в целом. (Шабад вот разве только и слышит, сказывается еще

не вытравленная многолетняя привычка к научному анализу.) Все-все выступавшие норовят «принять точку зрения» и заявить, что верят либо одной, либо другой стороне в зависимости от политических пристрастий. Большинство, естественно, за Говорухина, меньшинство — за выбороссов, словно уши воском залепили, и не слышат, не слышат, что люди не только свидетельствуют об одном и том же, но и требуют одного и того же: расследования и суда. Чего уж говорить о нас, простых смертных, телезрителях, читателях газет, нам только перебранку и показывают, причем кусочками.

Снова совпадающие свидетельства: войска вошли в село, сожгли, убили, ограбили и... ушли. Сейчас в Самашках никаких властных структур — ни дудаевских, ни хаджиевских, ни российских. И Говорухин, и Шабад (но не вместе, боже упаси!) констатируют: коль скоро вслед за армией не приходят управляющие структуры, значит, в селе возникнет, теперь уже с большим основанием, новый очаг сопротивления. Жестокость и разрушения окажутся еще и бессмысленными.

Даже в оценке последствий стороны близки. Говорухин: «Что же касается войны в Чечне, она не закончится, дорогие друзья. Не тешьте себя надеждами, что, как только будет освобождена равнинная Чечня, война закончится. Это неправда, она приобретет новые и более ожесточенные формы... Все придется в скором времени очищать по новой. Я уже не говорю о горах...» Ну и демократы о том же твердят едва ли не с каждого начала кампании.

В чем Говорухин с Шабадом разошлись решительно, так это не в показаниях, а их интерпретации. Говорухин считает, что большая часть жертв — жертвы боя, что Самашки — «чеченский Сталинград». Шабад и мемориальцы уверены, что боя никакого не было, боевики по требованию старейшин села его покинули, сопротивление со стороны местных жителей было неорганизованным и спонтанным. С российской же стороны, по его мнению, осуществлялась спланированная карательная операция.

Из интервью Шабата

Он говорит: «До тех пор действия армии по отношению к населению были бессистемными. Например, бомбардировка рынков в Шали — истерика, месть за поражение в Грозном. А по сути террор — это наука. Армия этой наукой не владеет. То, что делали в Шали, не достигает цели, люди только озлобляются и их сопротивление становится более ожесточенным. В Самашках действовала не армия, а вну-

тренные войска. Была применена та же система, что и при осуществлении операции «Кольцо» в Карабахе — я сразу узнал почерк».

«Жители Самашек рассказывали потом (не знаю, может быть, это легенда), — продолжал Шабад, — что вначале в село мирно зашли солдаты призывного возраста. Они будто бы вели себя более или менее прилично и даже предупреждали уходя: «Лучше сейчас спрячьтесь, за нами идут каратели». Рейды совершались по четырём улицам, там практически не осталось мужского населения — все либо убиты, либо захвачены и отправлены в фильтрационные лагеря. Верхней возрастной границы не предусматривалось: среди убитых есть старики за семьдесят. На улице лежал мужской труп с вывороченным сердцем. По-видимому, внутренности вышибло осколком. На нем домашние тапочки, так что явно не боевик. Видел обгоревшие мужские трупы. Однако большинство к нашему приходу были уже захоронены в огородах. Я полагаю, что число убитых мирных жителей примерно совпадает с численностью убитых «боевиков», сообщаемых официальными сводками. Боевики из села ушли — об этом единодушно говорят все опрошенные жители. К тому же трудно представить себе, что боевые действия, если бы они были, сосредоточились бы строго на четырех улицах».

Он считает, что цель акции — запугать жителей окрестных сел, не допустить даже спонтанного очагового сопротивления. Судя по тому, как брали потом Ачхой-Мартан, до некоторой степени цель оказалась достигнутой. Там все вообще прошло без сучка, без задоринки: армия мирно вошла и так же мирно вышла. А вот уже в Бамуте, где действительно закрепились дудаевские боевые подразделения, вспыхнуло серьезное сопротивление. Потому что такие способы устрашения как раз действуют на население и совершенно не действуют на боевиков.

«А насчет Сталинграда, — добавляет Шабад, — это Говорухину в шоке показалось. С непривычки всегда мерещится больше того, что есть. Он Грозного не видел. Может, если уж проводить аналогии, Грозный можно было бы назвать чеченским Сталинградом, а Самашки — это скорее Герника или Сонгми...»

До суда дело не дойдет

Говорухин опирается на армейские показания, Шабад — на показания жителей Самашек. Еще на его стороне опыт работы в горячих точках и объективные данные потерь: с российской стороны 16 человек убитыми (это по меркам чеченской войны очень не-

много), с чеченской — 200. Обычно в бою нападающая сторона теряет больше, чем обороняющаяся, так что, похоже, чеченцы гибли не в бою.

Впрочем, интерпретация событий пока что частное дело частных лиц. Ведь и Говорухин, и Шабад со своими единомышленниками как будто полны нетерпения передать дело в суд. Установить, при каких обстоятельствах погибли мирные граждане, кто несет за это ответственность, как раз и призван суд. Еще суд мог бы стать важным сигналом: армии — что не все ее действия безнаказанны, чеченцам — что и их драма не безразлична России. Но до суда дело, видимо, не дойдет. Стороны слишком увлечены взаимными изобличениями, чтобы вместе составить исковое заявление на основании общих свидетельских показаний. Увы, истина, может, и дороже дружбы, но никак не дороже вражды.

Призыв к патриотам и демократам раскрыть друг другу объятия, не браниться, а сотрудничать — ханжество или несусветная глупость. Но грустно, когда противник говорит то же, что и ты, и ты не слышишь его потому лишь, что он противник. Странно выглядит этот скандал, в котором стороны яростно клеймят друг друга, отстаивая, в сущности, одну позицию.

Что там вышло у Ивана Ивановича с Иваном Никифоровичем? Да Бог им судья! Но здесь, у нас, фоном — не тихий Миргород, а чеченская война, с настоящей трагедией в Самашках... Страшно жить на этом свете, господа!

Чечня без Дудаева

Странная война. Смешная жизнь

Вечер в Грозном. Еще светло, но город словно вымер. Изредка проносятся мимо припозднившиеся машины. Слышатся автоматные и пулеметные очереди. Бухают артиллерийские снаряды. Мы с коллегой спешим добраться к теплу и людям. Бродить в сладких весенних запахах мертвого города жутко.

Из развалин выныривает одинокий силуэт. Бандит? Нет, просто бабушка. «Здравствуйте», — говорим мы заходя, чтобы ей не так страшно было двигаться нам навстречу. Вокруг — руины. Старые, превратившиеся в сплошную помойку. Но даже свалка здесь по-южному неистово цветет: яблоня, вишня, айва, абрикос — все вокруг бело-розовое. Поравнявшись с нами, бабушка роняет: «До чего ж жизнь смешная».

Ризван — спаситель

Путь к боевикам начинается из Дома правительства. Или с базара. Или с любой улицы Грозного. Или села. Надо подойти к первому попавшемуся чеченцу, представиться и объяснить свою задачу. Человек вас выслушает и ответит, что помочь, к сожалению, ничем не может, поскольку он к боевикам отношения не имеет.

Потом добавит, что с боевиками, конечно, жить трудно, но понять их все-таки можно: ведь федералы творят в стране бог знает что, и если у человека разрушен дом и погибла семья, куда ему податься, как не к боевикам. Еще минут через пять собеседник сообщит, что сам-то он никаких боевиков не знает, но вот есть друг, который, в свою очередь, дружит с кем-то, кто, кажется, состоит в отдаленном родстве с боевиком.

Дальнейшее — вопрос времени. Предстоит неспешное чаепитие и разговор с другом. И потом с другом друга. И потом с тем родственником боевика. И только затем окружающие решат, можно ли вам верить. Да и какой чеченец выпустит гостя, не накормив его до изнеможения?

Мне повезло: меня привезли к Ризвану сразу же. Ризван, житель Новых Атагов и бывший заведующий отделом погрузки на це-

ментном заводе, личность примечательная. Чуть не все российские генералы, которых заносило в этот регион, жилали и едали в его огромном хлебосольном доме. Один Ризван знает, сколько литров водки было с ними выпито «за мир», «за простых людей», «за то, чтоб провалился тот, кто эту войну придумал».

Атаги, да и окрестные села, сохранились, считай, целиком — жители хором славят ризваново гостеприимство. Они убеждены, что только личные контакты Ризвана с федералами позволили селам уцелеть. Так оно и есть.

Ризван равно вхож и к генералам, и к боевикам. И потому во время шалинского противостояния он был единственным, кто мог беспрепятственно въехать в наглухо заблокированное село и так же свободно его покинуть. Главный организатор всех встреч и переговоров, Ризван мотался туда-сюда, связанный лишь строжайшим генеральским наказом: «Смотри, Ризван, чтобы никого с тобой не было. Особенно журналистов».

Моя просьба для Ризвана — сущие пустяки. «Боевиков, говоришь? — задумчиво поскреб щеку. — Шамиль очень занят сейчас, Масхадов и так все время на телевизоре... Басаев Ширвани здесь недалеко, проездом из Грозного. Устроит? Тогда поехали!»

На окраине соседнего села Ризван затормозил свою «Ниву». «Простите, мне надо ехать. Пойдите тут, скоро люди подойдут — они в курсе, отвезут вас к Ширвани. Нет, не здесь, во-он за поворот зайдите: на высотке российский снайпер — черт знает, что ему в голову взбредет».

Дальше как по писаному. На очередной «Ниве» появились некие люди. Поздоровались. «Садитесь, пожалуйста». Путь вверх, в предгорья. Высаживаемся на широком лугу, буквально усеянном разбитой и уже проржавевшей бронетехникой. Почти тотчас на «газике» подъехал Басаев. «Любуетесь? Здесь еще семечки. А вот под Сержень-Юртом — там ваших полегло немеряно. Больше, чем под Ярыш-Марды. И не знает в России никто — шито-крыто».

«Ихние» и «наши»

Ширвани Басаев старается во всем походить на брата. Такая же шляпа с зеленой ленточкой, так же подстрижена борода. Та же стать и уверенность в себе. Так же, как и брат, сдержанно приветлив с журналистами. На документы мои и не глянул: «Я привык верить людям на слово».

Ширвани чеканит формулу, буквально въевшуюся в головы всех чеченских начальников: «Роль личности в истории, конечно, велика. Но не столь велика, чтобы гибель одного человека могла изменить ход чеченской истории». — «Почему преемником Джохара стал Яндарбиев? Ведь до сих пор он был в тени». — «Мы — не разрозненные бандформирования, какими нас хотели бы видеть в России. Мы — легитимная власть государства Ичкерия. Впредь до выборов обязанности президента будет исполнять вице-президент». — «Возможны ли теперь, после смерти Дудаева, переговоры с Москвой? Кто будет представлять Ичкерию?» — «Переговоры возможны только при условии, что Москва назовет виновных в гибели Джохара. Мы не ждем, что такое условие будет выполнено, но если Москва на это и пойдет, с нашей стороны за стол переговоров с Борисом Ельциным сядет Зелимхан Яндарбиев». — «Кто мог бы быть посредником?» — «Билл Клинтон. Нужен только такой посредник, который мог бы воздействовать на обе стороны. Мы очень уважаем Минтимера Шаймиева и Нурсултана Назарбаева. Но они не имеют никакого влияния ни на нас, ни на Кремль».

И снова: «Нас называли бандформированиями, бандитами, теперь называют террористами. Нет. Мы — военнослужащие армии Ичкерии. У нас единое командование. У нас порядок. Если командир не подчинится приказу, его расстреляют. Это у вас каждый сам себе генерал. И в армии у нас не пьют и не колются. Не то, что ваши».

В группе сопровождения Басаева приехал щуплый хмурый паренек в черной вязаной шапочке. Бывший Сережа, бывший пленный. Впрочем, все это, по его словам, было очень давно. В январе. Теперь он Султан, правоверный мусульманин, боец за правое дело. «Это настоящая армия, не такая, как та (в отличие от чеченцев он пока говорит «та», а не «ваша» армия). У нас все ребята чистые, все молятся, друг за друга стоят, не издеваются. И все справедливые».

Я вспоминаю Валеру, начальника блокпоста федеральных войск. С правого бока он казался лейтенантом, слева — капитаном. При известном усилии можно было догадаться, что звездочка с правого погона просто слетела. Он был не пьян, слегка навеселе, и уговаривал меня быть осторожней. «С дороги — ни шагу. Мы весь лес заминировали. У меня каждый день кто-нибудь подрывается. Вчера сапер. С мужиками нашими тоже не очень-то. Они как выпьют — себя не помнят. Боевики тоже всякие бывают. Вроде среди них подонков быть не должно — они ведь за свой дом воюют, так? Но разное случается».

Странная война. Обхохочешься

Кстати, на блокпостах можно увидеть забавные картинки. Как-то в машину, в которой я ехала, почти до пояса всунулось голое невымытое солдатское тело и исторгло из себя маловразумительное: «Че у вас? Водка-сигареты?» — невыносимый перегар заполнил кабину. «Ты бы оделся, — брезгливо отстранился чеченец-водитель. — Тут женщины».

На другом посту трезвые оборотистые солдатики спрашивали всех проезжавших: «Масло нужно? Бензин? Камуфляж? Что нужно? А у вас что есть?» Эти, по крайней мере, знали, зачем они здесь.

Мне очень нужно было попасть в заблокированное Шали. Интересуюсь, не может ли Ширвани мне помочь? Российские военные держат жесточайшую блокаду — добиться разрешения просто невозможно. У некоторых моих коллег отнимали камеры, засвечивали пленки при попытках только приблизиться к запретной границе. «Может, у ваших есть какая-нибудь тропка?» — «Ладно, — соглашается Ширвани. — Езжайте в Автуры, там ребята проводят». — «В Автурах кого спрашивать?» — «Спрашивать как раз никого не нужно, — ухмыляется Басаев. — Сами найдут».

Посредники и «нахлебники»

«Ребята», и вправду оказавшиеся рядом, едва я вышла из автобуса, — не боевики. Не боевики и те, кто подвозил меня на встречу с Басаевым. Они — посредники между боевиками и остальным миром. Классический атрибут любого партизанского движения.

Когда российские генералы верят (или делают вид, что верят), будто вот-вот «додавят врага», они не ведают, с кем воюют. В этой войне давно нет фронта.

С чеченской стороны есть вооруженные отряды, очень немногочисленные. По разным данным, от двух с половиной до пяти тысяч человек. Их становится то больше, то меньше, в зависимости от обстановки. Ведь те, кто постоянно участвует в диверсионных операциях или их подготовке, — «нахлебники». Много таких разоренной Чечне просто не прокормить. Но почти каждый мужчина призывного возраста готов, если нужно, встать в строй с автоматом. Что и случается, когда война приходит в его село. Такие чеченцы — по сути, бойцы запаса, называют и считают себя «простыми мирными людьми». Мирными их и считают все, кроме федералов, для которых всякий чеченец, у которого есть авто-

мат, — боевик. Многие из этой категории мирных людей вполне критически относятся и к боевикам, и к покойному Дудаеву, и к Яндарбиеву. При этом все до единого ненавидят федералов и на многое готовы, лишь бы они убралась. Большинство невоюющих разрываются между долгом «главы семьи» («Куда я в горы уйду, мне двенадцать душ кормить надо!») и долгом «настоящего мужчины». Даже иногда поругивая боевиков, они признают: боевики — единственная управа на федералов. Что Завгаев никакой не помощник в этом деле — чеченцы поняли давно, а уж про Кремль и говорить нечего.

Российские власти обещают: война кончится, если уйдут или разоружатся боевики. Словам не верят. Тогда Москва подкрепляет свои обещания бомбами и Градом. Чеченцы все равно не верят. Весь их опыт говорит, что связь обратная: сначала появляются русские солдаты, а уж потом боевики.

Шпионские страсти

Куда и как попадать журналистам — в Чечне, как правило, зависит от посредников (таких, как Ризван, к примеру). Захотят — выведут на боевиков.

В Автурах меня принимали по всем правилам. «Журналистка? Покажите удостоверение!» Показываю. «Ну и что, кто вас знает, ФСБ таких хоть пятьсот наляпает!» — «А почему вы правду не показываете?» — «В Шали? Ну и идите через свои блокпосты!» — «Ах, не пускают? Не хотят, чтобы правду знали? Вот и разбирайтесь с ними по вашему российским законам!»

Терпеливо переживаю. Времена, когда чеченцы затаскивали к себе первого встречного и с ходу выкладывали ему все и про ближайшие военные планы, и про боевую оснащенность, прошли. Теперь — боятся шпионов. И не без оснований. Кое-кому из коллег представители ФСБ предлагали пропуск в какое-нибудь закрытое место, но за это требовали пооткровенничать с ними. После.

При этом ни у боевиков, ни тем более у посредников нет четкого представления, что именно нужно скрывать, а что можно и обнародовать. Спросишь: «Здесь можно фотографировать?» Один скажет: «Ни в коем случае!» Другой: «Снимай на здоровье». Еще меньше ясности в том, как отличить нормального журналиста или представителя Красного Креста от агента ФСБ. Кажется, еще больше, чем выдать непонятные секреты, они боятся остаться в дураках. «Мы их приняли как родных, кормили, все показывали.

А только они уехали, нас сразу разбомбили. Значит, они навели». И никак их не переубедишь.

Правда, в самое последнее время функции проверки все чаще берут на себя сами боевики, уже не доверяя посредникам. В таких случаях процедура «установления личности» может затянуться.

На трассе, ведущей к Грозному, километрах в двадцати от города, прямо из кустов появился красивый парень в кожаной куртке, с пистолетом. «Добрый вечер. Кто вас сейчас подвозил?» — «Офицер с поста». — «Русский? Кто еще был в машине? А вы сами кто? Так. Можно удостоверение? Пожалуйста, пройдите со мной».

С вооруженным человеком спорить не хотелось. Но держался он безупречно вежливо, и это придавало смелости. «А вы-то кто? По какому праву нас задерживаете?» — «Я из Особого отдела. Меня зовут Магомед. Я не отниму у вас много времени. Сейчас мы вас регистрируем — у нас такой порядок — и вернемся туда, где мы встретились». Я не унималась: «Тогда покажите ваше удостоверение!» Магомед зарделся: «К сожалению, у меня пока нет удостоверения. Но сейчас подойдет мой начальник, его тут все знают». — «А может, вы уголовник?» Он снова вспыхнул: «Вот вы что думаете? — и потянулся к кобуре. — Возьмите мой пистолет! Берите, берите! Не умеете? Я вам курок взведу, будете держать меня на прицеле, тогда успокоитесь? Мы не уголовники, не уголовники!» И подрагивающим от обиды голосом — подъехавшему начальнику: «Она боится, что мы ее деньги отнимем!» — «Мы ей сами можем денег дать», — в «начальнике» я не сразу признала знаменитого Руслана Гелаева, командующего Юго-Западным фронтом.

В отличие от своего молодого подчиненного, Гелаев сумрачен и держится жестко. Он требует показать «все-все документы» и подозрительно их разглядывает. «Почему здесь клякса?» — «Просто клякса и все. Отстаньте. Мы в город опаздываем». Снова Магомед, еще не переживший оскорбления: «Вы что это так разговариваете? Вы отдаете себе отчет, что мы можем вас задержать?» — «Конечно, отдаю! Два вооруженных мужика против безоружной женщины — герои. И убить можете, и ограбить». У Магомеда в глазах отчаяние: «Не так вы говорите. У нас по законам военного времени республики Ичкерия есть право вас задержать вплоть до выяснения личности. И все».

Повертев документы, Гелаев вынес вердикт: «Видите мою тетрадь? Я сюда записываю всех журналистов, кто у нас был. Я и вас

сюда запишу. Если я потом узнаю, что вы связаны с ФСБ или какую-нибудь провокацию устроите, я тогда в Москве вас найду и вам тоже гадость сделаю. Вот». Он с явным облегчением протянул мне удостоверение и аккредитацию, а Магомед радостно бросился ловить попутку, не преминув извиниться, что не имеет возможности сам отвезти до места.

Боевики говорят о правилах на партизанской войне. Но партизанская война по природе своей война без правил. А они все равно хотят — по правилам. Они держатся за мираж своей государственности. А раз государственность — значит, законы, правила, порядки. С началом войны «быть правильным» (жить по законам шариата, или по законам Ичкерии, или по законам своей деревни) стало основой национального самосознания. Чеченская «правильность» противостоит российскому разгильдяйству и хаосу.

Смерть Дудаева ничего в этом смысле не изменила. Борьба боевиков за власть и влияние не выплескиваются за круг «посвященных». В нее не втягиваются рядовые бойцы, и решение Совета командиров обязательно для всех.

Если Ельцин всерьез настроен на переговоры, ему предстоит иметь дело формально с Зелимханом Яндарбиевым, а по сути — с советом командиров. Мечты о каких-то переговорах с отдельными «прогрессивными, но оппозиционными полковыми командирами» так и останутся мечтами.

Партизанщина, затянись она на десятилетия, неизбежно разрушит этот квазигосударственный уклад. На месте Магомеда окажутся люди, понимающие, что пистолет эффективнее любого удостоверения. Ширвани Басаев или тот, кто в тот момент будет играть роль, которая сейчас отведена ему, скажет, что никакой Зелимхан Яндарбиев ему не указ, и договариваться надо только лично с ним, с командиром. А какой-нибудь новый Гелаев заявит, что плюет на любые договоренности.

Но сегодня время для переговоров еще не упущено.

С кого денег не берут

В Шали меня, как и обещал Басаев, привезли боевики. Не тайными тропами, а через «непреодолимый» пост федералов на своей «Ниве». По дороге сокрушались, что не успели вовремя сменить номера на машине. «Часто приходится менять?» — «Раз в две-три недели».

К посту подъехали — напряглись и затихли. У поста — тьма-тьмущая народу. В основном женщины, все принаряженные, кое-

кто с детишками. Село закрыли в одночасье, и те, кто выходил в гости или по делам, оказались на много дней отрезанными от дома. Был слух, что на Курбан-байрам в село кого-то пропустят. Потому и толпятся здесь. Переговариваются: «Ни за что не пропускают. Я умоляла. У меня там ребенок годовалый остался. Нельзя, и все».

Машин у блокпоста около полусотни. Мы становимся в хвост неподвижной автомобильной очереди. Боевики желают нам не скучать и не волноваться и, оставив нас в кабине, неспешно идут к караульным. Возвращаются минут через двадцать, сильно сконфуженные: «Совсем оборзели бандиты! Двести тысяч с человека хотят». Мы с коллегой, тяжело вздохнув, отсчитываем восемь стотысячных бумажек. Боевики замахали руками: «Нет, только за вас. С нас не берут. И еще они просили, чтобы они вас как будто не видели».

Покидали мы Шали таким же манером, но уже бесплатно. Двое других боевиков усадили нас в «Жигули», предварительно повязав мне платок, а моему спутнику посоветовав снять фотожилет. «Журналистов они не хотят. Пусть лучше думают, что вы с нами». Мы забеспокоились: «Заглянут внутрь, увидят камеру, засветят пленку». Наши спутники заговорщицки переглянулись: «К нам в машину они не заглядывают».

Транспорт и людей, пытавшихся покинуть Шали, — вернее, тех, кто осмеливался приблизиться к блокпосту ближе, чем на сто метров, — встречали пулеметными очередями в воздух. Пугали. Наш «жигуль» — единственный из всех — плавно пересек незримую границу и проследовал мимо ошестинившихся БТРов. Один из наших спутников высунул в окно и крикнул солдатам: «Мы скоро поедem обратно!»

Спрашиваю: «Почему никто не может, а вы можете?» Боевики лаконичны: «Боятся». Люди, ввозившие и вывозившие нас из села, были в Буденновске, участвовали в штурме Грозного 6–8 марта. Они фигурируют в «списках лиц, подлежащих задержанию, несмотря ни на какие пропуска». Списки эти разосланы по всем блокпостам. Ни разу не видела, чтобы хоть кто-нибудь при проверке документов сверялся с бумагами.

Кому охота связываться? Днем задержать одного-двух боевиков, а ночью принять героическую смерть от их товарищей. Но и боевикам чем дальше, тем меньше хочется героической смерти. Поэтому без особой нужды они на блокпосты не рвутся. Предпочитают диверсии с минимальными боевыми потерями и захватами заложников.

Шали — начало мира?

Ельцин и Яндарбиев по-прежнему далеки от того, чтобы сесть за стол переговоров, генералы, от Тихомирова до Шаманова, командующего под Шали, бряцают оружием и грозно изрекают: «Никаких... с террористами!» А боевой дух выветривается. Солдаты и боевики ждут скорого мира и не хотят умирать накануне его наступления.

История с Шали знаменательна. Здесь боевики — впервые — возглавили не военную акцию, а кампанию гражданского неповиновения. Они призвали чеченцев не подчиняться завгаевским властям, завгаевской милиции, никаким установлениям и предписаниям, исходящим от Москвы и ее ставленников; отказываться вообще делать что-либо вплоть до вывода войск и общенародных выборов. Именно такое решение и принял шалинский сход: приостановить полномочия администрации до полного вывода войск с территории.

Утопия? Конечно. Но это уже не «смерть оккупантам!» Более того, те же шалинские боевики не допускали никаких провокаций в отношении войск, даже когда дома чеченских командиров были разнесены авиабомбами в щепки.

Но и российские войска не случайно продлевали и продлевали срок ультиматума. С Шали опасно делать то, что сделали с Шатоем, Самашками, Серноводском. Шали — село большое, в центре Чечни, на перекрестке многих дорог. Продырявить на сей раз самое сердце республики — значит дать новый импульс ожесточению и мести.

Кажется, если не подстегивать события, не запутывать и не запутываться — странная война потихоньку затихнет, угаснет сама собой. Она надоела всем — и тем, кто засеивал поля, и тем, кто минировал леса. Лучшего момента для переговоров может и не представиться.

Капитуляции не будет

Успех мирного соглашения зависит от того, удастся ли России и Чечне представить себя победителями.

Проект Договора о разграничении полномочий между правительством Чеченской республики и федеральным правительством вызывает разочарование. Не текст проекта — он мог быть любым. Но поспешность, с которой бросились решать вопрос о статусе Чечни. Это может дорого обойтись и Чечне, и России.

Очевидно, что в названные сроки — «до 30 июня» — вопрос неразрешим. Скорее всего при столь полном несовпадении позиций его на договорном уровне вообще не решить. Зато, как показывает опыт многих наших близких соседей, от Карабаха до Приднестровья, проблема статуса прекрасно поддается замораживанию. И на протяжении нескольких лет, пока каждая из сторон конфликта продолжает использовать свою географическую номенклатуру и печатать свои карты, складывается, вызревает настоящее, наиболее приемлемое и устойчивое «разграничение полномочий».

Грузия с Южной Осетией вернулись к проблеме статуса после пяти лет мирного сосуществования. На подходе Молдова с Приднестровьем.

Нам снова не хватает терпения? Очень хочется «закрыть вопрос» перед вторым туром? Знакомая манера: «подписание до 30-го» наверняка изобрела та же команда, что придумала право- и левоцентристские блоки, вооружение антидудаевской оппозиции, прочие выдающиеся ходы, отличающиеся простотой, прямо-той и чрезвычайной эффективностью.

Вдвойне досадно, что эта новая инициатива грозит перечеркнуть едва ли не самый значительный президентский успех.

«Ястребы» за столом переговоров

Начало переговоров было ослепительным. Личная встреча с лидером чеченских сепаратистов, да притом такая плодотворная, да притом в Москве, а не где-нибудь на нейтральной территории. Накануне приезда Яндарбиева в Москву наблюдатели гадали: удастся

ли выжать из переговоров хоть что-нибудь? Все сходились в том, что особых надежд питать не стоит, но сам факт обоюдного согласия на встречу уже дорогого стоит.

Встреча принесла соглашение о прекращении огня. Подписание состоялось в рекордно короткие сроки — буквально за полчаса.

Зелимхан Яндарбиев еще перед отлетом в Москву публично заявил, что везет предложения, которые «позволят сохранить лицо великой державе». Во время подписания он только перед телекамерами раз пять произнес: «Я совершенно согласен». Те, кому доводилось раньше общаться с ним лично, могут оценить, сколь непривычно звучат в его устах такие слова.

Едва ли не в первый раз с начала войны россияне оказались свидетелями продуманного и подготовленного мероприятия. Ясно, что за легкостью подписания текста — виртуозная дипломатическая работа. Ответственные за организационную часть переговоров тоже оказались на высоте. Даже то, что чеченскую делегацию отрезали от журналистов и не дали ей провести обещанную пресс-конференцию, на сей раз было объяснимо.

Успех мирного соглашения зависит в первую очередь от того, удастся ли обеим сторонам представить себя победителями. Признание собственного поражения — вечный источник реваншизма. Особенно опасный, когда ни одна из сторон не готова к капитуляции.

В менее драматическом варианте этот урок уже проходили. После подписания договора с Татарстаном — того, что теперь ставят чеченцам в пример, — умный Минтимер Шаймиев не мешал Ельцину говорить о сохранении территориальной целостности России, а в Казани недвусмысленно давал понять, что присутствие Татарстана в Федерации — чистая формальность и на самом деле Татарстан юридически закрепляет свою независимость.

Неудачный опыт — прошлогодние грозненские договоренности. Российские силовики чувствовали себя проигравшими. Оппозиция и СМИ твердили, что дудаевцы возвращаются на прежние рубежи и, выходит, федералы воевали зря. Военные при всяком удобном случае жаловались, что это злокозненные политики помешали им «додавить врага». В итоге миф о почти добитом противнике, которого оставалось чуть-чуть «дожать» настолько прочно вошел в общественное сознание, что дальнейшее развитие переговоров стало невозможным.

Ельцинское «Война окончена. Вы победили» не менее значимо для выполнения соглашения, чем последующее предупреждение об

ответственности за каждый новый выстрел. Но так же важно, чтобы никто не помешал Яндарбиеву произнести те же слова, обращаясь к бойцам чеченского сопротивления. Две противоположные интерпретации завершения войны должны сосуществовать в двух параллельных мирах, не смешиваясь. Если бы чеченская делегация предстала перед московскими телекамерами раньше времени, произошла бы ошибка этих реальностей, и все могло бы рухнуть в считанные дни.

Попытки навязать «Договор о разграничении полномочий» таят в себе куда более серьезную опасность. От сепаратистов требуют капитуляции. Мало того, от них ждут публичного признания в этом.

Бамутский успех позволил российской армии преодолеть горечь предшествовавших унижительных поражений и ощущение бессмысленности происходящего. Но победа эта останется победой, только если ее используют как довод при переговорах. Если война продолжится, триумф обратится в дым: войска уйдут, боевики вернутся. Шатой и Самашки брали дважды, Ведено трижды, Гойское, Гехи-Чу, отдельные районы Грозного — неслыханное число раз.

Федеральные власти твердили, что «с ними» договариваться бесполезно. Что в Чечне одержали верх непримиримые, а все остальные — их заложники. Что ни на какие переговоры они не идут. Оказалось — идут, бегом бегут, только позовите. Соглашение о прекращении огня с чеченской стороны визировали не просто непримиримые, но самые-самые.

Зелимхан Яндарбиев, главный, а по сути дела единственный, идеолог чеченского национализма, всегда смотрел на Москву как на «империю зла». В отличие, кстати, от Дудаева, мечтавшего о личной встрече с Ельциным и до начала войны питавшего к нему трогательную заочную симпатию. Другой член делегации, Ахмед Закаев, известен среди полевых командиров наиболее жесткой позицией. Ширвани Басаев, еще один участник переговоров, менее чем за месяц до встречи в Москве говорил мне, что разговаривать с Кремлем станет не раньше, чем там назовут и осудят убийцу Дудаева. Как выяснилось, гордые слова и антироссийские декларации не препятствуют началу диалога.

Да и по российскую сторону стола не одни голуби-миротворцы сидели. Ни Анатолий Куликов, ни Анатолий Шкирко, ни тем более Михаил Барсуков, прославившийся замечательными обобщениями этнологического характера («если чеченец не вор, то он бандит, а если не бандит, то убийца»), в пацифистских настроениях

не замечены. Впрочем, таковы законы миротворчества: договариваться должны не те, кто любит друг друга, а те, кто между собой воюет. Героями прошлого переговорного этапа стали главный организатор чеченского сопротивления Аслан Масхадов и «палач» Самашек Анатолий Романов.

Для того чтобы забыть вчерашнее «о чем с ними можно?!» и улыбаться друг другу через стол с зеленым сукном, нужны серьезные причины. Ельцинские обстоятельства — на поверхности. Он обещал закончить войну. До выборов осталось всего ничего — сроки поджимают. Более убедительных доказательств верности своему миролюбивому слову не найти.

Мотивы Яндарбиева менее очевидны, хотя и тут особой загадки нет. Малоизвестный литератор, глава немногочисленной Вайнахской демократической партии, он никогда не был харизматическим лидером. В чеченской политической иерархии пост вице-президента весил не много. По существу же, Яндарбиев считался чем-то вроде дудаевского спичрайтера. Ближайшее окружение Джохара его недолюбливало, народ знал плохо. Нежданно-негаданно получив президентский пост, Яндарбиев оказался до некоторой степени в положении Сталина, наследовавшего Ленину. Он вынужден постоянно доказывать свою верность тени предшественника и в то же время соперничать с ней.

В этом смысле приглашение в Москву — царский подарок. Не об этом ли мечтал Джохар с осени 1991-го и до самой смерти? Не признания ли добивался? Вот при Яндарбиеве и состоялось признание: высылают правительственный транспорт, принимают в Кремле. По возвращении из Москвы Яндарбиева приветствовала ликующая толпа.

Проще всего было бы интерпретировать московскую встречу как чисто конъюнктурную акцию. Эдакий обмен подарками между Ельциным и Яндарбиевым, где каждый приобретает больше, чем уступает. В таком случае были бы правы те, кто говорит, что соглашению придет конец если не 17 июня, то уж во всяком случае по завершении второго тура.

По всей видимости, именно так смотрит на дело Аслан Масхадов, едва ли не самый желанный для Москвы партнер. Не случайно же он отказался не только приехать в Москву, но и участвовать в развитии переговорного процесса. В лагере чеченского сопротивления расклад получился парадоксальный. По слухам, против визита в Москву на Совете обороны выступали как раз те, кого кремлевские аналитики привычно относят к «умеренным». Оно и

понятно: «умеренные» — естественные оппоненты «радикального» Яндарбиева и не могут одобрять шаги, откровенно работающие на укрепление его позиций.

Как кончаются войны

И все же, если бы все сводилось лишь к взаимопомощи в набирании политических очков, встреча Ельцина с Яндарбиевым вряд ли состоялась бы. Даже самого сильного яндарбиевского хотения было бы недостаточно, чтобы Совет обороны дал «добро». Просто к нынешней весне военный задор иссяк.

Сложилось своего рода динамическое равновесие. Большая часть чеченской территории оказалась под двойным контролем: формально — российским, фактически — боевиков. Разовые успехи тех и других: очередной разгром очередной партизанской базы или очередная засада на очередную армейскую колонну — не меняли баланс сил в целом. С каждым днем все очевидней становилось, что это может длиться вечно, что победить, то есть уничтожить противника или заставить его сдаться, не способна ни одна, ни другая сторона. «По ним лупишь-лупишь, — жаловался российский офицер, — а их от этого вроде еще больше становится». Не сговариваясь с ним, один чеченский боевик печально констатировал: «Понимаете, какая беда. Русские — их очень много. Они никак не кончаются».

Вместе с иллюзиями насчет возможной победы выдыхался и боевой дух обеих армий. Солдаты и боевики все чаще заключали между собой негласные соглашения: мол, мы вас не трогаем и вы нас не обижайте. Сам ход войны подвел к миру. Если бы не «Договор о разграничении полномочий», можно было бы надеяться, что кремлевское соглашение от 27 мая окажется прочным.

Однако на пути урегулирования еще возникнут весьма серьезные препятствия. Едва ли не важнейшее — полное взаимное недоверие сторон. Прошлым летом было иначе. Обе пары (сначала Вольский — Имаев, позже Романов — Масхадов) потому и могли плодотворно работать, что испытывали друг к другу уважение.

Соглашения о прекращении огня нарушаются всегда. Абсолютное их выполнение технически невозможно, пока воюющие стороны не разведены достаточно далеко. Стоит ли говорить, что в нашем случае, когда стороны не просто не разведены, а, так сказать, проникают одна в другую, практически одинаково одеты, да к тому же еще (это, правда, касается только россиян) очень часто

нетрезвы, оно будет нарушаться постоянно. При обоюдной готовности подозревать заговор и коварство поди докажи, что случайный выстрел — действительно случайный и не требует шквального огневого ответа или масштабной диверсионной операции.

Серьезные трудности начнутся с обменом «насильственно удерживаемых лиц». Во-первых, у чеченцев есть некоторое количество (никто не знает, сколько) бывших российских солдат, ни за что не желающих возвращаться домой. Кто-то принял ислам, кто-то боится преследований Минобороны, кто-то уверен, что его забьют насмерть бывшие «боевые товарищи». Все эти люди в армейских отчетах значатся пленными или без вести пропавшими, и на их выдаче будут самым жестким образом настаивать.

Во-вторых, система фильтрационных лагерей, в которых содержатся и пленные, и мирные чеченцы, захваченные во время облав, носит полуконспиративный характер и затерялась где-то между ведомствами. Чтобы найти там человека, требуется невероятное количество усилий и денег. По данным Рамазана Абдулатипова, только чеченские матери сейчас разыскивают около двух тысяч сыновей, вывезенных куда-то в Россию. Сам Абдулатипов, с его депутатским статусом, знакомствами и влиянием, не многим сумел помочь. Кто же сумеет найти и обменять всех в десятидневный срок, предусмотренный соглашением?

В-третьих, чеченская сторона добилась включения в соглашение пункта, по которому одновременно с возвращением пленных ликвидируются фильтрационные лагеря. Однако страшно представить себе, как отреагирует чеченское общество, когда поток изуверченных пытками соотечественников разом хлынет в республику. Не исключено, что ненависть и жажда мести на какое-то время окажутся сильнее усталости от войны.

Проклятый вопрос

В майском соглашении ничего не говорится о выводе войск. Между тем настоящий мир в Чечне может наступить только после того, как этот сильнейший источник нестабильности будет убран. Собственно, именно вывод войск, а вовсе не материальная помощь — главный предмет упований всех чеченцев, от стойкого сепаратиста до самого ярого антидудаевца. Ведь даже Доку Завгаев вынужден клясться на каждом шагу, что сделает все, чтобы войска поскорее ушли.

Однако для того чтобы начать вывод войск, необходимо договориться, как будет организована власть в тех местах, откуда они

уйдут. По прошлогоднему договору освобожденные территории переходили в ведение отрядов самообороны, то есть тех же боевиков из числа местных жителей. Именно эту часть летнего договора больше всего хотели бы реанимировать члены яндарбиевской делегации. Однако к сегодняшнему дню в чеченских районах и селах уже существуют, по крайней мере номинально, назначенные Завгаевым главы администрации. Завгаевская «безвластная вертикаль», как и сам Доку Завгаев, держится в большинстве чеченских регионов на русской бронетехнике. Однако пожертвовать Завгаевым и дезавуировать результаты декабрьских выборов, а стало быть, обеспечить приход к власти дудаевцев, Кремль решительно не готов.

Именно вопрос о Завгаеве относится к числу наименее продуманных и проработанных. Жизнь ставит российские власти перед нелегким выбором: либо «сдать» Завгаева, признав тем самым, что его навязывание Чечне было ошибкой, и отныне общаться лишь с сепаратистами, благо они проявляют уступчивость, либо продолжать держаться за Завгаева и называть его «законной властью», но тогда не рассчитывать на мир и стабильность в Чечне. У Москвы все еще нет в этом отношении твердой позиции. Не случайно Ельцин 27 мая пошел на яндарбиевские условия, включив Доку Завгаева в состав российской делегации, а на следующий день, в качестве утешительного пряника «главе республики» несколько раз повторил, что надо всемерно укреплять его авторитет.

Нормальным выходом из кризиса власти должны бы стать выборы. Но у чеченцев слишком свеж в памяти фарс 17 декабря 1995 года, который и фальсификацией-то назвать нельзя. Фальсифицировать можно все же некоторые результаты, а тут в большинстве районов даже не потрудились организовать избирательные участки. Нет никаких оснований предполагать, что выборы 16 июня будут хоть чем-то отличаться от декабрьских. Да и вообще свободное волеизъявление невозможно, пока не выведены войска. А войска не могут уйти, пока не прояснен вопрос о власти.

Невольно закрадывается подозрение: не сам ли Доку Гапурович, пытаясь любой ценой убедить Москву в собственной незаменимости, вдохновил ее на эту безумную затею с «Договором о разграничении полномочий»? Ведь если надо будет отчитаться о «всенародном одобрении», без Завгаева не обойтись.

До сих пор в Чечне любая российская победа оборачивалась поражением. Неужели так будет и на сей раз?

Непоправимое

Как и почему началась чеченская война?

Подвал, куда с криком «Воздух! Прячься!» втокнул меня чеченский боевик, битком набит русскими стариками. То, что здесь — не только старики — я поняла позже. Люди выглядели дряхлыми после трех дней безвылазного сидения без воды, еды, без каких-либо человеческих удобств. Но едва ли не больше они были подавлены ужасом и непониманием случившегося. «Вы были ТАМ? — спросили меня. — Что ТАМ?» Я рассказала, что у вокзала, метрах в пятидесяти от подвала, догорает бронетехника. Очень много. Я не знала — сколько, не успела сосчитать — начался налет. «Трупов много?» — «Несколько лежат на земле. Но, судя по запаху, больше догорают внутри. Вот, нашла у одного». Я показала военный билет, его осторожно приняли у меня из рук, разглядывали, передавая друг другу. Вдруг пронзительно закричала женщина, до тех пор отчужденно стоявшая в стороне: «Нет! Неправда! Неправда! Дудаевская ложь! Не может быть, чтобы на нас свои напали!»

Это было 2 января 1995 года. Дней через десять район вокзала перешел под контроль Российской армии.

Не знаю, пережил ли зиму хоть кто-нибудь из обитателей того подвала. Когда федералы занимали город, они забрасывали подвалы гранатами.

За что убивают и гибнут

Чеченская война — абсурд в стиле Кафки. Провозглашенные цели никак не соотносятся с происходящим, истинные — не просматриваются. Попытки найти этой войне хоть какое-то рациональное объяснение проваливаются. Рождаются мифы, причудливые и вздорные. Впрочем, не более вздорные, чем сама реальность.

Чеченские боевики и русские военные с одинаковой убежденностью рассказывают, что война порождена Всемирным Заговором с целью погубить — нет, не Чечню — Россию. Не реже говорят, что война отмыкает чьи-то деньги. Речь идет не о понятных прозаических вещах, вроде торговли оружием. Подразумеваются

некие абстрактные, чуть ли не наделенные некоей сверхъестественной силой Большие Деньги, непостижимым образом заставляющие российских солдат убивать и гибнуть. Есть еще несколько популярных объяснений: извечная «историческая» ненависть русских и чеченцев, перенаселенность России, которой просто необходимо время от времени избавляться от лишних людей, новая волна крестовых походов. О «территориальной целостности России» и «восстановлении конституционного порядка» вспоминают разве что на Старой площади. Но и там собственным заклинаниям не верят.

Дудаев пришел

Начиналось все почти как везде. «Декларация о суверенитете», принятая весной 91-го завгаевским Верховным Советом Чечено-Ингушской АССР, ничем не отличалась от таких же деклараций прочих российских автономий. Помните — «парад суверенитетов», главенство местных законов над общероссийскими? По сути дела, эти декларации списывались с российской «Декларации о суверенитете». В начале 90-х элиты союзных республик были «за демократов» (потому что противостояли союзному центру), а элиты автономий — «против». Конечно, и «за», и «против» — условно. Образовался парадоксальный тактический союз национальных движений и партийного руководства, пытавшегося с их помощью противостоять сепаратизму на уровне республиканской государственности и сохранить СССР.

В Чечне такой альянс не сложился. Там национальное движение с самого начала противостояло партийному руководству. Общенациональный конгресс чеченского народа всегда рассматривал себя как движение антикоммунистическое и «антизавгаевское». Своим естественным союзником в борьбе с партократами конгресс считал руководство России. Население Чечено-Ингушетии поддерживало Ельцина вопреки давлению местных партийных боссов. На президентских выборах за него проголосовала почти вся республика. Сейчас как-то запамятовали тот многодневный митинг, на котором свергли Завгаева, обвинив его в поддержке ГКЧП, и разогнали Чечено-Ингушский Верховный Совет. Джохар Дудаев, который позже будет искренне горевать о распаде СССР, клеймил Завгаева «предателем» за то, что он не поддержал Ельцина 19–21 августа.

Теперь только ленивый не пинает Ельцина за то, что он якобы сам привел Дудаева к власти. Но в начале сентября 91-го

российская власть оказалась перед совершенно новой для нее проблемой. С одной стороны — демократическая волна. С другой — массовые беспорядки. Чеченский митинг требует роспуска законной власти — это плохо. Но ведь выборы-то проходили «по-советски», почти сплошь безальтернативно. А не утратил ли легитимность глава чечено-ингушского Верховного Совета (как, впрочем, и другие его коллеги из автономий), выступив заодно с мятежниками-гекачепистами? Взять сторону Верховного Совета, обозвать митинг мятежом и разогнать его означало навсегда похоронить в республике веру в Россию и российскую демократию. Поддержать роспуск Верховного Совета — создать в Чечено-Ингушетии вакуум власти.

Нашли компромисс. Представители российского руководства уговорили Верховный Совет «самораспуститься» и назначить из своей среды комитет, который подготовил бы новые выборы. Кандидатуры членов этого комитета были согласованы с Конгрессом чеченского народа. Митинг сам по себе сошел на нет. Кризис казался улаженным.

Ни в Кремле, ни в глухом чеченском селе никто не сомневался: новый состав Верховного Совета изберет своим председателем Джохара Дудаева — признанного лидера Общенационального конгресса чеченского народа, любимца митингов, победителя Завгаева. И в Кремле, и в глухом чеченском селе знали — так и будет.

Дудаев мог довольствоваться этой должностью. А мог, как это сделали Шаймиев и многие другие, провести через послушный Верховный Совет закон о выборах президента, баллотироваться и быть избранным. Почему Дудаев с бухты-барахты объявил президентские выборы, даже не дожидаясь закона о президентстве? Ведь тем самым он дал основание считать выборы незаконными, а его самого так до самой смерти и величать «так называемым президентом». Куда он спешил и почему так легко пожертвовал наметившейся дружбой с Москвой? Неужели всему виной капризный характер и политическая неискренность?

Похоже, что так. Во всяком случае сам Джохар, когда журналисты домогались ответа, кажется, не понимал, о чем его спрашивают. Какая такая легитимность? Есть ясно выраженная воля чеченского народа. Кто-нибудь сомневается, что народ поддерживает Джохара, а не «этих грязных партократов»? Никто не сомневался. Так кто же может помешать народу сделать свой выбор? Москва?

Значит, придется обойтись без Москвы. И будет не какой-то там ограниченный «суверенитет», а полная государственная независимость. Ингуши не хотят идти с Джохаром? Их право, их воля. Никого не принуждаем.

Дудаев искренне считал себя демократом. Борцом за демократию. Объясняя, что стоит за лозунгом чеченской независимости, он говорил примерно то же самое, что теперь повторяет Ельцин: «Чеченский народ должен сам решать, как ему жить. Никто не смеет навязывать ему свою волю». Саламбек Хаджиев, конкурент Дудаева на президентских выборах, потом пытавшийся с ним сотрудничать, а впоследствии возглавивший антидудаевскую оппозицию, произносил в ту пору очень похожие слова: «Я во многом не согласен с Джохаром, но полностью солидарен с ним в вопросе о независимости. Чеченский народ должен быть гарантирован от повторения трагедии депортации».

А в Москве царило смятение. Поведение генерала не укладывалось ни в какие политические каноны. Те, кто с самого начала предлагал делать ставку на старые партократические элиты, помогать им и приручать их, видели в чеченских событиях подтверждение собственной правоты. Раздавили бы митинг, защитили бы Завгаева — теперь горя бы не знали. Российские власти шарахались от одного решения к другому, к тому же действовали вразнобой. Стремительный вояж в Грозный Руцкого, братание с Дудаевым («Я к нему пришел как мужчина к мужчине, как генерал к генералу, как летчик к летчику») — и тотчас по возвращении требование немедленного введения в Чечне чрезвычайного положения. Ельцин издает соответствующий указ — Чечня немедленно поднимается в едином порыве протеста: «Значит, вправду с Россией жить нельзя!» Верховный Совет России ельцинский указ отменил. Дудаев снова оказался победителем.

Два вождя

Недавно, вспомнив события осени 91-го, Ельцин попрекнул хасбулатовский Верховный Совет отменой чрезвычайного положения. Дескать, дали бы скрутить Дудаева тогда, все обошлось бы малой кровью. Нет. Не обошлось бы. У чеченцев было меньше оружия — но готовность умереть за свободу была не меньшей. А у России — вспомним — еще не было армии. Даже такой, как сейчас. Случись тогда по-ельцински, Россия увязла бы в бессмысленной кровопролитной войне на три года раньше.

Той осенью рождались предрассудки и обиды, которым суждено было сыграть роковую роль. Ельцинская команда утвердилась в представлении, что с Дудаевым нельзя иметь дело: непредсказуемый, не поймешь, чего ему надо, просто ненормальный какой-то. Дудаев понял, что его недавний кумир окружил себя людьми бесчестными, для которых державность важнее свободы и справедливости. Словом, такими, как Руцкой. Но в самом Ельцине еще не совсем разочаровался. Дудаев надеялся на встречу с ним, надеялся открыть ему глаза на истинное положение дел. Ельцин принял решение ни в коем случае не встречаться с Дудаевым — встречу могли истолковать как признание дудаевского статуса.

Перебирая тогдашние события и обстоятельства, не стоит обольщаться: у Москвы не было никаких возможностей силой или хитростью не пустить Дудаева во власть. После августа 91-го он был обречен стать чеченским лидером. Кремлю оставалось единственное: пытаться выстроить с ним нормальные отношения.

Джохар Мусаевич был не самым удобным партнером. Импульсивный, непредсказуемый, не способный и категорически не желающий соблюдать правила политической игры. (Впрочем, эти свойства были присущи ему не в большей степени, чем нынешнему близкому другу Кремля Александру Лукашенко.) Разговаривать с Дудаевым было бы невероятно трудно. Но он был пусть и нелегитимным, однако признанным чеченцами лидером. В диалоге с ним, и только с ним, можно было бы разграничивать полномочия между Москвой и Грозным.

Слишком долго не падал

Диалог не состоялся. Была избрана другая тактика: Дудаева решили переждать. Государственным мужем он, как и предполагалось, оказался никудышным. Управлять республикой не умел. Начал в порядке «борьбы с коррупцией» чистку МВД и прокуратуры. Коррупцию не искоренил, зато полностью развалил милицию, следствие, уголовный розыск. Цены отпускать не позволил, «грабительскую реформу» у себя решил не проводить. Цены не послушались президентского слова и рванули вверх — вслед за российскими. Население, как и в России, возропало. Дудаев все списывал на «кремлевские козни». При этом не выплачивались пенсии, зарплаты, все трещало и разваливалось. Джохар месяц за месяцем наживал себе все новых врагов из числа бывших сторонников. Сложилось политическое движение «Даймохх», оппозиционное Дудаеву. Выгляде-

ло оно вполне респектабельно, чего никак нельзя было сказать о большинстве лидеров дудаевского правительства. В Кремле крепла уверенность, что если Дудаева «не расчесывать», то он через какое-то время сам неизбежно «рассосется». Лопнет же когда-нибудь у чеченцев терпение.

Год проходил за годом, а Дудаев все не «рассасывался». Он пережил несколько серьезных кризисов: разогнал парламент (за полгода до Ельцина), подавил мятеж своего недавнего соратника Руслана Лабазанова, наотрез (как и Ельцин) отказался идти на досрочные выборы и — уцелел. Более того, «рассосалась» как раз антидудаевская оппозиция. Ее лидеры перебрались в Москву, их влияние в республике заметно ослабло.

Между тем в Москве все оппозиционные силы, от патриотов до демократов, усердно били власть чеченским козырем. Все те, кто на следующий день после начала войны возопил о ее преступности и бессмысленности, последний период перед войной не упускали случая публично указать, что «ни одна власть в мире не допустила бы», «не позволила бы» и «как можно мириться».

К середине 94-го Ельцин стал проявлять признаки некоторого нетерпения. К выборам 96-го требовались победы и достижения. Если бы Дудаев к тому времени пал и на его место пришел бы кто-то лояльный России, победа была бы явной. И тогда он, Ельцин, пришел бы к выборам Политиком, Сохранившим Единую Россию. Но этот чертов Дудаев все никак не падал вопреки прогнозам и обещаниям аналитиков. Правда, на осень 95-го в Чечне были назначены президентские выборы. Но полной уверенности в том, что Дудаев их проиграет, быть не могло: так и не нашлось сильного лидера, который мог бы соперничать с Дудаевым в популярности. Разве что Хасбулатов. Но преподнести успех Хасбулатова как собственное достижение Ельцину было бы затруднительно. На фоне таких сомнений прекрасно воспринимались доводы антидудаевцев. Дудаев, мол, абсолютно не популярен и держится только на штыках своих головорезов. Никаких выборов он, конечно, не допустит, власть добровольно не отдаст — словом, Москва просто обязана вмешаться.

Помнится, осенью 94-го я гостила в Грозном у своих друзей. За столом, где сидели вперемешку чеченцы и русские — в основном университетские преподаватели, все были настроены антидудаевски. Вздыхали: «Хоть бы русские пришли. Может, порядок будет».

Через два месяца в дом, где мы собирались, попала бомба. Двое из моих тогдашних собеседников ушли в ополчение к ненавистному Дудаеву. Один, очень пожилой человек, умер во время бомбежки от разрыва сердца в подвале своего дома.

Коготок увяз — всей птичке пропасть

Нельзя сказать, чтобы информация, приходившая в Кремль из Чечни, была неверной. Скорее, она была неполной. Докладывали, например, что у Дудаева есть хорошо обученная и вооруженная гвардия — 600 человек. Что популярность Дудаева падает. Что идея независимости от России постепенно теряет свою привлекательность. Все это правда.

Не понимали, что к независимости можно относиться спокойно до тех пор, пока на нее не посягают. Что Дудаев ничтожен в роли президента, но великолепен как вождь, поднимающий на борьбу. Что подавить чеченское партизанское сопротивление «к выборам» не удастся. Да и к следующим, наверное, тоже.

Сначала хотели обойтись без вооруженного вторжения. Решили «помочь» чеченской оппозиции. Снабдили деньгами, оружием, дали военных инструкторов. Результат был вполне предсказуем. Настолько, что главный оппозиционер Умар Автурханов еще в сентябре 94-го, не таясь, объяснял, что, конечно, Россия вскоре увидит, что без нее Дудаева не скинуть, и вынуждена будет вмешаться. «В нас уже столько вложено, что теперь Москва не отступится».

Сколь бы трудно теперь ни шли переговоры (а Черномырдин совершенно прав: они не могут не идти трудно), надежда на успех пока не потеряна. Однако российским позициям в регионе нанесен серьезнейший и, возможно, невосполнимый ущерб.

Долгосрочные интересы России на Северном Кавказе не сводятся к тому, чтобы закрашивать его на карте тем же цветом, что и остальную территорию. Сегодня война идет по существу за слова и символы: Ичкерия или Чеченская республика, флаг с волком или без волка. Если Россия собирается остаться на Кавказе всерьез и навсегда, так ли важно, как это будет называться — протекторат, особый порядок управления или даже государственная независимость? Гораздо важнее ускорить интеграционные процессы, добиться, чтобы модернизация в Чечне происходила параллельно с общероссийской. Чечня не может претендовать на обгоняющее Россию развитие, как Карабах по отношению к Азербайджану или

Абхазия по отношению к Грузии. Исторически и географически чеченцы сегодня поставлены перед выбором: либо входить в мировую цивилизацию через Россию, либо сохранять и возрождать национальную самобытность, но обречь себя на культурную изоляцию и технологическую отсталость.

За полтора года войны произошла стремительная деурбанизация. Практически не работают школы, и уже появилось поколение детей, совсем не понимающих по-русски. Отторжение всего русского так сильно, что для его преодоления, возможно, понадобятся десятилетия.

Анатомия чеченского мира

Опять буксуют переговоры с Яндарбиевым

Как водится, стороны обвиняют друг друга в невыполнении и срыве. Пока нет специальной наблюдательной комиссии, все факты нарушений остаются спорными. Поди пойми, то ли в самом деле обстреляли блокпост, то ли среди солдат вышла «разборка». То ли российская авиация бомбит Итум-Кали, то ли снова НЛО прилетели.

Но чтобы создать наблюдательную комиссию, нужно продолжить переговоры по конкретным направлениям, намеченным в Назрани. А это-то как раз и не получается. На самом деле «переговорщики» оказались в абсолютно неравных условиях.

Масхадовская делегация работала под сильным давлением «снизу». У населения терпение на исходе. Еще зимой боевикам, входившим в село, люди говорили «уйдите» лишь в исключительных случаях и немедленно умолкали в ответ на аргумент: «Куда же мы пойдем?» Сейчас почти всюду жители стонут: «Пусть себе воюют в горах! Мы-то за что должны умирать?»

«Все они заодно»

В Гойском не осталось ни одного дома. У своих развалин копошатся несколько человек: бывшие жители бывшего села. Увидев меня, один из них, крепкий мужик лет пятидесяти, распрямляется: «Журналистка? Напишите правду — виноваты обе стороны!» — «Но бомбила-то одна сторона?» Он тверд: «Обе стороны хороши! Их просили из села уйти. Где это видано: во дворах окопы рыть! И ведь все равно ушли, но не из целого села, а из разрушенного». И добавляет неожиданно: «Если бы таким путем к Чечне суверенитет пришел, я бы согласился трижды все это пережить. Но не будет ведь никакого суверенитета. Дураку ясно: они заодно, Москва и дудаевцы».

Все чаще приходится слышать, что «они все заодно», все с большим раздражением люди говорят о боевиках — устали от войны и мечтают о мире. Если народ поверит, что боевики виновны в срыве переговоров, они могут оказаться в изоляции. О чем, соб-

ственно, и мечтают российские генералы и Доку Завгаев. Ведь тогда с ними действительно можно будет справиться довольно быстро.

Однако руководители ополчения понимают, что ничего страшнее полного отрыва от народа для них быть не может. Вот почему яндарбиевская сторона проявляет поистине ангельскую (не свойственную никому из них) кротость: не отказывается от диалога ни в связи с завгаевскими выборами 16-го, ни после того, как Тихомиров дважды не явился в условленное место, ни после его откровенно провокационных заявлений в духе «не разговаривать с бандитами» и унижительных требований вести переговоры на территории воинской части.

Конечно, «превентивно» разоружаться боевики не спешат. В ответ на выдвижение российских боевых подразделений производят перегруппировку. Но именно от дудаевцев звучит настойчивое предложение начать, наконец, работу группы, которая должна определить порядок демилитаризации и вывода войск.

С российской стороны все сложнее. Нет сомнений, что Ельцин тоже пошел на соглашение под сильным давлением. Но давление, причем разнонаправленное, испытывают он и его окружение, а вести основные переговоры по блоку военных вопросов поручено Тихомирову, на которого, похоже, не давит никто. Во всяком случае он публично декларирует свое глубокое отвращение к переговорам с яндарбиевцами.

Члены чеченской делегации сегодня все старательней ищут «голубей» среди российского руководства. Примерно через неделю после назрановского соглашения, когда стало очевидно, что Тихомиров противится продолжению переговоров, Мовлади Удугов, дудаевский министр печати и информации и своего рода имиджмейкер чеченской делегации, заявил: «Мы убедились, что в руководстве России есть люди, искренне стремящиеся к прекращению войны».

Кое-кто считает, что сам Ельцин, освободившись от Барсукова и Коржакова, сможет, наконец, примкнуть к «партии мира». Еще больше тех, кто связывает надежды на конструктивные переговоры с появлением Лебеда. Почему-то до Чечни доходят только высказывания Лебеда насчет возможности оставить эту землю в покое, а про его намерения беспощадно добивать никто не слышал.

Настрой на переговоры характерен для самой верхушки сепаратистов. Рядовые боевики не очень верят в миролюбие кого-либо из кремлевцев и больше уповают на внутримосковские раздоры

и противоречия. «Скоро ельцинисты и коммунисты начнут убивать друг друга, и России будет не до нас». Смысл соглашений многим из них непонятен. Сбивчиво и страстно они убеждают меня, что сдавать оружие до тех пор, пока хоть один российский солдат остается на чеченской земле, никак невозможно. Правда, все единодушны: если будет такой приказ от Масхадова, послушаются немедленно. «Только пусть уж под его ответственность. Если русские его обманут, мы его первого расстреляем».

Что же до российских бойцов, то чем дальше, тем больше дают они оснований для рассказов про «заодно». Помните, сколько было переживаний вокруг «зачистки» в Шали? Как чуть было не сорвался из-за нее очередной этап переговоров?

Хозяин одного из шалинских домов, где обычно останавливаются боевики, рассказывал за утренним чаем, как «чуть инфаркт не получил из-за этой зачистки». «Утром раненько проснулся от рева БТРных двигателей. Смотрю: мать честная! Едут! Я — бегом к ним навстречу. «Ребята, — говорю, — у меня полон дом боевиков. Куда едете? И три дома по соседству тоже битком». Солдаты удивились: «А что, разве людей не предупредили? Бардак! Ладно, — говорят, — спасибо, мы по другой улице поедem». А этим — хозяин машет рукой в сторону гужующихся у него во дворе боевиков — хоть бы хны. Продрыхли всю зачистку».

Растерянное меньшинство

Начало переговорного процесса беспокоило тех чеченцев, которые ни в коем случае не хотят возвращения власти дудаевцев. Их немного, но они — не миф, а реальность. В основном это жители Надтеречного и Урус-Мартана (хотя и там немало найдется симпатизирующих Дудаеву), но встречаются они и в Грозном, и в Шали. Их меньшинство. И они в растерянности. С одной стороны, обидно, что Россия, которая вроде бы должна держать их сторону, вдруг делит власть (а никак иначе назрановские соглашения не рассматриваются) не с ними, а с дудаевцами. С другой — все мало-мальски разумные люди понимают, что без таких переговоров войска не выведут, а ради вывода войск можно стерпеть многое. Однако хотелось бы при этом получить гарантии собственной безопасности и самоуправления. В свое время Надтеречный район готов был «признать» Дудаева в обмен на разрешение провести у себя выборы главы администрации. Однако Дудаев не пожелал делать такого исключения.

Что думают по этому поводу нынешние лидеры сепаратистов? В основном попросту отмахиваются: мол, надуманная проблема, весь народ поддерживает нас, а там — жалкая кучка предателей. Кое-кто неохотно соглашается: да, ничего плохого нет в том, чтобы, когда установится наша власть, Урус-Мартан или Знаменское выбрали себе руководителей. Во всяком случае, как мне показалось, в лагере боевиков сегодня всерьез не озабочены проблемой ни «нелояльных» районов, ни национальной консолидацией после вывода войск.

Естественно, что антидудаевское меньшинство нуждается в ком-то, кто представлял бы его интересы. Взоры этих людей невольно обращаются к нелюбимому, неуважаемому, скомпрометировавшему себя Завгаеву. Другого-то нет.

Эту нишу с большим основанием должен был бы занять сильный и самостоятельный глава Урус-Мартановского района Юсуп Эльмурзаев. Но он был убит как раз накануне встречи в Назрани. В отличие от Завгаева, Юсупа никто никогда не обвинял в коррупции. В отличие от Завгаева, он ни разу не дал повод назвать себя «московским ставленником». С самого начала не приняв и не признав дудаевский режим, он с первых дней войны повторял, что ополченцы-сепаратисты — «такие же чеченцы», и когда они погибают, это никакая не «победа над бандитами», а национальная трагедия. В Урус-Мартановской больнице лечились раненые боевики. Там они были в безопасности. Все переговоры с российскими военными он вел в открытую, не стеснясь видео- и телекамер. Сограждане могли сами судить, предает он их или спасает. Были и неудачи: Гойское не отстоял. Но главный результат налицо — Урус-Мартан остался настоящей, не бумажно-завгаевской зоной мира. Когда после нескольких дней пребывания в Чечне попадаешь в Урус-Мартан, поражает все: ночной базар при свечах и играющие допоздна на улицах ребятишки, крепкие дома с работающими телефонами, незаминированные выпасы скотины — будто война не в двух шагах, а далеко. Жители говорят убежденно: «Это — Юсуп. Что-то без него будет?»

Обновленный Завгаев

Как только войска в самом деле начнут уходить, встанет острейшая необходимость реального — не нынешнего декларативного — внутричеченского диалога. Простое подавление меньшинства большинством, даже если оно произойдет в ходе демократических голосова-

тельных процедур, в данном случае не сработает. Ведь антидудаевские силы будут не просто оттеснены от управления — официальные власти прилепят к ним ярлык национальных предателей, виновных в российской оккупации. С этим антидудаевцы не смирятся никогда.

Но чтобы внутричеченский диалог состоялся, с антидудаевской стороны должен найтись лидер, который сумел бы и без помощи российской бронетехники заставить боевиков считаться с собой.

Завгаев, еще вчера называвший боевиков «бандитами, с которыми нельзя разговаривать», вдруг вспомнил, что они — «наши люди». Эти новые интонации — по сути, интонации Эльмурзаева. Если переговоры провалятся, Доку Гапурович ничем не рискует, позволив себе такую реплику. Если же будут развиваться, единственная возможность найти себе роль в них — стать выразителем чаяний антидудаевски настроенных чеченцев. Однако шансы на то, что Яндарбиев и другие будут с ним разговаривать, ничтожны. Как и надежды, что «оппозиция» в считанные недели сумеет вырастить нового Эльмурзаева.

Старые доводы

Вячеслав Тихомиров готовится встретить в Ханкале своего давнего однополчанина Александра Лебеда и растолковать ему, как обстоит дело в Чечне. Можно не сомневаться, что доклад сведется примерно к следующему: боевиков совсем мало (около двух тысяч), они очень надоели своему населению и потому вынуждены просить мира. Завгаев развил бурную государственную деятельность, даже вблизи Веденского района побывал. Чечня разорена, разрушена, истекает кровью. Вывод: когда и «додавить», как не сейчас.

И все будет правдой, кроме вывода. Потому что такие доводы уже звучали и осенью 94-го, и осенью 95-го. Тогда тоже дудаевцев было мало, население в них разочаровывалось, и, казалось, сил для чеченского сопротивления нет. А «додавливают» полтора года и конца края не видно.

Генерал Лебедь настроен решительно и еще непуган этой войной. Справится с искушением или с размаху наступит на старые, аккуратно подставленные грабли?

Упущенный шанс

*Военные действия в Чечне возобновились по инициативе
Александра Лебеда.*

Тим Гульдиман спешит. Он не любит общаться с журналистами — меня об этом предупредил его охранник, молоденький милиционер ингуш: «Вы особенно не надейтесь. Он умеет так говорить, чтобы ничего не сказать». Помолчав, добавляет: «Он не виноват. К нему здесь так относятся: Завгаев обвиняет, что он как будто за боевиков. А он просто честно работает».

Сегодня у Гульдимана есть уважительная причина быть немногословным: ему необходимо миновать пост при въезде в Грозный до 18.00. Иначе он не попадет домой или рискует быть обстрелянным на блокпосту. Комендантский час начинается с десяти вечера. Но блокпосты вокруг Грозного пропускают только до шести. Позже могут обстрелять без дополнительных предупреждений. Правда, существуют какие-то специальные разрешения, дающие право ездить и позже. У представителя миссии ОБСЕ такого разрешения нет.

Встреча Гульдимана с Ахмедом Закаевым, помощником Яндарбиева по вопросам национальной безопасности и полномочным представителем чеченской договаривающейся стороны, происходит в обстановке строгой конспирации. Время и место встречи тщательно засекречены. И то, что я нечаянно стала ее свидетелем, вызывает у Тима с трудом скрываемое неудовольствие.

Закаев тоже существует в странном полулегальном режиме. Хозяин дома, где он остановился, прячет его и от односельчан, и даже от родственников. Потому что полагает (и не без оснований), что присутствие Закаева может спровоцировать федералов на нанесение ракетно-бомбовых ударов.

Небольшое село Мехкеты Веденского района разнесли с воздуха потому, что там находился яндарбиевский штаб. Число погибших никем не посчитано. Но из подвала одного только дома извлекли двадцать восемь трупов. В большинстве — женские и детские. В Старых Атагах разбомбили несколько домов. Воен-

ные объясняли, что в одном из них жила семидесятилетняя мать Яндарбиева.

Инициатива Лебеда

Осведомленные люди в Кремле утверждают, что военные действия были возобновлены по непосредственной инициативе ново-назначенного секретаря Совета безопасности. Александр Лебедь, чуть ли не главным пунктом своей избирательной кампании поставивший «мир в Чечне», едва получив должность, переориентировался. Идея выдвинуть ультиматум с заведомо невыполнимыми требованиями и начать обстрелы и бомбежки, не дожидаясь срока его истечения, принадлежит именно Александру Ивановичу. Тихомиров в данном случае — исполнитель. Впрочем, его долго уговаривать не пришлось.

Какими глазами должен взирать на происходящее человек из другого мира — швейцарец из ОБСЕ?

Кем в результате оказались Яндарбиев, Масхадов, Закаев, прочие члены чеченской делегации: переговаривающейся стороной, несущей ответственность за выполнение подписанных соглашений, или бандитами, подлежащими истреблению заодно со всей прилегающей населенной территорией?

Тим Гульдман комментировать отказывается. Он не вправе становиться на чью-либо сторону и давать оценки. Он здесь для содействия переговорному процессу. Разве процесс все еще существует? Тим разводит руками: официально никто не отказывался ни от московского, ни от назрановского договоров. Значит, необходимо вернуться к работе комиссий. Это реально? Тим молчит и смотрит на часы. Неужели не скажет, о чем шептался с Закаевым добрых два часа? Скажет. Чтобы организовать личную встречу командующего Северо-Кавказским военным округом генерала Квашнина с яндарбиевским начальником штаба Асланом Масхадовым. А что, российская сторона выразила желание встретиться? Нет, но она сообщила, что не возражает против такой встречи. «В данных условиях, — замечает Гульдман, — согласие может означать желание». А о чем Квашнин собирается беседовать с Масхадовым? «Об этом лучше спросить самого Квашнина».

Переждав несколько секунд, мой собеседник со вздохом замечает, что речь пока идет всего лишь о личном контакте, а никак не о возобновлении переговоров. Когда же могут возобновиться переговоры? Наконец-то получаю определенный ответ: «Не знаю».

Солдатские матери

Вместе со мной в гладкую, почти правильную русскую речь Тима напряженно вслушиваются две русские женщины. Они, как и я, живут в чеченском доме неподалеку от места, где происходила встреча. Обе по полгода разыскивают своих сыновей. Сам факт возобновления активности ОБСЕ невероятно их обрадовал. Зашептались: «Он ведь не случайно к Закаеву приехал. Значит, наверное, переговоры возобновятся». По мере того как Гульдیمان выдает свои полуответы, их лица тускнеют. Наконец одна не выдерживает: «У нас что, нет надежды снова увидеть своих сыновей?» Тим молча встает и идет к машине. «Ко мне многие подходят со своей бедой и ждут от меня какой-то надежды. Я хотел бы иметь возможность ее дать». Одна из матерей бросает вслед умчавшейся машине: «Зачем тогда ездит?»

Вера — вдова, у нее трое сыновей. Пока она здесь рыщет в поисках старшего, среднему пришла повестка в военкомат. Теперь у нее не одна, а две головные боли: где искать Василия и куда спрятать Сергея. В феврале она получила уведомление, что ее Вася «самовольно оставил часть». В апреле пришло письмо от незнакомой женщины из Грозного. Она писала, что случайно встретила Василия, что Вере не стоит беспокоиться: он жив и здоров, «увезен в горы в Шатойский район». Письмо было подписано распространенной чеченской фамилией, без обратного адреса.

В Шатое несколько человек, взглянув на Васину фотографию, подтвердили: да, кажется, такого видели вместе с итумкалинскими боевиками. «Только он не в плену был, он с ними свободно ходил». (Итум-Кали — высокогорный район над Шатойским.)

Перебежчики среди российских военнослужащих нередки. Для тех, кто не хочет воевать или кто не может больше выносить издевательства контрактников и старослужащих, ничего другого не остается. Вера морально готова к такому повороту. Тем более что шатойцы заверили: «Они его против своих с оружием ходить не заставят. Будет им с дровами, с едой помогать». Но матери необходимо увидеть сына и удостовериться, что — жив. А в Итум-Кали теперь никак не попасть: там бои. Вера ждет, что наступит затишье, возобновятся переговоры и она наконец попадет в этот загадочный район.

Таисия, другая солдатская мать, ищет своего Олега с декабря. Он попал в плен за две недели до дембеля. Контрактники

с его блокпоста потребовали выставить магарыч по случаю скорого увольнения в запас. Олег и еще двое ребят, что должны были уволиться вместе с ним, сели в БТР и поехали на ближайший базар. Контрактников послушаться нельзя: за это вполне могут убить, списав на очередной обстрел блокпоста боевиками. Через полтора километра кончилась солярка. БТР застрял. Рация не работала: сели батарейки. Парни не смели оставить технику и ждали, надеясь, что кто-нибудь с поста хватится, если не их, то хотя бы водки или БТРа. Когда стемнело, из кустов вышли боевики и спокойно забрали их вместе со злосчастным БТРом. С тех пор двух Олеговых товарищей уже нашли и обменяли, а он как сквозь землю провалился.

В части Таисии сказали, что ее сын — предатель, она — мать предателя. Потом, смягчившись, посоветовали искать. «Будете искать — может, найдете. Не будете — точно больше не увидите». За время поиска чеченские полевые командиры раза три успели сообщить, что ее сын расстрелян «как контрактник». Олег — не контрактник, но у него месяца за четыре до плена сгорели все документы. А выправить новые никто не озаботился. Так что вполне могли расстрелять по ошибке. Раз пять Таю убеждали, что сын не расстрелян. Два раза — что его обменяли. Один — что недавно видели в одном из горных сел. С зимы она мечется между домом и Чечней. Когда начались переговоры, примчалась в Чечню: может, при составлении очередных списков военнопленных прорежется где-нибудь Олег. Переговоры оборвались раньше, чем списки были составлены.

Солдатские матери, те, что сидят в аэропорту в Ханкале, потребовали не бомбить Мехкеты. Многие из них точно знали: их пленные сыновья именно там. Им внятно ответили: погибнут пленные — ничего страшного, меньше будет хлопот по обмену. Матери приготовили бензин и угрожали самосожжением. Им сказали, что сжигаться — их конституционное право. По слухам, никто из военнопленных, содержащихся в Мехкеты, эту бомбежку не пережил. То ли погибли под бомбами, то ли боевики, отступая из села, избавились от обузы.

Один из парадоксов этой странной войны — русские солдатские матери в Чечне. Нельзя представить, чтобы армянка Карабаха отправилась в Баку вызволять из плена своего мальчика. Чтобы в Степанакерте принимали и помогали азербайджанкам, вознамерившимся проведать своих пленных сыновей. Ни при ка-

ких обстоятельствах не могла бы грузинская мать рыдать на плече абхазского партизана или осетинка — излить материнское горе грузинскому офицеру.

Матери российских солдат живут в чеченских семьях месяцами. Их кормят, утешают. Их плененных детей ищут и часто находят. Самые «крутые» полевые командиры не решаются отказать им в помощи. Если не хотят помогать (найти или вернуть), вынуждены врать и изворачиваться. Но просто сказать, как говорят в Ханкале или Северном федералы, — мол, вам нужно, вы и ищите, не смеют: их не поймут ни соседи, ни родственники, ни однопольчане.

Чуть-чуть, пока едва заметно, такое положение начинает меняться после недавнего возобновления военных действий. В последнее время в чеченских отрядах матерям доводилось слышать нарочито громкие разговоры по-русски: Россия теперь уже ясней ясного дала понять, что мира не хочет, и только бесконечный «груз 200» может заставить ее передумать. Мол, сами детей отпускаете нас убивать и грабить, а мы должны с ними нянчиться.

Чеченская война не межнациональная, не война двух народов. Это война Российского государства с народом Чечни. Затянувшаяся жестокость генералов может со временем превратить ее в войну народа с народом.

«Без всяких условий»

Спрашиваю Закаева: «На каких условиях вы пошли бы на возобновление переговоров?» — «При любых обстоятельствах и без всяких условий». — «Но с другим правительством? С другим составом делегации?» Он отвечает как по писаному: «С любым полномочным правительством России и с любым полномочным составом делегации». — «Вы продолжаете верить в то, что можно договориться?» — «Нет. Но мы и не заблуждались на сей счет. В то же время мы не имели и не имеем права упускать даже ничтожный шанс на урегулирование. Мы были бы не поняты нашим народом».

Накануне в отряде у Таоса (воющего в горах над Шатоем) определенно говорили, что считают московскую и назрановскую встречи ошибкой. «Мы тогда, конечно, подчинились приказу о прекращении огня. Мы и снова подчинимся, если штаб прикажет. А только неправильно все это». — «Вы что-нибудь потеряли в результате этих переговоров?» — «Время. Летнее время — наше. Зимнее — ихнее, российское. Нам бы соглашаться на зимние перегово-

ры, но на это Россия ни за что не идет». Сам Таос, правда, слово «ошибка» не принял. Тоже что-то говорил насчет шанса, который нельзя упускать. Но и он недоумевает: сейчас, когда на фоне всевозможных соглашений в Шатойском районе действуют установки «Град» в сочетании с авианалетами, вертолетными обстрелами и мотопехотой, что толку вспоминать о переговорах?

Закаева настроения его подчиненных, однако, не смущают. «Потеря времени в нашем случае ерунда по сравнению с возможной потерей авторитета среди населения. Мы были процентов на 99 уверены, что военные действия возобновятся после выборов».

Тихомиров обвиняет их в нарушении договоренностей: в обстрелах блокпостов и похищениях людей. Закаев опровергает это: «Мы полностью контролируем свои подразделения, и мы в самом деле воздерживались от каких-либо силовых действий. К сожалению, мы не можем нести ответственности ни за провокации, организованные так называемым правительством Чеченской республики, ни за обычную уголовщину. Мы не раз предлагали российской стороне совместными усилиями справиться с бандами, но не получаем согласия».

Сложность еще и в том, что любой вооруженный уголовник в сегодняшней Чечне называет себя «боевиком». Тихомиров с Лебедем то ли в самом деле не видят разницы между боевиками-яндарбиевцами и обычными грабителями на дорогах, то ли пользуются путаницей, чтобы лишний раз подчеркнуть, что «Яндарбиев ничего не контролирует».

Спрашиваю у Закаева насчет «воскресшего» Салмана Радиева. Тот недоумевает: почему воскресшего? «Мы всегда говорили, что он жив, тяжело ранен и лечится. Но гибель Джохара я подтверждаю». Пока не вполне понятно, почему Радиев говорит такие странные вещи. «Во всяком случае он представляет только себя». Своего вооруженного отряда у Радиева давно нет.

Спорные вопросы

И все же яндарбиевцы ждут нового переговорного этапа. По их прогнозам, переговоры возобновятся, возможно, в сентябре. Они считают, что Россия собирается не «добивать», а создавать мощный силовой фон перед новым переговорным витком. Цель: сделать боевиков уступчивей.

Уступчивость требуется в двух вопросах: вывод войск и организация власти после вывода. Яндарбиевская делегация настаи-

вает на полном выводе. Россия (и Завгаев) хотели бы оставить на территории Чечни две бригады, как это предусматривалось прошлогодним летним договором.

Тогда многие дудаевцы тоже считали такое соглашение недопустимым. Но Масхадов всех убедил, что ничего страшного в этих бригадах не будет. «Я поставлю у казарм свою охрану и сделаю невозможным быстрое развертывание боевой силы». Сегодня ни Масхадов, ни кто-либо еще из чеченской делегации не готов смириться с неполным выводом войск. Закаев объясняет: «Слишком много крови пролито уже после прошлогоднего мирного соглашения, чтобы мы могли гарантировать стабильность в республике, пока в ней остаются русские солдаты». Правда, он не исключает, что уже после окончательного ухода федералов можно будет вернуться на новом уровне к вопросу о дислокации мотострелковых бригад на территории Чеченской республики.

Второй камень преткновения — завгаевский режим. Новые выборы или признание декабрьских и июньских.

Закаев говорит, что собственно военная задача нынешнего наступления очевидна. В республике осталось четыре района, по которым еще не ступала нога российского солдата. Остальная территория называется в сводках контролируемой. Генералы решили во что бы то ни стало провести российских солдат по тем четырем высокогорным районам, чтобы потом отчитаться о «полном контроле». Правда, большие потери в российских войсках при этих операциях неизбежны: придется штурмовать отвесные каменные высоты, в которых боевики (в основном из местных) знают каждую расщелину. Уже сейчас, при попытке взять позицию над селом Борзой, 19 июля солдат poleglo немерено. Но это как раз российское командование не смущает: выборы уже позади. Когда военные отчитаются о «сокрушительной победе», они готовы будут вернуться к диалогу. Однако такая «победа» не сделает боевиков уступчивей в двух названных пунктах. И даже замена главы делегации на «пророссийского» Руслана Хасбулатова (еще один демонстративный жест доброй воли Яндарбиева) мало что здесь изменит.

Доку Завгаев почти прав, обвиняя представителя миссии ОБСЕ в одностороннем подходе. Тим Гульдман из всех сил стремится ускорить возобновление переговоров. Не его вина, что заинтересованность в этом проявляет лишь одна сторона.

Военно-полевая напасть

*Либо переговоры с сепаратистами — немедленно.
Либо еще не раз предстоит пережить позор поражения.*

Почему же у них не кончились боеприпасы?

Поначалу августовская операция сепаратистов в Грозном в точности повторяла мартовскую. Как и тогда, боевики не вошли в Грозный с боями, а словно из-под земли возникли в столице, ошестившейся федеральными блокпостами. Как и в прошлый раз, российские генералы с первых минут начали твердить, что ситуация находится под их полным контролем, что боевиков теснят и побеждают, уже совсем победили, уже принялись за свою любимую «зачистку».

Точно так же с первых сообщений любой внимательный слушатель понимал: на самом деле федералы ничего не контролируют, никто ничего даже толком не знает. Хозяева положения — атакующие боевики, а российское командование больше всего сил тратит на сокрытие истины — от начальства, от журналистов, от самих себя.

Многие детали повторились до оскомины. Снова завгаевская сторона говорила о загадочном заговоре и намекала на измену в среде федералов. Снова мусолили бесконечные истории о блокпостах, снятых буквально накануне вторжения в Грозный. Снова глубокомысленный вывод: надо укреплять «законное правительство Чечни», «прежде всего в финансовом отношении».

Опять спецслужбы доказывают, что о наступлении-де информировали загодя, и тоже многозначительно кивают: надо бы хорошенько разобраться, почему адекватные меры не были приняты.

Как и в марте, Кремль со своими силовыми министрами вместо признания собственного позора и унижительной беспомощности, вместо трезвого политического и военного анализа случившегося сетуют на коварство и злокозненность противника, обзывая его нехорошими словами.

В первые дни картина была более или менее ясной. Как провались через блокпосты? А зачем им прорываться. Они и так прой-

дут. Везли же меня мимо блокпостов боевики в «наглухо заблокированное» Шали. Никого не пускали, а их — пожалуйста. Много ли на российских постах самоубийц, рвущихся в последний смертный бой? (Помнится, на одном из таких постов слегка подвыпивший прапорщик, с наслаждением затягиваясь подаренной сигаретой, объяснял, что «после Буденновска вообще дураков нет — этих тормозить». Мол, сколько охранников басаевцы миновали благополучно — все ребята живы-здоровы и небось с деньгами остались. А один нашелся пост ненормальный — так все убиты, да еще на свой город какую беду навлекли.)

Почему не прислушались к «разведданным»? Да потому, что о готовящемся наступлении на Грозный спецслужбы «предупреждают» чуть ли не каждый день. И к этим «предупреждениям» за полтора года войны привыкли, как в ближайшее время привыкнут к «обнаруженным неразорвавшимся бомбам».

Измена? Господь с вами! Вся чеченская война — сплошная измена. В этой необъявленной и потому как бы несуществующей войне с неясным противником и невразумительной целью с первых дней все покупается и продается за разную цену: от сигареты до сохранения жизни. Конечно, часть оружия боевики получают из-за рубежа, но основной источник — все же федеральные войска. И боевые трофеи играют здесь не главную роль.

Или, может, кто-то думал, что чеченские милиционеры мечтают завалить своими трупами подходы к центру Грозного? Министр внутренних дел Куликов так и сказал, что надо в подобных случаях впредь не рассчитывать на российскую армию, а наращивать численность местной милиции. И пусть она справляется. В самом деле, есть милицейские отряды, готовые воевать против дудаевцев. Это те, кто стали милицейскими отрядами из отрядов прежней антидудаевской оппозиции. Они ненавидят дудаевский режим, боятся его сторонников. Российской власти они лояльны постольку, поскольку та против дудаевцев, не меньше и не больше. Воюют они так же, как воевала автурхановская оппозиция — не лучше. Их мало. Огромное же большинство милиционеров — бедолаги, которым надо кормить большую семью в условиях, когда никакой работы, в особенности для мужчин, нет. (Женщины кое-как перебиваются челночной торговлей, а для чеченца-мужчины проезд по территории собственной республики в любой момент может закончиться в фильтрационном лагере, которого все боятся больше смерти.) Они мучаются комплексом

вины за то, что пошли как бы в услужение оккупантам и усиленно ищут себе оправдания.

Девятнадцатилетний грозненский милиционер взглянул на меня с нескрываемой завистью, когда я сказала, что недавно побывала в одном из отрядов боевиков. Потом сощурился: «Знаешь, что у меня есть?» — и отвернул лацкан, на котором носил милицейский значок. Под лацканом красовался другой значок в виде дудаевского флажка с волком. Потом он достал бумажник и раскрыл его. Под пластиковой вставкой — там, где сентиментальные мальчишки носят фотографии любимых, — я не без изумления увидела фотографию бородатого мужика. «Это мой друг, — зашептал он. — Боевик, в горах воюет. Ты его не видела? Он мне лучше брата». Потом он долго просил меня поверить, что пошел в милицию не из-за денег, а чтобы как-то обуздывать федералов. На прощание пообещал, что Чечня обязательно станет независимой.

Но боеприпасы-то у боевиков должны были кончиться!

Три дня все было ясно как день. Цель операции? Как и тогда в марте, стремились опровергнуть генеральские байки, будто боевики уже потеряли прежнюю силу. Показали Ельцину, России и всему миру, что способны на крупномасштабные операции, что «добывать» их, пожалуй, рано. Надо бы сначала победить.

Еще один миф развеян. Чеченское население, как бы ни роптало на боевиков, как бы ни обижалось на их бесцеремонность, все же поддерживает их настолько, чтобы можно было подготовить и осуществить одновременно захват Грозного, штурм Аргуна и Гудермеса. То есть беспрепятственно передвигаться по Чечне не маленькими группками, а боевыми подразделениями с необходимым оснащением, получать еду, ночлег, транспорт, чтобы на место убитых приходили новые ополченцы.

Сколько же мирных чеченцев знали о готовящейся акции? Сколько помогали боевикам? Ведь столь успешные и широкомасштабные военные действия невозможны без тщательной предварительной проработки-игры. Скорее всего прямо на местности. Разумеется, были подготовлены склады боеприпасов. Трудно вообразить, как велики должны быть эти склады, чтобы четыре (по другим источникам три) тысячи бойцов могли вести интенсивнейший бой в течение всего этого времени.

Странное, неожиданное и непохожее на март, началось на третий день. Когда дудаевцы не ушли. В марте у всех командиров — участников операции был жесткий приказ: продержаться в городе

три дня и уйти с минимальными потерями. Казалось, так должно было произойти и на сей раз. Это подтверждали и те из полевых командиров, с кем удавалось связаться. Да и все к тому шло.

Что случилось? На четвертый день боев, дотоле неизменно бодрый голос Мовлади Удугова впервые прозвучал в эфире несколько растерянно. Он напомнил, что сам он не военный, всего плана операции попросту не знает. Потом сказал, что задачу, которая была поставлена бойцам чеченской армии, они уже выполнили. Чуть запнувшись, добавил, что должны были бы выйти из города, но новый прилив ополченцев изменил первоначальные планы.

Сил, чтобы держаться в столице, у боевиков пока достаточно. Но ведь и в марте силы были, а все же ушли. Не рассчитывают же они в самом деле закрепиться в Грозном? Зачем ждут, чтобы их начали «выбивать», как в январе 95-го, с применением тяжелых бомбардировщиков и всепокрывающего артиллерийского огня по останкам уже единожды уничтоженного города?

Яндарбиевские лидеры из всех сил стараются верить в миротворческие склонности Александра Лебеда. «Ястребиный» тон, прорезавшийся у генерала сразу после выборов, полагают они, — следствие заблуждения, в которое ввели секретаря Совета безопасности приближенные к нему военные начальники. Чем сокрушительнее и полнее предстанет перед ним позор и вранье генералов, тем легче ему будет вернуться на путь мирного урегулирования, приверженность которому он не раз декларировал. Другими словами, раз не удалось договориться с российской стороной за столом переговоров, может, получится хотя бы «языком ультиматумов».

Но есть и еще одно объяснение происходящему. Тот самый «поток ополченцев», опьяненный легкой победой, мог на время оказаться сильнее политических расчетов и планов. Полевые командиры, послушные приказам, но глухо роптавшие по поводу назрановских соглашений, получили, наконец, возможность отомстить за все: за обман, за то, что их сделали разменной монетой в ельцинской предвыборной игре, за бомбежки и разрушения своих домов и сел, за публичную брань в их адрес.

Российский генералитет, похоже, в последнее время руководствуется не столько стремлением победить, сколько жадной отомстить за унижение армии. И ради этого бросает в мясорубку новые и новые порции солдат. Так и чеченские полевые командиры могут просто упиваться сегодняшним торжеством, не задумываясь о том, во что обойдется грозненцам этот кратковременный пир по-

бедителей. В этом случае Масхадов и Яндарбиев вынуждены идти на поводу у военно-полевой стихии, чтобы не утратить полностью контроль над ситуацией.

Впрочем, не об этом ли мечтали, не этого ли добивались Тихомиров и Квашнин, на все лады повторяя, что Яндарбиев никем не управляет и договариваться не с кем. Накликали?

Если августовский позор станет сегодня же, немедленно, уроком, если встречи Лебеда и Пуликовского с Масхадовым не лопнут очередным мыльным пузырем, если переговоры начнутся и продолжатся — тогда, будем надеяться, еще не все потеряно. Столь благоприятных для России условий, как тогда в Назрани, больше, наверное, не будет. С этим придется смириться. Но договориться все еще можно о многом, даже о статусе. Если же все пойдет, как всегда: переговоры будут сорваны, а на телеэкранах вновь замаячат бравые генералы, рассказывающие, что разговаривать с бандитами незачем и не о чем, да и вообще их уже почти не осталось, и все-все под контролем, тогда...

Тогда следующей весной новый командующий объединенной группировкой будет руководить новым штурмом давным-давно «контролируемого» Грозного, а новый секретарь Совета безопасности будет на чем свет стоит поносить своего предшественника за беспомощность. А мы будем недоумевать: когда же кончатся боеприпасы? И договариваться к тому времени, наверное, и впрямь будет не с кем.

Ожидание геноцида

Мы пережили еще один ультиматум Чечне

Каким будет новый Грозный — если, конечно, на этом месте снова построят город с тем же названием, — сказать трудно. Прежний Грозный — до января 95-го — был очень большим. Бестолковая застройка конца сороковых: предприятие ставили раньше, чем жилье. В результате люди расселялись как бы слободами, и чеченская столица получилась размазанной по площади, несоразмерной числу жителей. К такому неудобству быстро привыкли, и замечали его только приезжие. Но в январе 95-го, когда транспорт перестал ходить, этот недостаток обернулся драмой. Чтобы узнать, живы ли знакомые или родственники на другом конце Грозного, приходилось чуть не сутки бегать под обстрелами. Правда, в ту пору горожане особо по улицам и не бегали — больше по подвалам сидели. А уже в феврале снова стали курсировать машины и частные автобусы.

После седьмого августа нынешнего года Грозный снова остался без транспорта. Путь из конца в конец, из района Черноречья или 15-го молсовхоза до Бароновки, опять стал почти непреодолимым.

Ультиматум

Генерал Пуликовский предложил грозненцам выйти из города за 48 часов по единственной дороге — на Старую Сунжу. Остальные выходы из Грозного, пообещал генерал, будут минироваться и простреливаться. Видимо, чтобы не допустить «неконтролируемой утечки» населения, среди которого могут ведь затесаться и боевики.

Только от Бароновки до Старой Сунжи километров пятнадцать. Да с окраин Грозного до Бароновки пятнадцать двадцать километров. С вещами (хотя бы с минимальным запасом еды), с малыми детишками и стариками проделать этот путь за 48 часов невозможно. Даже если бы не обстреливался Грозный из артиллерийских орудий. Даже если бы все грозненцы были оповещены и готовы к исходу в ту минуту, когда Пуликовский произнес слова ультиматума.

Но Грозный обстреливался, люди ютились в подвалах, без воды и света, естественно, без радио и телевидения, поэтому узнать о намерениях бравого генерала было неоткуда. В нормальном, мир-

ном Грозном способ оповещения из уст в уста работает безотказно. Во время обстрелов и при отсутствии транспорта — дает сбой.

Когда журналисты поинтересовались у Пуликовского, как грозненцы должны догадаться о его ультиматуме и о коридоре, генерал оптимистично заявил, что это — не его забота. У генерала Тихомирова, прибывшего на смену Пуликовскому и успевшего за несколько часов подтвердить все решения и ультиматумы, тоже не болела голова о том, останутся ли в городе люди. Он был озабочен подготовкой штурма.

Если бы Грозный был крепостью

Идея брать Грозный штурмом, с применением боевой авиации, знаменательна. Формально это военный ответ на требование президента вернуть ситуацию «на состояние 5 августа сего года». Однако президентское указание само по себе противоречиво. Может, Ельцин забыл, что шестое августа, обернувшееся страшным позором российской армии, последовало как раз за пятым?

Штурм Пуликовского, по замыслу инициатора, должен был привести к тому, что поле боя (город Грозный) осталось бы за федеральными войсками. В третий и не в последний раз.

Если бы Грозный, как в ермоловские времена, был стратегически значимой крепостью, тогда, конечно, его «взятие» могло бы рассматриваться как важная победа. Но Грозный в этой войне — не крепость, а символ. И на символическом уровне все равно победа уже за боевиками. Они показали, что российский контроль над городом условен и относителен.

Наверное, используя штурмовую авиацию, особенно если устроить знаменитые «ковровые бомбардировки», да еще применяя залповые установки типа «Град» можно «очистить» поле боя — грозненские руины станут плоскими. А в Грозном совсем не останется людей: ни боевиков, ни их оппонентов. В каком-то смысле это можно считать «возвращением к 5 августа» — потому что боевики через какое-то время объявятся в Ведено, расскажут подробности своего отхода из Грозного и начнут подготовку к новым боевым операциям. Но даже и тогда положение дел 5 августа будет воспроизведено не полностью. Ведь завгаевскому правительству и парламенту придется искать другую резиденцию, и боевики в следующий раз придут на новое место.

Обжегшись на Первомайском, генералы уже не обещали клятвенно, что из города не вырвется ни один боевик. Но демонст-

рировали, что уж на сей-то раз всех их здесь накроют. Историю про «окружение тройным кольцом» мы однажды уже слышали. И о том, что силами федералов можно перекрыть только тридцать дорог из ста тридцати, ведущих в Грозный. Но даже если бы и удалось прямо в городе уничтожить ополченцев вместе с их лидерами, то и это не приблизило бы российскую победу.

Хотя бы потому, что никто до сих пор толком не представляет себе, что считать победой. Водружение российского флага над Грозным? Стирание с лица земли бывшего обкома и бывшего дудавского дворца? Назначение завгаевских префектов во все без исключения населенные пункты? Проход военным маршем по всей территории республики?

«Количественное» истребление боевиков бессмысленно и потому, что с их, партизанской, стороны в рядах воюющих всегда столько народу, сколько нужно в данный момент — не больше и не меньше. До грозненской акции насчитывалось полторы-две тысячи боевиков (во всяком случае, так утверждали российские генералы), в Грозном их оказалось около четырех тысяч, при том что доподлинно известно: многие отряды в операции не участвуют. Партизанская армия не только в Чечне как дракон: имеет свойство отращивать новые головы взамен отрубленных.

«У Сталина получилось...»

Идея брать Грозный штурмом, в чьей бы голове она ни зародилась, не нацелена на решение военно-стратегических задач. Она воплощает смутные, полуосознанные настроения, витающие в российском обществе и — еще больше — в российской армии. Особенно воюющей в Чечне. Я слышала это и от офицеров на блокпостах, и от строителей в Грозном; и от замурзанных голодных солдатиков, и от утрачающего вида контрактников. Я слышала это и в России — от самых разных людей: московского бизнесмена, уральского бомжа, ростовского шахтера, ярославской медсестры. Дескать, раз по-другому в Чечне не получается, раз народ поддерживает боевиков и они оттого непобедимы, не надо ли весь этот народ — ну, сами понимаете...

Слово «геноцид» не произносят. Ни вслух, ни про себя. Даже слова «депортация» избегают. Офицер на блокпосту рассуждал: «Не надо было начинать эту войну. Теперь это всем понятно. Но раз уж начали — должен же найтись хоть какой-то выход? Либо признаем свое поражение и уйдём — но на это Кремль не соглашается. Либо все равно придется этих чеченцев, как когда-то Сталин...» Его това-

рищ, мрачно слушавший разговор, вмешался: «Ничего не получится». — «У Сталина же получилось». — «У Сталина была сила, а у нынешних ни черта (он выразился энергичнее) нету. И мужики ихние тогда были не дома — на войне. Так они теперь тебе и дадутся — выслать!» — «Тогда придется сжечь все напалмом. Или разбомбить, чтоб живого места не осталось. Пока они есть — они будут мстить».

В Ханкале рассказывают, будто приказ о выселении уже подписан или будет подписан в самое ближайшее время.

Никакого приказа, разумеется, не существует. Но факт: то Ельцин, то Лужков, то другие государственные мужи нет-нет, да и позволяют себе античеченские выпады. Бывший глава ФСБ Барсуков и вовсе не видел разницы между чеченцем и бандитом. Большая часть России внимает этому сочувственно. Если прямо и публично спросить Ельцина или хоть того же Барсукова, выиграет ли Россия от истребления чеченцев, они, разумеется, ответят отрицательно. Но не оформившаяся, не высказанная, еще не превратившаяся в намерение мысль о возможности «окончательного решения чеченского вопроса» витает в обществе и улавливается властью.

Не хотим, но готовы

Отнюдь не большинство военнослужащих в Чечне и уж, конечно, не большинство россиян готово вот так взять и заявить — уничтожить, мол, этих чеченцев. Да и те, кто говорят, в основном говорят как-то грустно и беззлобно. Лучше, конечно, решить дело миром, но раз уж не выходит, пусть хоть как. Лишь бы не было войны.

Такая — без ненависти — готовность к геноциду, может быть, еще страшней.

Ничтожное меньшинство в России жаждет расправы с чеченским народом. Но так же мало и тех, кто воспринял бы такую расправу как нечто чудовищное.

Поэтому руки у генералов развязаны. Их не смущает, что в Грозном к моменту штурма могли оставаться сотни тысяч мирных жителей — можно отомстить населению, которое подпитывает боевиков. Не удастся расправиться с боевиками, поквитаться с ними за унижительные поражения — так отыграются на безоружных.

Завгаев в первый раз против

Доку Завгаев до самого ультиматума не скрывал неудовольствия вояжами генерала Лебеда в Чечню и его переговорами с Масхадовым и Яндарбиевым. Впрочем, странно было бы ждать, что Завгаев

выскажется об инициативах Лебеда одобрительно: ведь завгаевский генпрокурор назвал Яндарбиева и Масхадова государственными преступниками, объявил их в розыск и обязал всех граждан содействовать их поимке. (Во время встречи в Новых Атагах была популярна шутка: «Жалко Лебеда! Привлекут его к ответу: не принял меры к задержанию особо опасных преступников».)

Однако после объявления ультиматума Доку Гапурович впервые за все время пребывания в должности «главы республики» определенно и жестко высказался против российской силовой операции и заявил о готовности «к абсолютно любым компромиссам вплоть до новых выборов». Очевидно, Завгаев тоже почувствовал, что если штурм Грозного состоится, нынешний невразумительный беспредел может закончиться «окончательным решением чеченского вопроса».

Любимый Лебедь

Министр Куликов прав, говоря, что Лебедь не успел пока освоиться на Кавказе.

Генерал Лебедь отличается от прочих российских «завершателей войны» тем, что он, похоже, еще не рассматривает вариант геноцида как «последний возможный довод». Видимо, он просто не успел заразиться подобными настроениями.

Неизвестно, что скажет секретарь Совбеза, когда окажется непосредственно перед необходимостью идти на серьезные уступки яндарбиевской стороне. Не исключено, что в конце концов Лебедь тоже решит, что нельзя достичь мира, не истребляя население. (Не такая уж маленькая часть его избирателей ожидала от него как раз такого решения: «Александр Иванович вывезет оттуда русское население и ка-ак!...»)

Но сегодня чеченцы — и боевики и не боевики — чувствуют: Лебедь не намерен известить их всех до одного. Поэтому, хотя яндарбиевцы прекрасно осведомлены о роли Лебеда в развертывании боевых действий в начале июля, ему многое прощают и готовы любить, как не любили до сих пор никого из российских политиков. Телекамера репортера НТВ поймала в кадр сияющего Масхадова. После ночных переговоров в Новых Атагах он взирал на Лебеда почти с обожанием. И на обычно мрачной физиономии Яндарбиева мелькнула слабая тень улыбки, когда он объяснял журналистам, что новый полномочный представитель в Чечне — человек, которому можно доверять.

Чеченцы, не только боевики и сочувствующие, приняли Лебеда с облегчением: наконец-то у Москвы нашелся нормальный русский. Восхищались его мужеством: без боевого сопровождения, всего с четырьмя охранниками, путешествовать по ночным чеченским дорогам! Никто из российских или завгаевских политиков не совершал ничего даже приблизительно похожего.

Ехать пришлось самой опасной дорогой — через бывший цементный завод. На блокпосту перепутали Старые Атаги с Новыми и отправили Лебеда по этой, днем вполне освоенной федералами, дороге.

Правда, обстреляли Александра Ивановича уже на обратном пути, глубокой ночью. Тогда его почти что закрыл грудью хозяин дома, в котором проходили переговоры, Ризван Лорсанов. (Почти все чеченские переговоры происходят в селе Новые Атаги. Просто потому что там живет Ризван — энергичный хлебосольный хозяин большого дома, добровольно принявший на себя бремя главного миротворца и безропотно сносящий все организационные хлопоты и огромные финансовые издержки, с этим связанные. Ризвана знает, почитай, вся республика. Во всяком случае, и военные, и боевики не раз пользовались его гостеприимством.) Ризван, провожавший гостей на своей «Ниве», выскочил тогда из машины и, заглушая пулеметные очереди, (благо одарен от природы мощным голосом), крикнул в темноту: «Андрей! Не стреляй! Ризван едет!» Пулемет затих. Из темноты ответили: «Ризван? С ума сошел — нашел время кататься». — «Со мной Лебедь!» — прокричал Ризван. Ответили матом. «Какая Лебедь в три часа ночи?!» Еще несколько минут перекрикиваний, и все благополучно разъяснилось. Не прошло и полутора часов, как за полномочным представителем приехал БТР для дальнейшего сопровождения.

В Чечне картина видится примерно так: только отважный и честный Лебедь противостоит намерению уничтожить чеченский народ.

Репутация миротворца, сторонника переговоров начинает сопутствовать ему и в России. Сумеет ли он, путешествуя в крошечной темноте по разбитым чеченским дорогам, набрести на единственно верный путь урегулирования? Если да, то позор геноцида минует Россию. И в нашей готовности мы не признаемся даже самим себе.

После войны

Самая осмысленная российская политика в Чечне — аккуратная и последовательная работа по укреплению авторитета нынешней верхушки сепаратистов.

«Нет, нельзя, — говорили на федеральном блокпосту. — Без аккредитации не имеем права». — «Помилуйте, ребята, какая теперь аккредитация? Где ее получать — нет ни Территориального управления, ни его пресс-центра?» — «Не наше дело. Получайте в Ханкале. У нас инструкция: журналист должен иметь аккредитацию. Никто ее не отменял». После нескольких минут препирательств — раздраженно: «Интересно, сколько вам Дудаев заплатил?» Потом: «Вообще-то, признайтесь, вы же все на американскую разведку работаете!» Потом уже более мирно: «Ждите командира: он распорядится — пропустим».

Командир подъехал на БТРе. Остановился в нескольких десятках метрах и прямо с брони что-то закричал, энергично размахивая руками. Когда мотор перестал тарахтеть, стало слышно: «Война закончилась!» Потом подошел к опешившим солдатам, обнял двоих за плечи: «Конец, ребята! Замирились! Отдыхаем!» Солдаты немедленно, как по команде, бросили автоматы на землю. Крепко от души обнялись. Потом один из них вспомнил про журналистов и небрежно махнул рукой: «Ступайте куда хотите! Война — кончилась». Было 24 августа 1996 года.

Праздник со слезами на глазах

Мир наступил внезапно и стремительно, как ночь в горах. Еще накануне погромыхивали разрывы артиллерийских снарядов, и автоматные очереди воспринимались как неотъемлемый атрибут наступавшего вечера. Еще утром на дорогах федералы проверяли документы и задирали водителей проезжавших автобусов. Еще в полдень немногочисленные жители Грозного при встрече предупреждали: в такой-то район лучше не соваться — «там работают снайперы». Около четырех пополудни все стихло. Почему-то сразу возникла уверенность, что на сей раз стихло уже оконча-

тельно. Что-то вдруг неуловимо изменилось. Хотя на самом деле всего-навсего в Грозный вошли совместные комендатуры. Разумеется, не сами они так преобразили все вокруг. Скорее, они стали сигналом, символом действительного окончания войны.

Посты на дорогах перестали функционировать. Солдаты, демонстративно убрав автоматы с глаз подальше, валялись, загорая на солнышке. Вот один приподнялся на локте и сделал проезжавшему автобусу знак — несколько раз постучал по губам двумя пальцами — дескать, не подбросите ли курева. Из окна автобуса ему тотчас выкинули целый блок, который солдат умудрился поймать, не вставая.

За день до того, 23-го, сразу по завершении переговоров Масхадова с Тихомировым, я спрашивала Масхадова: «Вы доверяете Лебедю?» Он молчал и смотрел в сторону. Я настаивала: «Столько было договоренностей, все срывались. Вы верите, что на сей раз — все прочно?» Он продолжал молчать. Потом, после долгой паузы, грустно произнес: «А куда нам деваться?» Но быстро подобрался и уже более энергично, хотя, может быть, менее искренне стал объяснять, что как раз Лебедю он склонен верить, Лебедь кажется человеком порядочным, от души стремящимся к миру. И если переговоры опять сорвутся, то, скорее всего, не по вине Лебеде. «Тихомиров после встречи с Лебедем изменил тон?» Масхадов первый раз улыбнулся: «Резко. Прямо на 180 градусов».

Кого бы из боевиков я ни спрашивала 23-го или утром 24-го, рядовых ли бойцов, командиров, или даже масхадовских охранников, ни один не сказал, что верит в прочность последних договоренностей. Все как один твердили: «Обманут! Столько раз уже обманывали, никакой им веры нет». Но прошло несколько часов, российские военные начали выполнять взятые на себя обязательства, и воцарились совсем другие настроения.

В этот день все всем улыбались одинаковой нежно-расслабленной улыбкой. И боевики, и федералы, и грозненцы: чеченцы, русские. В городе повсюду шло братание. Российские солдаты на блокпостах, две с половиной недели просуществовавшие в глухой обороне, выходили из своих крепостей и мирно болтали с боевиками. У кого было чем угостить — арбуз, чай, яблоко, сигареты, — угощали всех подряд. Где-то к вечеру раздалось несколько взрывов, и грозненцы зашептались, что, мол, неужели ОПЯТЬ, неужели снова обманули. Но испуг был какой-то ненастоящий, и очень

быстро выяснилось, что никакие это не обстрелы, а просто боевики разминируют город.

В воздухе пахло девятым мая. Но не видно было в тот вечер побежденных. Несчастных, мрачных, подавленных не заметно было на улицах Грозного. И о товарищах, погибавших еще вчера, никто в тот момент, похоже, не вспоминал.

Когда боевики 6–7 августа вошли в Грозный, они не стали штурмовать укрепленные блокпосты федералов, а предложили им оставаться внутри, не высовываться и не стрелять. Нашлись смертники, не принявшие это предложение. Им не довелось встретить вечер 24 августа. А большинство — жили и радовались.

Пир победителей

Один был такой день. Вернее, вечер. Уже 25-го все встало на свои места. Братание кончилось. Умиленная радость на лицах российских солдат сменилась напряженным ожиданием: когда уйдем? как уйдем? кто гарантирует, что доедем до места? Минутное опьянение прошло, и между победителями и побежденными пролегла отчетливая граница. Рядовой внутренних войск звонящим голосом чеканил: «Мы уходим не сдавшимися и не сломленными!» Ни он, ни его товарищи не хотели принимать на себя позор сокрушительного поражения.

А победители ликовали. Разминирование города провели довольно быстро, а других занятий тысячам вооруженных мужчин в городе не находилось. Поэтому ликование стало на эти дни основным видом их деятельности. Они целыми днями носились по городу на старых автобусах, уазиках, легковушках и даже на БТРах. Все в зеленых повязках, с зелеными знаменами (у кого с волком, у кого без волка, у кого просто зеленая тряпочка на палке), потрясали в воздухе сжатыми кулаками и беспрерывно кричали: «Алла акбар!» Эта вполне мирная констатация могущества Всевышнего (Аллах велик!) причудливым образом превратилась сначала в боевой, а теперь в победный клич.

Совместные российско-чеченские комендатуры и патрули — не более чем формальность. Чеченцы держатся вполне лояльно, ободряюще похлопывают по спине россиян, но с первого взгляда ясно, кто тут заказывает музыку. Настоящая власть у боевиков. Их патрули, да и просто самодеятельные группки, останавливают, кого считают нужным, требуют документы, кого хотят задерживают.

Боевики в эти дни сильно изменились. Месяц назад я видела их в горах — собранных, подтянутых, изо всех сил старавшихся жить (или хотя бы выглядеть) «по правилам». Сегодня не до правил. Сегодня — победа. На моих глазах парень — то ли патрульный, то ли так сидит — высыпает в рот горсть таблеток. «Зачем позоришься?» — я показываю ему журналистское удостоверение. Он машет рукой и смеется, как будто его щекочут. Смеется очень долго. Потом сквозь смех начинает что-то напевать и поигрывает автоматом, то подбрасывая его, то наставляя на меня, то стреляя в землю. Вдруг, как будто отрезвев, вскидывается: «Сейчас менты появятся». — «И что?» Он снова хохочет. Рядом его товарищи. Они подсмеиваются, глядя на него. Кто одернет победителя?

То и дело предлагают выпить. Пьянка строго запрещена. Когда боевики заняли город, они разгромили несколько прилавков со спиртным. Теперь на базарах легально не продают даже пиво. Но водку «Асланов» из-под полы можно достать. От многих пахнет спиртным. В одном из закутков — бывшая квартира бывшего дома, а теперь полуштаб-полукомната отдыха — на столе початая бутылка коньяка и почти пустая бальзама. Ребята весьма настойчиво, почти угрожая, требуют составить им компанию. «Разве вам можно пить?» — «Нам теперь все можно!»

Один из боевиков, судя по всему какой-то мелкий начальник, соглашается «дать интервью»: «Совместные посты — чепуха. Войска уйдут — мы их перестреляем». — «Ты понимаешь, что я это напечатая?» — «Печатай, конечно», — с готовностью отзывается тот. Подумав, добавляет: «Если живой вернешься».

«Странные у вас документы!» Раньше это было шпиономанией, реальным страхом перед агентами ФСБ. Теперь — предлог, чтобы остановить, возможность покуражиться, почувствовать себя властью. «Пошли со мной!» Никто не вправе сказать слово поперек — обычное «установление личности». Достаточно завернуть за угол — и никаких свидетелей, и помощи ждать неоткуда. Ты в полной зависимости от вооруженного человека.

Раньше, когда боялись шпионов, женщины чувствовали себя в большей безопасности, чем мужчины: меньше вызывали подозрений. Теперь, когда ничего не боятся, женщин цепляют чаще, чем мужчин. Дескать, не за приключениями ли ты тут ходишь?

Вряд ли в одночасье изменилось в среде бойцов соотношение ления соотношение между пьющими и непьющими, употребля-

ющими и неупотребляющими наркотики, доброжелательными и злобными, порядочными и подлыми. Кто-то назовет «сестренкой» и угостит спелой грушей, кто-то грозит, что сейчас расстреляет, и разочарованно заглядывает в лицо: «Тебе что, не страшно?» Одной знакомой чеченке боевик, проходя мимо, сунул в руки две банки тушенки. (Очень кстати, дома почти не оставалось еды.) Другая рассказывала: сын, шестнадцатилетний парнишка, вышел из дому без документов (какие теперь документы? Федералов-то прогнали!) и чуть не угодил в ДГБ. (Департамент государственной безопасности с дудаевских времен звучит для чеченских обывателей устрашающе.) Пришел домой избитый и потерянный: «Я их так ждал!»

Парень с зеленой повязкой: «Ты не с телевидения? Глянь, может, знаешь, как с ней обращаться». У него в руках камера «Панасоник». «А сколько за нее дадут — тоже не знаешь?» Другой беспомощно вертит в руках радиотелефон: «Это телефон или рация?»

Год, полгода, месяц назад наркоманов прятали от своих, а не то что от журналистов. Если и выпивали, то так, чтобы об этом никто не узнал. Тогда нужно было выглядеть правильными, не такими, как русские. Теперь — на кого оглядываться?

Еще не беспредел. Сколько раз досматривали мои вещи, но даже попользований не было забрать деньги. Один из боевиков, пересчитав, присвистнул: «Два автомата с собой носишь». Брезгают грабежами, не шныряют по квартирам в поисках одиноких женщин — не все границы перейдены. Но — «полтора года в окопах, под обстрелами, в жаре, в холоде, в грязи. Скольких я товарищей похоронил. Имею право оторваться?»

С древнеримских времен победившее государство оказывалось перед сложнейшей проблемой: как приструнить победителей? У чеченцев государства нет.

«Мы-то уйдем, — говорит майор с бывшего блокпоста. — Только ведь этих — видите? — Их никто не разоружит. Что они будут делать? Есть — что будут? Надо срочно укреплять границу».

Зара и другие

Беженцы, что покинули город в преддверии обещанного Пуликовским штурма, потихоньку возвращаются в Грозный. Мало кто насовсем. Чаше чтобы взять что-то из уцелевших вещей, проверить, живы ли соседи и родственники. В городе неуютно: ни воды, ни света, во многих районах и газа нет. Из-под неразобранных разва-

лин — страшный трупный запах. Многим и возвращаться некуда. Все же, утирая слезы около сгоревшего жилья, люди повторяют: «Хорошо, хоть больше не бомбят».

Зара никуда не уходила. Мужа отправила к матери в деревню, чтобы меньше воды таскать — а сама осталась сторожить квартиру. Чеченский мужчина не может ходить по воду: это все равно, что юбку надеть. А до колодца ходить добрых полкилометра, да еще подниматься на четвертый этаж. Зара сразу поверила Пуликовскому, что штурм непременно состоится и от города ничего не останется. «Знаешь, я так устала за эту войну. Не хочу больше бегать по чужим углам. Решила: пусть уж в собственном доме погибну».

(То же самое говорили мне и русские старики, пересидевшие в городе кошмар прошлых годов и нынешних бомбежек. «Может, и лучше, чтобы сразу убило-то. Все равно ведь не живем». Энергичная шестидесятивосьмилетняя Мария Николаевна, в одночасье лишившаяся всего нажитого имущества и двух квартир — сына и своей, — просит непременно передать Ельцину «ба-альшой привет». «Так вот и скажите: Борис Николаевич, из-за вас Мария Николаевна оказалась на старости лет без куска хлеба, без крыши над головой».)

У Зары осталось два десятка яиц, немного муки, прошлогоднее варенье. Еще они с соседками, у кого есть огороды, меняются: яйца на зелень. Базар уже начал функционировать, но деньги почти все вышли. Последний год Зара с мужем жили на ее зарплату. Ей посчастливилось найти работу в Управлении культуры при мэрии. «Теперь ни мэрии, ни управления, ни культуры — одни обломки». «На что же вы будете жить?» — «Разве я знаю? Но хорошо, что не бомбят». Зара спрашивает, не слыхала ли я: будто бы составляются списки работников мэрии, и всем, кто там служил, даже если просто уборщицей, — не сдобровать.

Что ответить? Я могу заверить ее, что ничего подобного не приказывал ни Масхадов, ни Яндарбиев, ни Закаев. Я убеждена, что такого распоряжения не поступало из комендатуры города Грозного, где заправляет Асламбек Абдулхаджиров, он же Большой Асланбек, человек взрывной и резкий, но вполне разумный и порядочный. Но кто может знать, что придет в голову полковому командиру Магомеду после очередной порции «Асланова»? Или рядовому бойцу Адаму, которому после таблеток за каждым кустом мерещатся «менты».

«Надо наказать!»

Члены делегации на переговорах, кажется, вполне искренне утверждают: никаких репрессий в отношении завгаевцев сейчас, сегодня не будет. Но к Ризвану Лорсанову, главному посреднику в переговорах между противоборствующими сторонами и всеобщему заступнику, уже потянулись женщины — родственницы задержанных. Кого-то Ризвану удалось вызволить — счастье, что в Чечне все всем родственники, свойственники или друзья-соседи. Но о ком-то ему сказали, мол, «ищем — не можем найти». Звучит это примерно как «десять лет без права переписки».

«Вот уйдут войска, — говорит умная интеллигентная женщина, никогда особой симпатии к Дудаеву не питавшая, — мы все поднимемся и сожжем Надтеречный район. Если мужчины этого не сделают, женщины сожгут». — «А что, — подхватывает ее красавица-сестра, — так им оставить? Зазвали сюда русских, нас в крови утопили, город и села — в руинах, а сами два года прожили с водой, со светом, как будто войны не было». «Надо же их наказать, согласитесь», — слышала я от многих вполне умеренных чеченцев.

Пока шла война, разговоров о возмездии я не слышала. Главное было выжить. Теперь, очнувшись в разбитой и растерзанной стране, изрытой свежими могилами, не имея реальных шансов быстро встать на ноги, люди ужаснулись и бросились искать виноватых. Агрессивность усугубляется слухами, что в Надтеречном и Урус-Мартане (второй оппозиционный район) создаются отряды сопротивления — теперь уже боевикам. На самом деле отряды не создаются — они были и раньше. Бойцы Урус-Мартановского ОМОНа, созданного при Завгаеве из прежней автурхановской оппозиции, заявляют, что «готовы вести войну» и что за ними «90 процентов населения республики».

Это, разумеется, пустое бахвальство. Помешать установлению власти дудаевцев отряды Урус-Мартана и Надтеречного не могут никак. Именно потому, что в республике их поддерживает незначительная часть населения. Но они могут и готовы дать вооруженный отпор тем, кто вздумает прийти к ним с карающим мечом.

Дауд, один из авторитетных дудаевских лидеров, префект Шатойского региона, говорит, что сейчас как никогда нужна консолидация всей нации. «Сейчас у нас есть три категории населения. Первая — самая многочисленная — те, кто сражались за свободу, и те, кто нам помогали. Это цвет нации. Вторая — немногочисленная — те, кто активно боролся против нас. Их мы всех вырежем.

Не надо этого бояться. Их не так много. Наконец, третья категория — трусившие, занявшие позицию «ни нашим — ни вашим». Их мы, конечно, простим. Но жить им с нами будет неуютно».

Гражданская война? Исключено. Нет в Чечне такой силы, которая могла бы воевать с несколькими тысячами бойцов ичкерийской армии. А вот карательные походы с десятками жертв вполне возможны. Разве что инстинкт национального самосохранения удержит, как удерживал при Дудаеве. Тогдашние попытки привести «мятежные» Надтеречный и Урус-Мартан к повиновению обходились малой кровью. Перед большой кровью останавливались и дудаевцы, и автурхановцы. Впрочем, то было в довоенную эпоху.

Кто наведет порядок?

Аслан Масхадов нервно ходит по Ризванову двору из конца в конец и что-то рассерженно говорит по-чеченски, ни к кому конкретно не обращаясь. Спрашиваю своего знакомого: «Опять какие-то нарушения?» Тот качает головой: «Нет». Потом нехотя переводит: «Он говорит, что мы сейчас должны быть очень дисциплинированны, что нельзя позволить себе разрушить единоначалие в нашей армии. Он очень возмущается, что чеченцы не слушаются».

Сегодня в Чечне, пожалуй, нет фигуры, равной Масхадову по популярности. Если бы в республике завтра состоялись честные и свободные выборы, наверное, Масхадов стал бы президентом. За него готовы голосовать и бывшие поклонники Джохара («Если, конечно, Джохар до тех пор не появится»), и те, кто считает, что именно Дудаев — первопричина всех бед, обрушившихся на республику. Чеченцы считают, что именно Масхадов добился мира. Заслуги Масхадова и впрямь велики. Особенно, если учесть, что обе кардинальные идеи — идея совместных патрулей и комендатур и идея отложенного статуса — принадлежат именно ему. Причем родились они не в ходе нынешних переговоров, а давно, еще в прошлом году. Российская сторона до Лебеда никак их не принимала.

Люди на улицах говорят: «Масхадов вытащит нас из беды, как Аушев своих ингушей. Он тоже военный человек, тоже умный и честный». «Масхадов родом из Надтеречного, это очень важно. Он не допустит, чтобы мы столкнулись лбами с завгаевцами». «Я не знаю, кто будет баллотироваться, но мне не хотелось бы, чтобы президентом стал кто-то из нынешних командиров. Разве что Масхадов — он производит очень серьезное впечатление».

До выборов еще далеко, и их результаты не в последнюю очередь зависят от того, какие очертания примет власть теперешняя, власть переходного периода. К сожалению, авторитет Масхадова среди боевиков не так непререкаем, как среди мирных чеченцев. «Если русские опять сорвут переговоры, я не буду больше подчиняться Масхадову». «Вывод войск — фикция. Федералы просто спасают окруженные блокпосты. Сейчас они сосредоточатся в Ханкале и Северном и предпримут новую попытку захватить Грозный. То, что Масхадов поверил им и согласился на отвод наших подразделений, — ошибка, если не хуже». «Мы не должны уходить из города, пока последний русский солдат не покинет чеченскую землю». «Если война возобновится — а я в этом уверен на 98 процентов, — мы возобновим ее на российской территории. Только тогда уже нашим главным имамом будет не Масхадов — он для этого не годится». Месяц назад ни один боец не посмел бы в разговоре с журналистом обсуждать возможность неповиновения начальнику штаба.

Пока шла война, ополченцы любили поговорить о том, что они — люди мирные и ждут не дождутся, когда уйдут войска, чтобы вернуться к мирному труду. Они не лгали. Окопная жизнь хоть и имеет свою романтику, все же не сахар. Они в самом деле тосковали по домашнему теплу, по жене, по налаженному быту. Но сейчас кто захочет уйти из воинов-победителей в трактористы или челноки?

Судьба Чечни зависит сегодня от того, найдутся ли лидеры, которые сумеют осуществить более или менее мягкую конверсию военных сил, переплавить их в силы государственные. Ни на какой иной основе чеченская государственность возникнуть не может. Война разметала то слабое и беспомощное, но все же государство, что было при Дудаеве. Самостоятельного и влиятельного духовенства в Чечне тоже не существует. Главные «религиозные авторитеты» — те же боевики. (Поэтому так беспомощно выглядели попытки некоторых российских «миротворцев» апеллировать к муллам через головы ополченцев.)

Наконец, война еще больше ослабила тейповые связи.

«Мне тот брат, с кем я рядом воевал. А всякие тейпы — чепуха. Если ко мне человек придет и скажет: я, мол, из твоего тейпа, помоги — я его взащей вытолкаю».

Для поддержания правопорядка боевики пытаются учреждать самодеятельные «шариатские суды». Про них говорят увлечен-

но и страстно. «Шариатский суд — самый справедливый суд в мире». В свое время Усман Имаев, дудаевский министр юстиции и генеральный прокурор, специально изучал возможности введения элементов шариатского права (в частности, шариатские суды) в Чеченской республике. Сейчас Имаев не у дел, и никакие разработки никого не волнуют. Времени, сил и знаний для настоящего укоренения этого архаичного, но по-своему эффективного института у чеченских боевиков нет.

Длинная скамья. Вдоль нее прохаживается гордый красавец Большой Асламбек с палкой в руке. Что-то говорит по-чеченски. Народ реагирует восторженно. Из толпы выступает виновник торжества — его застали в нетрезвом виде. Он охотно укладывается на скамейку, и Асламбек предлагает желающим взять палку и осуществить волю Аллаха. Таковой находится не сразу, приходится уламывать. Наконец палка переходит в руки добровольца. Тот отсчитывает положенное число вполне символических ударов, после чего наказанный встает и начинает со всеми обниматься. Публика, включая проштрафившегося, безмерно довольна. Новая занятная игра, а никак не средство устрашения или наказания. Никакого отношения к правосудию эта операция не имеет.

«Алла акбар!»

Пример аушевской Ингушетии показывает, что друзья-однополчане могут превратиться в довольно эффективных государственных чиновников. Но у чеченских бойцов пока не просматривается единого бесспорного лидера вроде Аушева. К тому же чеченская государственность неизбежно будет строиться на совсем иной идеологической основе.

Порой кажется, что чеченский язык состоит всего из двух слов, да и те арабские. «Алла акбар!» — это вместо «здравствуйте», вместо «до свидания», «спасибо», «извините». Все пацаны, независимо от возраста, при виде человека с зеленой повязкой вопят «Алла акбар!» Тот, кто еще не умеет говорить, «Алла акбар!» все равно выговаривает.

Боевики неизменно машут детишкам в ответ. Они умиляются и гордятся: «Вот почему чеченцы непобедимы».

«Вас не смущает, что они в год знают «Алла акбар», но в десять лет не умеют читать-писать ни по-русски, ни по-чеченски?» Нет, это, похоже, никого не волнует. «Самое главное они знают — Аллаха». «Навязанное Россией образование едва не погубило наш

народ. Мы стали забывать свою историю, язык и веру». «Все светские школы — сатанинские».

Чечня пережила глубокую русификацию. Подавляющее большинство чеченцев прекрасно говорят по-русски. Все мужчины служили в армии, почти все прошли через российские «шабашки», так или иначе работали в России, зачастую по многу лет. Вместе с тем и в годы советской власти, и даже в годы высылки чеченцы умудрились сохранить свой язык (дети в семье начинали говорить по-чеченски, а русский усваивали уже в школе), многие обычаи, в том числе достаточно патриархальные семейные и соседские отношения. Сохранялся все эти годы и обычай молиться. Хотя ни о каком религиозном образовании, разумеется, не могло быть и речи. Дети заучивали непонятные им арабские слова и повторяли их вслед за родителями.

Сегодня то обстоятельство, что «мы не забывали Аллаха даже под угрозой репрессий», — предмет глубокой национальной гордости. «Быть чеченцем» значит «быть мусульманином». Хотя всякое национальное самосознание как раз в корне противоречит исламскому вероучению. Но в Чечне почти нет людей, знающих толк в исламе. Тяга к исламской атрибутике, страстное желание осознавать себя частью мусульманского мира существуют на фоне крошечного религиозного невежества. Очень немногие чеченцы вообще читали Коран. Те, кто читали, делали это по-русски. Вообще самостоятельное чтение Корана, без комментариев, без специальных учителей может скорее сбить с толку, чем сформировать мусульманское миропонимание.

Элементы исламского просвещения появились в республике в начале 90-х, когда на всей территории бывшего СССР началось религиозное возрождение. Война не дала им развиваться.

Тяготение ко «всему мусульманскому» сопровождается неприятием «всего западного». В свое время Дудаев полагал, что Запад приструнит Москву, если та начнет открытую войну против Чечни. Двусмысленные заявления американских и европейских лидеров о «внутреннем деле России» он, да и все чеченцы, расценили как типичное для христиан двуличие. «С Саддамом Хусейном небось не церемонятся, а бандиту-Ельцину ручку пожимают».

Боевики рассказывают мне вечером за ужином про пагубное сионистское влияние. Как водится, евреи виноваты во всем, в том числе и в этой войне. «Они хотели русскими руками воспрепятствовать распространению власти Аллаха на эту землю».

«Что же вы, ребята, — спрашиваю, — толкуете мне про власть Аллаха за банкой „Асланова“? — «Ну, — не очень-то смущаются они, — мы же еще не живем по шариату. Когда построим исламское государство, вот тогда...»

Исламский фундаментализм Чечне не грозит. Ей грозит воинствующий обскурантизм.

Противостоять ему, как ни странно, могла бы только нынешняя верхушка: Масхадов, Закаев, Удугов, Махашев, Яндарбиев — люди со светским высшим образованием. Они прекрасно знают, что их знания — не от сатаны и не могут помешать им верить в Аллаха и молиться. Более того, именно им предстоит закладывать фундамент будущей чеченской государственности (в составе или не в составе России — неважно). Если российское руководство заинтересовано не в том, чтобы навязать чеченцам определенную расцветку флага, а в сохранении собственного влияния в регионе, ему ничего не остается, как всемерно (хотя и очень осторожно, чтобы не вызвать обратного действия) работать на укрепление авторитета тех, кого еще вчера называли не иначе как «бандитами».

Уходят войска

Шатойский префект Дауд как раз рассказывал мне про вред от русских школ, когда его с извинениями прервал помощник. Из Шатоя уезжала последняя военная колонна, и ее командир хотел бы проститься. Не с завгаевским префектом — да того и след простыл, не с мифическими «старейшинами» или «авторитетами», с которыми завгаевское правительство заключало в Шатое «Договор о мире и согласии», а именно с Даудом, олицетворявшем реальную власть.

Вывод войск из Шатоя обещали начать в январе. В марте даже вывели десантный полк. И... ввели мотострелковую дивизию. С тех пор каждый месяц шли разговоры о ее выводе. Но на сей раз — все по-настоящему.

«Мы за собой прибрали, что могли, — говорит командир. — В смысле разминировали ближайшие подступы. Но вы пока туда не ходите. Мы попозже, когда все утрясется, саперов пришлем. Тогда уже подчистим окончательно». Вдоль улицы, по которой должна была пройти колонна, стояли люди, местные жители. Не было бурной радости, никто не выкрикивал ни напутствий, ни оскорблений. Они уже один раз провожали российские войска. То-

гда это был целый праздник: зарезали барана, накормили напоследок солдат, обнимались с ними. Теперь просто стояли и ждали: когда же, наконец...

Командир протянул руку Дауду, потом по очереди всем, стоявшим рядом. «Оставайтесь счастливо на своей земле. Живите мирно!» Один из помощников Дауда ответил: «А вы больше не возвращайтесь». И тут же поправился: «Не возвращайтесь с войной. А так — приезжайте с семьей в гости, нашими горами полюбоваться». Командир энергично замотал головой: «Нет, с войной — никогда. Два раза на одни грабли не наступают».

Тонкий лед чеченского мира

Лебедь с Масхадовым в Хасавюрте реальность не творили, они ее зафиксировали.

Главное отличие нынешней попытки установить мир в Чечне от прошлогодней в том, что Грозный — бесспорно и зримо — в руках сепаратистов. Значит, поражение уже не представить победой, оно очевидно и чеченцам, и россиянам, и миру.

Летом 95-го генералы просто кипели возмущением: стоит российским войскам в соответствии с июльским соглашением покинуть тот или иной населенный пункт, как он немедленно оказывается в руках «так называемых отрядов самообороны, фактически тех же дудаевцев». Интересно, в чьих руках, по их мнению, он мог бы оказаться? По сути дела тогдашняя неготовность признать поражение привела к возобновлению военных действий. Пока власть дудаевцев восстанавливалась в селах и небольших райцентрах, можно было делать вид, что это случайность и вообще не считается. Когда дело дошло до Грозного, морочить голову самим себе и согражданам стало уже невозможно: либо уходить, либо отвоевывать все заново.

Отвоевывали еще год. Отвоевали все, кроме четырех районов. Загнали боевиков далеко-далеко в горы. Потом они вдруг оказались в Грозном.

Маленькие мазохистские радости

Можно называть хасавюртовские договоренности «капитуляцией армии перед бандитами». Можно напомнить, что они ставят под сомнение территориальную целостность России и, следовательно, нарушают ее, России, Конституцию. Можно тревожиться или возмущаться по поводу того, что сепаратисты не собираются подчиняться Москве. Наверное, есть определенное мазохистское удовольствие в смаковании собственного унижения. Но никуда не деться от реальности. Лебедь с Масхадовым в Хасавюрте эту реальность не творили, они ее зафиксировали.

Хасавюртовский вариант — это еще наиболее благоприятное для России решение. Окажись на месте разумного и серьезного

Масхадова какой-нибудь оголтелый рубака, которых полно среди полевых командиров, в том числе и самых авторитетных, чеченская сторона вполне могла бы настаивать на немедленном признании полной независимости. Условия, между прочим, диктуют победители, а не побежденные. Что тогда? Ну, разумеется, подписать такое никто с российской стороны не мог бы. Значит — новое отвоевывание Грозного. Сначала с воздуха, потом штурмом. Как в январе 95-го, только в куда более тяжелых условиях.

Во-первых, боевики — уже не те только-только сбившиеся в кучку ополченцы с оружием, принесенным из дома. Они — организованная и вооруженная партизанская армия, по большей части состоящая из людей, которые любят и хотят воевать. Во-вторых, не зима на дворе. В-третьих, российские солдаты деморализованы примерно настолько же, насколько воодушевлены боевики. События 6–8 августа — не единственное, хотя и самое яркое тому подтверждение. Кстати, при очень старательной бомбардировке «русский вопрос» в Чечне, видимо, удалось бы решить окончательно — как раз русские старики и старухи (те немногие, что выжили) не собирались покидать город в преддверии авианалетов. Словом, неизбежные при таком решении потери могли бы потрясти даже невозмутимое российское общество.

Отложенный статус

Конечно, руководство сепаратистов и в прошлом, и в нынешнем году предложило формулу «отложенного статуса» не из сочувствия трудностям российского руководства, а из простых прагматических соображений (на которые не прагматичные лидеры могли бы и наплевать): помощь России необходима при восстановлении республики. Это тоже реальность, которая может быть использована российском руководством, если оно собирается сохранить в Чечне российское влияние.

«Отложенным статусом» пока заканчивались все антисепаратистские войны на территории бывшего СССР. Никто в мире не признает и в ближайшее время не признает самопровозглашенные Карабах, Южную Осетию, Абхазию и Приднестровье. Все они фактически живут самостоятельно, очень тяжело и мучительно для населения (Карабаху чуть легче: кое-как помогает Армения), барахтаются в своей полукриминальной квазигосударственности и с разной скоростью созревают для компромиссного решения. При этом за годы без войны поверх непризнанных границ потихоньку вос-

становливаются человеческие и деловые контакты, налаживается торговля (криминальная и не очень), перемалываются оголтелый национализм и непримиримость — возобновляется жизнь.

Целостность под вопросом

Есть ли гарантия, что через пять лет, предусмотренных хасавюртовскими соглашениями, Чечня останется в составе России? Нет гарантии. Есть вероятность. Осуществится ли она, будет зависеть от целого ряда факторов, в том числе и от российской политики на Кавказе.

«Под Россию» Чечню толкает экономический и социальный интерес. Удалые полевые командиры неоднократно высказывались в том духе, что стоит прекратить войну, и в Чечню потоком хлынут инвестиции из арабского мира. Нынешнее руководство сепаратистов отдает себе отчет, что такая перспектива существует лишь в воспаленном воображении оторвавшихся от жизни бойцов. Ни внутренних ресурсов, ни помощи чеченской диаспоры не хватит на восстановление дорог и предприятий. Даже если считать, что жилье чеченцы, стиснув зубы, восстановят сами, как восстанавливали уже не раз в ходе войны. Если правительство России сумеет всерьез заинтересовать чеченских лидеров и чеченское население эффективной и неразворовываемой материальной помощью, шансы удержать Чечню в составе России повысятся.

Очень важный психологический момент: помощь не должна быть «обусловленной», на что, кажется, настроились даже самые миролюбивые члены черномырдинской команды. Было бы неразумным внушить чеченцам, что Москва «покупает» благоприятное для себя решение о статусе. Хотя бы потому, что в ответ возникнет гордая оппозиция: «Нас не купишь» — одновременно с желанием без конца шантажировать Москву собственным отделением. Вложения в чеченскую экономику принесут политические дивиденды, лишь когда они будут признанием собственной вины, а не рычагом давления. Правда, на московском политическом горизонте что-то не видно руководителей, готовых испытывать или признавать вину.

Чеченские заводы давно не работали на чеченской нефти: она почти вся уже «выпита». Нефть для их загрузки подавалась из России, продукты нефтепереработки отгружались в Россию. Какие бы невероятные легенды ни рассказывали о Дудаеве, нет достоверных сведений о том, что его правительству, или его «клану», или его

«фаворитам» удалось освоить теневым или легальным образом какой-либо иной, кроме российского, рынок потребления продуктов нефтепереработки.

Еще один серьезный довод против полного отделения. Чеченская письменная культура развита плохо. И в досоветские, и особенно в советские времена языком школьной грамоты и высшего образования, языком науки и приобщения к мировой культуре был русский. Владеющих арабским в республике буквально единицы. Еще долгое время отторжение русской культуры будет означать для чеченцев отторжение от культуры как таковой. В Иране революция Хомейни смела тонкий и оторванный от основной массы населения слой вестернизированной элиты. В Чечне, чтобы расправиться с «чуждым влиянием», практически каждый чеченец должен был бы убивать российское влияние в самом себе. Именно поэтому, кстати, при Дудаеве в республике не произошло ни сколько-нибудь серьезной исламизации, ни значительной «дерусификации». (Речь идет не о сокращении доли русских в Чечне — она, к сожалению, неуклонно сокращалась, поскольку русские оказались наиболее уязвимы в условиях криминального беспредела. Но русский язык по-прежнему оставался языком культурного общения, большинства популярных газет и проч.)

Чечню отталкивает от России многое. В первую очередь война и выявившаяся в ее ходе готовность к массовому уничтожению людей. Воспоминания о депортации 44-го и многолетних (не завершившихся в 57-м) национальных ущемлениях. Национальная и историческая мифология, буйным цветом расцветшая за два года войны. Миф о национальной исключительности чеченцев, миф о вечной — трехсот-шестисот-восьмисотлетней войне с Россией, миф о славном и процветающем дудаевском государстве. Даже Ахмет Закаев, один из самых трезвых чеченских политиков, убежденно повторяет, что «Грозный при Дудаеве был самым богатым городом бывшего СССР». Против России сегодня работают инстинкт национального самосохранения и нормальное человеческое возмущение содеянным.

Какая тенденция победит? Чем доброжелательней будет вести себя Кремль, тем больше вероятность, что чеченцы согласятся на некий суперособый статус «в составе». Сегодняшние шараханья Кремля от «одобрения в целом» хасавюртовского процесса до агрессивных рокошующих отстаиваний «территориальной целостности» провоцируют в Чечне усиление «оборонного сознания».

Масхадов или «дикое поле»?

Едва ли не решающее значение для российско-чеченских отношений будут иметь предстоящие выборы. В свое время автурхановская оппозиция и вслед за ней кремлевские аналитики уверяли, что Дудаев ни за что не пошел бы на честные выборы. Сегодняшние хасавюртовские договоренности предполагают непереносимое присутствие на выборах международных наблюдателей.

Пожалуй, самым благоприятным (из возможных) для России результатом стала бы легитимизация нынешнего руководства сепаратистов. Эти люди уже показали в ходе переговоров, что они — прагматики, умеющие принимать вполне рациональные решения. Кроме того, эти русскообразованные и светские лидеры волей-неволей сами выступают проводниками российского влияния.

Развитие переговорного процесса укрепляет их позиции внутри республики. Его срыв или периодические срывы увеличивают риск, что Масхадов, Махашев, Удугов, Закаев будут захлестнуты военно-полевой волной — малограмотными командирами, для которых война — естественный образ жизни.

Как бы ни решился в итоге вопрос о статусе, с Масхадовым можно будет договориться, скажем, о совместной охране железной дороги, взаимной выдаче преступников, взаимовыгодных экономических отношениях. С полевым командиром Хаттабом, тем самым, который с несколькими бойцами истребил целую колонну бронетехники под Ярыш-Марды, вряд ли удастся договориться хоть о чем-нибудь.

Наихудший с точки зрения российских государственных интересов вариант — развал и хаос, полная потеря управляемости республикой со стороны кого бы то ни было. Вот тогда, при тотальной криминализации, в Россию хлынут такие неконтролируемые потоки оружия, наркотиков, контрабанды и просто бандитов, какие и не снились в дудаевские времена. Придется забыть и о нефтепереработке, и о железной дороге.

Если бы удалось осуществить предвыборные мечты Лебеда о расчленении Чечни и отторжении от нее пророссийски настроенных районов, это как раз привело бы к «одичанию» оставшихся территорий. Надежды на то, что «неприсоединившиеся» позавидуют «присоединившимся» и тоже устремятся под власть Москвы, в этом случае были бы тщетными. Завидовать и присоединяться было бы просто некому, и между Россией и Грузией возникла бы своеобразная «мертвая зона». А вот полноценная интеграция Надтеречного

и Урус-Мартановского районов в становящуюся чеченскую государственность способствовала бы укреплению там российского влияния.

Перспективы «позеленения»

По сравнению с перспективой «дикого поля» даже тотальная исламизация Чечни выглядит привлекательно. Существование реальной власти, пусть даже идеологически неприемлемой, оставляет возможность для договорных отношений. Впрочем, «позеленение» Чечни на государственном уровне, которым пугает министр Куликов, — исход возможный, но не слишком вероятный. Анатолий Куликов, правда, почему-то говорит, что в случае построения в Чечне исламского государства вокруг России «замкнется зеленый пояс». Неясно, имеет министр в виду граничащие с Чечней Дагестан и Ингушетию или смотрит дальше, разумея мусульманскую опасность, надвигающуюся из христианской Грузии. Чечня никогда, ни в доермоловские, ни в советские, ни в дудаевские времена, не испытывала настоящего влияния арабской культуры и не ощущала себя органической частью единого мусульманского мира. Сегодня явственно тяготение в ту сторону, к братьям-мусульманам, но уж больно они далеко, и слишком привычны в чеченском обществе светские и национальные ценности. Понадобится колоссальная миссионерская работа выходцев из Саудовской Аравии или Ирана, чтобы превратить Чечню в «государство Пророка». Но нельзя не признать, что именно сейчас таких миссионеров приняли бы как никогда тепло.

Ни один из возможных итогов хасавюртовских договоренностей не сулит России большой радости. Даже если в конце концов Чечня останется в составе России, это потребует огромных денежных вливаний, которые для нашей не слишком благополучной страны не могут не быть болезненными. Однако доводы политиков — от демократов до коммунистов, что «пойти на мир такой ценой Россия не может», свидетельствуют, что они в детстве невнимательно читали «Винни-Пуха». Помните, когда медвежонок застрял, он тоже кричал: «Не могу же я торчать здесь целый день!» А умный Кристофер Робин, отчаявшись вытащить Винни наружу или хотя бы протолкнуть обратно в норку к кролику, отвечал: «Торчать-то ты как раз отлично можешь, глупенький мой мишка».

Альтернативу хасавюртовскому процессу мы уже проходили. Это когда одним десантным полком за два часа.

Субъект Аллаха или международного права?

Характер будущего чеченского государства мало зависит от исхода январских выборов. Поля для маневра у будущего президента практически нет.

Превратится ли послевоенная Чечня в исламское государство? Казалось бы, сомневаться в этом не приходится. Весь мир наблюдал по телевизору, как гуляли палки по спинам проштрафившихся чеченцев. Лидеры Ичкерии и «простые чеченцы» заявляют, что народ хочет жить только по законам Аллаха — ни по каким иным. Многие в России, да и на Западе, склонны рассматривать недавнюю войну как попытку уничтожить «оплот мусульманского фундаментализма». В рамках этой логики ичкерийскую победу следует рассматривать как укрепление позиций фундаментализма. Такие заявления звучали с трибуны Думы, делал их и министр внутренних дел Куликов.

Правда, в свое время с легкой руки российских журналистов «фундаменталистами» объявили членов абсолютно светского Азербайджанского народного фронта и даже Минтимера Шаймиева. Что уж удивляться, что дудаевскую Чечню еще до ее рождения называли «фундаменталистской», а советского генерала авиации — «исламским экстремистом».

На самом деле отношение Дудаева и его окружения к исламу и к идее исламского государства в разное время было разным. Поначалу бравый летчик с умилением и радостью открывал для себя свой народ. Взахлеб рассказывал на пресс-конференциях: «У нас сохранились замечательные народные обычаи, у нас сохранилась вера в Аллаха!» Популярный анекдот тех времен. Дудаев выступает на митинге: «Чеченцы — народ исключительный. Мы так любим Аллаха, что готовы творить намаз по три раза на дню». Яндарбиев подсказывает: «Пять, Джохар, пять!» Дудаев: «А если понадобится, то и пять раз будем!» (Ежедневный пятикратный намаз — молитва — одна из основных обязанностей верующего мусульманина. Что-что, а это в Чечне знают все.)

Суэта вокруг веры

Дудаевские восторги по поводу чеченской верности исламу несколько поутихли, когда назойливые российские и иностранные визитеры (главным образом журналисты и второразрядные политики) принялись приставать к генералу с «неудобными» вопросами: что же все-таки за государство складывается под его руководством — исламское или национальное чеченское? Дудаев, видимо, поначалу считал, что Чечня будет и национальной, и исламской, и еще правовой, демократической, многонациональной, с новейшей техникой и древнейшими традициями. Однако мусульманские ортодоксы твердили свое: сама идея национального государства в корне противоречит букве и духу ислама. Тогда, примерно к весне 1992 года, была принята на вооружение формула: Чечня — светское национальное демократическое государство, в котором чтут и уважают ислам и другие религии.

В апреле 1992-го одна популярная чеченская газета напечатала программную статью некоего религиозного деятеля, который обрушился на Дудаева с обвинениями в попрании мусульманских законов и призвал сограждан обратиться на путь истинной веры и строить государство «по заветам Пророка». Мовлади Удугов, бессменный дудаевский министр печати и информации, охотно показывал приезжим из России и с Запада эту статью. «Фундаментализм, религиозный фанатизм — главные идеологические противники молодого чеченского государства», — с чувством говорил Мовлади. (С тех пор сколько воды утекло. Сегодня его предвыборный лозунг: «Исламский порядок».) Главный редактор газеты, опубликовавшей тот «исламский манифест», человек весьма светский, рассказывал мне, что принес в редакцию «этот бред» сам Мовлади и «очень давил, чтобы напечатали в полном объеме». В игру под названием «противостояние фундаментализму» дудаевцы в тот момент играли всерьез.

Однако вскоре эту игру забросили. Сражаться с фундаменталистами оказалось делом бесперспективным и неинтересным. Во-первых, «исламисты», если не считать автора той, организованной Удуговым, статьи, не собирались вступать в полемику. Во-вторых, быстро обнаружилось, что население Чечни в отличие от мирового сообщества не считает словосочетание «исламский фундаменталист» ругательным. Наоборот, не очень понимая, кто такие «фундаменталисты», чеченцы привыкли с прилагательным «исламский» связывать только хорошее. Уже че-

рез два года после своего воцарения Дудаев поручил своему тогдашнему фавориту и министру юстиции Усману Имаеву разработать кодекс, который органически сочетал бы мировую юридическую практику с шариатом.

Осенью 1994-го, незадолго до войны, Имаев с гордостью сообщил, что работа продвигается успешно и вскоре будет завершена. Этот человек, закончивший московский Университет дружбы народов, работавший в посольстве одной из мусульманских африканских стран, свободно говоривший на нескольких языках, включая арабский, разбирался в тонкостях шариата несравненно лучше большинства своих сограждан.

«Бросьте, — снисходительно улыбаясь, говорил он журналистам, — исламское право, как и любое, в том числе западное, прежде всего карает преступления против личности, против собственности. Никакой принципиальной несовместимости тут нет». — «Но ведь совершенно разная правовая логика, — возражали мы. — Шариат, к примеру, карает супружескую неверность. В западном государстве в голову не придет, что измена мужу может быть поводом для судебного преследования». — «Так ведь и по шариату, — отвечал Имаев, — побивание камнями неверной жены должна предварять такая сложная процедура, что до наказания дело практически никогда не доходит. Нужно, чтобы четверо свидетелей подтвердили на Коране, что видели сам факт измены. В обычной жизни такое невозможно. Это скорее устрашающая, чем действующая, норма». — «Почему невозможно? Вот придете как-нибудь домой с четырьмя друзьями и застанете свою жену в объятиях другого мужчины». Имаев посерьезнел: «В объятиях — недостаточно. Должен быть зафиксирован непосредственно акт прелюбодеяния». — «Ну, застукаете непосредственно акт». — «С четырьмя друзьями?» С Имаева окончательно слетел снисходительно-веселый тон. «Ну, да». — «И прямо все четверо и застают?» — «Конечно. — Он помолчал, видимо, хорошенько представив себе такой вариант. Потом решительно заявил: — Что ж, тогда пусть побивают. Не жалко, по-моему». Только Аллах, вездесущий и всеведущий, может судить, кем был в тот момент Имаев: приверженцем шариата или обычным советским мужиком.

За Дудаевым числится пара характерных указов. Он обосновывал их верностью «национальным обычаям и мусульманской традиции». Хотя на самом деле они скорее отражали доста-

точно распространенные бытовые предубеждения, присущие и самому Джохару Мусаевичу. Первый — не позволял мужчинам работать гинекологами и акушерами. Второй — запрещал патологоанатомическое вскрытие. Насколько мне известно, что касается гинекологов, указ так никогда и не был выполнен, а вскрытия в Чечено-Ингушетии, да и в других кавказских республиках делать не давали никогда. Кстати, в настоящих мусульманских странах, вроде Саудовской Аравии, подобных запретов не существует.

До войны вершущаяся суета вокруг ислама практически не затрагивала большинство чеченцев. Для них ритуальные омовения, молитвы, пятничный намаз, воздержание от пищи в светлое время дня во время поста и т.п. были неотъемлемой частью их жизненного уклада. Такой же, как подчеркнутое уважение к старшим, как жесткая фиксация роли женщины и мужчины в семье, как обязательное гостеприимство. Наряду с мусульманскими чеченский образ жизни включал и несовместимые с исламом обычаи вроде кровной мести или чисто языческие поклонения «святым горам или долинам» и местным святым. В чеченских семьях, как правило, и не различают, что идет от мусульманства, что — от язычества, что — просто атрибут патриархального уклада. Все вместе освящено традицией — «наши предки так делали». Порой все чохом приписывают Мухаммеду. Один семидесятилетний чеченец с пеной у рта доказывал, что женщины не должны ходить в брюках, «потому что так записано в Коране».

Вообще представления о Коране у чеченского обывателя довольно смутные. Один из местных «вероучителей» (без чина и статуса, просто считается в своем селе авторитетом в вопросах веры) на полном серьезе доказывал, что «в Коране записано», будто бы чеченцы произошли от ветхозаветного Ноя. «Даже имя его — Нох, а мы называем себя Нох-Чи. От Ноя». — «Положим, все ныне живущие народы произошли от Ноя. Больше, как известно, не от кого. Но от которого из трех сыновей Ноя, вы полагаете, произошли чеченцы? От Сима, Хама или Иафета?» Мой собеседник думал с полминуты. Видимо, раньше он этим вопросом не задавался. Потом твердо ответил: «Мы приходим от Ноя непосредственно». (Следует заметить, что, несмотря на слабое знакомство с Кораном и ветхозаветным преданием, этого сорокалетнего отца семейства трудно заподозрить в том, что он не знает, откуда и как появляются дети.

Видимо, в разговорах о возвышенном он напрочь отрешается от своего земного опыта.)

Вероучители

За позднесоветские и дудаевские годы в Чечне успел сформироваться тонкий слой более или менее религиозно образованных людей, стремящихся нести знание своим соотечественникам. Их называют «ваххабистами», от ваххабитов, последователей одного из самых строгих ортодоксальных направлений в исламе. «Ваххабисты» — в основном молодые люди из интеллигентных и полуинтеллигентных обеспеченных семейств, успевшие совершить хадж и (или) поучиться в одном из многочисленных мусульманских учебных заведений Переднего Востока. В начале 90-х утвердилось мода отправлять сыновей на учебу куда-нибудь в арабские страны. По возвращении на родину молодежь, вкусившая «правильного» ислама, принималась за очищение чеченского. Родственники и соседи с изумлением узнавали, что называть, к примеру, гору «священной» — величайшее кощунство, что поклонение каким-то «своим» местным святым недопустимо, что аргумент «у нас, у чеченцев, так принято» — по сути своей языческий, потому что для мусульманина национальное несущественно, а важно лишь единство верующих перед лицом Всевышнего и т.п.

Слушали «ваххабистов» настороженно и недоверчиво. С одной стороны, чеченцы с пиететом относятся к образованным людям, тем более получившим не какое-нибудь, а «святое» образование. С другой — сама мысль, что старики молились «неправильно», а какой-то юнец, проучившись где-то пару лет, будет им объяснять, как «правильно», кажется среднему чеченцу дикой.

В знакомой интеллигентной, почти неверующей семье старший любимый сын, умный и способный семнадцатилетний Анзор, замучил родных «ваххабистскими» проповедями. Особенно достается матери: она и одевается не так, и молится неправильно. «Отец не виноват, он вообще не знает Аллаха. А ты знаешь, но все делаешь неправильно, на тебе — грех». Мать только разводит руками: «Кто бы мог подумать? В нашем доме!» И утешает себя: «Все же это лучше, чем наркотики».

Воевали «ваххабисты» отдельным отрядом. Они первыми стали называть свою борьбу джихадом, войной с неверными. Как сочетается джихад с войной за независимость — ведомо только их бессмертным душам. Мне ни разу не удалось получить толко-

вого ответа на этот вопрос. Но во время войны авторитет «ваххабистов» заметно вырос: у них было самое лучшее оружие и самое лучшее материальное обеспечение бойцов. Они практически и не скрывали, что воюют на «саудовские» деньги — в Аравии нашлось немало богатых жертвователей «на священную войну». (Воевали не все «ваххабисты». Тот же семнадцатилетний Анзор, один из немногих, категорически не принявших дудаевский режим и не сочувствовавших боевикам, был крайне разочарован: как это жители Мекки — можно сказать, святые люди — дают деньги на националистическую войну!) Один чеченский боевик, больше года воевавший в отряде «ваххабистов», признавался, что «взгляды их совсем не разделяет» и вообще «бегал покурить в другие отряды — ваххабисты курить запрещают». Но «воевать лучше там, где денег больше».

«Мы — не японцы и не американцы!»

Война превратила ислам в Чечне в мощный политический фактор. Если Дудаев был почти свободен в своих высказываниях по поводу религии и власти, то теперешние лидеры вынуждены произносить обязательные слова о мусульманских корнях нового чеченского государства. Ислам перестал быть для чеченцев просто привычкой, частью обыденной жизни, он превратился в символ. Символ независимости, символ победы правого дела (если бы не помощь Аллаха, как можно было бы победить столь сильного противника?), символ своей непохожести на русских. Предмет чеченской гордости, к примеру, то, как они обращаются с пленными. (В действительности случались и варварские избиения, и голодные смерти, у разных командиров по-разному, но чеченское общественное сознание фиксирует только положительные примеры. Тем более что в российских фильтрационных лагерях случаев нормального человеческого обращения с захваченными чеченцами вообще не наблюдалось.) И милость к побежденным — действительная или воображаемая, и то, как помогали солдатским матерям, и все, что чеченцам в себе нравится, сегодня объясняют приверженностью Аллаху.

Ислам как способ национального самоутверждения помогает справиться с застарелыми национальными комплексами. Чечено-Ингушетия в советские времена была одной из самых отсталых территорий. Это были своего рода аксиомы: чеченцы малообразованны, чеченцы плохо работают на производстве

и т.п. Нельзя сказать, чтобы широкие слои чеченского населения так уж рвались учиться в школах и вузах (часто предпочитали покупать диплом) или вкалывать на заводах. Но при этом испытывали некоторый дискомфорт от того, что они «не такие, как положено».

И вот оказывается, национальное величие вовсе не связано с культурой. Оказывается, совсем не нужно мерить себя чуждыми «западными» мерками: образование, технология, демократия. Можно не думать о собственной отсталости, никого не нужно догонять. Достаточно «жить по законам Аллаха».

Из уличных разговоров: «Что могут японцы? Они же многобожники! Подумаешь, телевизоры, видеотехника... Это все сатанинские ценности! А мы построим настоящее исламское государство, и только в нем восторжествует истина». «Америка? Они могут только завоевывать других, а сами, если хотите знать, живут очень плохо, хоть и богато. Там сплошные преступления, самоубийства, разводы. Они безбожники». «Этому хваленому Западу неплохо было бы у нас поучиться демократии». Последнее высказывание — уже не с улицы. Оно принадлежит Шамилю Басаеву.

Шариат — это звучит гордо

Дней через десять после восстановления в Грозном ичкерийской власти Яндарбиев подписал указ о введении в действие «шариатского» уголовного кодекса. Кажется, очень немногие читали или хотя бы видели в глаза этот кодекс. Слухи о нем ходили разные и противоречивые. Кто говорил, что его готовили еще при Дудаеве, но началась война и работу отложили. Кто утверждал, что это просто кодекс одной арабской страны, наспех содранный и халтурно переведенный. Рассказывали, что он изобилует разными изуверскими наказаниями, вроде отсечения рук, ног и прочих членов. Успокаивали себя: применить их все равно невозможно, потому что судья будто бы сам должен быть абсолютно безгрешен, а где ж такого найти в наше-то время?

Словом, через неделю действие кодекса было приостановлено новым яндарбиевским указом. Еще недели две продержались наказания палкой. Потом исчезли и они. Вроде были отменены указом. А может, так — сами рассосались. В сегодняшней Чечне даже крупные государственные чиновники не всегда могут уследить за судьбой того или иного президентского указа. А уж исполнять их и вовсе некому. В ноябре Яндарбиев издал, например, указ о немед-

ленном введении во всех чеченских школах курсов чеченской истории, основ ислама и арабского языка. Ну издал и издал. Учителей-то все равно нет.

Прокурор Введенского района до сих пор убежден, что вершит суд по «шариатскому» кодексу. О том, что его действие приостановлено, он и слыхом не слыхивал. Впрочем, жители районных деревень не могут припомнить, чтобы кого-то наказали на «шариатский» манер (палками, правда, били, но мода на них здесь, как и во всей Чечне, быстро прошла) — этот «шариатский» кодекс так же условен, как и власть прокурора в Введенском районе, да и вся чеченская судебная система.

Бывший префект Шатойского района (ныне министр промышленности и энергетики), помнится, тоже с гордостью рассказывал, что на территории своего района «ввел шариат», причем до всякого Яндарбиева, еще в самом начале войны, «сразу как меня назначили». Тогда эти речи казались удивительными: как это можно в приказном порядке «вести шариат», да еще в одном отдельно взятом районе? Потом разговоры с жителями, и не только Шатойского района, все более или менее прояснили. Под «шариатом» подавляющее большинство чеченцев подразумевает одну-единственную, простую и донельзя конкретную процедуру: битье палками в первую очередь за употребление спиртного. Но шариат — сложнейшая, глубоко проработанная правовая система, отвечающая (как и любая правовая система) определенному образу жизни, что делает невозможным внедрение ее декретом.

Лекарство от кровной мести

Кроме национального самоутверждения, есть другая серьезная причина, заставляющая нынешних чеченских политиков обращаться к мусульманским ценностям. Аслан Масхадов как-то рассуждал вслух: «Если я ставлю пост, охраняющий материальные ценности, или отправляю отряд для ликвидации банды, они должны быть уверены, что защищены от кровной мести. Никакой уголовный кодекс в этом смысле помочь не может. А вот если они исполняют волю Всевышнего, тогда другое дело».

Судебно-правовая система в Чечне почти не работала и при советской власти, при Дудаеве же она развалилась окончательно. Что касается последних двух лет, то о них и говорить нечего. Чеченцы жили по ОБЫЧНОМУ праву в том смысле, что правовой нормой был обычай. Суд и расправу в большинстве случаев творили

сами обиженные и их родственники. В последнее время в Чечне обычаи (как говорят мусульмане, «адат») все чаще называют «законами шариата», искренне полагая, что это синонимы. Тот же Шамиль Басаев с большим раздражением говорил, что нечего русским, которые все равно ничего в этом не понимают, искать разницу между законами адата и законами шариата.

Претенденты на президентский пост относятся к идее исламизации Чечни по-разному, в зависимости от личных пристрастий и жизненного опыта. Самый горячий сторонник внедрения ислама в государственную жизнь, пожалуй, Яндарбиев. Хотя и он предпочитает не называть конкретные сроки превращения Чечни в «настоящее мусульманское государство». При этом с «вахабистами» отношения у него решительно не складываются, видимо, потому, что он сам мнит себя религиозным авторитетом. «Вахабисты» поддерживают Аслана Масхадова. Впрочем, их влияние в Чечне пока довольно ограничено — отдельными селами, а то и вовсе большими семьями. Станет ли это движение лидирующим в Чечне или потихоньку сойдет на нет, зависит в том числе и от исхода январских выборов.

Масхадов, равно как и Басаев, признает, что чеченское общество, по крайней мере на сегодняшний день, не готово жить «по законам шариата». Но и тот и другой считают, что к этому идеалу надо стремиться.

Будущему президенту Чечни, кто бы им ни стал, придется столкнуться с рядом дилемм: с одной стороны, все хотят «жить по шариату». С другой — массовые представления о шариате имеют к настоящему шариату очень мало отношения. С одной стороны, едва ли не главная внутричеченская задача — обуздать преступность и сформировать государственную правовую систему. С другой — эта система может функционировать, только если она опирается на обычное право и освящена авторитетом повыше государственного. А что делать с интеллигенцией? Она, если не считать «вахабистов», сплошь русифицирована. Уклад, образ жизни семей вузовских профессоров, учителей, врачей: планируемое число детей, работающие жены, обязательное высшее образование для всех детей, включая девочек, — плохо сочетаются с тем, что сегодня в Чечне называют «шариатом». Если возвести этот доморощенный шариат в ранг государственной законодательной системы, проблем с интеллигенцией не оберешься.

Независимо от исхода выборов, в ближайшие годы Чеченской республике скорее всего не грозит превратиться ни в «классическое» исламское государство вроде Саудовской Аравии, ни в сугубо светское вроде Турции. Те или иные мусульманские (или квазимусульманские) институты неизбежно будут присутствовать в государственной системе республики. И можно с уверенностью предположить: в чеченском обществе религиозной риторики будет неизмеримо больше, чем подлинного ислама.

Безрадостный юбилей

В последний день августа Хасавюртовскому соглашению исполняется год.

Казалось бы, за минувший насыщенный событиями год многое должно было перемениться. Но как оглянешься назад, вдруг оказывается, что российское общественное мнение по-прежнему топчется в кругу все тех же проклятых вопросов, неизменных с осени 1991-го, с дудаевских времен. Что за власть в Чечне, криминальная или не криминальная? Можно ли иметь с ней дело? Чеченская независимость: неизбежна ли? возможна ли? и как к ней относиться? Давать ли Чечне денег? и прочее.

Как и год назад, российские журналисты ссорятся со своим президентом из-за чеченцев. Правда, ролями поменялись. Раньше президент называл нынешних чеченских лидеров «бандитами», а мы призывали его реально оценить положение и увидеть в них единственно возможных партнеров по переговорам. Сегодня уже руководители крупнейших телекомпаний считают их как минимум пособниками разбоя, если не главными разбойниками, а президент возмущается «бездоказательными оскорблениями» в адрес чеченских лидеров и демонстрирует им всемерные любовь и уважение.

Взрыва не произошло

В другой стране, в другой, нормальной, жизни можно было бы ожидать, что разоблачения Игоря Малашенко произведут эффект разорвавшейся бомбы. Шутка сказать: прямые обвинения в торговле российскими журналистами! У нас слова президента телекомпании НТВ даже не стали настоящей сенсацией — российская общественность не содрогнулась, спецслужбы не ринулись сломя голову проверять сведения, Совет безопасности не сделал грозных заявлений. Словом, если бы Ельцин не обругал Малашенко и Березовского, страна, глядишь, через пару дней обо всем бы и позабыла. Во-первых, Чечня за годы войны так всем осточертела, что большинство людей, в том числе и те, кого мы называем властителями дум, полусознанно отторгают всякую идущую оттуда информа-

цию, особенно негативную. (А позитивной-то негусто.) Ничто чеченское, кажется, уже не может взволновать жителей России. Вернулись журналисты — все вздохнули с облегчением, а уж кто там бесчинствует: Арсанов, не Арсанов... Во-вторых, те немногие, кто все еще способен смотреть на чеченские проблемы как на российские, если и испытали поначалу потрясение, услышав, что главным координатором-работоторговцем является никто иной, как чеченский вице-президент и правая рука Масхадова, то вскоре вынуждены были по совести признать, что ничего принципиально нового для себя не узнали.

Послевоенную Чечню не мог не захлестнуть криминальный беспредел. Вооруженные безработные мужчины, пережившие свой звездный час во время войны, в одночасье превратились из народных героев и защитников отечества в балласт и хлебобясть: есть нечего, делать нечего, нет даже денег на отстройку собственного дома — чего еще можно было ожидать? Сейчас кажутся наивными опасения годичной давности: не восторжествует ли в Чечне исламский фундаментализм. Фундаментализмом в республике и не пахнет ввиду отсутствия фундамента: религиозного или любого другого. Помнится, в январе, перед выборами и сразу после, Масхадов и прочие претенденты на президентский пост на разные лады повторяли: порядок может быть только исламским, право — только шариатским. Не вышло ничего ни с порядком, ни с правом. Набрали из случайных людей несколько «шариатских судов», но они так и остались не у дел: ловить преступников некому, следствие вести некому, судить тоже некого.

Судя по всему, даже то «обычное право» (неписанные нормы, например кровная месть), которое с грехом пополам цементировало чеченское общество при Дудаеве и даже во время войны, чем дальше, тем больше разрушается. Иначе невозможны были бы столь масштабные похищения чеченцев чеченцами.

Ваххабиты и президент

Еще год назад вполне вероятной казалась перспектива гражданской войны в Чечне, противостояние тейпов или изничтожение бывших сторонников Завгаева. Когда торговля заложниками только начала входить в моду, мерещился некий политический подтекст: красть-то начали в первую очередь из того самого Надтеречного района, что считался оплотом Завгаева. Но очень скоро обнаружилось, что такое повышенное внимание к Надтеречному имеет чисто коммер-

ческое объяснение: там больше, чем где-либо, осталось после войны людей с деньгами. Вообще, как говорят простые чеченцы, в заложники может попасть любой, за кого есть шанс получить выкуп: ни теип, ни место проживания, ни «патриотическая» биография значения не имеют.

На фоне этого развала и распада наметился неожиданный для Чечни религиозный конфликт. О чеченских ваххабитах — проповедниках «подлинного», «очищенного» ислама саудовского толка уже доводилось писать. Они были в Чечне весьма немногочисленны, но успели заявить о себе и во время, и сразу после войны. Общество, настроенное на религиозное возрождение и вообще жаждавшее «национальной идеи», приглядывалось к ним без особой симпатии, но с любопытством. Однако сегодня, когда поводом к убийству может стать все что угодно, то из одного, то из другого района Чечни стали доноситься вести: застрелили муллу за то, что он «неправильно проповедовал ислам». Как водится, слухи вокруг ходят самые разные: кто говорит, что стреляли ваххабиты, кто рассказывает, что, наоборот, мулла был ваххабитом. В итоге дней десять назад Масхадов издал указ, предписывающий немедленно высылать из Чечни за ваххабитские проповеди. Учитывая, что знатоков ислама, сумевших отличить ваххабитский толк от суннитского, в Чечне, прямо скажем, не густо, порядка это президентское распоряжение не добавит.

Власть преступна или слаба?

Нельзя сказать, чтобы чеченские власти никак не пытались обуздать криминал. И до, и после январских выборов принимались всевозможные решения насчет оружия. Был указ, запрещающий носить оружие. Было знаменитое расформирование армии и формирование гвардии. Наконец, последние недели ознаменовались целой серией «ультиматумов», неведомо кому адресованных, но строго повелевающих каким-то таинственным бандам разоружиться. Но доля вооруженных людей на дорогах и улицах не уменьшается. Не президент, не премьер-министр или глава парламента, не старейшины и не муллы, а человек с ружьем — реальная власть в послевоенной Чечне.

Торговля заложниками, по сути, — единственный доходный промысел. Наверное, наивно было предполагать, что чеченские государственные мужи останутся в стороне и не попытаются приобщиться. Коль скоро бандиты только и могут в этой стране

добывать деньги, Масхадов должен опираться на бандитов, как, скажем, Ельцин на сырьевиков. Слаба или преступна чеченская власть? Скорее всего преступна потому, что слаба. Масхадов не первый и не последний лидер, который «дружит» с уголовниками. Шеварднадзе покровительствовал отпетым бандитам в течение четырех лет.

Истерика

Правда, грузинский лидер все время ощущал поддержку внутри страны, а у нынешней чеченской элиты, похоже, и с этим дела очень плохи. Иначе с чего бы им вдруг вновь поднимать вопрос о независимости, да еще с такой необъяснимой настойчивостью? Накануне встречи Ельцина с Масхадовым казалось, что разговоры о дипломатических отношениях, о признании Россией чеченской государственной самостоятельности — не более чем игра, блеф, рассчитанный прежде всего на внутричеченское употребление. (Хотя в свое время в речи по случаю избрания Масхадов уделил независимости гораздо меньше места, чем борьбе с преступностью. И сделал это не по зову сердца, а потому, что криминал уже в тот момент волновал его избирателей куда больше, чем взаимоотношения с Россией. Однако раз не вытанцовывается с законностью и порядком, надо же преуспеть хоть в чем-то!) Но Масхадов вынес вопрос о российско-чеченских взаимоотношениях в центр московских переговоров. Аргументы чеченской стороны звучали не слишком убедительно. Они сводились к тому, что России нужен на Кавказе надежный союзник против Запада, и коль скоро Россия Чечню признает, та будет ее союзником, а если нет, то противником. А Удугов говорил, что именно с превращением Чечни в независимое государство в ней почему-то воцарятся стабильность и порядок, в которых все, в первую очередь Россия, так заинтересованы.

Неужели Масхадов допускал, что получится? Вряд ли. Хотя Ельцин на сей раз и демонстрировал удивительную уступчивость: принял предложенный текст масхадовского договора «в работу» и в постпереговорных комментариях всячески избегал слов «территориальная целостность России», но президент один, сам по себе, не правомочен решать вопрос о чеченской независимости. Уже на следующий день Ельцин куда менее решительно высказывался насчет будущей чеченской свободы, а руководители Совбеза Рыбкин и Березовский, до недавнего времени главные чеченские заступники, напомнили-таки про неделимость России.

На что же рассчитывали чеченские вожди? Кажется, ни на что. Просто истерика. Как истерика — все заявления о «спецоперациях», об убитых и раненых при освобождении российских журналистов. Не могли ведь не понимать, что их разоблачат не через сутки даже, а через пару часов, как только наши ребята будут в безопасности. Видать, совсем уж солоно приходится чеченскому начальству, если даже очень не глупые люди хватаются за подобную туфту. Не то чтобы их было жалко. Просто еще один дурной симптом.

Общий итог российско-чеченских дел через год после Хасавюрта малоутешителен. Масхадов куда больше похож на президента, чем Дудаев, но сложившийся при нем режим еще более криминальный, чем дудаевский. А чего мы ждали после такой войны? И возможностей для маневра у России теперь еще меньше, чем до войны. Если разобраться, мы практически ничего не можем. Не давать денег? Вряд ли это ускорит нормализацию тамошней жизни. Отделить? Тоже ничему не поможет. Угрожать, давить? В гробу они видали наши угрозы! Ну а применять силу мы уже пробовали, и теперь эти попытки расхлебываем.

Вот и остается единственно возможный и многократно проверенный вариант: «годить». Жить с Чечней, как с хронической болезнью. Как живет Великобритания с Ольстером, Испания с басками, да мало ли еще примеров. Вот только, может, не стоит улыбаться чеченским начальникам так лучезарно и с такой готовностью реагировать на заведомо истерические требования.

Без иллюзий

За год стало ясно, что от Масхадова как от личности в республике мало что зависит.

Минул год, как Аслан Масхадов, уже в первом туре с большим отрывом от своих соперников победивший на президентских выборах в Чечне, вступил в должность. Уже подзабылось, насколько важной казалась тогда в Москве именно его победа. Российские СМИ называли избрание Масхадова чуть ли не неперемнным условием сохранения мира. Журналисты с волнением выпрашивали политиков: «А что будет, если Масхадов все-таки проиграет?» Политики старались отвечать уклончиво, потому что об этом страшно было и подумать. Реальной альтернативой Масхадову на тех выборах был Шамиль Басаев. Избери тогда чеченцы себе Басаева в президенты, сама идея мира с Чечней для многих российских граждан была бы дискредитирована... Сегодня очевидно, что все мы излишне драматизировали ситуацию и придавали слишком большое значение исходу чеченских выборов. Рамазан Абдулатипов, координирующий теперь российскую политику на Кавказе, на днях раздраженно признался корреспонденту «Итогов», что ему легче иметь дело с Басаевым, чем с Масхадовым. «Эти люди (Масхадов, Удугов. — «Итоги») до невозможности политизировали все переговоры. А с Басаевым у нас получается конкретный деловой разговор».

Москва в свое время поставила на Масхадова не только потому, что он не был замешан в собственно террористических рейдах. В нем прежде всего видели человека прагматичного, взвешенного, сравнительно образованного. (У Басаева, как известно, за плечами неполный первый курс Московского землеустроительного института, откуда он был отчислен за неуспеваемость, а у Масхадова, как положено полковнику, высшее военное.) Все эти качества Масхадов постоянно демонстрировал в ходе мирных переговоров, неизменным участником которых он был начиная с лета 1995-го. Именно с фигурой Масхадова год назад связывали в Москве основные надежды на урегулирование чеченского кризиса. Верили, что чеченское государственное строительство невозможно без помо-

щи России, и уповали прежде всего на масхадовский здравый смысл: будучи прагматиком, Масхадов быстро сориентируется и будет в меру возможностей вести дело к интеграции с Россией. Москва же после окончания военных действий в Чечне определила главной целью своей политики в этом регионе именно реинтеграцию Чечни в российское культурное и правовое поле.

Казалось бы, не в стиле Масхадова обострять отношения, требуя скорейшего признания независимости Чечни? Наоборот, логично было бы ожидать, что первоочередной его заботой и главным предметом торговли на переговорах станет восстановление хозяйства. (Благо подписанное в Хасавюрте соглашение позволяло забыть о статусе на пять лет.) Думалось, что Масхадов проявит заинтересованность в налаживании контактов с российскими правоохранительными органами — его же выбирали в первую очередь, чтобы «навел порядок» и «разобрался с преступниками».

Не произошло

Нельзя сказать, что минувший год развеял уж совсем все оптимистические ожидания. Достаточно вспомнить, что противники российско-чеченского замирения сулили и гражданскую войну в самой Чечне, и общекавказский пожар, и отпадение от России все новых и новых регионов, не говоря уже о непрерывных диверсиях на чеченском участке нефтепровода. Между тем пока противоречия внутри чеченской элиты вполне успешно разрешаются аппаратными методами и, несмотря на наличие у каждого влиятельного и авторитетного лица солидной «группы поддержки» с автоматами и гранатометами, не выплескиваются в вооруженное противостояние. Равно как не перерастают в военный конфликт чечено-дагестанские взаимные претензии. Заработавший после多月месячных трудных переговоров нефтепровод функционирует пока бесперебойно. Словом, катастрофы нет. Российско-чеченский диалог тоже ни разу за этот год не оборвался.

Однако главный расчет — что победа прагматика Масхадова есть залог российско-чеченского сближения и успехов в наведении порядка внутри республики, — очевидно, не оправдался. Темпы налаживания нормальной жизни, столь впечатлявшие в первые три-четыре недели после войны (тогда сразу же начали убирать в Грозном центральные улицы, где могли, восстановили электроснабжение, подремонтировали несколько школ), были потеряны еще до выборов, и с избранием Масхадова процесс заживления ни-

сколько не ускорился. Вспышка патриотического трудового энтузиазма не могла быть длительной, а денег на восстановительные работы как не было, так и нет. Республика по-прежнему в хаосе и руинах. Никакого сокращения преступности тоже не произошло. Бесконечное повторение слов «шариат», «шариатский» во всевозможных решениях и постановлениях, создание то одного, то другого комитета с исключительными полномочиями по борьбе с бандитами, публичная казнь, а потом приостановка публичных казней — все это больше похоже на шаманские магические действия, чем на реальную работу.

Моя знакомая из Урус-Мартана, мать семейства, в каждый свой приезд в Москву — а приезжает «подчелночить», чтобы хоть как-то прокормить великовозрастных детей и малых внуков — каждый раз рассказывает, кого еще и из какого села украли. В начале нынешнего января в одном из отдаленных чеченских сел прямо из роддома увезли врача. Жители в отчаянии: роддом — единственное работавшее медучреждение во всей округе, у акушера можно было попросить совета при любой хворобе. Теперь село осталось без медпомощи и обсуждает, как бы найти бандитов и, скинувшись всем миром, выкупить доктора.

В минувшем, «масхадовском», году торговля заложниками выплеснулась за границы республики и стала уже не внутричеченским, а поистине общероссийским бедствием. С тех пор как российские и иностранные журналисты, а также западные бизнесмены и работники всевозможных благотворительных фондов избегают появляться в Чечне, начался массовый захват заложников с территорий соседних республик. Причем болезнь оказалась заразной: все больше свидетельств, что крадут людей не только чеченские, но и дагестанские, ингушские, осетинские, кабардинские бандиты. Дело идет к тому, что вскоре представители чуть ли не всех народов нашей многонациональной родины займутся этим выгодным и в наших условиях вполне безопасным промыслом, в борьбе с которым правоохранительные органы, и российские, и тем более чеченские, обнаружили полную беспомощность.

Летом, после освобождения российских тележурналистов из РТР и НТВ, поразительным образом совпавшего с началом очередных переговоров, в Москве впервые заговорили открыто о возможной причастности к преступному бизнесу чеченских властей. Разговоры эти остались, однако, без последствий. Неопровержимых доказательств ни у кого нет и быть не может: кому ж чеченцы

позволят вести следственные действия на своей территории? А домыслы и намеки, что называется, к делу не подошьешь. Самое же главное — в ходе кратковременных дебатов на тему, связаны или не связаны Масхадов и его соратники с похитителями и вымогателями, — стало в общем-то ясно, что ответ на этот вопрос вовсе не так важен для перспектив российской политики в Чечне. Даже если бы связь чеченских правительственных структур с бандитами была доказана, никаких практических выводов воспоследовать не могло. Так что лучше не знать. Да и то сказать, какая власть, во всяком случае на постсоветском пространстве, может остаться в стороне и не попытаться взять под контроль основные денежные потоки на вверенной ей территории? А уж каков их источник — торговля нефтью, алюминием или «человеками» — это кому как повезет.

Конфликт как способ выживания

В ходе тех же августовских переговоров, к которым выпустили группу Елены Масюк, чеченская сторона вновь подняла вопрос о признании своей независимости. Более того, требование признать чеченскую государственную независимость стало основным условием проведения всех дальнейших переговоров. Именно по инициативе чеченской стороны предметом обсуждения стал договор, который чеченцы называют «межгосударственным», а наши «договором о разграничении полномочий». Очевидно, что как раз эти переговоры абсолютно бесперспективны: чеченцы, включая Масхадова, категорически отказываются искать здесь какую-то компромиссную формулировку и видят Чечню исключительно самостоятельным государством. Последний раз на эту тему Масхадов высказался в начале нынешнего февраля: «Чеченская республика никогда и ни при каких обстоятельствах не согласится остаться в конституционно-правовом поле России. Никогда в жизни я не поставлю подпись под документом, предусматривающим зависимость от России, в какую бы форму она ни была обличена». А российская сторона как раз готова продвигаться как угодно далеко, но все же не до признания полной независимости. Чеченская позиция отдает дудаевскими романтическими иллюзиями и кажется совсем уж оторванной от реальной политической почвы. Выходит, Масхадов не такой уж прагматик, как казалось? Да нет, его балансирование между арсановским и басаевским кланами, умение так или иначе договариваться с собственным парламентом (Дудаев-то, если вспомнить, парламент разогнал, и нажил себе тем самым немало

новых врагов) — свидетельство замечательной практической сметки нынешнего ичкерийского лидера.

Надо полагать, дело не в тех или иных аспектах масхадовского характера. Просто у Грозного — иные заботы. Быстрого хозяйственного подъема сближение с Россией не обещает (даже при полной лояльности в отношении Москвы, все равно денег дадут крохи, да и вообще восстановление после ТАКОГО обвала предстоит долгое и мучительное). Да, при сегодняшней разрухе огромная часть населения и думать забыла о независимости и мечтает только о спокойной жизни и хлебе насущном. Но, во-первых, самая влиятельная и вооруженная часть общества все же хочет быть уверенной, что сражалась не зря и заслужила себе на всю жизнь благодарность Отечества. Во-вторых, сосредоточься сейчас Масхадов на денежных и прочих сугубо практических вопросах, завтра те же обыватели, не заметив никаких улучшений в своей жизни, легко поверят, что Масхадов «продал» их за переговорным столом.

В принципе Масхадов встал перед теми же проблемами, только усугубленными страшной войной, что в свое время Дудаев. Еще более, чем в годы правления Джохара, чеченский гражданин оставлен без опеки государства: текущие пенсии выплачиваются не всем и с перебоями, о восстановлении и снабжении школ или больниц речи нет, а уж что касается безопасности, ситуация и вовсе катастрофическая. Шансов быстро и эффективно исправить положение нет. Масхадов повел себя примерно так же, как и Дудаев: стал работать на обострение конфликта с Москвой, чтобы поднять национальный дух и, несмотря ни на что, оставаться национальным символом. Некогда казалось, что конфликтное поведение Джохара Дудаева — следствие исключительно его вздорного характера и неглубокого ума. Однако, по всей видимости, это единственно возможный для любого чеченского президента способ сохранить власть.

Что из этого следует? Прежде всего — переговоры о статусе не выльются ни в какой договор ни в ближайшие год-два, ни в ближайшие десятилетия. А потому вполне адекватно ведут себя представители Совета безопасности и правительства, когда не допускают конфронтации, что бы ни происходило, а те, кто призывают «нанести превентивный удар» или арестовать кого-нибудь из чеченских лидеров, нисколько не способствуют разрешению кризиса, хотя и укрепляют власть нынешнего ичкерийского руководства. Наконец, еще один вывод — личность чеченского президента (пре-

мьера и проч.) не имеет для России практического значения. У чеченских лидеров по существу нет выбора — все они будут вести себя в Москве примерно одинаково.

Московские тупики

Беда в том, что и в Москве все время вынуждены выбирать между долгосрочной политикой и реагированием на сиюминутные обстоятельства. С точки зрения долгосрочных российских интересов, чем больше чеченцев будет работать или подрабатывать на территории всех прочих субъектов РФ, тем лучше. Знаменитые «шабашки», да еще армия были в советское время основными механизмами включения молодых чеченцев в русско-советский образ жизни. Но разве сегодня, под аккомпанемент беспрерывных обещаний Радиева что-нибудь где-нибудь взорвать и бесконечные сообщения о «чеченском следе» в очередном похищении или бандитском набеге, возможны хоть какие-то меры поощрения чеченской трудовой активности в России? Любой российский милиционер, как, впрочем, и российский обыватель, видит в каждом встречном чеченце потенциального бандита или террориста, и тут уж не до политики во имя долгосрочных интересов. Другой пример — трансферты. Надо перечислять Чечне деньги? В принципе, понятно, что — да. Просто потому, что без восстановления экономики и налаживания некоторого подсобия нормальной жизни, заведомо невозможно обуздание преступности, а наибольшую головную боль Чечня доставляет именно как очаг криминальной экспансии. Углубление распада и одичания на чеченской земле меньше всего нужно России. Но идея «не давать Чечне денег» — едва ли не самая популярная среди россиян. Рыбкин и Абдулатипов постоянно сетуют на Минфин, саботирующий уже подписанные с Чечней соглашения. (Кое-какие деньги все же перечисляются, но далеко не в тех объемах, о каких договариваются в ходе переговорных встреч.) Раздражение их понятно: российско-чеченские переговоры никак не становятся проще от того, что российская сторона не выполняет взятых на себя обязательств. Но легко представить себе, какими соображениями руководствуются в том же Минфине: нет денег, чтобы расплатиться по обязательствам с тульскими оборонщиками, кузбасскими учителями, курскими многодетными матерями... Да ни один чиновник и вообще ни один русский просто не сможет понять, что надо перечислять деньги именно Чечне и именно в срок.

Где выход? Придется смириться — выход замаячит не скоро. Пока придется жить с Чечней, как получается, терпеть, а дальше — время покажет. Если кому-то спокойнее жить, зачислив Чечню в «мятежные провинции», — что ж, можно и так называть. Важно лишь, чтобы за словами не следовали оргвыводы. Потому что нынешнее положение дел отвратительно, но изменить его какими-либо решительными действиями можно лишь к худшему.

Первый год масхадовского президентства развеял иллюзии. Удобным партнером для России Масхадов не стал. Вряд ли Басаев или Яндарбиев на переговорах в Москве вели бы себя более жестко или менее логично. Масхадов, надо полагать, тоже расстался с кое-какими надеждами: денег по-прежнему не видно, хоть и обещают. Слава богу, что, несмотря ни на какие взаимные разочарования, переговоры продолжаются. В данном случае сами переговоры важнее результатов.

Пошел год второй. Без иллюзий.

Между правом и обычаем

Взаимоисключающие представления о допустимом и недопустимом, должном и недожном переплелись на Северном Кавказе, породив весьма причудливый мир.

«А я и не знала, кто из них меня крал. Мне в той компании другой больше нравился. А муж мой — он моложе меня был, я на него и не смотрела. Уж когда меня на пол положили, чтобы изнасиловать, я говорю: «Пусть один останется», — тогда, правда, послушались, все ушли, и мой муж остался». С этой ингушкой из Слепцовской я ехала в автобусе. Разговорились, она повела к себе пить чай. Ведем бабские разговоры. «Знаешь, я тоже учиться хотела. Думала в медицинское поступать. А как он меня похитил да замуж взял — какая тут учеба. Теперь он в России живет, у него там вторая жена. А мы тут с детьми важдемся».

Раньше я знала только про бутафорские похищения невест: нет денег на настоящую свадьбу, или родители против брака, а молодым не терпится, вот и инсценируют похищение и играют свадьбу. Мне довелось гостить на такой свадьбе. Невеста была красивая и счастливая. Молодежи быстро надоело вести себя по правилам, и она сбилась за один стол: парни, девушки, молодые женщины — и вполне по-русски, с шутками-прибаутками, под современные эстрадные песенки гуляли до утра.

Вайнахи, как правило, рассказывают об обычае похищения невест с улыбкой и даже некоторой гордостью — такая вот у нас национальная особенность. При этом обычно имеются в виду понарошечные умыкания. Про настоящие говорить не любят, по крайней мере с русскими журналистами. Насколько я могу судить, относятся к этому в народе очень по-разному. Депутат Госдумы от Ингушетии Мухарбек Аушев как-то рискнул публично заявить, что это самое настоящее уголовное преступление. Присутствовавшие в зале женщины ему зааплодировали, а сидевший рядом со мной мужчина средних лет возмущенно пробормотал: «Какое ж преступление, если женился!»

Существование взаимоисключающих представлений о допустимом и недопустимом, должном и недожном отличало

Северный Кавказ и во времена советской власти. С одной стороны, сформировалась советская русифицированная элита, ориентированная на московские уклад и ценности. С другой — немало семей, особенно в горных селах, оставались верны традициям и обычаям. Саму дудаевскую революцию многие пытались представить именно как протест традиционного обычного права и уклада против навязываемых извне. На самом деле картина еще более сложная. Столкновение укладов, причем даже не двух, а трех, как справедливо замечает профессор Арутюнов, имело и имеет место не только в обществе, но и практически в каждой семье и даже в каждом отдельном человеке.

Ваха и Зара раньше вместе работали на заводе «Красный молот». Во время войны завод разбомбили, теперь они пробавляются случайными заработками. Несколько раз было — приходишь к ним, а Ваха открывает дверь в шапочке: «Я сейчас молился». И тут же достает припрятанную бутылку коньяка: «Ну, за встречу!» Вроде бы абсолютно «модернизированная» семья: Зара даже присаживается за общий стол вместе с мужем и гостями. Впрочем, подобные вольности допустимы, если гости из Москвы. Ни при родственниках Вахи, ни при Зариной родне она, конечно, есть-пить с мужчинами не сядет. Разговоры в их доме совершенно «нашенские»: современные порядки, начиная с Дудаева, ругают на чем свет стоит и российскую армию тоже — не навела порядок, а только хуже сделала, мечтают перебраться куда-нибудь в Россию и найти там нормальную работу. Друзья-супруги-единомышленники. Но если не работает водопровод, по воду с тяжеленными ведрами идет Зара: Ваха бы и рад, но мужчине воду носить не положено, а срамиться перед соседями ему не хочется.

Знаю чеченскую семью, где нежно привязанные друг к другу муж и жена любят иногда на пару пропустить рюмочку-другую. Но от соседей чеченцев они это тщательно скрывают. «Если пойдут разговоры, что она выпивает, придется с ней развестись». Тут нечто большее, чем вынужденное следование бессмысленным запретам. Супруги горячо защищают эти мешающие им жить табу. «Иначе будет, как у вас в Москве: все можно, жена мужем командует, по улицам хоть голыми ходи — никто не заметит». Вполне эмансипированная чеченка, вдова с шестнадцатилетним сыном, признававшаяся мне в минуту откровенности, что «ни в каких радостях жизни себе не отказывает», не позволит себе оставаться с непокрытой головой в присутствии даже собственных братьев. Зато ее подруга,

врач, отстаивает свою независимость и платок не носит: «Даже ленту ни за что не надену. Свекровь время от времени просит: к родственникам едем — надень. Да я, если надену, себя уважать перестану». И эта свободолюбивая женщина присмотрела дочке — тоже начинающему медику — мужа и договорилась о свадьбе, не обращая внимания на дочкины протесты и мольбы.

Быт, семейный уклад, отношение к религии, к образованию, к закону — все это на Северном Кавказе необычайно противоречиво. Один и тот же чеченец может апеллировать к Декларации о правах человека и искренне возмущаться, когда ему напоминают, что у его жены или детей есть право самим выбирать свою судьбу. Ни один вайнах не отдаст дочь за русского, но возмутится, если русская откажется выходить за него замуж на том основании, что он чеченец или ингуш. «Нас уже за людей не считают!» Все осуждают начальников за то, что те пристраивают на теплые должности своих людей, но ровно так же будут осуждать высокопоставленного родственника, ответившего отказом на просьбу подыскать хлебную должность.

Даже война и два с половиной послевоенных года не вытравили в Чечне систему ценностей, которую очень условно можно назвать «общецивилизационной». Первые похищения журналистов повергли в шок население Ичкерии. Не случайно так долго и старательно чеченские политики, да и простые чеченцы валили все на ФСБ. Потом вроде попривыкли к тому, что похищения людей — дело обычное. Все чаще стали раздаваться голоса: «Надо же людям как-то жить. Все разрушили, а денег не дают». Корреспондент НТВ Елена Масюк после своего трехмесячного пребывания в заложниках рассказывала, что один из охранников говорил ей: «Вот до вас других журналистов выкупили, так тот, кто их охранял, потом свою деревню целый месяц мясом кормил. И я свою накормлю».

Отрезанные головы вновь вызвали взрыв негодования в чеченском обществе. «Нас перед всем миром хотят выставить дикарями». «Дикарями» выглядеть не хочется, поэтому, скажем, публичную казнь, вызвавшую такой резонанс в России и в Европе, повторить не решились. При том, что Чечня декларирует приверженность законам шариата, «миром», с чьим мнением следует считаться, для большинства населения остается именно мир западный. Вообще людей, знающих, чем отличается адат от шариата, в Ичкерии, как и в Ингушетии, да и на всем Северном Кавказе (может, за исключением Дагестана), не так и много. Шамиль Басаев в свое вре-

меня страшно разгневался, когда московский правозащитник Олег Орлов позволил себе заметить о каком-то обычае (речь, помнится, шла о ритуале прощения кровника), что он относится не к шариату, а к адату. «Адат и шариат, — провозгласил тогда ичкерийский поборник исламского права, — одно и то же. А вы, москвичи, в этом ничего не понимаете».

Последние метания Высшего шариатского суда — лучшая иллюстрация того, насколько причудливы ичкерийские представления об исламском праве. Суд повелел Масхадову ввести в действие «закон о люстрациях» (интересная норма шариатского права). Кроме того, суд постановил отстранить от должности жену президента, возглавлявшую один из республиканских фондов. А чтобы постановление об увольнении президентской супруги не выглядело антимасхадовской акцией, суд решил вообще запретить «по законам шариата» всем женщинам занимать какие-либо должности. (Моя чеченская приятельница Малика ехидничала: «Хорошо бы, такой шариат завели, чтобы женщины наши дома сидели. Тогда все мужики точно с голоду сдохнут: они же у нас на базаре не торгуют — им, видите ли, шариат не велит».) В исламском мире, похоже, только в трех государствах женщинам не разрешено участвовать в общественной жизни: это Саудовская Аравия, где властвует тот самый ваххабизм, который ичкерийский шариатский суд предал анафеме, шиитский Иран, который вряд ли может служить суннитской Чечне примером для подражания, и воюющий Афганистан, где талибы устанавливают «строгие порядки».

Республики Северного Кавказа пытаются вырваться из правового и ценностного хаоса каждая по-своему. Ингушский президент Руслан Аушев осторожно вырывает на путь модернизации и канонического права. И чтобы не оттолкнуть от себя население, пытается преодолеть разрыв между обычаем и писаным законом — отсюда его стремление включить некоторые традиционные нормы в ингушский кодекс. До сих пор ему в основном удавалось удерживать республику от метаний между почти забытым адатом и замороженным шариатом.

Дагестан более других северокавказских республик предрасположен к закреплению исламского права. Для этой многонациональной республики оно может сделаться главной консолидирующей силой.

Синдром двух десантных полков

В соавторстве с Александром Рыклиным

*Каждый прокол российских политиков
во взаимоотношениях с Чечней приближает день,
когда Москве придется иметь дело уже не с Масхадовым,
а с Басаевым, Радугевым и им подобными.*

Казалось бы, кому, как не Сергею Степашину, главе МВД, поостеречься, не торопиться с заявлениями и выводами — уж он-то четыре года назад по самые уши нахлебался чеченской войны. Нас только, что на очередных безнадежных переговорах в Назрани в июне 1996 года вдруг из завязтого «ястреба» превратился в самого настоящего «голубя мира», из едва ли не главного апологета войны — в одного из активнейших сторонников договоренностей с теми, кого в ту пору еще называли «незаконными вооруженными формированиями». Уже в 1998 году, сменив на министерской должности Анатолия Куликова, так до конца и не примирившегося с выводом российских войск из Чечни, Степашин не раз давал понять: он ни в коем случае не повторит ошибок прежних лет.

В самые острые моменты (очередное похищение журналиста, нападение на военную часть в Буйнакске, наконец, похищение представителя президента Власова) Сергей Вадимович ни разу не сорвался на угрозы — высказывался сдержанно и всячески подчеркивал, что МВД России будет действовать только в союзе с законной властью Чечни. И на тебе, не выдержал.

Можно подумать, что дерзкое похищение 5 марта генерала Шпигуна, представителя МВД в Чечне, вызвало у министра приступ ностальгии по окопной романтике и желание еще раз пережить незабываемые дни кавказской войны. Тональность и смысл его высказываний были такими, что возникло ощущение — вооруженного конфликта с Чечней не избежать. Правда, Степашин обещал, что на этот раз Россия будет действовать осмотрительней: «Восемнадцатилетних мальчишек мы больше посылать не будем». Министр предъявил руководству Чечни ультиматум: если в трехдневный срок генерала Шпигуна не освободят, будут «приняты са-

мые жесткие меры». В первые дни после похищения Степашин был главным героем телерепортажей и газетных заметок. Этому способствовало и то, что глава президентской администрации Николай Бордюжа в день пленения Шпигуна был госпитализирован с приступом стенокардии, а Евгений Примаков находился в Сочи и отпуск прерывать не стал, видимо, посчитав, что для этого нет серьезных оснований.

Еще осенью прошлого года в разгар «борьбы с криминалом» в кремлевских коридорах заговорили о том, что Сергей Степашин вот-вот получит пост первого вице-премьера, курирующего все силовые ведомства, а также должность представителя президента в Чечне со всеми возможными полномочиями. Не состоялось. По слухам, тогда против возвышения милицейского генерала выступил сам премьер-министр. На первый взгляд, нынешний выход генерала на авансцену российской политики может обеспечить ему карьерное продвижение. Но это только на первый взгляд.

В Чечне

Эскалация напряженности в отношениях с Чечней сегодня Кремлю не нужна, поскольку это неизбежно ослабит и без того шаткое положение Аслана Масхадова, а он, по сути, является для России единственным в республике возможным партнером. Если первые полтора года пребывания Масхадова у власти оппозиция не решалась открыто выступать против законно избранного президента и даже сотрудничала с ним — видные ее представители, такие, как Шамиль Басаев, занимали высшие должности в республике, — то в конце 1998-го дело дошло до создания альтернативных, по сути враждебных Масхадову, властных органов — например, шуры (совета), призванной символизировать исламский характер чеченской государственности. В оппозицию ичкерийскому президенту ушли и его недавние соратники: Мовлади Удугов и Ахмет Закаев. А это означало только одно: Масхадов стал терять авторитет и поддержку населения — уж Мовлади-то безошибочно чувствует, в какой момент и на чью сторону надо перейти. Кстати, то, что никогда не участвовавшего в боевых действиях Удугова в последнее время все чаще называют «полевым командиром» и появляется он на людях теперь исключительно в военной форме, — тоже не случайность и признак дурной. По существу Масхадов остался в одиночестве — со своей легитимностью, своими не слишком многочисленными и не слишком авторитетными в Чечне сторонниками, вроде Турпала Аттери-

ева, и с поддержкой Москвы, которая ни в чем конкретном не проявляется и пока больше ему вредит, чем помогает.

Внутричеченское противостояние достигло той стадии, когда любое событие — в том числе такое для Ичкерии малозначительное, как очередное похищение российского должностного лица, — чревато взрывом. Если Басаев с Радueвым привычно бубнят, что Шпигуна похитила ФСБ, то Масхадов на четвертый день после захвата генерала позволил себе ранее неслыханное: выступая по чеченскому телевидению, он фактически впрямую обвинил лидеров оппозиции в организации похищения.

Басаев в свое время (зимой 1997-го) обвинил тогдашнего вице-президента, а ныне своего соратника-антимасхадовца Ваху Арсанова в том, что похищения журналистов — дело рук его людей. Масхадов же такими обвинениями не бросался. Наоборот, взяв роль лидера всех чеченцев, он упорно твердил, что внутриреспубликанский бандитизм — это происки Москвы, заграницы, в крайнем случае «отдельных отщепенцев» из числа чеченцев, но никогда не конкретных ичкерийских лидеров. Заявление Масхадова, если бы за ним последовали конкретные действия, могло бы послужить толчком к началу гражданской войны: за такими обвинениями должен последовать арест, а Басаева, Радueва или кого-либо из лидеров оппозиционной Масхадову шуры невозможно задержать, не наравшись на вооруженное сопротивление.

Однако в Чечне, по-видимому, ничего такого не произойдет. Скоро год как Масхадов отдал приказ депортировать четырех иорданцев, в том числе знаменитого Хаттаба, на счету которого разгром во время войны российской бронекolonны в Ярыш-Марды и которому российские журналисты любят приписывать все существующие злодеяния в Чечне: и похищения людей, и нападения на российские воинские части, и идеологию ваххабизма... Но, несмотря на президентский приказ, никаких реальных попыток выдворить Хоттаба из Ичкерии не предпринималось. Скорее всего желающих арестовывать Басаева с Радueвым не найдется, и слова Масхадова так и останутся словами.

Услужливые друзья

В Кремле с ужасом думают о перспективе решать проблемы сожительства России и Чечни с политиком типа Шамиля Басаева. Кроме того, ни премьер, ни президент совершенно не желают нести ответственность за горячность Степашина и его необдуманные заявле-

ния. Первым, по всей видимости, министра внутренних дел осадил президент. После встречи с ним 9 марта Степашин стал высказываться совершенно в другой тональности: ему, очевидно, велели умерить пыл. Затем и Примаков определенно сказал журналистам, что войны не будет, войска никуда не перебрасываются, и на следующий же день почти демонстративно занялся другими делами. По всему видно, что Примакову очень не хотелось бы брать на себя разрешение чеченского кризиса. А президент как раз предпочел бы передоверить ему эту неприятную миссию.

Между тем именно смена интонации — от степашинских обещаний «точечных ударов» (надо учитывать, что чеченское население более всего чувствительно именно к этим угрозам — ничего ужаснее и преступнее бомбардировок для чеченцев нет) к заверениям о полной поддержке законного президента — может еще более ослабить позиции Масхадова. Про «точечное бомбометание» чеченцы все знают. Они-то, в отличие от большинства россиян и, кажется, даже некоторых генералов, прекрасно осведомлены, что никаких «баз террористов» в природе не существует, банды похитителей не собираются до кучи в определенном месте — бандиты живут в своих домах, в своих селах, заложников прячут то в подвалах, то в пещерах... Словом, степашинские посулы, да еще в сочетании с экономической и транспортной блокадой, в Чечне были слышаны как угрозы прежде всего мирному населению. И вот после того, как Москва вновь показала зубы, она вдруг уверяет, что эти зубы — в помощь Масхадову. Послал ему бог союзничков.

На прошлой неделе и в Кремле и в Белом доме делались попытки представить очередной провал — генерала не вернули, Масхадову подложили свинью, перед своими гражданами продемонстрировали слабость и беспомощность — как некую дальновидную политику. По данным «Итогов», в конце прошлой недели вероятность встречи Примакова с Масхадовым была очень высока. Инициатива саммита исходила от Масхадова. Правда, он-то рвался общаться с Ельциным, но в Москве взамен Ельцина предложили Примакова. Вряд ли Масхадов станет капризничать. «Разговор с Масхадовым будет очень жесткий, — сообщил «Итогам» один высокопоставленный правительственный чиновник. — Сегодня у него не та ситуация, чтобы разглагольствовать о суверенитете. Если Россия не окажет ему реальную помощь (в том числе в операциях против оппозиции), дни его сочтены — возможности Масхадова влиять на положение дел в Чечне уменьшаются с каждым днем. Президент

Чечни будет поставлен перед выбором: либо он соглашается на ограниченное и, разумеется, очень аккуратное вмешательство России в дела его республики, либо остается один на один с Басаевыми, Радугевыми и т.д. Я скажу больше: в какой-то степени мы сами сознательно провоцировали подобное развитие событий. Я имею в виду прежде всего невыполнение Россией Хасавюртовских договоренностей по экономической помощи Чечне. Нам не нужен был сильный Масхадов, создавший внутри России исламское государство. Нам нужен был Масхадов, готовый на диалог с Москвой».

Если на секунду представить себе, что политический курс России в отношении Чечни в самом деле таков, как утверждает этот чиновник, можно смело выносить приговор: ничего не поняли, ничему не научились. Масхадову разве что в самом страшном сне может присниться, что Россия помогает ему бороться с оппозицией. Уже были «слабые» и «готовые на диалог с Москвой» Саламбек Хаджиев и Доку Завгаев. Навязать Масхадову роль Завгаева куда как дальновидно. Впрочем, к счастью, подобные речи скорее всего просто надувание щек. Реальность же чуть более оптимистична: российские должностные лица хоть и делают ляпы, в целом стараются не позволять себе серьезных провокаций, которые с большой вероятностью приведут к новой войне. Ту же предстоящую встречу Примакова с Масхадовым первый зам. секретаря Совбеза Вячеслав Михайлов комментировал уже совсем в ином ключе: никто не собирается навязывать Масхадову военную помощь. Просто существуют давние, не сегодня родившиеся договоренности о военно-технической помощи, на которую законный представитель власти в регионе вправе рассчитывать. Равно как и на помощь дипломатическую: уже проведены переговоры с соответствующими структурами Грузии и Азербайджана о том, чтобы перекрыть каналы доставки оружия в Чечню: это оружие сегодня попадает в руки антимасхадовской оппозиции.

За всеми этими политическими коллизиями судьба генерала Шпигуна и анализ причин его похищения как-то отошли на второй план.

Березовский как проблема

Изначально Совет безопасности планировали провести на следующий день после 8 марта (пожертвовать семейным застольем ради чеченских проблем государственные мужи не захотели). Но чины рангом пониже, по данным «Итогов», все же провели 8 марта в МВД

совещание, на котором обсуждались возможные версии похищения и ответные шаги. «Собрались человек двадцать, — рассказал «Итогам» один из высоких милицейских чиновников, — в том числе и люди из Белого дома. Первый же выступавший сказал, что, по оперативным данным, похищение Шпигуна дело рук Басаева, но доказать это пока не представляется возможным. (Напомним, что в первом же выступлении по телевидению и Сергей Степашин обвинил в преступлении против российского генерала знаменитого чеченского террориста. — «Итоги».) Доводы звучали простые: во-первых, Басаеву выгодно в очередной раз унизить и тем самым еще более ослабить Масхадова, а во-вторых, аэропорт, на территории которого произошло нападение, «держит» Басаев и, следовательно, он не мог остаться в стороне. Но этим предположением дело не ограничилось. Например, правительственные чиновники предложили нам всерьез рассмотреть версию о причастности к случившемуся Бориса Березовского...»

Появление столь «убедительной» версии вызвано, по всей вероятности, страшным опасением участников совещания: а ну как, пока они обсуждают планы возмездия, в Москве приземлится небольшой частный самолет, и по трапу сойдет похищенный милиционер Шпигун в обнимку с миллионером Березовским.

Между прочим, версию о причастности Бориса Березовского к похищению Шпигуна выдвигали и чеченцы — Турпал Атгериев и Юсуп Сосламбеков, лидер Конфедерации народов Кавказа. Обвинения, высказанные Масхадовым в адрес Москвы — дескать, она сама стимулировала бандитов, выплачивая им огромные деньги за заложников, — тоже метят в отставного секретаря СНГ. «Демонизация» Бориса Абрамовича в чеченских властных структурах вызвана такой же обидой на «интриги», что и у главы российского кабинета. Масхадов глубоко задет поведением Березовского. Тот поначалу, еще в Совбезе, держался исключительно лояльно по отношению к ичкерийскому президенту, сумел завоевать его доверие, а потом, когда обнаружились масхадовская слабость и неспособность контролировать ситуацию в республике, первым из российских госчиновников начал вести переговоры с противниками Масхадова. До последнего времени никто из российских политиков не решался вслед за Березовским признать, что, хотя Масхадов и является легитимным лидером, России не следует ставить на него одного, коль скоро положение его не слишком прочно. Лишь на минувшей неделе мысль о необходимости работать со всеми —

Басаевым, Бараевым и прочими, за кем стоит хоть какая-то реальная сила, — прозвучала в выступлении министра национальной политики Рамазана Абдулатипова.

Эта позиция, похоже, абсолютно противоположна нынешним установкам Совбеза. Однако на самом деле открытая материальная и дипломатическая поддержка Масхадова может сочетаться с налаживанием негласных отношений с оппозиционными полевыми командами. Понятно, что вступить на путь, предлагаемый Миннацем, еще труднее, чем в 1996-м было решиться на вывод войск. Однако чем больше будет инцидентов, подобных степашинскому ультиматуму, тем выше вероятность, что Москве придется иметь самые тесные отношения не только с Басаевым, но и с Радуевым и ему подобными.

А если все же Масхадов пойдет на сближение с Москвой и допустит проведение «совместных операций», он рискует разделить судьбу президента Египта Анвара Садата. Тот в 1979 году заключил односторонний мир с Израилем, наплевав на мнение всего арабского мира. Его застрелили.

При участии Александра Гольца

Памяти худого мира

Хасавюртовское соглашение было договором о прекращении военных действий. Признание его ошибкой есть санкция на возобновление войны.

Что-то у нас с памятью неладно. Когда премьер Владимир Путин объявляет Хасавюртовский мирный договор ошибкой — все понятно. Он свои задачи решает: формирует политико-идеологический фон для силовой операции в Чечне. Тревожит, что и общественное мнение, судя по опросам, готово признать правоту премьера: да, мол, напортачил генерал Лебедь. А ведь еще совсем недавно, весной 1998-го, во время губернаторских выборов в Красноярском крае, избиратели, казалось, были единодушны: уж что-то, а Хасавюрт надо ставить генералу не в вину, а в заслугу.

Чечня и в 1998-м много доставляла неприятностей: то похищения людей, то набеги на Ставрополье и Дагестан, то вооруженные провокации на административной границе. Но как-то преобладало настроение, что даже такой худой мир лучше дурной войны. Тогда еще свежи были в памяти беспроектный позор поражений, бездарно выдаваемых за победы, цинковые гробы и похоронные рыдания, бесконечные скитания солдатских матерей по чеченской земле. Теперь, похоже, все изменилось. Достаточно было двух басаевских рейдов в Дагестан и терактов в Москве и Волгодонске, за которыми угадывается вроде бы чеченский след (хотя черт его знает: ведь ни разу не прозвучало сколько-нибудь внятных требований, так что, зачем взрывали, так до сих пор и непонятно), — и мы готовы признать замирение с Чечней «неправильным». Как будто мы радовались прекращению войны из любви к Басаеву или в твердой уверенности, что все чеченцы — ангелы и не бывает среди них подонков и вырожденков.

Вспомним. К лету 96-го операция в Чечне приобрела откровенно фарсовый характер. Российские блокпосты перестали досматривать проезжающие мимо машины на предмет оружия и превратились отчасти в коммерческие предприятия (занимались перекупкой продуктов, спиртного и сигарет), отчасти в пункты

вымогательства (часовые кланчили деньги, которые давали им либо из жалости, либо под угрозой отправки проезжающего в фильтрационный лагерь). Больше всего заботились они, разумеется, о собственной безопасности. Однако до самого последнего дня солдаты с постов исчезали в неизвестном направлении. А боевики, о которых генералы ежедневно рапортовали, что они «загнаны в горы» и где-то там «зачищены», безбоязненно разъезжали где хотели. Автор этих строк и коллеги-журналисты прекрасно помнят: чтобы попасть в блокированное село, приходилось обращаться к помощи боевиков. Те провозили и платок мне на голову повязывали, чтобы бойцы на блокпостах принимали меня за одну из «боевичек». О времени так называемых «зачисток» боевиков предупреждали заранее, и те уходили из «зачищаемого» села, чтобы потом вернуться.

Списывать такое положение дел только на извечную российскую расхлябанность и всеобщую коррумпированность было бы натяжкой. Просто год войны убедил всех, прежде всего воевавших, в ее полной бесперспективности. Партизан победить невозможно, если, конечно, не истреблять всех жителей поголовно. Солдаты, увидевшие это воочию, отказались погибать ни за что. «Меня сегодня убьют, а завтра война кончится, скажут, все зазря было», — сказал мне один из блокпостовских парней, и думали так, наверное, многие. Все лето 96-го вяло тянулись переговоры. Тянулись, срывались, возобновлялись. 6 августа чеченские боевики заняли Грозный. Они и до этого два раза приходили в город, занимали его практически без боя и, пробыв там пару дней, уходили. На сей раз не ушли. Городские блокпосты, в том числе и «особо укрепленные», не оказали сопротивления: их предупредили: не будете стрелять — мы вас не тронем. Они и не стреляли.

Российские генералы рвали на груди рубахи и обещали тотчас покончить с боевиками. Но верить им уже было трудно. Стало очевидно, что к еще одному штурму Грозного Российская армия не готова. А главное, совершенно непонятно, сколько еще таких штурмов понадобится. На какой-то момент возобладали «ястребы», предлагавшие ковровые бомбардировки Грозного. Вовремя опомнились: сообразили, что истребить боевиков с воздуха вряд ли удастся — они уйдут на время бомбежек и спокойно вернутся через некоторое время. А уничтожать и так уже разбитый и лежащий в руинах город — только зря снаряды переводить. В Кремле, наконец, признали, что ничего с Чечней поделать нельзя: пока этих боевиков

будем изводить, вырастут новые, гаже и злее. Вот тогда-то и родилось Хасавюртовское соглашение.

По соглашению все боевые действия тотчас прекращались, войска из Чечни выводились до конца года. Решение вопроса о статусе Чечни откладывалось на пять лет, а все прочие отношения между Чечней и РФ должны были регулироваться будущими договорами и соглашениями. Фактически это было признанием военного поражения. Было обидно и унижительно. Наверное, еще обиднее думать об этом теперь, когда выяснилось, что чеченцы, вместо того чтобы благодарить нас за то, что мы оставили их в покое, делают нам гадости. Но понятная сегодняшняя обида ничего не меняет в нашем прошлом. Альтернативы Хасавюрту не было. Можно было еще какое-то время не признавать свое поражение и делать вид, что воюем с боевиками. Наверное, будь у нас армия подисциплинированной и сограждане «посознательней», можно было бы увязнуть в Чечне на десятки лет. Тогда Хасавюртовское соглашение подписывал бы уже не Масхадов, а какой-нибудь очередной Шамиль, ни слова не говорящий по-русски и с трудом выводящий закорючку вместо подписи.

Хасавюрт давал надежду на урегулирование отношений политическим путем. Большие надежды связывались с чеченскими выборами. Казалось: если они пройдут честно и люди выберут лидера, которому доверяют, появится, наконец, ответственный партнер по переговорам. И тогда-то обо всем потихоньку договоримся. В конце концов куда они от России не денутся: деньги им нужны, и граница у них, кроме нас, только с Грузией, и читать-писать умеют только по-русски... Не оправдались надежды. Выборы прошли вполне нормально, и победил на них, как того хотела Россия, Масхадов, и переговоры велись-велись — а в итоге мы то ли на пороге новой войны, то ли уже ее ведем. Очень велико искушение поискать виноватых. Можно, например, обвинить российские власти в чрезмерной уступчивости. Зачем подписали знаменитый Договор о мире, обязавшись ни при каких обстоятельствах впредь не прибегать к силе или угрозе силой, а также строить отношения на основе международного права? Почему позволили ранней каспийской нефти пойти по трубопроводу через Чечню и тем поддержали Чечню экономически? В этом случае злодеи сразу налицо. Чечней в 1997 году занимался Совет безопасности, прозванный за глаза «Министерством Чечни», персонально Иван Рыбкин и Борис Березовский. Уж Березовского-то записать в виноватые вроде сам бог

велел. Но по зрелом размышлении, в чем вина Совбеза? Всеми силами Рыбкин и Березовский старались помочь Масхадову удерживать ситуацию в республике под контролем. Ради этого пробивали для чеченцев особые тарифы на экспорт нефти и торопили с трубой, ради этого хлопотали о выделении бюджетных денег, закрывали глаза на некорректные политические высказывания Масхадова или Удугова в адрес России. Рыбкин решительно возражал против кордона вокруг Чечни и вообще против всех попыток ее изоляции: была принята стратегия постепенного втягивания Чечни в сферу российского влияния. Из этого пока ничего не вышло, но, возможно, если бы не тогдашняя политика «Министерства Чечни», в республике еще быстрее воцарился бы нынешний хаос, и экспансию в Дагестан и теракты в Москве мы получили бы еще в прошлом году.

Но и упрекать Минфин, последовательно саботировавший все принятые решения по финансированию Чечни, язык не поворачивается. Вспомним: весна 1997 года, молодые реформаторы, секвестр бюджета, недофинансирование всех значимых социальных программ, а тут — Совбез с требованиями перевести Чечне 470 млрд. рублей при полной невозможности проследить, чтобы эти деньги не украли. Не получила ходу и идея «свободной экономической зоны» в Чечне: слишком очевидно было, что некриминальный бизнес не пойдет в Ичкерия ни за какие налоговые льготы. Словом, России не удалось помочь Чечне преодолеть послевоенную разруху, а стало быть, не удалось и предотвратить переход власти к «человеку с ружьем». Если уж искать корень зла, то не в Хасавюртовском мирном договоре и не в последующей политике, а в самой войне.

Почему политики твердят об ошибочности Хасавюрта и словно напрочь позабыли про Договор о мире? Ведь Договор, принятый через девять месяцев после Соглашения, подписанный уже не временным начальником Совбеза, а президентом России в Кремле, — несомненно, документ, имеющий большую юридическую силу. Если что и отменило Хасавюрт, так это Договор. Однако ошибки нет. Те, кто порочит Хасавюрт, хотят вернуться в август 96-го, пересмотреть именно Соглашение, которое, по сути дела, есть Соглашение о прекращении боевых действий. Если мы соглашаемся с Путиным в оценке Хасавюрта, мы даем санкцию на новую войну.

С тех пор как 31 августа 1996 года Россия прекратила войну в Чечне, многое изменилось: в самой республике всем управля-

ют, независимо от их формального статуса, уголовники и фанатики, стычки с чеченскими боевиками и бандитами переместились на российскую территорию, на Северном Кавказе утвердился новый промысел — торговля заложниками. Разумеется, повернулось и общественное мнение России. Даже либералы больше не считают чеченцев жертвами. Но ведь есть неизменное. По-прежнему бесполезно наказывать бандитов с помощью бомбовых ударов по селам: только Дудаева удалось прикончить с воздуха. Как и прежде, любая войсковая операция в Чечне вызовет мощное партизанское сопротивление, сломить которое будет так же невозможно. И по-прежнему, хотя после всего случившегося это трудно и неприятно выговаривать, силового решения чеченской проблемы не существует.

Обложили

Власти предоставляют чеченцам выбор: убираться в лагерь для беженцев в Ингушетию, возвращаться в Чечню под бомбы или отправляться в басаевские войска.

Когда Лом-Али пришел перерегистрироваться, милиционер в паспортном столе первым делом глянул в графу «национальность» и отрезал: «В Грозный езжай». — «Не могу я ехать в Грозный», — только и мог сказать оторопевший чеченец. Грозный бомбят, а у него пятеро детей мал мала меньше. Он предприниматель, давно живет с семьей в Москве, на родину наезжает редко и неохотно. Во время последнего приезда соседи обратили внимание на подозрительную «шестерку», которая крутилась поблизости: не иначе как по его душу приезжали. Пришлось тогда на всякий случай попросить племянника, чтобы «прикрыл» — он в чеченской армии не последний человек, — и поскорей уехать. Но вспоминать об этом противно. Теперь вот гонят туда, под бомбы, жить в постоянном страхе, что украдут, и одновременно как-то кормить свой многочисленный выводок — а как их в Грозном прокормишь? Перспектива еще та. Впрочем, выбора Лом-Али, похоже, не оставили.

13 сентября на свет появилось лужковское «Распоряжение 1007», вокруг которого поднялось много шума. Судья Конституционного суда Гадис Гаджиев успел заявить, что оно не подлежит исполнению, так как нигде не опубликовано. «Распоряжение 1007» не только не опубликовано, но и практически засекречено. Во всяком случае московские паспортисты никогда на него не ссылаются, федеральные чиновники, в том числе министр внутренних дел Владимир Рушайло, и.о. генпрокурора Владимир Устинов, уполномоченный по правам человека Олег Миронов, с ним не знакомы (или по крайней мере делают вид, что не знакомы, всячески уклоняясь от его правовой оценки), а московские правозащитники из «Мемориала» и «Гражданского содействия» добыли в мэрии его текст буквально с боем. Распоряжение предписывает «обеспечить рассмотрение вопросов о регистрации граждан, временно пребывающих в городе Москве, лично руководителями территориальных отде-

лов и отделений органов внутренних дел. При этом устанавливать цель временного пребывания в городе». Другими словами, руководителям ОВД передаются примерно те же функции, что у визового отдела, скажем, посольства США в Москве: они вправе решать по своему усмотрению, стоит ли регистрировать приезжего в столице, хороша или плоха цель, с которой он прибыл, и т.п.

Начальник паспортного стола переслал Лом-Али к заместителю начальника угрозыска, тот сказал, что чеченцев в особом порядке должен регистрировать сам начальник ОВД, а тот, разумеется, тоже отнекивался: «Не мой вопрос». В итоге милицкий чин, к которому Лом-Али ходил за перерегистрацией восемь раз, взмолился: «Слушай, я же против тебя ничего не имею. Ну не могу я на себя это взять. Вдруг потом у нас что-то случится — на меня же все повесят. Есть у тебя в Москве знакомые? Пусть найдут кого-то, кто тебя зарегистрирует».

Этот случай вообще-то редкость. Большинству моих знакомых чеченцев с ходу отказывали, объявляя напрямик: «Чеченцев не регистрируем». Но у Лом-Али и впрямь есть влиятельные знакомые, хотя и не настолько, чтобы «сделать» ему регистрацию.

В соответствии с действующим

Разумеется, в «Распоряжении 1007» нет ни слова о том, чтобы вводить какой-то особый режим для кавказцев и в частности чеченцев. Но по свидетельству Людмилы Гендель из комитета «Гражданское содействие», когда она пришла в свое отделение милиции «Дорогомилово» перерегистрировать живущих у нее вынужденных переселенцев из Грозного, дежурный, а потом и начальник паспортного стола заверили ее, что недавно получили телефонограмму с приказом «кавказцев не регистрировать». При этом дежурный просто-душно сообщил, что распоряжение исходило от начальника московского ГУВД Николая Куликова, а паспортист отказался рассказывать, чей приказ выполняет. Сотрудники «Гражданского содействия» обзвонили несколько московских ОВД, и там им подтвердили, что есть такое телефонное распоряжение. Многим чеченцам, по их словам, так и говорили: мол, нам не велено вашего брата пускать в Москву.

История с телефонограммой вполне может оказаться и легендой. Паспортисты боятся ответственности. Сотвори этот приезжий потом какое-нибудь безобразие, сразу спросят: кто его зарегистрировал? Почему неправильно установил цель приезда? Если

уж сотрудники западных посольств под грузом подобной ответственности предпочитают «не пущать», так чего же ждать от бедных московских милиционеров? Но брать на свою совесть отказ по национальному признаку милиционер, как правило, не хочет. Удобнее прикинуться «винтиком»: «Нам так велели». Начальство могло инструктировать или не инструктировать насчет чеченцев, но совершенно ясно, что иной реакции на «Распоряжение 1007» в низовом милицейском звене все равно быть не могло. По каким критериям начальник паспортного стола должен отделить потенциального террориста от лояльного гражданина? Не ждать же в самом деле, что кто-нибудь на вопрос о цели приезда ответит: «Совершение теракта!»

Конечно, бывают у паспортистов и собственные на этот счет инициативы и соображения, иногда самого экзотического свойства. По «горячей линии», организованной московской Хельсинкской группой, звонит немало русских, повествующих о весьма причудливых мотивах отказа в регистрации: например, одной женщине отказали потому, что ее сын душевнобольной. В данном случае налицо самодеятельная забота местного ОВД о благополучии и комфорте родного города. Но национальность — критерий всем понятный. Когда всюду ищут «чеченский след», дураку ясно: не дай бог, опять рванет, будут трясти те ОВД, где больше чеченцев.

Милая добрая женщина, председатель жилищного кооператива, пытается выселить из дома чеченскую семью: одинокую женщину с больной матерью и двумя сыновьями (студент и школьник). Они живут, не зарегистрировавшись. В регистрации им отказывают, а уехать некуда: их квартира в Грозном давно сгорела. «Мне их очень жалко, — признается председатель жилкооператива. — Я им даже сто рублей дала. Но вы же понимаете, что этот народ сейчас вне закона».

«Распоряжение 1007» содержит и требование: «Принимать к нарушителям правил предусмотренные законодательством меры ответственности, вплоть до выдворения к месту постоянного проживания». На самом деле никакое «выдворение» законодательством не предусмотрено. Как не предусмотрено и право милицейского начальника решать, кому где жить. По закону «О праве граждан на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах РФ» установлена не разрешительная, а уведомительная регистрация (то есть гражданин России по приезде в тот или иной населенный пункт не спрашивает «вида на жительство», а просто

ставит в известность местное ОВД о своем прибытии). Что же до разрешительной регистрации, то она прямо запрещена в Конституции, и еще три с половиной года назад на это указал Конституционный суд. Если же гражданин живет без паспорта или уклоняется от регистрации, то максимальное наказание за это, согласно Кодексу об административных правонарушениях, — штраф.

Так что ни о каком «соответствии законодательству» и самой регистрации речи быть не может. Но московским властям, сказавшим «а», надо говорить и «б»: без права выдворять незарегистрированных разрешительная регистрация бессмысленна. 21 сентября появилось постановление № 875 правительства Москвы «Об утверждении временного порядка перемещения лиц, злостно нарушающих правила регистрационного учета», еще более засекреченное, чем «Распоряжение 1007». В постановлении все четко определено: милиция выявляет злостных нарушителей режима регистрации, доставляет их в ОВД, где они должны содержаться «до их отправки к постоянному месту их проживания», конечно же, «в соответствии с действующим законодательством». То есть за необдуманное желание посетить столицу можно угодить невесть на сколько в КПЗ (пока не подготовят условия для «транспортировки к месту постоянного проживания»).

Встречено с пониманием

В Московской прокуратуре лежат иски правозащитных организаций, оспаривающих законность обеих полусекретных бумаг. Решение Прокуратуры города Москвы предсказать нетрудно — против воли мэра она ни за что не пойдет, чего бы там ни требовала буква закона. Вердикт Московской прокуратуры можно обжаловать в Генпрокуратуре, но и.о. генпрокурора Устинов уже успел заявить публично, что приезжие должны «проявить понимание» действий московских властей.

Позиция федеральных властей заслуживает особого внимания. Вроде бы Лужков их политический противник. Вроде бы цепляются к нему за что ни попадя: купил не того жеребца, не обо всем личном автотранспорте сообщил в избирком — и тому подобная чепуха. А вот явное нарушение Конституции РФ не вызывает у российских чиновников никакого осуждения. Видно, тот самый случай, когда власти всех уровней «консолидировались перед лицом...»

Понимание демонстрирует и МВД России, ни словом, ни жестом не одернувшее московское ГУВД. Правда, Владимир Крив-

цов, один из заместителей начальника Паспортно-визового управления МВД РФ, выступил по телевидению с осуждением московского произвола, и многие телезрители тогда решили, что он представляет позицию министерства. На самом деле Кривцов решился на этот шаг только после того, как подал рапорт об увольнении. Зато другой заместитель главного паспортиста, Юрий Шарагоров, вообще даже не собирающийся в отставку, откровенно объяснял 4 октября на собрании Общественной палаты по правам человека при президенте РФ, что ссылки на законы — вообще несостоятельны, поскольку законы эти «принимались депутатами в каком-то угаре», и исполнять их нет никакой возможности.

Депутаты Госдумы подавляющим большинством отказались голосовать за постановление, осуждающее действия московского правительства. Фракция НДР, в которой вроде бы собрались идейные оппоненты Лужкова, по словам одного из ее идеологов, проголосовала против, чтобы «не стать пособником террористов». Уполномоченный по правам человека Олег Миронов тоже вроде бы не «лужковец», но тем не менее в ходе специального «круглого стола» по правам человека обнаружил полное «понимание». «Московские власти, — говорил уполномоченный по правам, — руководствуются добрыми намерениями. Конечно, их действия не должны противоречить действующим законам...» А на настойчивые расспросы журналистов, противоречат ли конкретные действия конкретным законам и нарушаются ли при этом права человека, пустился в туманные рассуждения, что регистрация законами не запрещена, а выдворение хоть и не предусмотрено, как бы логически вытекает из регистрации. (Справедливости ради уточним: «круглый стол» проходил 27 сентября, а уже 5 октября, отвечая на вопрос «Комсомольской правды», господин Миронов признал законной лишь уведомительную регистрацию. Должно быть, в окружении уполномоченного по правам наконец нашелся человек, решившийся просветить его насчет действующего законодательства.) Зато при каждом удобном случае Олег Миронов повторял, что он является противником национальной дискриминации, и что «мы, конечно, выступаем за мир, но не любой ценой, а лишь ценой разоружения банд», и что выдворение из России законопослушных чеченцев недопустимо потому, что «они возьмут в руки оружие и будут воевать против нас».

Вообще-то от главного защитника прав человека хотелось бы услышать, что он против депортации законопослушных россий-

ских граждан любой национальности. Но опасения Миронова не лишены оснований. Просто диву даешься, глядя, с каким упорством власти всех уровней заботятся о том, чтобы в преддверии войсковой операции как можно больше чеченских мужчин оказалось в Чечне. Выдавливают из Москвы, Ставрополя, других краев и областей — все больше регионов так или иначе пытаются избавиться от «народа вне закона». Чеченец, постоянно прописанный в Евпатории, после начала бомбежек поехал в Грозный за внуками. Обратного его не пустили, сказали: сам приезжай, раз прописан, а детей (мальцов двух- и трехлетнего возраста) изволь сдать в лагерь для беженцев. Участь беженцев тоже неопределенна: их пускают только в Ингушетию, где уже повернуться негде, и то с неременным условием: мужчинам, кроме стариков и инвалидов, в течение 24 часов воротиться восвояси. Иначе обидно будет: федеральные войска придут, а им и воевать не с кем.

К сожалению, приходится признать, что, выдавливая местных чеченцев и не пуская чеченских беженцев, власти идут на поводу у огромного большинства населения. Люди напуганы. И вполне готовы поступиться правами (особенно чужими) во имя того, что им кажется безопасностью. Мэр Москвы Юрий Лужков правду говорит, когда заявляет, что режим регистрации поддержан москвичами. Но правда и то, что стратегический государственный интерес требует всячески привечать чеченцев за пределами их несчастной, одичавшей республики. Любого чеченца, живущего в России и даже приехавший ненадолго — полечиться, поучиться, заработать, — в известном смысле российский «агент влияния». Хотя бы потому, что он не откажется от русского языка и русской грамоты. Чем больше чеченцев сочтут необходимым дать своим детям образование в России, тем больше шансов разрешения чеченского кризиса цивилизованным путем. Подробно и убедительно об этом говорит директор Института этнологии Валерий Тишков: «Если есть возможность дать работу (местным чеченцам. — «Итоги»), поддерживать материально или морально, это нужно сделать обязательно, и сделать не завтра, а сегодня. Нужно, чтобы ни один чеченец не уехал из Москвы или из другого российского города, чтобы стать в Чечне пушечным мясом для тех, кто в этом там сейчас отчаянно нуждается».

Российские политики разумом понимают, что такой способ действий — единственная возможность оставить Чечню в ареале российского влияния. Но воли им не хватило, и, столкнувшись с не-

избежным всплеском чеченофобии, они пошли по пути строительства апартеида.

Премьер Владимир Путин сообщил о создании правительственной комиссии, которая займется обустройством беженцев «на территории Чечни». Речь идет о районах, занятых федеральными войсками. Там, по уверению премьера, будут восстановлены все российские институты: военкоматы, райотделы милиции, школы, больницы. (Характерно, что перечисление благ, которыми будут пользоваться чеченские беженцы и население занятых федералами районов, премьер начал именно с военкоматов.) Там будут платить зарплаты и пенсии. При этом, судя по всему, подразумевалось: «Там и бомбить не будут». Затея понятная: расчет на то, что нападения боевиков на «зону» вызовут многочисленные жертвы среди чеченцев и озлобят против них население. Скорее всего получится иначе. Поскольку даже у самых мирных и искренне лояльных Москве чеченцев есть близкие и неблизкие родственники среди боевиков, кто-то из бандитов будет время от времени навещать родню, чтобы отоспаться, помыться и поесть горячего. Отказать родственнику в такой мелочи никак нельзя (так уж устроено чеченское общество). Значит, пройдет совсем немного времени, и российские военные заведут разговоры об «опорных пунктах боевиков» на той самой территории, которая задумывается сейчас как место дислокации беженцев. Дальше все будет по тому, обкатанному недавней войной сценарию: фильтрационные лагеря, безмерное ожесточение населения против федералов (чеченцы и сейчас называют бомбежки геноцидом, а произвол региональных властей — депортацией) — все по кругу. В отличие от Путина чеченцы это уже проходили, уговорить беженцев бежать не в Ингушетию, а к федералам вряд ли удастся. Ну, не уговорят, так заставят. Ходят слухи, что за минувшие после прошлой войны три года жители Чечни так устали от криминального беспредела и разора, что были бы рады избавиться от боевиков. Будет жаль, если действия российских властей вновь бросят большинство чеченцев в объятия братьев Басаевых.

Лом-Али на днях заставили расписаться в получении предупреждения о выдворении из Москвы. Уезжать некуда, разве что к Хаттабу и Басаеву. У него с ними ничего общего, но выбора не оставлено.

Другая Чечня

*Российские власти непростительно равнодушны
к судьбе беженцев.*

«Если это не гуманитарная катастрофа, что тогда гуманитарная катастрофа?» — чеченка, показывая мне свое жилье, произносила слова, усвоенные из телевизионных репортажей о бомбежках НАТО в Косово. В маленьком домишке на Московской улице ингушского города Карабулака в трех комнатах ютятся полтора десятка женщин, у каждой от трех до шести детей.

Спят вповалку, взрослые, малыши, подростки обоего пола, и не дай бог, повернуться во сне: всех перебудишь. Деньги, какие кто успел прихватить, подходят к концу, поэтому экономить приходится буквально на всем. Вот-вот ударят холода, а теплых вещей ни у кого нет. Детишки без конца хворают, что и не мудрено при такой скученности. И все же им еще повезло. Во дворе дома — туалет, и банька есть. Те, кто разместился в беженских лагерях, по утрам выстаивают длинную очередь: отхожее место, как правило, одно на лагерь, то есть на несколько сотен человек. Но самое мучительное — невозможно помыться. То одна, то другая женщина, доверительно понизив голос, произносит: «Я даже не о себе. Девочки у меня, понимаешь? Как же им без мытья?» И еще: «Ты там подскажи кому-нибудь, чтобы прислали в гуманитарке что-нибудь перевязочное, если уж прокладки нельзя. Так мучаются девочки, и ведь все на виду, на глазах».

Воду в лагерь привозят в бочке-водовозке, но ее хватает только для питья. Да и негде мыться. «У нас, правда, проводник в вагоне хороший, Володя, из Рязани. Говорит: девчонки, давайте по очереди в купе для проводника хоть в тазике как-то ополоснетесь. Такой прекрасный человек!» Беженки как-то особенно чувствительны к любому проявлению внимания и сочувствия: они следят, чтобы я записала в свой блокнот, какой хороший проводник Володя и какой замечательный сменивший его Олег («он с нашими детишками играет, на руки их берет»), и чтобы не забыла поименно каждого местного жителя, который принес им поесть или просто доброе слово молвил.

Братья

С первых дней все беженцы получают бесплатно хлеб от ингушского правительства. Перебоев с хлебом и питьевой водой не было ни разу. Федеральная помощь явно недостаточна и приходит с большим опозданием: до сих пор не каждому даже матрас и одеяло достались, а беженцы все прибывают. За последние две недели в лагерях централизованно выдавали растительное масло (правда, на всех не хватило), горох (все уверены, что испорченный, после его употребления очереди в отхожее место стали уж вовсе бесконечными), вермишель, которую прислала ООН, и по горсточке сахара. Голодать никто не голодает, но долго прожить на таком рационе и не заболеть невозможно. Выручают ингуши. Не только власти — простые люди. Забывают бычка и приносят в лагерь. Или сладости для детишек тащат. («Напишите обязательно: ингуши нас так приняли, что если бы не они, мы бы пропали».)

Говорят, на первых порах между ингушской и беженской молодежью бывали стычки. Но сейчас подавляющее большинство ингушей прониклось сочувствием к своим братьям и соседям. Пример показали ингушские власти. Да и нелюдем надо быть, чтобы беженцев не пожалеть. Спрашиваю ингушских омовцев: «Трудно, когда столько беженцев?» — «Ничего, — отвечают, — выдержим. Последним поделимся». — «А если еще прибегут?» — «Всех примем. Кроме нас, никто их не примет». Один-единственный раз встретила с враждебным отношением к чеченцам вообще. Начальник другого омовского поста вдруг разразился потоком брани: «Мерзавцы, негодяи! Всех бы их — ну, кроме женщин и маленьких детей — всех загнать в Чечню и там уничтожить. Когда не трогают их, так они отсюда туда людей таскают и продают, а как приперло, так оттуда сюда побежали». Но это исключение. В основном ингуши на чем свет стоит ругают «ваххабистов» (и очень гордятся Аушевым, который еще два года назад выдворил из республики всех исламских проповедников — арабов), им приписывают все безобразия, а к остальным чеченцам относятся с бесспорным сочувствием.

В Назрани на улице Победы в крошечном домике теснятся сейчас три большие чеченские семьи, а было — восемь. Как они уместались? Никак. Спали по очереди. Всех беженцев хозяйка подобрала на улице. «Вышла за ворота, смотрю — сидят с детишками малыми. Я говорю: «Куда ж на ночь глядя — идите до дому». Хозяйева, чета пенсионеров, держат пять коров, так что попоить на завт-

рак своих постояльцев чаем с молоком и сыром вполне могут. А вот мяса старики теперь не едят: «На всех не хватает, даже на детей. Даже по малому кусочку. А мы с дедом не можем кушать, когда дети не кормлены». И — потихоньку, чтобы беженцы не слышали: «Боясь, только пенсии нашей на чай не хватит».

Крупный бизнесмен, депутат Госдумы от Ингушетии Михаил Гучериев в конце сентября прилетел по делам в республику. Увидел толпы неустроенных женщин с детишками на вокзале, тут же распорядился, чтобы подготовили им места в Карабулаке, на гучериевской строительной базе, в тех корпусах, где раньше жили словацкие рабочие. Теперь там самый благоустроенный беженский лагерь, где живут больше тысячи человек. Рядом с лагерем — ряды машин. Во многих из них ночуют главы семейств. Чеченцы всеми правдами и неправдами стараются попасть в этот, гучериевский, лагерь, но мужчинам там места найти совсем уж невозможно.

Больные и раненые

Самые большие бедаги — те, кто не смог пристроиться «по благу» и оказался в палаточном лагере в Кантышево на окраине Назрани. Тут одни брезентовые палатки, даже без деревянного настила, без буржеек. А ночью уже заморозки, да и дни стоят холодные и сырые. Но простудные болезни — не самое страшное. Несколько человек харкают кровью. В больнице в Назрани диагноз поставили — открытая форма туберкулеза, но положить к себе отказались: все забито до отказа и страшно перезаразить остальных больных. По той же причине не взяли женщину с желтухой. Обитатели лагеря не обижаются на назранских медиков — те по-своему правы, спрашивают только: «Скажите, кто-то же, наверное, должен решать проблему инфекционных больных?»

Около беженского лагеря в Сунже, на чеченской территории, развернут госпиталь Всероссийского центра медицины катастроф «Защита». Там прекрасные врачи и полное обеспечение медикаментами. Но госпиталь обслуживает только сунженский лагерь и беженцев, осевших на границе Чечни. Те, кто оказался на территории Ингушетии, могут рассчитывать только на ингушские больницы — в Осетии, Ростове или на Ставрополье их не принимают, мол, не обязаны брать «чужих». Ингушские больницы принимают, сколько могут, но они и раньше не пустовали, а тут наплыв раненых, тяжелобольных. Лекарств в больницах практически нет, как, впрочем, почти везде в российской провинции. Врачи объяс-

няют пациентам, чего и сколько надо купить. Беженцы, которым покупать не на что, занимают деньги у знакомых или соседей по палате. Нет лекарств и в медпунктах при лагерях.

В ингушской больнице, что расположена в станице Слепцовой (ближе других к границе с Чечней), отделение травматологии забито пациентами с осколочными ранениями, пострадавшими при бомбежке чеченских сел и Грозного. Когда в начале октября министр Шойгу, приехавший в Ингушетию, грозно спрашивал: «Какие еще раненые? Сколько раненых?», — ответа он не получил: ингушский министр здравоохранения не догадался прихватить на заседание точные цифры. Раненые были уже тогда. Из Ножай-Юртовского района, к примеру. Но потоком они пошли позже, когда начались бомбежки в районе 9-й горбольницы Грозного. Тогда все, кто мог, стали переправлять своих раненых родственников в Ингушетию.

Восьмилетняя Милана, если спросить, как ее ранили, начинает дрожать и безудержно рыдает. Следом разражается рыданиями ухаживающая за ней мама, и всхлипывать принимается вся палата. Отец с каменным лицом (тоже до сих пор не пришел в себя) рассказывает, что они на выезде из Ачхой-Мартана попали под обстрел. Взрослые из машины выскочили, но не успели вытащить Милану. Машину снарядом разнесло вдребезги, а Милане повредило ноги. Женщине из Старой Сунжи, где 27 сентября разбомбили школу и несколько жилых домов, раздробило осколками руку и ногу («Соседский дом снесло, они все до единого погибли, а у нас только мне досталось»). Ей пока не обещают, что рука и нога будут работать. На соседней койке пацан лет девяти. Мать боится при нем говорить, что он тоже может остаться без ноги. 5 сентября бомба разорвалась в центре села Замай-Юрт, где вечерами всегда тусовались подростки: там были киоски с аудиокассетами и лавка с игровыми автоматами. Больше двадцати человек скончались на месте.

«Девушка, я похож на боевика?» — требовательно спрашивает немолодой мужчина с койки в углу. На нем сильные очки в старой оправе, привязанные резиночкой, и на боевика он действительно ничуть не похож. Пятидесятидвухлетний бухгалтер-экономист, житель села Верхний Наур Надтеречного района, подробно рассказывает, как село вначале накрыли артиллерийским огнем, а потом разбомбили. «В первый день сказали, что это боевики нас обстреляли. Я, правда, сомневаюсь, чтобы у бандитов был «Град». Но на следующий-то день атаковали с воздуха, а уж бомбардировщиками отряд Мусы Межидова точно не располагает».

Раненые и нераненые говорят, что единственными жертвами бомбардировок оказываются мирные чеченцы. «Я ни одного случая не знаю, чтобы кто-то из боевиков пострадал», — захлебывается женщина из Серноводска. У нее тоже повреждены ноги — множественное осколочное ранение.

Серноводск совсем рядом с Ингушетией, и поначалу туда двинулись беженцы со всей Чечни. Прошел слух, будто глава администрации района договорился с российскими военными, что там будет зона мира и ее не станут бомбить. А 13 октября начали утюжить Серноводск и разнесли в щепки, помимо прочего, и те школы, где разместились беженцы. «Специально били туда, где мы прятались», — женщина начинает плакать. Иногда удается приблизительно вычислить, куда целила российская авиация, если раненые жили рядом, например, с нефтеперегонным заводом или телецентром. Но чеченцы убеждены, что единственная настоящая цель «федералов» — гражданское население.

Вид из зазеркалья

«За что страдают безвинные люди? — этим вопросом встречают все без исключения беженцы. — Хотят воевать с террористами — пусть воюют. А мы при чем?» Ничего в этом смысле не изменилось с прошлой войны. Тогда тоже чеченцы искренне недоумевали и негодовали: почему под видом борьбы с боевиками убивают их сыновей, мужей и их самих. Как и тогда, твердят: «В нашем селе боевиков не было». Как в 1994-м не верили, что истинная причина войны — провозглашение Дудаевым независимости Ичкерии, так теперь не могут связать бомбардировки с дагестанским походом и терактами в России. Выходки басаевцев и даже независимость представляются им слишком ничтожными пустяками, чтобы из-за них громили их дома. «К нам никакой Басаев не приходил, мы его и Хаттаба только по телевизору видели», — говорит жительница поселка Алпатово, что в Наурском районе. «Разве я виновата, что Басаев по соседству родился?» — недоумевает девушка из Элистанжи. (Кстати, это маленькое — всего в две улицы — село полностью разрушено. Там, по данным американских журналистов, которым удалось пробраться в Элистанжи, в один день хоронили сорок человек, в основном женщин и детей.) Чеченцы делают вывод: «Снова Россия решила нас всех уничтожить». — «Зачем?» — «Наверное, потому что мы — народ дружный и сильный. А вообще не знаем, зачем».

Для жителей России военная операция в Чечне — ответ на нападения и взрывы. Для чеченцев — неспровоцированная агрессия. Взрывы они единодушно считают провокацией. «Даже малые дети понимают, что это — дело рук ФСБ. Только ваши журналисты почему-то не понимают». — «Да они все понимают, — непременно в этом месте разговора кто-нибудь вмешается. — Они не могут правду-то сказать, им быстро рот заткнут». Когда напоминаешь, что в ту войну журналисты не боялись, что им заткнут рот, и под пули подставлялись, а теперь вот боятся ездить в Чечню, чтобы их не украл, немедленно следует: «Так ведь журналистов тоже по приказу из Москвы воровали». Вообще идея, что Москва сговорилась с бандитами, ваххабитами, Басаевым и использует их как предлог для уничтожения чеченского народа, разделяется едва ли не всеми.

Допытываюсь: «Масхадова народ сам выбирал?» — «Сам». — «Значит, к нему доверие есть?» — «Есть». — «Тогда почему он не может справиться с Басаевым и ваххабитами? Вы же говорите, что их всего несколько десятков, что народ тут ни при чем?» Здесь начинаются противоречия. Кто-то говорит: «Мы себе сами такой вопрос задаем. Нам кажется, что ему Москва мешает. Москва не хочет, чтобы в Чечне было спокойно». Кто-то, подумав, объясняет: «Это из-за кровной мести. Чтобы потом его семье не мстили». Многие отвечают, что Масхадов — слабый президент, что в нем ошиблись. «Но ведь и вы в своем Ельцине ошиблись, верно?» А тот самый бухгалтер из Надтеречного района прямо заявил, что Масхадов — такая же сволочь, как и Басаев, и Путин, и все они заодно.

К Дудаеву в свое время относились по-разному, но почти всегда страстно: кто с ненавистью, кто с обожанием. Масхадов, судя по отзывам беженцев, никому не интересен. Одни и те же люди на протяжении разговора могут отзываться о нем то хорошо, то пренебрежительно. В Дудаеве видели либо единственного защитника, либо, наоборот, главного виновника всех бед. Послушать беженцев, так Масхадов — не виновник, не защитник, а неизвестно что. Россия уничтожает чеченцев, а всякие там масхадовы-басаевы — не более чем предлог. Не будь их, нашли бы к чему еще прицепиться.

Путин превратился в такой же объект всеобщей страстной ненависти, каким в прошлую войну был Грачев. «Он не человек, он как машина». «У него даже лицо убийцы». «Клянусь, я за всю жизнь таких блатных слов не слышала, какие он по телевизору много раз говорил». (Это про «мочить в сортире»). И многие уверены, что сам Путин, а не разные телепрограммы, двадцать раз повторил про

«сортир». Собравшиеся вокруг женщины поддакивали и одобрительно кивали.)

«Он нас позорит, говорит, всех чеченцев надо уничтожать». Путин вообще-то говорит разные слова. И про «гадину на корню», и про то, что мы не воюем с чеченским народом, а чеченцы — российские граждане. Про гадину слышат, про граждан — нет. При том, что выпуски новостей стараются не пропускать. В вагонах есть несколько маленьких телевизоров — кое-кто прихватил с собой, — к ним сбиваются по вечерам толпы, а остальные, как и обитатели палаток, слушают новости в пересказе. В восприятии чеченцев каждое резкое слово премьера (не говоря уже о журналистах вроде Леонтьева или Доренко) адресовано именно населению, а не террористам или боевикам. Попытки убедить их в обратном успеха не имеют. «Никогда он не говорил, что мы — такие же люди, как все. Ни разу не слышала. А ты слышала?» Никто не слышал.

К боевикам и ваххабитам отношение более сложное. Понятие «боевик» вообще неотчетливое. «В селах же боевиков нет, зачем они по селам бомбят?» — «Это в ту войну боевики в села заходили, а теперь и близко не подходят, чтобы нас не бомбили — жалеют нас». — «А где же они живут?» — «Откуда мы знаем? В горах где-то». Кто-то, может быть, и лукавит. Но большинство на самом деле не вникает.

Эти чеченцы, которые вывезли своих жен и детей в Россию, живут не политикой, не идеями. У них совсем другие заботы и мерки. У кого-то может быть родственник басаевец. Придет в дом — ему супа нальют. Убьют его — оплачут и похоронят чин чином. Но боевиком его никогда не назовут. Боевик — слово ругательное, а эти люди ничего дурного не делают. Раз сбивают российские самолеты и вертолеты — так это герои-защитники. Хотя сочувствовать их идеям совершенно не обязательно.

До войны

«Ваххабит» — понятие более определенное. Они с лохматыми бородами, и у них свои порядки. «Среди них есть чистые ребята. Они просто против России. Они видели: Россия нас уничтожала, и хотят мстить за свой народ». — «У нас в Урус-Мартане много бородатых. Но это не ваххабиты, просто мусульмане». — «А эти «просто мусульмане» не требовали, чтобы женщины лицо закрывали, чтобы мальчишки отдельно от девочек учились?» — «Они говорили, но каждый делал, что хотел. Кто закрывал лицо, кто не закрывал. А учить-

ся отдельно, это так по исламу положено». — «У нас в Веденском районе были ваххабиты. У меня соседи такие. Но я даже платок не ношу. Через их двор всегда ходила — мне так короче — мне ни разу никто слова не сказал». — «Даже замечание ни разу не сделали?» — «Да кто им позволит? У меня отец есть, брат есть». — «А у нас в Грозном, — вступает в разговор крашенная блондинка, девушка с яркой косметикой и тоже без платка, — очень много ваххабитов. Я в педагогическом учусь, у меня один однокурсник стал ваххабитом. А раньше мы с ним в школе учились. Я ему говорю: «Рашид, ты же был современным парнем. Даже девушка твоя в джинсах ходила!» А теперь он нам замечания делает, что мы не так ходим, не то учим. А на 8 Марта студенты хотели в институте праздник устроить, и деканат согласился, а ваххабиты пришли и сказали: «Устроите вечер — институт сожжем». И мы вечер отменили». Большинство к ваххабитам относится без симпатии, но терпимо (за исключением грозненских студентов). При этом непременно укажут, что ваххабизм пошел из Дагестана, а многие добавят, что и Басаев-то сам — дагестанец. («У него род из Дагестана происходит».) Кого определенно не любят, так это Хаттаба. «Но он же не чеченец, чего к нам пристають?»

Попутно из беженских рассказов вырисовываются неожиданные подробности чеченской жизни 1996–1999 годов. Нам представлялась страна хаоса, где ничего, кроме бегающих с автоматами юнцов, нет. А оказывается, там работали школы и вузы, дети учились, как раньше, на русском языке (преподавание родного языка — два раза в неделю), по новым российским учебникам. Правда, в большинстве районов школы стали платными: от 30 до 100 рублей за ученика. «Чтобы учителям хоть немножко платить». Ни одна многодетная мать не сказала, что не нашла денег на школу. «Лучше на чем-то другом сэкономим». Только очень сокрушались, что заплатили за октябрь, а теперь все равно дети не учатся. «А у нас в Ножай-Юртовском районе району (в Чечне остались району! — «Итоги») запретило платные школы. Мы, учителя, зарплату получали последний раз в прошлом году, в сентябре. Но все равно все работали». Больницы до сих пор функционируют. Врачи, медсестры тоже работают без зарплаты. Больные приносят, кто сколько может.

Во время беседы в вагонах спросили: «Это надолго? На всю зиму?» — «Думаю, дольше», — отвечала я по возможности неопределенно. (Шофер-ингуш потом упрекнет меня: «Не надо говорить им правду. Им и так жить неохота».) «А как же в школу?» — пере-

положились женщины. В «благоустроенном» лагере, на гучериевской базе, пошел деловой разговор: «У нас 297 детей школьного возраста. Часть преподавателей мы найдем здесь же, среди беженцев. Они готовы даже бесплатно работать. Нельзя ли обеспечить нас помещением, пособиями — создать условия, чтобы дети учились?»

Все говорят, что жизнь после 1996-го была трудной и бедной. Но все же это была жизнь. Федералы воспринимаются не как избавители, а как разрушители даже и такой убогой жизни.

Российская власть пока не сделала ничего, чтобы поколебать их представление о себе как о враге и разрушителе жизни. Беженцам она не только толком не помогает — она с ними по-человечески не разговаривает. Им ни разу не сказали прямо, что их ждет и что им следовало бы делать. (К примеру, выходить через такой-то коридор, обустраиваться там-то на такой-то срок и проч.). Наоборот, им всячески демонстрируют, что права их в России ограничены и что они лица подозрительные. Им, например, непонятно, на каком основании запрещают выезжать из Ингушетии на своих машинах. Между тем именно беженцы — те, кто смотрит российское телевидение и готов отдать последнее, лишь бы ребенок получил образование по-русски, и есть те самые «мирные чеченцы», на которых вроде бы должна делать ставку российская власть в борьбе с бандитами. Они-то и есть российская опора в Чечне.

Семнадцатилетний юноша, сжимая кулаки, кричит мне: «Вы нас никогда не победите! Вы нас можете только уничтожить!» Пятнадцатилетний пацан при виде российских журналистов орет: «Пошли вон! Все пошли вон!» Низкий поклон их родителям, что увезли этих сопляков от войны. Это их заслуга, что мальчишки на этот раз не станут стрелять в русских солдат. Заслуги российского правительства тут нет.

Мышеловка

В соавторстве с Александром Гольцем

Успех первого этапа операции в Чечне военные объясняют тем, что политики им не мешали воевать правильно.

Но отсутствие политической цели приведет к поражению на втором этапе.

О «втором этапе» чеченской операции заговорили сразу, как только войска достигли Терека. Дней пять ушло на уяснение того, что именно подразумевается под «вторым этапом»: то ли закрепление на левом берегу Терека и организация «санитарного кордона» (к сторонникам таких действий относили и министра обороны, и самого премьера), то ли дальнейшее продвижение в глубь Чечни. Впрочем, большинство наблюдателей с самого начала склонялись к тому, что имеется в виду именно второй вариант. Главным лоббистом такого решения выступала сама армия, а точнее, группа генералов, командующих сейчас федеральной группировкой. Обласканные (впервые за последние годы) прессой и обществом, мечтающие будущими победами замазать свои прошлые поражения, они, как заклинание, повторяли с телеэкранов: «Не дай бог, политики нас сейчас остановят».

Они пересилили. После блицвизитов премьера Путина и маршала Сергеева на Северный Кавказ стало очевидно — наступление будет продолжено. Но ровно в тот момент, когда это решение было принято, операция потеряла ясную политическую цель, свелась лишь к реализации военного замысла.

Можно понять, зачем нужен «санитарный кордон» — обезопасить сопредельные районы от чеченских набегов. Когда же целью операции провозглашается уничтожение на территории Чечни любых вооруженных формирований (включая и национальную гвардию Масхадова), независимо от того, участвовали они в набегах на Дагестан и Ставрополье и имеют ли их командиры хоть какое-то отношение к взрывам в Москве и Волгодонске, это просто политическая бессмыслица.

Скажем, разворачиваются бои за Гудермес — второй по величине чеченский город. Между тем в Гудермесе командует Сулима

Ямадаев, весьма авторитетный в Чечне полевой командир, который летом 1998-го отогнал ваххабитов от города, а не так давно не позволил самому Шамилю Басаеву разместить здесь свой штаб. Еще недавно российские спецслужбы похвалялись, что им удалось установить с Ямадаевым контакт. Получи они от него гарантии нейтралитета, это было бы первой серьезной политической победой в нынешней кампании. Однако логика военных действий опрокинула все политические резоны.

Как учили

«Ну наконец-то воюем, как учили, по всем правилам военной науки», — с удовлетворением констатировал в разговоре с корреспондентом «Итогов» один из высокопоставленных российских генералов, непосредственно занятых планированием второго этапа операции в Чечне. И это чистая правда. Наши военные ведут наступление в мятежной провинции точно так, как они планировали вести широкомасштабную войну против стран НАТО в период блокового противостояния. Развернутая на Северном Кавказе группировка имеет четырехкратное превосходство над противником. Максимально используется превосходство в бронетехнике и артиллерии, по несколько десятков боевых вылетов в день совершает авиация. Командующий Западной группировкой генерал Владимир Шаманов не делает секрета из тактики российских войск, она «проста и позволяет избежать потерь среди личного состава». Федеральные силы, встретив сопротивление, тут же отходят назад, и в дело вступают артиллерия, авиация и даже тактические ракеты «Точка-У». Ровно так предполагали действовать на европейском континенте. Единственное отличие: авиабомбы, снаряды гаубиц и боеголовки ракет снаряжены обычным, а не тактическим ядерным боезарядом.

Все бы хорошо, но шквал огня сметает не только боевиков, но и целые кварталы вместе с жителями. Страшная история с бомбардировкой грозненского рынка лишней раз показала, чего стоят заверения генералов, будто все удары наносятся исключительно по боевикам. Да и «зачистки» не способствуют укреплению российско-чеченской дружбы. «Зачистка», по военной терминологии, — прочесывание. Поскольку критериев, как отличить боевика от небоевика, не существует, четких инструкций, как вести себя в том или ином случае, тоже нет, то солдаты-призывники действуют по сво-

ему усмотрению. «Покажи руки! Воевал против наших? Как докажешь, что не воевал?»

То и дело возникают конфликты из-за паспортов. У многих чеченцев документы вместе с домами сгорели еще в той войне или потеряны. Спрашивается, что должны делать бойцы внутренних войск, когда задерживают чеченца без паспорта или когда паспорт есть, но ичкерийский, с волком на гербе? (Молодежь в Чечне никакого другого просто не могла получить.) Как рассказывают беженцы из станицы Червленной, там вопрос решили просто: забрали молодежь и увезли в неизвестном направлении.

Можно только догадываться, из каких соображений был закрыт проход для беженцев, стремившихся покинуть Чечню. Скорее всего из-за опасений, как бы под видом мирных жителей не проникли в тыл войскам боевики. В итоге самые яростные бомбардировки пришлось как раз на период, когда люди не могли от них убежать. По сути, те, кто принял такое решение, прямо сработали на самых радикальных боевиков, которые всячески пытаются воспрепятствовать исходу чеченцев из республики. Таким образом, все, что делается в отношении чеченцев, работает в лучшем случае на обеспечение безопасности тыла наступающей армии. Но никак не на создание долговременных отношений с местным населением.

Найти врага

Чем увереннее ведут себя генералы, тем очевиднее становятся метания политиков. Вроде бы приняли решение о формировании «правительства в изгнании». Собрали ошметки давно забытого парламента 1996 года, сформировали из него Госсовет, выбрали председателя, Малика Сайдуллаева, и через неделю благополучно забыли о его существовании. Назначили бывшего главу завгаевского правительства Николая Кошмана начальником по Чечне, он тоже как сквозь землю провалился. Объявив Масхадова вкуче с парламентом 1997 года нелегитимными, Москва отрезала себе пути к политическому урегулированию даже в дальней перспективе. «Зачем мы будем выбирать? — недоумевали беженцы-чеченцы. — Мы уже один раз выбрали президента, вроде бы он Москве нравился, а теперь с ним и разговаривать не хотят». Особых симпатий к Масхадову большинство из них не испытывает, но как раз та часть чеченского общества, на которую до начала военной кампании могла бы опереться Россия,

считает, что какой-никакой, но он законный президент. Попытки найти политических союзников-чеченцев при нынешнем способе ведения войны нереальны.

Впрочем, далеко не факт, что этот способ эффективен с чисто военной точки зрения. Согласно оперативным сводкам, чеченские военные формирования (видимо, не способные противостоять «простой тактике» генерала Шаманова) почти без сопротивления сдают одну за другой господствующие высоты, покидают населенные пункты. И тут возникает естественный вопрос: согласно данным разведки, нашим войскам противостоит 30–40-тысячная чеченская армия. Не обнаружить такого количества отступающих войск просто невозможно. Таким образом, либо российские стратеги позволили им отойти, не сделав попытки уничтожить противника на марше, когда тот просто беззащитен, либо наши войска пока что сталкивались только с мелкими группами — заслонами и подразделениями прикрытия. Любому грамотному военному известно, как опасно «потерять противника»: если неизвестно, где находятся основные силы врага, значит, внезапного удара можно ждать с любого направления. Не исключено, что, оказывая на определенных направлениях «точечное» сопротивление, чеченские командиры намеренно провоцируют армию на взятие Грозного, где превосходство федералов будет сведено на нет: авиацию в уличных боях использовать нельзя, чтобы не попасть по своим, а танки и самоходные гаубицы становятся на улицах легкой мишенью.

Пока что генералы уверяют, что и не собираются брать Грозный штурмом. Они намерены превратить чеченскую столицу в мышеловку для боевиков и таким образом реализовать план генерала Пуликовского, который летом 1996 года, после того как боевики захватили город, собирался разом покончить со стянутыми туда основными силами противника. Тогда политическое руководство страны испугалось жертв среди мирного населения. Сегодня чеченскими жертвами в России никого не испугаешь.

Можно предположить, что, исходя из требований «простой тактики», генералы попытаются надежно окружить город и предъявить чеченскому руководству (знать бы только — кому) ультиматум с требованием капитуляции. А когда он будет отвергнут, военные дадут один-два дня мирному населению, чтобы выйти (можно не сомневаться, что мужчин, которые попытаются покинуть зону

боев ждут фильтрационные лагеря). После чего по боевикам начнут бить артиллерия и авиация.

Однако этот план вряд ли удастся реализовать. Во-первых, население не то что за дни, даже за неделю не успеет покинуть Грозный. Во-вторых, уничтожить огнем артиллерии и ракетно-бомбовыми ударами формирования противника практически невозможно. К тому же, как только начнутся массированные артиллерийские и бомбовые удары по Грозному, Москва окажется в довольно сложном положении: картина городских кварталов, которые один за другим сносятся артогнем, — это слишком сильное зрелище для Запада, который уже сейчас, когда очередной «точечный» удар по дому Басаева уничтожил все вокруг в радиусе ста метров, весьма резко критиковал Москву за отказ вести переговоры. Стало быть, на военных будут давить, чтобы они закончили дело как можно быстрее. В результате армия вяжется-таки в уличные бои, что и требуется Масхадову, который четыре года назад показал, как надо жечь танки, вошедшие в город.

Если же боевикам до того, как федералы сомкнут кольцо вокруг Грозного, удастся вывести из него основные силы, дело может обернуться еще хуже. Когда российские войска втянутся в бои на городских улицах с мелкими отрядами, чеченцы нанесут с тыла внезапный удар. Это может быть и рейд в Дагестан, откуда федералам к тому времени придется вывести в Чечню большую часть войск.

Возможно и взятие Грозного вообще без боя: в прошлую войну боевики, по признанию одного из полевых командиров, приняли бой в городе с единственной целью — ожесточить население против русской армии. Сегодня население и так видит в наступающих войсках врага. Ополченцы могут сразу уйти в горы, чтобы затем нанести в тылу еще более страшный удар. Мышеловка для боевиков обернется мышеловкой для российских военных.

Искренне не желая этого, российское руководство обречено повторять ошибки прошлой кампании просто потому, что вновь позволило втянуть себя в войну, не представляя, каковы ее цели и что будет называться победой. Отсюда все напасти: доминирование военной логики над государственной, политическая невнятица, бессмысленная жестокость по отношению к чеченцам. Ну допустим, что мы недооцениваем Российскую армию и она победным маршем пройдет через всю территорию Чечни. Это же не означает, что в Чечне вообще не останется людей и что некому бу-

дет вести партизанскую войну. Дома не перестанут взрываться. Людей будут воровать по-прежнему. (Кстати, из Ингушетии уже после установления кордона успели утащить в Чечню несколько человек.) Опыт прошлой войны должен бы научить: боевики неистребимы. Можно занять Грозный, Гудермес и все по очереди населенные пункты. Можно загнать боевиков в горы и там «мочить». Они вернутся. Если сбудется мечта генерала Трошева и ему принесут в подарок голову Шамиля Басаева, место героя Буденновска тут же займет Ширвани Басаев или кто-то еще моложе, но не менее «крутой». Война на уничтожение неизбежно воспроизводит саму себя.

Фильтр грубой очистки

Российские генералы попытались упорядочить поток беженцев через чеченскую границу, но в результате получили полный хаос.

На первый взгляд безумие, учиненное российскими военными на чечено-ингушской границе, не имеет не только оправдания, но и объяснения. Закрыть выход из Чечни — такого можно было ожидать от боевиков, но никак не от регулярной российской армии, заинтересованной как раз в том, чтобы в зоне боевых действий осталось как можно меньше народу. Объявить людям, скопившимся у границы в ожидании спасительного коридора, дату, когда движение будет восстановлено, а потом трижды переносить ее, могут только те, кто ни разу в жизни не видел давки и не имел дело с обезумевшей толпой. Наконец открыв границу, установить никому не понятные правила ее пересечения, когда попадание туда, за проволоку, зависит прежде всего от того, как скоро ты со своими болячками и орущими детьми попадешься на глаза сердобольному солдату, дежурящему у КПП, — значит с вероятностью сто процентов получить Ходынку.

Страшно кричащие женщины с детьми на руках, лезущие на колючую проволоку, и солдаты, вяло их отгоняющие, эти кадры обошли все ведущие мировые телеканалы. Российские политики с недавних пор любят поговорить об «информационной войне», которую власти просто обязаны выиграть и внутри страны, и на Западе. История с беженцами сделала победу невозможной. Для западных критиков российской политики в Чечне тема беженцев беспроигрышна. Можно оправдывать боевые действия необходимостью бороться с террористами. Можно пытаться (хотя и без особого успеха) отрицать, что бомбардировки приводят к многочисленным жертвам среди мирного населения. (Эти упреки российские политики неизменно переадресуют Западу — дескать, сами в Косово и по колонне беженцев попадали, и по китайскому посольству.) Но как объяснить, почему людям не дают уйти из зоны боевых действий? Ни в какую правовую логику это не вписывается. От-

рицать же очевидное не хватает духу. Можно не сомневаться, что, даже если на границе вскоре наведут порядок, эта картинка — обезумевшие женщины, штурмующие проволочное заграждение, — так и останется для западной общественности образом российской политики в Чечне.

Кремль попытался просто уйти, спрятаться от неприятной беженской темы. По имеющимся у «Итогов» сведениям, первому и второму каналам кремлевская администрация рекомендовала «не муссировать». Если проблемы не касаться, то вроде бы ее и нет. Но закрыть тему все равно не получится: во-первых, есть еще НТВ, заткнуть которое не так просто, во-вторых, тот же Запад не из «Вестей» черпает информацию. Указания государственным каналам — это скорее от отчаяния, от желания «сделать хоть что-нибудь», чтобы выбраться из ямы, в которую сами же себя загнали.

Резкие заявления ингушского президента Аушева — тоже свидетельство информационного и политического поражения российской власти. Аушев, напомним, назвал порядки, царящие на границе, издевательством над людьми и объявил о начале расследования законности действий российских военных. Ясно, что ингушское Министерство юстиции действия российских военных, ограничивших свободу передвижения чеченских беженцев в Ингушетию и обратно, признает незаконными — нет такого закона, по которому можно мешать российским гражданам перемещаться по стране. Но не менее ясно, что никаких практических шагов за этим решением не последует. И все же это первый со времен Хасавюрта демонстративный вызов Кремлю, брошенный ингушским президентом. Аушев знает, что ингуши не простят ему ничего, что может поссорить их с чеченцами. Поэтому лояльность Москве он хранил ровно до тех пор, пока она не вступила в противоречие с его ролью защитника-покровителя чеченских беженцев. Последние действия военных убедили вайнахов, что цель их — не ликвидировать банды боевиков (которых, к слову, в Ингушетии клянут последними словами), а расправиться с братским чеченским народом: иначе для чего подвергать мирных жителей, как раз от войны-то и бегущих, таким унижениям? Не выступи Аушев так жестко, его сочли бы предателем.

Ограничить прохождение беженцев — это инициатива военных. Им не нравилось, что чеченцы свободно ездят из Чечни в Ингушетию и обратно. Эти поездки туда-сюда кажутся особенно подозрительными — вот и исполняющий обязанности генпроку-

рора по приезде в Моздок первым делом заговорил о каких-то «дирижерах», которые якобы «регулируют, сколько придет, сколько уйдет». На самом деле люди ездят по своим домашним надобностям: за вещами, за оставшимися родственниками, подкопать картошки с огорода — есть-то хочется. Один глава беженской семьи сокрушался: «Знаешь, сколько банок с вареньем и огурцами осталось дома! Хоть бы два десятка привезти — здесь бы продал. А то ведь все пропадет».

Разговоры, что под видом беженцев на территорию России проникают боевики, ходят с первых дней кампании. Но ведь за полтора месяца ни один не попался: поймали бы — тотчас предъявили бы общественности.

Армейское руководство больше всего боится, что уже после установления «санитарного кордона» боевики вдруг окажутся у них в тылу. Если это случится, миф о «победоносной войне» будет разрушен, эйфория, в которой сейчас пребывают граждане и большинство СМИ, сменится разочарованием. Иными словами, российские генералы убеждены, что боевикам грех было бы не попытаться просочиться в Россию под видом беженцев. Такого рода страхи породили у военного начальства желание контролировать людской поток. Поначалу это виделось делом совсем не сложным: временно закрыть границу, поставить КПП со своими солдатами (ингушскому ОМОНу армейское начальство не доверяет) и проверять всех проходящих. Однако вскоре обнаружилось, что никто толком не знает, как, собственно, должна осуществляться фильтрация. Какое нужно установить оборудование на КПП, где его взять, на что в первую очередь обращать внимание: на пол, возраст, наличие паспорта? Наконец, главная проблема: по каким признакам выявлять боевиков? Пока решались все эти вопросы, беженцы все прибывали. Толпа в конце концов разъярилась и пошла на проволоку прямо на глазах у журналистов. Пришлось открывать пункт, так толком и не уяснив, в каком режиме он должен работать. Получилось черт знает что. В первый день еще пытались что-то как-то отсеивать и в результате пропустили всего около ста человек. Поняли, что эдак и за два месяца не управятся — ускорились вдвое. На следующий день еще вдвое. Если бы боевики в самом деле задались целью «просочиться под видом беженцев», то лучше всего было бы делать это именно сейчас.

Армия в очередной раз взялась не за свое дело и, естественно, обнаружила полную беспомощность. Беда в том, что заменить

сегодня военных на бойцов внутренних войск — это не выход. Внутренние войска комплектуются не из профессионалов, а из тех же призывников. В прошлую чеченскую войну на тогдашних дорожных КПП стояли именно омовцы. Работавшие тогда в Чечне журналисты не раз наблюдали, как они в полной растерянности вертели в руках чеченские паспорта или справки об утере документов: пойдй поймай без специальной подготовки — подлинная бумага или фальшивая. В России нет органов или структур, которые смогли бы четко и профессионально организовать фильтрацию. Нет кадров, опыта, наработанного алгоритма действий. Фильтрационные лагеря прошлой войны — лучшее тому подтверждение. По существу это были концентрационные лагеря, где пытали и убивали, но только не проводили следственные действия.

Можно, конечно, поставить металлоискатели. Так ведь даже в аэропортах они звенят от молнии или ключей. Можно попробовать раздевать и обыскивать всех до единого. Но заставить чеченца (не говоря уже о чеченке) раздеться — значит нанести ему смертельное оскорбление, которое не будет прощено. Как известно, в милиции, где работают какие-никакие профессионалы, на выяснение личности отводится трое суток. Здесь же эта процедура должна быть проведена за считанные секунды. Если КПП приживутся, они очень быстро превратятся в пункты вымогательства, как это было в прошлой войне.

Сегодня российские власти, похоже, озабочены уже не столько фильтрацией, сколько тем, как бы, не потеряв лицо, поскорее разрядить обстановку на границе и не обидеть при этом военных. Им в угоду правительство, по всей видимости, все же пойдет по пути создания новых КПП. Если, конечно, боевики не проявятся на сопредельных с Чечней территориях и не докажут тем самым полную неэффективность этих мер.

Арифметика общественной глухоты

Власти заинтересованы в сокрытии истинных потерь в Чечне, да и общество не больно-то хочет знать правду.

Николай Николаевич Власов разошелся с женой, когда сыну было одиннадцать. Мальчик остался с отцом. Станислав был для Власова-старшего не просто единственным ребенком, а единственной целью и смыслом жизни. Как это порой бывает в неполных семьях, у них сложились особо доверительные отношения. Из армии парни если и пишут, то обычно девушке, изредка матери. Стас писал нежные письма отцу: «батяня», «настоящий братишка» («братишками» называют друг друга спецназовцы в Армавирском отряде внутренних войск, где служил Станислав). Николай Николаевич говорит, что, когда в первых числах сентября навещал Стаса в Армавире, у обоих было чувство, что это их последнее свидание. Возможно, ему задним числом так кажется. Станислав Власов погиб 9 сентября 1999 года в Дагестане. Он был в числе первых десятков жертв нынешней войны.

Повидавшись с сыном, Николай Николаевич уехал в командировку. Когда вернулся домой, в Йошкар-Олу, сразу же позвонил в часть. Ему сказали: «Мужайтесь. Ваш сын погиб». Еще сказали, что вроде бы тело Станислава сейчас где-то в Дагестане, но где именно — «сведения уточняются». Николай Николаевич — ревизор Сбербанка, отделения которого, как известно, имеются в каждом мало-мальски заметном населенном пункте России. По своим сбербанковским каналам он уже через два часа получил исчерпывающую информацию: тело Станислава лежит в махачкалинском морге и значится как не востребовавшее. Николай Николаевич костыми лег, чтобы ускорить отправку тела домой, — все свои сбербанковские связи подключил. Местный йошкар-олинский военком не нашел бензина, чтобы доставить гроб от железнодорожной станции в город, — эти последние сто двадцать километров Стасика везли на машине отделения Сбербанка. В сознании Николая Николаевича просто не укладывалось, как так можно обращаться с людьми. Позже он направил письмо с жалобой на военкома и вообще на всю эту

безддушную машину. («Я вот о чем все время думаю, — говорил он корреспонденту «Итогов». — Если у меня, жителя республиканского центра со всеми моими связями так, то каково же где-нибудь в глубинке».) Пришел ответ за подписью врио начальника Главного штаба ВВ МВД России генерал-лейтенанта Львова: «Кроме оплаты ритуальных услуг, войсковой частью перечислено в ваш адрес и адрес матери Станислава единовременное пособие в сумме по 25 тысяч 90 рублей каждому...» Как будто Николай Николаевич требовал денег за смерть сына.

Вскоре после похорон Власов связался с однополчанами сына — попросил написать о последних его днях и часах. Ответ пришел не по почте — письмо передавали из рук в руки, чтобы миновать военную цензуру. Николай Николаевич предусмотрительно показывает его без последнего листа, где подпись, чтобы не подвести «братишку».

Пять страниц, исписанных круглым школярским почерком, почти без запятых, повествующих о том, как поступила команда выдвигаться в Моздок, а оттуда сразу, без отдыха — в Дагестан, в Новолакский район. И поспать-то почти не дали, ночью бросили на стратегически важную высоту. Рассказ бесхитростный и подробный: «ели там сухпак 1 на 4–5 человек, а в нем две банки каши и 1 тушенки и пакет сухарей» или «по дороге перепутали нужный поворот и поехали в село Новолакское... на обратном пути попали в засаду, но слава богу отстрелялись и ушли все живы...»

На высоте, к счастью, никого не оказалось, ее взяли «тихо без единого выстрела. Пришли заняли высоту у чехов там уже были выкопаны окопы, в окопах были ковры, матрасы, хавчик, они туда приходили как на работу, а ночью уходили по домам». Сколько можно судить, замысел у командования был такой: встретить вернувшихся «на работу» боевиков в их же окопах. Не получилось — спецназовцев засекли и стали обстреливать со всех сторон. Но, сидя на господствующей высотке в оборудованных окопах, бойцы чувствовали себя вполне уверенно.

Когда командир отряда получил приказ оставить высоту, он не поверил своим ушам. Трижды связывался по рации, переспрашивал. Трижды ему во все более и более энергичных выражениях приказывали: немедленно уходите! Спецназовцы тоже сначала не поверили: ведь действительно стратегически важная, самая высокая точка в этом районе! Да потом перебьют же всех по дороге к чертовой матери. Спускались под шквалом огня. «Пока-

зались наши самолеты, сначала им обрадовались. Пролетел над нами, осмотрелся и пошел на боевой заход, скинул 4 бомбы одна упала рядом с пацанами в 2–3 метрах другие ушли дальше. Вот и она эта тварь одна и убила Стаса посеколо осколками и муха у Стаса сдетонировала которая висела у него за спиной. («Муха» — одноразовый гранатомет. — «Итоги».) Тогда погибло 10 человек... Потом самолет пошел на боевой заход и уже начал с пулеметов, и даже зеленые ракеты не помогли (зеленая ракета — это знак «свой». Накануне один вертолет тоже по ошибке начал палить по спецназовцам, но, увидев зеленую ракету, ушел. — «Итоги»), все разбежались кто смог кого оттащили. Потом самолеты улетели. Когда пацаны поднялись туда где бомбили стали тащить раненых оттуда офицеры стали орать кидай раненых а то сами не уйдем. А в последствии командиры все начиная от командира отряда просто кинули пацанов и ушли...

Трудно требовать от отца, потерявшего сына, чтобы он, прочитав такое, не обвинил командиров в прямом предательстве. И на трезвую-то голову не вдруг сообразишь, что приказ оставить высоту был отдан, по всей видимости, потому, что поступило сообщение о скором налете авиации, остановить который уже не представлялось возможным. Пока спецназовцы вели переговоры с начальством, пытались возражать, время ушло, и они попали под бомбы. Что касается командира отряда, то известно, что он про-рвался за подкреплением, но вернуться не смог, поскольку сам был тяжело контужен. Но Николаю Николаевичу не до этих тонкостей, он знает другое: три дня брошенные на произвол судьбы спецназовцы прорывались к своим. Еще три дня ушло на штурм — уже не тихий, ночной, а настоящий, с соответствующими потерями — чертовой высоты. И все это время тело Стаса, его мальчика, лежало где-то в кустах. Отряд из 80 бойцов потерял в этой операции только убитыми 34 человека.

Николай Николаевич читал в письме: «Вы наверное спросите что же с ним стало после того как у него сдетонировала муха. Тело у него было целое не считая нескольких ран, а от головы осталось только подбородок его маленький и губы... И опять вы спросите как же я его узнал... Он был в своей форме и в своих кроссовках...»

В поисках правды

С того момента, как Николай Власов получил это письмо, целью его стало добиться наказания тех, кто повинен в гибели Стаса

и Армавирского спецназа. Он написал однополчанам сына: «Ни один из погибших или раненых, ни одна капля вашей крови не останется не отмщенной. Клянусь вам, братишки, что сделаю все возможное и даже невозможное, чтобы должностные лица, причастные к гибели наших ребят, были наказаны... Клянусь памятью Стаса».

История загубленного Армавирского спецназа получила огласку. В этом заслуга не только Николая Николаевича, о трагедии писали «Аргументы и факты», «Московские новости», был показан сюжет по НТВ. Но Власову этого, разумеется, недостаточно. Он добился признания себя законным представителем потерпевшего, а потом и возбуждения уголовного дела. В прокуратуре ему обещали, что уже к концу января подготовят и дадут на ознакомление обвинительное заключение. Правда, Николай Николаевич все равно убежден, что «виноватым сделают стрелочника», да и того «под какую-нибудь амнистию подведут».

Бумаги — переписку Николая Власова со всевозможными инстанциями и ведомствами — перебираешь со сложным чувством. Постороннему человеку видно то, чего не может заметить погруженный в свое горе отец: почти во всех письмах угадывается желание «ответить по-человечески». Замглавкома внутренних войск Кавун отвечает на раздраженное, резкое письмо Власова: «Мы благодарны вам за воспитание сына, настоящего защитника Отечества, до конца выполнившего свой долг!» В бумагах из прокуратуры неизменно присутствуют слова: «С искренним сочувствием Вашему горю», вообще любой ответ начинается с выражения соболезнования. Правда, телеграмма с соболезнованием за подписью Рушайло адресована матери Стаса, а не растившему его отцу, но это уже придирки. Впору удивиться тому, что наши силовики научились хотя бы по-человечески разговаривать с родителями погибших (в первую чеченскую войну офицер мог бросить в лицо матери погибшего солдата, числившегося без вести пропавшим только потому, что его труп никто не потрудился поискать: «Ты мать предателя и пошла вон отсюда!»). Но как подумаешь, при каких обстоятельствах погибли Стас и многие его товарищи, всякое умиление как рукой снимает. Неудивительно, что все эти письма с благодарностями отцу, воспитавшему сына-героя, даже орден Мужества, которым Станислава наградили посмертно, Николай Николаевич воспринимает как крайнюю степень цинизма. Если бы хоть не ввали, а то вот как описывает обстоятельства гибели Ста-

нислава уже упоминавшийся генерал-лейтенант Львов: «...в 13.15 отряд вступил в бой с группой боевиков в районе юго-восточнее села Ахар. В 13.30 этого же дня в результате близкого разрыва боеприпаса Станислав получил смертельное осколочное ранение в голову...» Все правда. И про бой, и про смертельное осколочное ранение в голову. И в то же время вранье, потому что погиб Стас не от вражеского гранатомета, а от своей бомбы. Еще из того же письма: «Ваш сын Станислав огнем из штатного оружия уничтожил 7 боевиков». И дальше про орден и про соболезнавания. Кто в том аду считал, из какого оружия сколько боевиков уложили? «Щедры награды вешали, — говорит Николай Николаевич, — всем и мертвым, и живым, чтобы рты замазать».

Николай Власов, как ни тяжело ему вновь и вновь ворошить пережитое, готов встречаться и разговаривать с журналистами, следователями — со всеми, кто заинтересован в установлении истины. Но таких, как он, единицы. Большинство родителей в ответ на просьбу встретиться отвечают: «Не могу. Слишком больно». Сколько солдат погибло в нынешней войне? Сколько матерей и отцов, оцепеневших от горя? Точно ответить на этот вопрос можно будет лишь тогда, когда будет составлен полный мартиролог. А пока общество питается слухами, догадками и прикидками.

Аргументы и цифры

Все пропагандистское обеспечение кампании строится на том, что эта война не похожа на предыдущую. В первую очередь тем, что на ней берегут солдат. История Армавирского спецназа, однако, показывает: не больно-то получается беречь. В сентябре после боев в Новолакском районе Дагестана было официально объявлено о 285 погибших и более чем 500 раненых. Впоследствии сведения о потерях в чеченской кампании давали то с учетом, то без учета погибших в Дагестане и этим объясняли существенные расхождения в цифрах. Есть еще один сбивающий с толку момент: как правило, каждое ведомство считает своих погибших отдельно: Минобороны, к примеру, в начале ноября называло цифру 181 погибший, МВД — 120 (потери на территории Чечни, без Дагестана). В какой мере эти данные достоверны, сказать трудно. Поход по равнинной части Чечни до Терека в нынешнюю, да и в прошлую кампанию — наименее кровавая часть операции. Вместе с тем уже тогда, в октябре, военные власти предпринимали все от них зависящее, чтобы никто «вневедомственный», не дай бог, не получил доступ к сведениям о потерях.

В прошлую войну члены Комитета солдатских матерей мотались по всей республике, по обе стороны линии фронта, по госпиталям, воинским частям и проч. Тогда у них была возможность расспрашивать солдат, офицеров и таким образом оценивать, насколько официальные сводки о потерях отличаются от реальности. В эту войну солдатских матерей стараются никуда не пускать. То же и с журналистами. Кроме того, в прошлую войну большинство раненых отправляли в ближайшие к Чечне госпитали: Моздокский, Ростовский, Махачкалинский — так что оценить их число было достаточно просто. С самого начала этой кампании раненых рассовывают небольшими партиями по всей стране.

В ноябре, когда начались первые после Дагестана серьезные бои и сопутствующие им масштабные потери, нестыковки в официальных данных о погибших стали совсем уж явными. 19 ноября Росинформцентр сообщил: за время антитеррористической операции погибло 462, ранено 1468 бойцов, не уточняя при этом, идет ли речь только о бойцах Минобороны или также и внутренних войск. 26 ноября зам. начальника Генштаба генерал Валерий Манилов дает другие цифры: 286 убитых, 1500 раненых. Если в первом случае речь шла о суммированных потерях, а во втором не учитывались служащие МВД, то почему совпадает число раненых? 9 декабря (время тяжелых боев на подступах к Грозному) тот же Манилов вдруг объявляет о 259 убитых и 709 раненых. За это время 27 человек воскресло?

Чем тяжелее бои (штурм Грозного, операции в высокогорных районах, партизанские вылазки), тем труднее разбираться в официальных цифрах. К примеру, 10 января (через день после того, как боевики предприняли атаки одновременно в Шали, Аргуне и Гудермесе) ИТАР-ТАСС со ссылкой на очевидцев из числа военных сообщил о гибели 26 бойцов в одном только Гудермесе. Два дня спустя в Минобороны утверждали, что число убитых за последние три дня не превышает и десяти человек. 14 января Интерфакс со ссылкой на источник в штабе Объединенной группировки дал цифру — более 30 убитых за минувшие сутки. Немедленно последовали официальные опровержения Минобороны и штаба Восточной группировки. Первое ведомство сообщало, что в действительности 13 января погиб один боец и ранено 13, второе — убит один и ранено трое. Опрос ВЦИОМ показал, что в ноябре не доверяли официальным данным о потерях 62% граждан, в январе этот процент вырос до 67%.

Естественно, в такой ситуации различные общественные организации пытаются своими силами получить данные, хотя бы приблизительно похожие на правду. Комитет солдатских матерей собрал сведения о погибших в тех регионах, где у него есть сильные местные организации. Скажем, в Краснодарском крае еще до января насчитали 56 похоронков. В Свердловской области тоже набралось несколько десятков, в основном из внутренних войск. В Волгоградской, Челябинской областях по тридцать–пятьдесят. Прикинули, что вместе с январскими убитыми (январские похоронки еще не пришли, так что на глазок определили: никак не меньше двухсот погибло в последних боях) получается человек по сорок на регион. Регионов в России 88 (Чечня не в счет). Отбросили Москву, Питер (из столиц со времен Афганистана на войну стараются не посылать), Мурманскую область — там пока известно лишь о восьми погибших, Корякский, Чукотский и проч. автономные округа. Осталось 80. Умножили 40 на 80 — получили около 3 тысяч. Все эти расчеты более чем приблизительно, но ничего другого пока у нас нет.

Когда комитет обнародовал эти оценки, Валерий Манилов сразу же заявил, что «подобные сведения способны привести к изменению вектора поддержки российских войск». Пресс-служба Минобороны по привычке разразилась политическими обвинениями: «Распространение таких данных имеет целью понизить растущий авторитет Вооруженных сил России». Возражений по существу ни из Минобороны, ни из Росинформцентра не поступило. «А ведь так легко было бы нас опровергнуть, — с горечью замечает Валентина Мельникова, председатель Комитета солдатских матерей. — Стоило лишь прислушаться к нашим настоятельным просьбам и узаконить практику поименной публикации — увековечения памяти всех павших бойцов. Как это было в Первую мировую. Тогда бы никто не колдовал, не прикидывал приблизительно». Дважды Комитет солдатских матерей пытался провести такой закон: в 1995-м через первую Думу и в 1997-м — через вторую. Оба раза законопроект получал разгромный отзыв из Генштаба и застревал в Комитете по обороне. Довод генералов: «Публикация неэтична(!) по отношению к родственникам». Уже в ходе нынешней войны солдатские матери обращались и в правительство, и к силовикам с предложением ввести порядок обязательной публикации списков павших. Тщетно.

Впрочем, дело не только в стремлении властей скрыть истинные масштабы потерь. По данным того же ВЦИОМ, число сто-

ронников антитеррористической операции не уменьшается, а растет. 59% опрошенных согласны на силовое, а не переговорное решение чеченской проблемы даже в случае больших потерь (в ноябре таких было 52%). А коли так, коли решимость идти до конца не убывает, то получается, что само общество не слишком заинтересовано в том, чтобы получать правдивую информацию. В Афганистане погибло 15 тысяч — советское общество этого не заметило: не знали потому, что не хотели знать. А не хотели потому, что незачем было. В прошлую чеченскую войну с ростом потерь росло и антивоенное движение. На сей раз антивоенного движения нет и быть не может: огромное большинство россиян уверено, что иначе, чем силой, чеченский узел не разрубить.

Представители беззакония

Продали российские власти Андрея Бабицкого боевикам или просто делают вид, что продали, — в любом случае они усвоили бандитский обычай своих врагов.

Чудовищную историю с Андреем Бабицким некоторые аналитики уже объявили «провокацией против Путина». В самом деле, если бы кто-то хитрый и злобный задался целью поссорить российские власти с журналистами, лучшего хода ему не найти. Однако не в первый раз нагромождение нелепых нескоординированных действий российских силовиков выглядит воплощением хитроумного злодейского плана. Сколько-нибудь убедительной гипотезы, что же на самом деле случилось с корреспондентом радио «Свобода», на момент, когда пишутся эти строки, не существует. От этого всем только страшнее.

Обмен или обман?

Официальная версия «обмена» не вызывает доверия. Во-первых, никому до сих пор не удалось найти выреченных за Бабицкого солдат. Ни Комиссии по делам интернированных и военнопленных, в которой собираются все такого рода сведения, ни Комитету солдатских матерей ничего не известно про рядовых, якобы полученных за Бабицкого. Власти похвалялись, что спустя несколько дней после «обмена» Бабицкого на рядовых, под него же отпустили еще двух офицеров. Ни разу за все время работы в «горячих точках» не слышала про подобные двухходовые обмены: все всегда происходит строго из рук в руки, чтобы не надули. Газета «Коммерсантъ» установила, что эти офицеры были освобождены в ходе спецоперации. Время от времени возникают некие безвестные чеченцы, которые подтверждают, что Бабицкий у них. Например, 9 февраля такое признание сделал некто Шарип Юсупов, назвавший себя «представителем Масхадова» (между тем Масхадов официально закрыл представительство в Москве после ареста в октябре настоящего представителя Майрбека Вачагаева). При этом он ссылаясь на полевого коман-

дира Асланбека Исмаилова. Вроде как Бабицкий в его отряде, и отряд выбирается к югу, и потому все засекречено и никто не в курсе дела. Это заявление было сделано 9 февраля и тут же дезавуировано масхадовским «министром иностранных дел» Ильясом Ахмадовым. К тому времени и российские генералы, и Масхадов успели признать Исмаилова погибшим при штурме Грозного. Однако исмаиловская подпись стоит под письмом с предложением об обмене. Стиль письма, в котором, в частности, говорится, что Бабицкий «стоял с нами плечом к плечу в борьбе...», ей-богу, меньше всего напоминает Асланбека Исмаилова, так писали совсем другие канцелярии. Наконец, главное, что мешает поверить в обмен: почему Бабицкий не звонит хотя бы домой? Окажись он не во враждебной ему среде, непременно бы дали позвонить. Сотовый телефон есть у любого полевого командира.

Показанная 9 февраля по всем телеканалам пленка, на которой Андрей Бабицкий называет день съемки — 6 февраля — и сообщает, что не может в ближайшее время попасть домой, если считать ее подлинной, свидетельствует только об одном: 6 февраля журналист был жив. Где он и что с ним — неясно. Заслуживающая внимания версия родилась у работников прокуратуры (но они готовы были делиться ею только на условиях анонимности): Бабицкого могли не обменять, а подарить, и, разумеется, не врагам, а «родным», прикормленным, боевикам, например, братьям Ямадаевым. Сулима Ямадаев — тот, что обеспечил беспрепятственный проход российских войск в Гудермес, вместе со своим братом Джабраилом, тем, кому генерал Трошев перед телекамерами вручал российский флаг, стоял, по данным прокурора Магомеда Евлоева (см. «Итоги», № 1, 2000), во главе одной из банд, промышлявших похищениями людей. За Бабицкого они сейчас могли бы выручить весьма кругленькую сумму: шум поднялся такой, что «Свобода» торговаться не станет. А деньги могли бы пойти не только в карман примерным братьям, но и «на борьбу с незаконными вооруженными формированиями». В эту версию вписывается и свидетельство, что Андрея якобы видели сильно избитым 7 февраля в Гудермесе (место базирования Сулимы Ямадаева).

Такого рода версии в отсутствие полной и достоверной информации можно строить бесконечно, но есть по крайней мере один бесспорный факт. Что бы ни сделали в действительности

с Андреем Бабицким, российские власти вообще и правоохранительные органы в частности преподносят согражданам версию об обмене, то есть полагают обмен деянием праведным. МВД в лице замминистра Ивана Голубева взяло на себя ответственность за «обмен». Голубев ссылаясь при этом на необходимость вызволить из плена российских солдат. Не отрекся от слов своего подчиненного и министр Рушайло. Генеральная прокуратура пыталась было отмазаться: за тем и вызывали Бабицкого на допрос, чтобы продемонстрировать: по нашему ведомству он проходит как подозреваемый, которому изменили меру пресечения, а про остальное мы не знаем. Но сотрудники МВД настаивали: все (а значит, и обмен) произошло с санкции прокурора. Никто им публично не возразил. Как сообщил корреспондент радио «Свобода» Михаил Соколов, Владимир Путин на закрытой встрече с журналистами 4 февраля фактически признал, что знал об обмене и не видит в нем ничего особенного. Отвечая читателям «Комсомольской правды», и.о. президента увидел в вопросе о Бабицком повод обсудить поведение журналиста, а не вопиюще противоправные действия своих подчиненных. Министр иностранных дел Игорь Иванов вообще кипел от возмущения, как это из-за такого «частного вопроса» западные политики поднимают шум, просто и не знают, к чему прицепиться. Словом, российские власти свято верят, что если удастся представить дело так, будто Андрея поменяли на солдат, и сделано это с его согласия, то они крутом правы и все сделали правильно. Факт участия в работорговле не считается чем-то порочащим власть. При этом в пространном телеинтервью Владимир Путин, не смущаясь, говорит слова о «диктатуре закона».

Виновен по подозрению

Не записать ли в Уголовно-процессуальный кодекс процедуру обмена задержанных по подозрению в совершении правонарушения на «честных лояльных граждан»? В какой вообще правовой системе мы существуем, и так ли она отличается от той, в которой жила последние три года Чечня? Тамошняя работорговля начиналась с «наказания за нелояльность». Поначалу воровали богатых чеченцев из Надтеречного района, которые, считалось, нажили себе состояние на крови чеченского народа. Потом уж кто-то из «мстителей» смекнул, что за журналистов и иностранцев дадут больше. Не очень понятно, как широко российские правоохранительные ор-

ганы намерены впредь пользоваться инструментом «обмена». Если считать Бабицкого подозреваемым (а нам представляют дело именно так, и формальные основания для его задержания действительно были), то его «согласие на обмен» выглядит особенно трогательно. Выходит, если сообщники задержанного предложат отпустить его в обмен на заложника (обычного прохожего, захваченного на улице), то согласия подозреваемого будет достаточно для совершения сделки?

Нынешняя чеченская война, как и прошлая, разворачивается в неправовом пространстве. Как и тогда, зона боевых действий не объявлена зоной Чрезвычайного Положения. Думается, этого не происходит как раз потому, что ни военные, ни политики не хотят связывать себя Законом о ЧП: в нем ведь тоже действия должностных лиц строго регламентированы. Вместо этого нам как бы предлагают «отнестись с пониманием» — война ведь. А ссылки на право и законы в условиях войны — неуместное буквоедство. Задним числом кажется, что в прошлую войну беззаконие все же не достигло такого размаха, как сейчас. Тогда, к примеру, журналисты могли работать в зоне боевых действий без аккредитации Министерства обороны. Режим аккредитации вводится только в условиях ЧП, но сейчас это никого не смутило. В итоге журналист поставлен перед выбором: либо проявлять лояльность Министерству обороны в обмен на аккредитацию, но в ущерб профессиональным задачам, либо работать в зоне конфликта «по секрету» от российских военных, всячески уклоняться от встреч с постами и проч.

У Бабицкого нашли поддельные документы на ингушское имя. Скорее всего, сообщая об этом, представители МВД говорили правду. Журналисты запасаются фальшивыми чеченскими и ингушскими паспортами, чтобы проскочить через посты как беженцы. Противозаконно? Несомненно. Но никак по-другому невозможно поговорить с чеченцами, оставшимися под российскими бомбами и снарядами, не узнать о масштабах разрушений и жертвах этой войны. Другой вариант — миновать эти посты в обход. Тут уж не обойтись без помощи боевиков. На хвосте у тех, кто своими тропами ходит из Чечни в Ингушетию и обратно, журналисты проникали в осажденный Грозный и выходили из него. При желании это можно трактовать как «участие в бандформированиях». Да теперь без «боевого охранения» на чеченской территории не больно и поработаешь: возьмут в заложни-

ки. Наличие у Бабицкого «охранной грамоты» за подписями Басаева и прочих полевых командиров — не что иное, как попытка гарантировать себя от похищения. Как выяснилось, напрасная: захватили и продали (или все-таки не продали?) его отнюдь не басаевцы.

Не по собственной инициативе люди, работающие в горячей точке, оказались вытолкнутыми за пределы правового поля. С одной стороны — бандиты, с другой — российские власти навязали нам свои, неправовые и незаконные, правила игры. Как бы ни сложилась судьба Андрея Бабицкого, он оказался жертвой этого беспредела.

По колено в войне

Станица Галюгаевская так натерпелась от войск, соседей и общей неразберихи в стране, что ее жители не верят теперь ни своим, ни чужим, ни государству.

Таксист, которому мы показали на карте станицу Галюгаевская, замахал руками: «Туда не поеду, там Чечня». Долго уламывали, доказывали, что Галюгай — не Чечня, а еще Ставрополье. Он хмыкал недоверчиво, тыкал пальцем в карту: «Да вот же она, Чечня. А тут, что ли, не Чечня?» Чечню из Галюгаевки отлично видно: она сразу за Терекком. Когда еще ходили поезда из Дагестана на Ставрополье, перегон от станицы Ищерской (Чечено-Ингушская АССР) до станицы Галюгаевская (Ставропольский край) не занимал и десяти минут. В советское время пассажиры вряд ли замечали, что пересекают административную границу, — Ищерка, как и Галюгаевка, была по преимуществу русской казачьей станицей, чеченцы в ней составляли меньшинство. Последние десять лет — в дудаевские времена, в первую чеченскую и в межвоенное время — железная дорога из-за постоянных нападений на поезда работала с перебоями: движение то прекращалось, то возобновлялось. Люди приспособились мотаться туда-сюда автобусами или на попутках. Накануне второй чеченской уже редкие смельчаки отваживались навещать родственников на той стороне. Да их, этих родственников, год от года оставалось в Чечне все меньше: кто мог, перебирался за Терек.

Когда же у галюгаевцев возникло ощущение, что там, за Терекком, чужая сторона? Станичники отвечают по-разному. Кто говорит: «С первой войны», кто: «Как они волю взяли» (что означает — на рубеже 80–90-х, когда пошли разговоры о суверенитете), а кому-то кажется, что левый берег Терека всегда был «заграницей»: «И в советское-то время так было: они к нам ходили, а нас к себе не пускали. Такой народ». Мало кто из галюгаевцев разделяют первую и вторую чеченские кампании, для них «война» — то, с чем они постоянно живут. Спрашиваешь: «Почувствовали нынешнюю войну?» — «Как не почувствовать? Все поля танками перепахали».

В разговоре выясняется, что это о 94-м. Или: «На нас летом два набега было. Шестерых убили». — «До войны?» — спрашиваю. Смотрят, не понимая: «Как до войны, шестерых, говорю, убили».

Жертвы и потери

Угонять скот за Терек соседи-чеченцы повадились еще при Дудаеве, и с каждым годом число угонов росло. Потом принялись за трактора. Станичники уж и забыли, когда пахали-сеяли-убирали без милицейского кордона. Но и охрана не всегда помогает. Когда сухо, вокруг трактора пыль столбом, его и не видно, а поля подходят к самому Тереку. Вмиг вскочат в кабину, трактористу автомат в бок — езжай на нашу сторону. Уже после 96-го года угнали из колхоза шесть тракторов. Правда, трактористов отпускали. Но все равно, пережив такое приключение, человеку в трактор не больно-то хочется садиться: а что как в следующий раз не отпустят?

В колхозе в начале 90-х было только овец 58 тысяч голов. Сейчас — 720. Всюду по России поголовье сокращается — где в два, а где и в три раза, но не в 80 же! Не всех, конечно, угнали, больше сами порезали — все равно на пастбищах не уберечь. Да и овцами в колхозе в основном чеченцы занимались, а они все уехали за Терек. «Косо на них смотреть стали, это одно, — объясняет «дечеченизацию» Галюгаевки ее мэр, он же станичный атаман Анатолий Михайлович. — А второе: они же за скот материально ответственные были».

У галюгаевского начальства счет не только к чеченцам, но и к Российской армии. В 94-м, когда шли через Галюгаевку на Чечню, не только по полям прошли, но и двадцать кошар спалили. Общий ущерб хозяйству, по подсчетам местного начальства, составил 16,4 млн. нынешних рублей. Сейчас тоже сожгли 12 кошар («Грелись, наверное, солдаты», — вздыхает Анатолий Михайлович), 6 тысяч гектаров пастбищ попортили, а уж что с дорогами сделали — не передать. «Чеченцам дают компенсацию на восстановление. (В ту войну кое-что действительно давали, а в эту еще только собираются. — «Итоги».) Им вон и свет, и газ бесплатно. А нам что, компенсации за ущерб не полагается?» — возмущается мэр. (Знали бы чеченцы, что там, за Терekom, им завидуют.) Бесплатные газ и свет для чеченцев — незаживающая рана. Вечером кто-нибудь обязательно ткнет рукой в сторону Терека: «Вон какая иллюминация! Дармовое, отчего ж не жечь! А я давеча только за газ 140 рублей заплатил. А почему? А потому что за ихние свет

и газ мы платим. У русского человека отбирают, а им дают». Заметим, что в Галюгае, несмотря на дороговизну, электроэнергию тоже не только экономят.

Экономический ущерб от войны и соседей подсчитывают начальники, а простых станичников, конечно, больше всего заботят набеги и убийства. Да и воровали не только скот. Жила в Галюгаевке греческая семья: муж, жена и пятеро детей. Отец, учитель математики в местной школе, промышлял еще кое-какой торговлей. У них сначала шестнадцатилетнюю дочку украли — выкупили. Через месяц утащили семилетнего сына. Вернулся пацан домой без правого уха. Семья собралась и из станицы уехала, никто не знает, куда. Этим летом средь бела дня расстреляли четырех милиционеров, охранявших Галюгаевку, а пятого утащили в заложники. Месяц спустя снова трупы: девчата гуляли у озера с парнями-омоновцами. Девочек всех поубивали, двоих омовцев тоже уложили на месте, а двоих тяжело ранили.

Игорь Стаценко, тот милиционер, что попал в заложники, пробыл в Чечне четыре месяца. За него требовали выкуп 250 тыс. долларов. У Лиды, его матери, до сих пор, как вспомнит, ужас в глазах: «Даже представить не могла, где такие деньги можно взять». На счастье, увидела по телевизору передачу про солдат, которых освободила без выкупа миротворческая миссия генерала Лебеда. Лида подняла на ноги своих городских знакомых, те нашли представителя миссии в Ставропольском крае, и через несколько месяцев Игорь вернулся домой. «Люди разное говорят — мол, деньги какие-то Лебедь отмывает. Мне до этого дела нет. Я ни копейки не заплатила, а мальчик мой дома. Так что Лебедю и всем его людям низкий поклон». У Игоря после плена один глаз почти не видел и ухо не слышало. Матери удалось пристроить его в госпиталь МВД. Там парня прооперировали — зрение и слух удалось восстановить почти полностью. «Только он ничего нам не рассказывает, что с ним в плену делали. Когда освободили, сказал в телекамеру, что несколько раз рыл себе могилу — выводили расстреливать. А нам дома — ни словечка. Только про чеченцев ничего слышать не может: «Не говори про них, нету среди них хороших». А между тем освобождением Игоря занимался как раз чеченец, житель Пятигорска по фамилии Вахидов, который представляет миссию Лебеда в Ставропольском крае. Сама Лида в отличие от сына говорит о чеченцах без ненависти: «Раньше чабанами у нас по большей части чеченцы работали, много их тут жило. И не было у нас никаких стычек».

Враги за Тереком и в Москве

Среди станичников Галюгаевки таких, как Лида, не ожесточившихся, сохранивших память о прошлой жизни, когда отношения с чеченцами были нормальными, немного, и все это люди немолодые. А так от многих можно услышать: «Среди них нет нормальных» или даже: «Эта нация не подлежит воспитанию, она подлежит истреблению». Мало где в России позволят себе сказать такое чужому человеку, не оговорившись, что «вообще и у них бывают нормальные люди». В Галюгаевке война сделала расизм и ксенофобию чем-то обыденным. «Разве так бывает, война не кончилась, а уже амнистию объявили? — кипит возмущением молодой казак. — Значит, придет чечен, скажет: «Я не воевал» — и ему сразу амнистия». Мой собеседник даже вообразить себе не может, что амнистия относится как раз к тем, кто воевал, — остальных-то и прощать не за что.

«Я дал своему пацану из автомата пострелять, — с гордостью рассказывает отец семейства про пятилетнего сына, — ему понравилось. Просит: «Папка, купи мне автомат. Только не игрушечный, а настоящий. Я чехов мочить буду». Автоматы здесь, как и по ту сторону границы, есть практически у каждого мужчины. Слышала, например, от одного казака такую мечтательную фразу: «Вот когда у каждого по два пулемета будет, почувствуем себя спокойно».

Галюгаевка здорово за последние годы нахлебалась. Из-за Терека в станицу пришло немало вполне реальных бед, но станичники валят на Чечню вообще все свои неприятности. Помидоры не уродились? Виноваты чеченские нефтяные мини-заводы. «Видите, какой дым стоит? Какой тут урожай». Над Тереком и вправду висит черная полоса дыма. Но невооруженным глазом видно, что поднимается он над скважиной, которая горит еще с той войны. Показываю: «Вон же откуда валит». — «Ну и что, — упорствует станичник, — все равно от заводов больше».

Галюгаевка живет плохо. Речь даже не о мизерной зарплате колхозников, которую выдают натурпродуктами, а то и вовсе по несколько месяцев не выплачивают, — эта картина обычная для всей сельской России. Но, как ни скудны колхозные пайки, северокавказские станицы, как правило, не выглядят такими уж бедными. Мы, пока добирались до Галюгаевской, миновали не одну ставропольскую станицу, и всюду глаз радовали крепкие дома с аккуратными фасадами, метеные улицы и обилие домашней скотины. Галюгаевка на этом фоне кажется совсем обшарпанной. В соседних станицах, как ни жалуются на жизнь, а строящиеся дома попадают чуть не

на каждой улице. В Галюгаевке ничего этого нет, там и базар победнее, и даже птицы домашней поменьше. А главное, в станичниках чувствуется какая-то потерянность, подавленность. Казалось бы, они-то уж должны приветствовать операцию по усмирению Чечни. Не тут-то было. «Чего хорошего? Тут, пока солдаты стояли, так из пушек палили — взрослым и то страшно было, а дети и вовсе спать не могли». Михаил, шофер «скорой помощи», рассказывает: «В пятидесяти метрах от моего дома батарея стояла, Градом била. Мой младший чуть совсем не свихнулся. Уж войска ушли, а он все трусился, все ночами не спал». В октябре армия ушла за Терек, и звуки боя доносятся до галюгаевцев теперь издали. Опять нехорошо. «Без войск что наша милиция да казаки могут против этих бандитов?» Почти не встретишь в станице людей, которые верят, что армия победит. «Пока деревья голые, чечены тихо сидят, а весной все сызнова начнется. Кто с того берега приходит, рассказывает: осенью-то их прогнали, боевиков, а теперь они все назад возвращаются. Скоро снова к нам полезут». — «У меня в Ищерской отец живет. Там у них зачистку делали, сорок боевиков поймали. Так половину уже отпустили». Большинство станичников не верит, что есть чеченцы — боевики, и потому само соседство с ними считается источником опасности.

С началом боевых действий за Тереком с горючим в станице стало совсем плохо. Раньше его покупали у чеченцев за копейки. В свою машину его, конечно, никто не лил, а в колхозный трактор или комбайн — отчего ж? Летом на нем и сеяли, и убрали. «Тогда хоть урожай хватало за горючку рассчитаться, а теперь не знаю, что и делать будем, — тяжело вздыхает Анатолий Михайлович. — Чеченлукойл кончился, теперь еще хуже — Еврейлукойл». Как и большинство станичников, мэр твердо уверен, что все сырьевые богатства страны в руках у евреев. Про Еврейлукойл, который и затеял эту войну, чтобы продавать втридорога галюгаевцам бензин, доводилось слышать не от одного мэра. Между тем прекрасно помню, как три года назад, когда, возвращаясь из Чечни, я оказалась в Галюгаевке, казаки матом крыли власти за то, что те замирились с чеченцами и оставили станицу им на растерзание. Тогда плохо было, что закончили войну, теперь — что начали. Что бы Москва ни делала — все выходит галюгаевцам боком. Никто здесь не верит ни во что хорошее. Те, кто стоит за Зюганова, ругают на чем свет стоит Путина. «У него все схвачено. Народ никто и не спросит». Ничего конкретного: подтасовка голосов, отмена выборов и проч. — за таки-

ми высказываниями не стоит, эдакий общий системный пессимизм. Кому нравится Путин, напротив, убеждены, что президентом ему стать не дадут: «В марте отставят, помяните мое слово. Он слишком многим сильным людям мешает».

Зона отчуждения

Общие беды не сплотили Галюгай. В станице не любят не только чеченцев, но, кажется, и друг друга. Даже на нас, приезжих журналистов, станичники вываливали сплетни о соседях, а то и родне. «Пришлые», даже те, кто осел в станице лет пятнадцать–двадцать назад, жалуются, что никак не могут привыкнуть к здешнему недоброжелательству. Приходилось слышать и такое: «Я среди всех наций жил: с осетинами, дагестанцами, русскими... Таких злобных людей, как тут, нигде не видел». В станице немало беженцев из Чечни — тех, что покинули республику еще до второй войны. Осели в Галюгаевке потому, что здесь тем, у кого чеченская прописка, платили пенсии. У всех у них, в общем, похожие истории. Жили себе в Грозном или Гудермесе, пока кто-то не положил глаз на их дом. Заявлялись вооруженные мужики в масках или без оных, совали в нос какую-то бумагу и предлагали выметаться. Кто сразу уходил, кто-то пытался сопротивляться: шел к местным властям. Те, как правило, прогоняли бандитов — «живите спокойно, в обиду вас не дадим». Боевики, конечно, возвращались. Люди в конце концов не выдерживали: уходили в чем были, без самых необходимых вещей.

Этих несчастных пожалуй бы, однако все беженцы жалуются на неласковый прием. Одна женщина, устроившаяся после долгих мытарств на работу в галюгаевский Дом культуры, показала нам копию письма, которое ее соседка написала директору этого самого ДК. «Прошу принять меры... Занимается праституцией с амоном. а у нее троє детей...»

Нынешняя война уже унесла жизнь одного галюгаевского парня. Это первая здесь похоронка, хотя немало станичных мальчишек воюет сейчас в Чечне. Спросили, как найти мать погибшего. В ответ услышали: «Да не стоит вам ходить к ней. Она вам только настроение испортит». Мать убитого Саша Кудлаева, Нина, десять лет как разошлась с мужем. Подняла одна четырех сыновей. Среднего схоронила. Старший, Сергей, как узнал о гибели брата, примчался из Мурманска домой и сейчас буквально не отходит от матери. Он сам разыскал нас на другом конце села и, смущаясь, пригласил в дом: «На людях мать хоть немного отвлекается».

Ей так важно говорить, рассказывать о своем мальчике. «Самый высокий у меня был, красивый... — она кладет на стол фотографии. — Я, как узнала, что он в Чечне, в Знаменском, сразу пошла к нему. Это тут, за Тереком, недалеко. Увиделись: господи! Немытый, голодный, даже хлеба вдоволь нету. Корова к ним забрела чеченская, они ее забили потихоньку, чтобы за мародерство не наказали. Дети наши голодуют, а за это никому ничего. Домой вернулась, наутро как сердце схватит. Думала поправлюсь, еще к нему пойду. Не успела». По трагическому совпадению последнее письмо от Сашки Нина получила в день, когда пришло сообщение о его гибели. «Утром письмо принесли: «Мама, братишки, я лежу в Грозном в госпитале, простудился». Писал: «Ждите живым». А вечером позвонили и сообщили...»

Кроме сыновей, в Нинином доме никого. Казалось бы, горе общее. Всякое промеж соседей бывает, но уж коли такое стряслось, в любом деревенском доме обычно толпится народ. Женщины и поплачут вместе с матерью, и поминки или сороковины помогут справиться — тем более что у Нины здесь ни дочки, ни невестки. Говорят, на похороны пришла почти вся станица. Но сейчас семья по существу осталась одна со своим горем.

История жестоко обошлась с галюгаевцами. Жили внутри СССР и вдруг, почти в одночасье, стали «приграничьем». Да еще в соседи получили Дикое поле. Привыкли к какой-никакой опеке государства, а теперь и защищаться, и покрывать убытки от бандитских ли набегов, от своих ли войск должны самостоятельно. Вопреки распространенному мнению, русские люди даже в селах, даже в казачьих станицах, вовсе не стремятся решать свои проблемы миром, соборно. Они ждут помощи не друг от друга, а от государства и, если не получают ее, теряются, впадают в уныние, перестают верить кому-либо и чему-либо. «Вы напишите, — наставлял меня Анатолий Михайлович, — что, если Галюгаевской сейчас не помогут, мы через некоторое время выйдем. И тогда те же чеченцы просто займут эти земли, а потом дальше и дальше»... Помочь, в смысле компенсировать ущерб, нанесенный селу, необходимо. Да только одних денег тут мало, а к психоаналитикам станичники ходить не приучены.

Круговая порука

Чеченские села наказывают за то, что в них побывали боевики.

Боевики вошли в Гехи-Чу 14 февраля. Все это очень напоминает ту войну. Тогда тоже чеченские отряды периодически входили в села, райцентры, даже в Грозный не с целью там задержаться, а чтобы продемонстрировать, кто хозяин в Чечне. В Гехи-Чу они заглянули буквально на пару часов, сняли видеоролик, который потом был показан по НТВ: боевики в обнимку со стариками, боевики за домашним застольем. После их ухода Гехи-Чу было подвергнуто массовой бомбардировке. Снесли полсела, а потом провели еще и «зачистку». Как утверждали селяне, похватали и увезли в неизвестном направлении людей, не имеющих никакого отношения к боевикам: задерживали по половозрастному принципу. Впрочем, кто-то из бандитов мог и остаться в селе, но их выявлением федералы и не занимались: для этого потребовалось бы гораздо больше времени, чем ушло на «зачистку». А у военных в тот момент не было под рукой даже показанной НТВ пленки. Родственники тех, кто попал «под зачистку», не могут даже утешиться мыслью, что «там» в конце концов разберутся. В отличие от прошлой войны, из нынешних «фильтров» пока никто не вернулся.

По свидетельствам беженцев, собранным правозащитным центром «Мемориал», то же, что в Гехи-Чу, произошло за последние недели еще по крайней мере в трех селах Западной Чечни: Закан-Юрте, Шаами-Юрте, Катыр-Юрте. Боевики заходили и выходили (через эти села часть отрядов отступала из Грозного в горы), после чего село подвергалось обстрелу и «зачистке». Скажем, из Катыр-Юрта боевики ушли ночью с 3 на 4 февраля, а бомбардировка началась утром. Беженка из этого села, пережившая в прошлую войну «зачистку» Самашек, уверяла Александра Черкасова из «Мемориала», что в Катыр-Юрте 4 февраля было страшнее. По предварительным оценкам того же «Мемориала», сделанным на основании показаний беженцев, за сутки в селе погибло около двухсот человек. Говорят, хоронить убитых пришлось в братской могиле, что у че-

чеченцев категорически не принято. Абухар Юнусов, ухаживающий в назрановской больнице за своим раненым десятилетним племянником, рассказал, что его семью и семью брата федералы загнали в подвал и открыли по дому стрельбу. Все, в том числе семеро детей, старшему из которых 12 лет, были тяжело ранены. Забрать раненых из подвала родственникам позволили только через сутки. Утром 5 февраля часть жителей вышла из расстрелянного села и двинулась было к Ачхой-Мартану. Им преградили путь военные: «За 4 минуты всем вернуться в село, иначе открываем огонь». Правда, через несколько часов всех, кроме раненых мужчин, выпустили.

Боевики же, заходившие в Катыр-Юрт, тем временем спокойно добрались до гор, откуда, можно не сомневаться, придут снова. С ними, по словам беженцев, ушли около четырехсот мужчин, до того в войне не участвовавших. Ушли, чтобы не повторить судьбу соседей из Шаами-Юрта, где (тоже после ухода боевиков) всех мужчин в возрасте от 17 до 50 лет забрали и увезли в неизвестном направлении.

То, что армия каждый раз опаздывает, не может быть простой случайностью. Собственно, никто ведь и не скрывает, что чеченских бойцов сознательно вытесняли в горы, давая каждый раз им коридор. Их и из Грозного хотели выпустить, но они сами решили оборонять город.

Тактика коридора легко объяснима: генералы берегут российских солдат. Но до начала партизанской войны хотя бы села, через которые проходили боевики, не уничтожали. Что же до последних расправ — это хорошо известный метод борьбы с партизанами: наказывать не их, а деревни, давшие им приют. Армия, судя по заявлениям командования, намерена примерно через месяц уйти из мятежной республики, предоставив разгрести оставшееся дерьмо внутренним войскам, и генералы вовсе не хотят подставлять своих солдат и выслушивать претензии по поводу количества «грузов 200». Наказать же село, из которого боевики уже ушли, — милое дело. Армии это ничем не грозит, а чеченцам острастка: в следующий раз подумают прежде, чем боевиков пустить.

Такое уже было — Лидице, Сонгми... Немцы придерживались в Белоруссии именно такой тактики. О морали и праве тут говорить не приходится. Насколько эта тактика эффективна? Пример России и Вьетнама свидетельствует, что результат она дает противоположный ожидаемому. С другой стороны, в прошлую и в нынешнюю чеченскую войну полно было случаев, когда жители ко-

стями ложились, чтобы не пустить боевиков в село, и двигал ими исключительно страх перед карающей десницей федералов. Представим себе, что регулярные карательные операции против чеченских деревень рано или поздно позволят подавить бандитское сопротивление. Что будет с Чечней потом? «Итоги» не раз писали: единственный путь решения чеченской проблемы — это интеграция чеченцев в российское общество. О какой интеграции можно говорить, если в русских население республики будет видеть палачей? Сотрудники «Мемориала» свидетельствуют: после карательных акций в селах Западной Чечни среди беженцев впервые за две войны распространились антироссийские настроения (раньше были только антиармейские).

И в заключение: у карательной тактики в этой войне есть имя. Это имя — Владимир Шаманов. Все вышеописанное происходит только в зоне действий вверенных ему войск.

Фильтрованная опора

Попытки Кремля расширить свою социальную базу в Чечне разбиваются о непрофессионализм и коррупцию федералов.

Таис заболела и попала в больницу. Пока ее не было, он и ушел в горы. Таис — хрупкая, измученная женщина, но, как глянет на своего двадцатилетнего сына, сразу ясно становится, что у нее не забалуешь. В октябре вернулась из больницы к себе в Урус-Мартан: «Где Зелимхан?» — а Зелимхан с боевиками. Она, недолго думая, отправила родственника в горы с запиской: умираю, приходи скорее мать хоронить. Он тотчас и вернулся, и уж больше в горы не ходил: от нее не уйдешь. Когда федералы взяли Урус-Мартан, Таис места себе не находила, очень за сына боялась: покажут на него, что воевал, заберут парня. Прятала по соседям, но всю жизнь в подвале не просидишь. Как об амнистии объявили, первой к коменданту пошла и все ему рассказала, что Зелимхан шестнадцать дней был в горах, но там не стрелял, его все больше по хозяйству использовали. Комендант, Олег Рожнов, ей объяснил: сколько он там пробыл и что делал — значения не имеет. Хотя бы день — все равно преступник. А чтобы амнистию получить, надо сдать автомат.

Автомата у Зелимхана не было. Комендант успокоил: это, мол, не беда. Можно купить прямо у них в комендатуре за 2200 рублей. Таис обещала подумать, а сама навела справки, сколько автомат стоит на базаре. Оказывается, не новый можно достать и за 1900. Заняла у родственников, у соседей, купила. Сама пошла с сыном в комендатуру автомат сдавать и справку об амнистии у себя спрятала — целее будет.

Обыкновенная история

4 мая справку получили, а 6-го в четыре утра к ним вломились и Зелимхана увели. На бумажку даже не посмотрели: «Разберемся!» Таис в то же утро к коменданту со справкой. Тот тоже пообещал разобраться. Какое там — день разбираются, другой, третий... И слухи доходят, что бьют там парня смертным боем, того и гляди до смерти забьют.

Зелимхан, как и большинство задержанных из его села и района, сидел в здании урус-мартановского интерната, спешно переобо-

рудованного в «фильтр». Официально в Урус-Мартане нет СИЗО, их вообще два, в Чернокозово и в Грозном, но все знают: где стоит российская часть, там обязательно имеется нечто вроде КПЗ. Зелимхана отвели туда не сразу, сначала вывезли в чисто поле, раздели до гола и вдоволь покуражились: заставляли прыгать, отжиматься, стреляли над головой и все требовали, чтобы рассказал о планах боевиков. (Когда мы с Зелимханом на минутку остались наедине, без Таис, он, старательно избегая смотреть мне в глаза, признался, что с ним пытались «сделать это самое», но, — поспешил он добавить, — «ничего не было, их старший, Василий, не дал».) Потом его оттащили в интернат и сильно избили. Били почти каждый день часа по два, требовали признаться, что все время помогал боевикам, не то, говорили, отправим в Чернокозово.

На третий день, как Зелимхана увели, к Таис зашел человек — «он чеченец, но он в комендатуре помогает» — и завел речь о том, что сына можно выволить, но стоит это пятьсот долларов. Таис заплакала: «Посмотри, как я живу! Что мне продать?» Тот вошел в положение, обещал попробовать сбить цену. «Он и правда накрыл у себя стол, коменданта и других ихних пригласил, гуляли. Наутро пришел и сказал, что удалось скостить до трехсот». Таис снова бросилась по соседям — насобирала, передала тому чеченцу. Зелимхана тут же и отпустили. За неделю он успел получить правосторонний травматический пневмоторакс и опущение почки (Таис мне показала справку с диагнозом). Еще хорошо, что ей удалось быстро деньги собрать. Их родственника, деверя Таис, которого забрали в тот же интернат почти одновременно с Зелимханом, выкупить не смогли — не собрали денег. Так его выбросили из интерната прямиком в местную больницу с двусторонним пневмотораксом и с отбитыми почками — неделю между жизнью и смертью был. Еще один парнишка, Зелимханов сверстник, умер через неделю после того, как его вышвырнули. Его сестра плакала: «Деньги собрали, но уже поздно было. Доктор оттуда, из части, нас предупредил, что он сам идти не сможет, чтобы мы его до машины на руках донесли. Восемь дней умирал».

А Зелимхан, когда я его видела, еще не вполне от побоев оправился, но доктор сказал, для жизни не опасно. Вот только Таис теперь не знает, зачем эта справка об амнистии нужна — один раз арестовали, могут и второй. Зря, выходит, на автомат потратилась.

По данным чеченского отделения правозащитного центра «Мемориал», в «фильтры» часто забирают именно тех, кому только

что выдали справку об амнистии. Оно и понятно, возьмешь кого-нибудь, кто все время дома сидел, соседи начнут кричать, жаловаться. А если справка — значит, рыльце в пушку: особо выступать не будет и выкуп заплатят, куда не денутся.

Признаки политики

В последнее время Москва, одной рукой отталкивая от себя более или менее лояльных чеченцев, другой явно искала людей, на которых она могла бы опереться в республике. Хотя методы она, как обычно, использовала весьма далекие от нормальной политики, но все же какой-то намек на политический курс просматривался. Только так и можно было интерпретировать детективный сюжет с «амнистией», за которой последовало задержание и освобождение Апти Баталова, бывшего главы масхадовской администрации. Апти Баталов в эту войну не брал в руки оружия. Арест этого едва ли не самого умеренного и разумного человека в окружении Масхадова имел только политический смысл: как только в Лефортово Баталов выступил с заявлением, что вооруженное сопротивление чеченцев российским войскам он считает ошибкой, его тотчас выпустили. То есть арестовывали именно для этого и для того, чтобы он публично побратался с «пророссийскими» чеченцами. Последовавшие за амнистией события показали, что залучить Баталова в друзья хотел бы и недавно отставленный Бислан Гантамиров, и муфтий Ахмад Кадыров, которому вроде бы мирволило ФСБ.

Судя по всему, результаты лефортовских «переговоров» с бывшим главой администрации ичкерийского президента федералов удовлетворили, в противном случае они не дали бы Баталову вернуться в Чечню (хотя исчезновение его брата и то олимпийское спокойствие, с которым к этому инциденту отнеслись российские правоохранители, наводят на мысль, что российская сторона на всякий случай решила оставить у себя заложника).

Вслед за Баталовым в Чечне были арестованы и другие ичкерийские политики умеренного толка: спикер чеченского парламента Руслан Алихаджиев, о котором незадолго до его ареста муфтий Кадыров отзывался как об одном из чеченских лидеров, с которыми можно вести диалог, и Ваха Муртазалиев, успевший побыть при Масхадове военным прокурором, но Масхадовым же и отставленный. Он, как и Баталов, и Алихаджиев, отказался в эту войну участвовать в боевых действиях. Всех этих людей условно можно назвать «мирными сепаратистами»: они в принципе высту-

пают за независимую Ичкерия, но против того, чтобы отстаивать эту независимость с оружием в руках. В отличие от «московских» чеченцев у них в республике есть и авторитет, и связи. По данным Александра Черкасова из «Мемориала», «мирные сепаратисты» минувшей весной предприняли попытку выступить как самостоятельная политическая сила и даже, не иначе как по чьей-то наводке из Москвы, готовились к встрече «на высшем уровне». Тут их и забрали. Эти аресты, как ни дико это звучит, выглядели таким своеобразным способом установить контакт. Та же баталовская история: арестовали, поговорили и отпустили — по-другому интерпретировать трудно. Удобнее иметь дело не с делегацией, а с каждым в отдельности, чтобы не было взаимного контроля, давления друг на друга и со стороны боевиков. По аналогии с Баталовым можно было бы ожидать, что в ближайшие недели и Руслан Алихаджиев, и Ваха Муртазалиев покинут гостеприимное Лефортово и окажутся в объятиях муфтия Кадырова, чтобы «спланировать все здоровые силы чеченского общества». Но даже если это и произойдет, теперь политического значения такая «консолидация» для России иметь уже не будет. Потому что на минувшей неделе появился указ президента Путина, фактически вводящий в Чечне прямое федеральное правление: он, напомним, ставит на место прежней, временной чеченской администрации, возглавлявшейся Якубом Дениевым, некую новую, назначаемую Путиным и, главное, подчиненную (что специально оговорено) окружному представителю президента генералу Казанцеву.

До путинского указа все говорило за то, что некие влиятельные силы в Москве предпочли всем иным претендентам на чеченский престол (Сайдуллаеву, Гантамирову, Хасбулатову) муфтия Ахмада Кадырова. За день до указа командующий федеральной группировкой в Чечне Геннадий Трошев с солдатской прямоотой заявлял, что Ахмаду Кадырову он бы власть в Чечне доверил — и, уж наверное, генерал не сам это выдумал. То есть был выбран курс на сохранение, насколько это возможно, преемственности власти в Чечне. Опираясь при этом собирались на «здоровые силы» в бывшем масхадовском окружении, на тех, кто в прошлую войну проявил себя как герой и патриот, но к началу нынешней настолько разочаровался во всех этих басаевых-хаттабах, что готов скорее пойти на союз с Россией, чем с ними. Собрать вокруг муфтия, имеющего репутацию принципиального борца с ваххабизмом, чеченских лидеров, считающих Россию из двух зол наименьшим, — идея

вполне здравая. Правда, методы претворения ее в жизнь заставляли усомниться в успехе. Нельзя же в самом деле одновременно тащить человека в кутузку и требовать выкуп (будь то доллары или заявление о лояльности) и искать в нем опору.

Может, потому вместо «здоровых сил» и появилась в итоге «властная вертикаль» в Чечне. Здравая в сущности позиция союза с теми, для кого Россия — «меньшее зло», не сработает в нынешней российско-чеченской реальности. Объяснить Таис и Зелимхану Эльмурзаевым, их родственникам и знакомым, что федералы лучше ваххабитов, будет очень непросто: и те, и другие захватывают людей, пытаются их и вымогают за них деньги.

Есть у этой проблемы и другая сторона. Урус-Мартановская или любая другая комендатура, почувствовав вкус к торговле справками об амнистии и заложниками, точно так же не сможет отказаться от легких денег, как не могут отказаться от них братья Бариевы и другие торговцы живым товаром. И тогда любые попытки российской власти, на кого бы она ни опиралась, навести порядок в Чечне дадут тот же результат, что и довоенные потуги Масхадова. Если Россия действительно хочет расширить свою опору в Чечне, ей следует прежде всего произвести «зачистку» внутри самой федеральной группировки. И научиться, наконец, вести разговор с чеченцами вне стен Лефортова или фильтрационного лагеря. Но вместо этого она предпочитает отстраивать «вертикаль». С этой же «вертикалью», то бишь с Казанцевым, не станет сотрудничать ни один «мирный сепаратист». Думается, даже для Кадырова это невозможно.

В жерновах

Российские власти по-прежнему ведут себя в Чечне как оккупанты. Если не переломить эту психологию и не начать сотрудничать с чеченцами, порядок в республике навести не удастся.

Три страницы машинописи через полтора интервала. Пишет Макхал Тарамов, глава администрации Курчалоевского района — то ли служебная записка, то ли крик о помощи. «...9.09.2000 года убит глава местной администрации села Цоци-Юрт Ахматов Б. (здесь и далее перечислены села, входящие в Курчалоевский район. — «Итоги»); 16.10.2000 года убит глава местной администрации села Хиди-Хутор Ешуркаев; 14.11.2000 года покушение на бывшего главу местной администрации села Бачи-Юрт Алиева Л.М. В настоящее время находится с ранениями в больнице; 24.10.2000 года убит заместитель начальника курчалоевского РОВД по тылу Мусхаджиев Руслан...» На самого Тарамова тоже несколько раз покушались, и здание райадминистрации обстреливали, и РОВД пытались взрывать. (РОВД, районные отделения внутренних дел — чеченская милиция, в отличие от ВОВД — временных отделов, сформированных внутренними войсками.)

Смертники

В начале ноября в Чечне раскидали копии «Открытого письма коллегии Верховного Полевого Шариатского суда». (Написано по-русски: в независимой масхадовской Ичкерии делопроизводство так и не перевели на чеченский язык.) «...Опомнитесь те, кто еще работают на оккупантов, ведь многие десятки лет, даже ваши потомки не смогут смотреть людям в глаза. Это письмо прежде всего адресовано так называемым главам администраций юрт да по селам. У нас нет больше терпения, и мы считаем своим долгом вас предупредить, чтоб знали потом, что по отношению к вам меры наказания предпринимает законная, народом избранная власть... Мы предлагаем вам безотлагательно в срок до 15.11.00 г. под любым предлогом оставить свои должности. В противном случае по истечении этого срока

вы все будете рассматриваться как враги своего народа, чеченской государственности и как приспешники ФСБ. Естественно, по отношению к ним Полевыми Шариатскими судами будут вынесены приговоры, исполнение которых будет возложено на всех полевых командиров мобильных боевых групп...» Бумага напечатана на бланке с шапкой «Верховный Полевой Шариатский суд», стоит исходящий номер 211 и дата: 1 ноября 2000 года, внизу легко читается печать «Главный штаб Вооруженных Сил». В подлинности документа нет сомнений ни у простых чеченцев, ни у тех, кому послание адресовано: у глав «юрт да по селам». Обычная партизанская тактика — запугивать и карать «пособников оккупантов». За представителями местной власти охота идет с весны, но осенью она приобрела особый размах. Ультиматум от 1 ноября самое что ни на есть рядовое событие этой охоты: как отстреливали до него, так будут и после. Поэтому никакой волны отставок с руководящих постов в ноябре не наблюдалось. Люди, решившиеся стать главами администраций, знали еще по первой чеченской войне, что их ждет.

Из письма Тарамова: «Никто из глав администраций по-настоящему не защищен. Возникла необходимость в обязательном порядке выдать оружие для личной безопасности главам местных администраций и обеспечить их охраной в 1–3 человека». Письмо написано 23 ноября, более чем через три недели после появления ультиматума, через два с половиной месяца после убийства главы администрации села Цоци-Юрт. Сельская власть в Чечне до сих пор безоружна, и если кто-то и охраняет местную администрацию, то лишь добровольцы из числа сельчан (обычно молодые родственники), у которых тоже нет права на ношение оружия. Все просто: военные власти не доверяют властям местным и боятся их вооружать. Об этом тоже говорится в послании Тарамова: «...проверки и зачистки проводятся без согласования с главами администраций, а их попытки участвовать в проверках отменяются военными в грубой и циничной форме. Другими словами, офицеры или представители спецслужб, которые проводят зачистки, открыто дискредитируют представителей исполнительной власти и нарушают законы совершенно безнаказанно». Большая часть письма — перечень самых вопиющих фактов издевательств над мирными жителями в ходе «зачисток» даже не в районе, а только в райцентре, в селе Курчалой. Типичная история: 2 октября во время «зачистки» увели из дома тридцатилетнего Аюбхана Магомадова. Куда и за что — в таких случаях не объясняют. Через десять дней отчаявшейся матери удалось

отыскать его следы: якобы его задержали «по подозрению в тяжком преступлении» и отпустили 3 октября «в связи с неподтверждением этого факта». С тех пор Аюбхана никто не видел. Чеченцы, задержанные на блокпостах или в ходе «зачисток», часто исчезают без следа. Иногда потом обнаруживаются их трупы. Например, в Старых Атагах тракторист нечаянно откопал троих односельчан, исчезнувших на блокпосту за десять месяцев до того. Большинство же так и пропадают. Курчалоевский глава писал по поводу Аюбхана в чеченскую прокуратуру, но ему не отвечают.

Заступники

Еще одна история, тоже довольно характерная. На окраине Курчалоя подорвался автобус с воездэшниками. В ответ в селе произвели «зачистку», которая, как это часто бывает, обернулась не поиском бандитов или их пособников (нет никаких доказательств, что фугас заложили курчалоевцы), а наказанием селу. Похватали, кого увидели на улицах: рабочих местного госхоза, сеявших озимые, мужиков, собиравших дрова... Тарамов сухо отмечает: «Все были жестоко избиты и водворены в ИВС (изолятор временного содержания. — «Итоги») курчалоевского ВОВД, отпущены после вмешательства РОВД в тяжелом состоянии» — и перечень травм: ушибы и повреждения грудной клетки, сотрясения головного мозга... Рассказы самих жертв звучат душераздирающе: «Солдаты потребовали, чтобы я поклялся, что не знаю тех людей, которые взорвали автобус. Я поклялся, что не знаю, кто мог это сделать. Кто-то из солдат достал плоскогубцы и зажал в них мой мизинец. Они выкручивали мне палец, угрожая сломать его, если я не скажу, кто поставил на дороге мину, и причиняя мне сильную боль. (Палец мой так и остался теперь расплюснутым.) После долгой пытки я перестал чувствовать свой палец и сказал им, что они могут его хоть сломать, хоть оторвать, но я теперь ничего не почувствую. И что бы они со мной ни сделали, мне нечего им сказать более, так как я не знаю ничего. Они отпустили мой палец, но продолжали издеваться над нами, избивая всех. Били нас прикладами автоматов и сапогами. При этом они твердили, что для них нет разницы, боевики мы или мирные жители (будь то трактористы или колхозники), мы все на одно лицо. Они говорили: «Все вы одинаковы, и всех вас нужно уничтожить...»

Люди, вернувшиеся истерзанными и покалеченными из федеральных застенков, их родственники, родственники пропавших

без вести, ограбленные и оскорбленные идут искать правду не в ВОВД — кто ж туда сунется по своей воле? — не к военным, от которых они тоже ничего, кроме горя, не видели, а к той власти, которую считают «своей»: в местную администрацию. Глава сельской администрации — человек тутошний, часто авторитетный (особенно если из учителей), иногда не очень (особенно если из бывших партработников), но в любом случае он — единственный, с кого чеченцы могут спросить. Что он должен отвечать? «Администрация района, руководители всех уровней, РОВД постоянно призывают людей к благоразумию и терпению» (из письма Тарамова). Однако трудно сохранять благоразумие, когда в любой момент с тобой может произойти все что угодно, — и никто за это не ответит, никто не в силах будет тебя спасти.

Между двух огней

Еще летом было подписано соглашение между командованием Объединенной группировки и Администрацией Чеченской республики. По этому соглашению, в частности, полагается все «зачистки» проводить лишь после уведомления о них глав администраций соответствующего уровня и лишь в присутствии этих глав и сотрудников РОВД. Федералы на соглашение плюют. Отчасти, разумеется, из корыстных соображений: не секрет, что во время «зачисток» очень часто выносят из домов все что можно. Но дело, конечно, не только в стремлении солдат или омовцев поживиться чеченским добром. Есть более глубокая причина, та же, по которой глав администраций оставляют без оружия и охраны, фактически превращая их в смертников. Не доверяют. «Все вы одинаковы». Почему не доверяют — понятно. Потому что уверены: большая часть партизан не в горах, а где-то здесь, в селах, днем люди как люди, а ночью мины и фугасы закладывают. Небось и все местные знают, кто это делает, и начальство местное тоже. Знают и покрывают — все заодно, все против нас. Психология оккупантов. Если ее не изменить, не поломать естественное предубеждение, не начать конструктивно сотрудничать, российская власть так и останется в Чечне оккупационной.

Кое-кто из глав сельских администраций, чтобы оградить свое село от провокаций и последующего возмездия со стороны федералов, пытается налаживать диалог и с боевиками. И с федералами они вынуждены договариваться не от большой к ним любви, а пытаясь уберечь своих земляков от насилия. Не то чтобы все они были ангелами во плоти — наверняка есть и корыстные люди, —

но это единственная по-настоящему ответственная власть в сегодняшней Чечне. Если российские власти действительно пришли в Чечню не убивать, а наводить порядок, им все равно придется опираться на этих людей. На местную администрацию. Никто другой не сможет стать посредующим звеном между местным самоуправлением (в чеченском селе в отличие от российского самоуправления присутствует, и общественное мнение, решение «мира» — влиятельный механизм) и государственным управлением. Впрочем, и с государственным управлением предстоит разбираться: полномочия Кадырова до сих пор толком не определены, он почти лишен возможности хоть как-то влиять на ход «зачисток».

Из обращения имама села Гансолчу Ножай-Юртовского района, заместителя имама, председателя совета старейшин села и членов совета старейшин к главе администрации Чеченской республики Ахмаду Кадырову: «То, что произошло 2 ноября этого года... нами ассоциируется с действиями фашистов в Отечественную войну... В нашем селе, где нет ни одного вооруженного человека... выгоняли из домов молодежь и, загнав их в молельную на кладбище села, стали жестоко избивать... И освободили их после оплаты выкупа по одной тысяче рублей за каждого, как будто они заложники у бандитов... Если вы власть имеете, помогите нам, если нас вы считаете гражданами республики и России, а если считаете бандитами и террористами, так уничтожьте, Вам же легче будет. Тем более, нам уже обещали, что если пожалуемся, нам будет хуже и нас будут обстреливать...»

Российское государство определенно хочет, чтобы чеченцы были законопослушны. Однако делает все, чтобы подорвать авторитет той власти, которую само же и поставило.

В статье использованы материалы правозащитного общества «Мемориал».

Тупой твердый предмет

Начало суда над Юрием Будановым показывает: ни общество, ни государство не готовы бороться с разложением армии.

Напротив входа в здание Кировского районного суда в Ростове-на-Дону выведено масляной краской: «Буданов — лучший русский». Юрий Буданов — полковник-танкист, которого судят за то, что он задушил восемнадцатилетнюю чеченку Эльзу Кунгаеву. Надпись красуется с первого дня судебного заседания, с 28 февраля, и ни у местных властей, ни просто у жителей окрестных домов до сих пор не поднялась рука замазать ее или смыть. Ростов — миллионный университетский город, многонациональный, живой, разногolosый — затих, затаился. На улицах шумно митингуют штурмовики с эрэнешной свастикой и казаки с лампасами. Они принимают петиции, обращения к президенту с требованием «немедленно выпустить русского героя Юрия Буданова» и «прекратить позорное судилище». Не «помиловать», а именно отпустить без всякого суда, потому что он — русский, а она — чеченка. Никакого иного «голоса общественности» в Ростове не слышно. Никаких обращений к президенту ли, к местным властям с предложением прекратить эрэнешно-казачью вакханалию, никаких заявлений местных «правых» (а в городе есть и «Яблоко», и СПС) насчет недопустимости давления на суд, никаких антифашистских выступлений. По российским законам следует получить разрешение от местных властей на проведение митинга, иначе это не митинги или пикеты, а «массовые беспорядки». Ни казаки, ни РНЕ не испрашивали разрешения на митинги — местные власти это, похоже, ничуть не смущает.

Абдулла Хамзаев, адвокат потерпевшей стороны (то есть родителей и малолетних братьев-сестер Эльзы), говорит, что к нему подходили русские женщины-ростовчанки и рассказывали, как над их сыновьями издевались в армии «по вине таких командиров, как этот Буданов», и просили передать свои соболезнования Эльзиным родителям, а одна даже сказала: «Я буду за вас молиться». То, что эти женщины и их единомышленники не решаются высказаться публично, — дурной, тревожный симптом.

28 февраля родители убитой и ее адвокаты шли в зал суда сквозь строй пикетчиков, мимо плаката «Очистим Ичкерия по методу Берии», под улюлюканья и угрозы. Адвокаты потерпевших обратились к суду с ходатайством о переносе слушаний в другой город. Предлагались варианты: военная база на Ханкале, где, как говорил Абдулла Хамзаев, процесс мог бы «выполнять профилактические функции», свидетельствуя о неотвратимости наказания за преступления против жителей Чечни; Владикавказ или Нальчик. Адвокат Буданова Анатолий Мухин возразил, дескать, Буданова боевики приговорили к смерти, и Басаев-де обещал вознаграждение за его голову, поэтому и перевозить его в другой город, и проводить слушания где-то, кроме Ростова, опасно. Суд счел доводы Мухина убедительными и отклонил хамзаевское ходатайство, тем самым как бы согласившись, что ни в «национальных республиках» Северного Кавказа, ни даже на военной базе российские правоохранительные структуры не чувствуют себя достаточно уверенно.

Через четыре дня Эльзиной матери Розе стало плохо. Она никогда не отличалась богатырским здоровьем, а каждодневное хождение сквозь строй под плакатами, возвещающими, что убийца дочери — «лучший русский», свалит и человека покрепче. В Ингушетии Розу положили в больницу и категорически отказались выписать даже к 20 марта, когда слушания должны были возобновиться. Хамзаев вновь ходатайствовал о переносе слушаний в Нальчик — ему вновь отказали. Правда, с 20 марта они проходят в другом помещении, так что появилась возможность выставить ограждение и отеснить пикетчиков метров на пятьдесят от здания суда.

Как это было

Год назад, в ночь с 26 на 27 марта, в дом на окраине чеченского села Танги-Чу ворвались бойцы из 160-го танкового полка. Их было четверо: сам командир полка Юрий Буданов, два сержанта и рядовой — командирский экипаж. В доме Буданов с товарищами застали только младших Кунгаевых — родители ночевали в соседнем селе у родственников, восемнадцатилетняя Эльза оставалась с младшими братьями и сестрами. По приказу Буданова Эльзу завернули в одеяло и увезли под дикие вопли оставшихся детей. Ее доставили в командирский «кунг» (специальный прицеп, в котором были оборудованы его кабинет и спальня). Буданов закрылся с девушкой, а троих членов экипажа поставил у дверей, приказав никого не впускать. Спустя три часа он передал им труп Эльзы и велел незаметно закопать тело.

Утром 28-го труп нашли односельчане. Поднялся шум, прокуратура тотчас возбудила следствие, Буданова в тот же день арестовали. На сегодняшний день ему инкриминируется похищение и убийство. В начале следствия фигурировало еще и изнасилование той же Эльзы Кунгаевой, однако потом это обвинение сняли.

Из заключения № 22 124-й лаборатории медико-криминалистической идентификации:

«... Обнаруженные на трупе Кунгаевой надрывы девственной плевы и слизистой оболочки прямой кишки образовались от введения тупого твердого предмета в прямую кишку и во влагалище, что подтверждается анатомо-морфологическими особенностями указанных повреждений. Не исключено, что таковым предметом мог явиться напряженный половой член... Данные надрывы образовались незадолго до смерти (около часа), на что указывает наличие свернувшейся крови в надрыве прямой кишки и девственной плевы, кровоизлияния в слизистую оболочку в области надрывов и отсутствие признаков заживления...»

За час до наступления смерти Эльза находится наедине с Будановым в его «кунге», и объяснение разрывам и чудовищному убийству напрашивается самое простое: полковник изнасиловал девочку, потом задушил и пытался спрятать труп — свидетельство его изуверства. Поначалу именно так все и представлялось, и Буданов вроде бы этого не отрицал. Потом основная версия следствия круто поменялась: Буданов никого не насиловал. Это один из тех ребят, что Эльзу закапывал, саперной лопаткой проковырял. В деле есть его признание. Экспертиза говорит «тупой твердый предмет» — как раз ручка от саперной лопатки. Правда, никак не обойти тот факт, что разрывы были сделаны прижизненно. Но и этому нашлось объяснение: оказывается, в тот момент, когда девочку везли закапывать, она еще не была мертва. Буданову показалось, что мертва, и солдатам показалось, и она никаких признаков жизни не подавала — а на самом деле смерть наступила позже. Обвинение в надругательстве благополучно перекечовало из дела Буданова в дело его соучастников, членов экипажа, которое было выделено в отдельное производство и быстро завершено: все трое, в том числе и «признавшийся», получили небольшие сроки и были тотчас амнистированы.

ТУПОЙ ТВЕРДЫЙ ПРЕДМЕТ

Как следует из материалов дела, в тот момент, когда Буданов пригласил стоявших на стреме танкистов зайти и забрать тело, Эльза лежала на постели Буданова, обнаженная, с раздвинутыми ногами. На полу валялась ее одежда: фуфайка женская, джемпер, бюстгальтер, трусы и юбка. Все, кроме юбки, было разрезано сзади, а на юбке разрез был сделан не до конца. Отец и мать Эльзы не сомневаются, что их дочь была изнасилована, и именно Юрием Будановым. Их адвокаты обращались к следствию с ходатайством о возбуждении дела об изнасиловании. Следователи не нашли оснований.

Вообще-то в деле наряду с той цитированной нами экспертизой, представляющей наружный осмотр на месте обнаружения трупа, должны были бы фигурировать и данные лабораторного анализа: есть ли на месте разрывов следы спермы, и если да, то чьей. Однако, если такие заключения и есть, они тщательно скрываются — родители убитой их не видели. Хотя из текста экспертизы явствует, что материал для лабораторного анализа был подготовлен. Что случилось дальше? Ответ мы рискуем не получить никогда, ведь нынешнее судебное разбирательство вообще не будет касаться события изнасилования: суд рассматривает дело лишь по существу обвинительного заключения, а там об изнасиловании ни слова.

Абдулла Хамзаев рассказывает: с того момента, когда следствие по делу Буданова забрала себе военная прокуратура, Буданова и членов его экипажа допрашивали непрерывно, практически каждый день. И именно в ходе тех допросов вдруг «выяснилось», что у Буданова были данные о причастности Эльзы к вооруженным бандформированиям, что в «кунг» он ее привез для допроса, а задушил потому, что она пыталась овладеть лежащим на столе оружием. Словом, была набросана та картина, которую сейчас Буданов и его адвокат пытаются представить суду. Отважный русский офицер слегка погорячился при исполнении своего воинского долга, о чем сожалеет. Эльза по этой версии была снайпершей, а уж снайпершу задушить — почти что доблесть. О том, что она была снайпершей, Буданову будто бы рассказал «один чеченец» и даже показал фотографию (!) Эльзы со снайперской винтовкой. Где тот чеченец? Где та фотография? Почему она, будучи снайпершей, позволила скрутить себя и увезти на смерть и поругание, а не перестреляла храбрых танкистов, как куропаток? Почему, наконец, доблестный воин, обнаружив, что слегка перестарался, самообороняясь от восемнадцатилетней безоружной «снайперши», пытался с помо-

ищью подчиненных припрятать труп, вместо того чтобы самому отдаться в руки правосудия?

Из интервью Анатолия Мухина газете «Ростов официальный»: «Поверьте, этот человек предан нашей армии и государству. Он умеет брать ответственность на себя. Особенно в боевой обстановке».

Реакция

В первые дни после ареста Буданова армейское начальство реагировало адекватно: негодованием. Начальник Генштаба Анатолий Квашнин сказал: «Таких подонков нужно с корнем вырывать из нашего армейского коллектива». В тот момент показалось, что будановский процесс и впрямь может стать, как о том мечтает Абдулла Хамзаев, «профилактическим средством». Конечно, «профилактический» эффект был бы куда сильнее, если бы перед судом предстали не только Буданов, но и виновные в массовых бессудных расправах в Старопромысловском районе Грозного, и в поселке Алды, и в других подобных преступлениях. Но тех подонков еще надо найти. А будановская история вроде бы кристально ясна: жертва, преступник, состав преступления — все налицо.

Однако вышло иначе. Сначала Владимир Шаманов, в ту пору еще командующий Западным направлением в Чечне, будановский начальник, определенно дал понять, что своего любимца, замечательного командира Юрия Буданова в обиду не даст, что бы тот ни сделал. К слову, Шаманов как командир, проявивший к тому же заинтересованность в этом деле, наверняка видел акт экспертизы. Видел и знал, что доблестный командир изнасиловал девочку и генитально, и анально, а потом задушил. Шаманову на это наплевать. Он, теперь уже губернатор Ульяновской области, специально приехал к началу суда над Будановым и демонстративно пожал ему руку. Шаманов, может, и не лучший, но тоже очень хороший русский.

На днях обозреватель «Итогов» общался в неформальной обстановке с группой офицеров. Те горячо ругали Квашнина — главным образом за то, что «сдал Буданова», и мечтали о том, что «настоящий генерал» Владимир Шаманов когда-нибудь станет министром обороны. По их словам, «90 процентов армии» думают именно так. Может, насчет процентов и преувеличение, но, увы, похоже, что подавляющая часть офицеров готова сплотиться под лозунгом «Руки прочь от Буданова!» Этим объясняются и «странности» следствия, и растерянность шамановского коллеги генерала

Трошева: «Поймите, он защищал Родину... У каждого может крыша поехать». Геннадий Трошев — генерал иного, не шамановского склада. Судя по его высказываниям и действиям, он вполне осознавал задачу — сохранить отношения с мирным чеченским населением. Все чеченцы признают, что на подконтрольном ему Восточном направлении военные безобразничали гораздо меньше, чем на Западном. Он в отличие от Шаманова не может вполне отождествлять себя с отмороженным полковником. Видно, приходится защищать Буданова, если хочешь сохранить любовь и уважение подчиненных.

Сам по себе факт изнасилования и убийства полковником чеченской девочки, сколь ни ужасен, армию еще не порочит. Садисты и изуверы неотвратимо рождаются на свет в любом народе, и в силу вполне понятных причин процент их среди тех, кому по роду занятий позволено убивать, несколько выше, чем в обществе в целом. Похожие истории бывают в самых разных армиях, но везде виновных шумно осуждают и примерно наказывают. Запредельность будановского случая именно в том, что ни общество, ни армия не хотят торжества правосудия. «У каждого может...» Нет, Трошев вовсе не хотел сказать, что каждый русский полковник может под настроение задушить девочку. Наверное, и не каждый второй, и даже не каждый десятый. Но, кажется, наши офицеры на всякий случай хотели бы получить вперед полное отпущение всех грехов. Если Буданов, задушив Эльзу и закопав тело, «защищал Родину», то мародер, вытаскивающий из чеченского дома ковер или изо рта у старика золотые зубы, возможно, «восстанавливает социальную справедливость». А уж поборы на блокпостах и вовсе «законная контрибуция».

В деле Буданова, кроме убийства, фигурирует еще один эпизод. В ту же ночь, когда была задушена Эльза, Буданов и начштаба полка подполковник Федоров избили и пытались порезать ножом своего подчиненного, старшего лейтенанта Романа Багреева. Тот рассказывает, что вечером 26 марта в столовой была грандиозная пьянка. Потом, часов в семь, ему приказали открыть огонь по селу Танги-Чу. Никто в тот момент не стрелял со стороны села по расположению полка, село давно числилось под контролем федералов. Из багреевского рассказа ясно, что офицеры кутнули и стали «гулять» — играть артиллерийскими мускулами. В этой связи вспоминается эпизод, за два с половиной месяца до трагедии в Танги-Чу промелькнувший в теленовостях и многократно повторенный недавно в связи с будановским процессом. Полковник Буданов задорно командует перед телекамерой: «Ребята, поздравим их с Рождеством! Огонь!» Залпо-

вый огонь и сияющий Буданов. Задним числом понимаешь: тоже ведь не бой идет. Просто отметил полковник Рождество, настроение у него боевое, вот и лупит — по селу ли, по городу.

Багреев тогда, 26 марта, на свой страх и риск велел заменить в орудиях осколочные снаряды на кумулятивные и бить поверх домов. Видел же, что начальство сильно нетрезвое — опасался, что придется расхлебывать последствия. Полковник с подполковником приняли его избивать. Подполковник Федоров выхватил нож и разрезал на старшем лейтенанте камуфляж. Но резануть его самого не успел: полковник Буданов приказал Багреева арестовать — связать ему руки и бросить в яму. (Не одну ли из тех, существование которых в расположении воинских частей доказывает журналистка Анна Политковская, и напрочь отрицают все — от армейских начальников до правозащитника Владимира Каламанова.) Потом Федоров подходил к этой яме и велел насыпать туда хлорки. Военные будни.

Армия, где все позволено, — не армия. Она не пригодна для выполнения боевых и вообще каких-либо задач, она превращается в ватагу подгулявших ушкуйников, только с современным оружием и бронетехникой. Трагический опыт двух чеченских войн — лишнее тому подтверждение. Чтобы удержать армию от дальнейшего разложения, надо было бы не просто наказать Буданова, но добиться, чтобы офицерская среда осознала: таким, правда, в армии не место. Однако, как показывает начало процесса, ни общество, ни государство сегодня решительно не готовы бороться за сохранение армии.

Один шанс на двоих

Переговоры с Масхадовым не приведут к окончанию войны. Но могут помочь Москве расколоть боевиков, а чеченскому лидеру — вернуться в реальную политику.

То, что еще вчера было абсолютно немыслимо, сегодня оказалось возможным и даже вероятным. Давно ли Аслана Масхадова называли террористом и объявляли в розыск, а Борису Немцову публично президент предлагал сдать депутатский мандат за то, что посмел заикнуться о переговорах с Масхадовым. И вот уже «полномочный представитель» Масхадова Ахмед Закаев побывал в Москве и два часа толковал с полномочным представителем Путина Виктором Казанцевым. Правда, по слухам (с чеченской стороны), первоначально предполагалось, что разговор двух представителей будет более продолжительным: два-три дня. Столь быстрое завершение диалога вкупе с заявлениями Виктора Казанцева на пресс-конференции — мол, в позиции чеченцев не хватает конкретики — позволяет предположить: разговор пошел не совсем так, как этого ожидали с российской стороны. Точнее, как ожидал Путин.

Стоит напомнить, что непосредственно после встречи казанцевский пресс-секретарь дал понять, что все прошло как надо и встречи будут продолжены. А уже через сутки сам президентский полпред демонстрировал куда меньше оптимизма: не исключил продолжения диалога, но при условии каких-то новых предложений с чеченской стороны. За сутки, минувшие после встречи, изменилась и тональность обсуждения переговоров. До этого за месяц с лишним, что прошло с того момента, когда Виктор Казанцев рассказал о звонке Закаева и о том, как они договариваются о свидании, не нашлось ни одного влиятельного российского политика (или эксперта, аналитика, советника), кто бы прямо выступил против переговоров. Вернее, в окол Кремлевских кругах все старательно избегали слова «переговоры» и даже специально подчеркивали, что, мол, у Казанцева с Закаевым вовсе не «переговоры», но о «контактах» и «встречах» говорили уже как о чем-то не просто приемлемом, а весьма желательном. Даже Геннадий Трошев и глава Чечни Ахмад Кадыров,

хоть и не скрывали своего раздражения, не решились возражать напрямую против «контактов». Кадыров, который при всем желании не может забыть, что чуть больше года назад Масхадов издал приказ, предписывавший убивать глав администраций всех уровней, сотрудничающих с Россией, сделал несколько резких заявлений, но конкретный предстоящий диалог Казанцева с Закаевым охаивать не смел. Разве что отвязанный Гантамиров позволил себе буквально накануне встречи повозмущаться, но ему тотчас дал отлуп его непосредственный начальник — все тот же Казанцев.

А вот на следующий день после встречи и Кадыров уже открытым текстом говорил, что нечего было принимать Закаева, и Егор Строев весьма скептически высказывался по поводу самой идеи переговоров, а уж Гантамиров просто с цепи сорвался, обвинял Казанцева чуть ли не в самоуправстве. В нашем климате такие быстрые изменения в настроениях политической элиты могут значить лишь одно: поначалу «с самого верха» была дана установка на переговоры, а теперь она снята. Не заменена на противоположную — в таком случае ряды «антипереговорщиков» были бы куда более многочисленными, — но перестала быть обязательной. В сентябре именно Путин дал понять, что открыт для контактов с Масхадовым. Теперь, видимо, заколебался.

Что заставляет его менять позиции? Прежде всего хорошо бы понять, что именно толкнуло его к переговорам. Ответов на этот вопрос может быть два: либо президент отчаялся дожидаться выполнения военными их широкообещательных посулов о скором и окончательном решении чеченского вопроса, либо резкий поворот в чеченской политике Кремля напрямую увязан с изменением российского внешнеполитического курса, произошедшим после трагедии 11 сентября. Все еще не ясно, действительно ли Кремль намерен вести серьезные разговоры с Масхадовым или блефует. С одной стороны, вся официальная риторика вроде бы не о переговорах, а о «сдаче оружия», то есть о капитуляции. С другой, несмотря на то, что Ахмед Закаев в прямом эфире программы «Сегодня» опроверг Казанцева, твердившего, что договариваться будут только о разоружении боевиков, встреча состоялась.

С одной стороны, по нашим сведениям, руководителям силовой группировки с самого верха дали понять, что разговоры о переговорах не должны привести ни к каким конкретным результатам. С другой — нервная реакция Кадырова и Гантамирова свидетельствует, что они воспринимают возможное достижение

договоренностей с Масхадовым очень серьезно. Вроде бы отсутствие путинского интереса к встрече легко укладывается в схему: разговоры о переговорах были блефом для Запада в преддверии визита в США. Но ведь встреча состоялась уже после визита, и несмотря ни на что, перспектива дальнейших контактов не закрыта.

В целом Запад в последние месяцы действительно смягчил позицию по отношению к российским действиям в Чечне. Не только ведущие политики, но и общественное мнение почти готовы признать, что Россия воюет «против международного терроризма». По этому поводу в российском обществе, особенно в армии и силовых структурах, в середине сентября возникла иллюзия, что теперь с Чечней можно разобраться очень быстро: Запад даст нам карт-бланш, и мы, ничем уже не связанные, как вдарим... При этом Путин не подыгрывал подобным настроениям, хотя и не пытался сколько-нибудь серьезно окоротить силовиков, которые продолжали делать в Чечне то, что считали нужным: бомбили жилые кварталы, проводили «сверхжесткие» зачистки, истребляя всех, кто попадался под руку. Впрочем, и карт-бланша не получилось: тот же Буш осторожно дает понять, что, мол, борьба с терроризмом — это замечательно, но с мирным населением надо бы, того, поосторожней. И потом, у вас там не только террористы, а еще и борьба за независимость, а это дело требует политического решения.

Именно сейчас, когда в соответствии с новой кремлевской линией ничто не должно омрачать наших союзнических отношений, российский президент стал особенно чувствителен к подобным упрекам. И нет лучшего способа их отместить, как продемонстрировать готовность к политическому диалогу. Тем более что при общем благожелательном для Путина настрое на Западе постараются особо не вникать, насколько серьезны намерения Кремля. Если вся переговорная история действительно была затеяна исключительно для улучшения имиджа России, тогда телефонные и даже личные согласования будут тянуться до бесконечности, пока Закаеву-Масхадову не надоест, а потом можно будет указать тому же Западу: «Видите, это они уклоняются от решения».

Но вполне можно допустить, что Путин руководствовался и «внутренними» мотивами. В конце концов, из Чечни нужно как-то выпутываться. Там все совсем плохо, и нет шансов, что в ближайшее время что-либо изменится. Вряд ли президент нечувствителен к тому, что война все менее популярна. Общество потихоньку забывает свой недавний военно-патриотический энтузиазм и все

больше стремится закончить войну мирными переговорами. Даже в армии умные офицеры все чаще шутят: мол, уж лучше бы нас опять «предали». Наиболее дальновидные из генералов ожидают, что раньше или позже президент, дабы снять ответственность с себя, спросит с них: «Где обещанная победа?» Не случайно циничный Владимир Шаманов поспешил «спрыгнуть» из «победителей» в губернаторы, а куда менее циничный Геннадий Трошев его за это гневно заклеил. Словом, в самых разных слоях все больше желания перестать воевать.

Если основным мотивом президента стал поиск выхода из чеченского тупика, то не исключено, что начало диалога его разочаровало. Не стоит обольщаться: переговоры с Масхадовым не могут привести к окончанию войны, хотя, если будут проведены грамотно, могут этот конец приблизить. На дворе не август 1996-го, а ноябрь 2001-го, и предмет переговоров отнюдь не так очевиден. Боюсь, что стороны не скрывают от нас истинный сюжет диалога, а сами не знают, о чем беседовать.

Масхадову понятно, что ставить вопрос о выводе войск бессмысленно. Сегодня ни один здравомыслящий человек в России, от генерала до правозащитника, не поддержит немедленный вывод войск. И дело даже не в том, что армия или страна не сможет пережить второй позорной капитуляции. А в том, что больше никто не поверит масхадовским гарантиям стабильности в республике. Нет такой силы, которая могла бы предотвратить очередной поход на Россию наподобие басаевского броска в Дагестан. Скорее можно гарантировать, что набеги на Россию с территории Чечни возобновятся. Ни вывод войск, ни будущий статус Чечни сегодня обсуждению не подлежат. Кстати, надо иметь в виду, что и Басаев, и Хаттаб не раз заявляли, что вывод войск и признание чеченской независимости — предварительное условие любых переговоров с «оккупантами». Есть все основания полагать, что таковы настроения значительной части рядовых боевиков, в том числе и в «неваххабитских» отрядах. Масхадову, согласившемуся на переговоры без всяких предварительных условий, трудно будет, не потеряв лица, не поставить вопрос о выводе войск. А сама такая постановка вопроса немедленно приведет к прекращению диалога.

Масхадов хотел бы договориться о прекращении боевых действий. Сам факт таких переговоров независимо даже от результата означал бы для него возвращение статуса первого лица в Ичкерии. А уж если бы удалось добиться хотя бы кратковременного

прекращения спецопераций и зачисток, сотни тысяч простых чеченцев вновь заговорили бы о нем с уважением и благодарностью. Но вот здесь-то и загвоздка: Масхадов, очевидно, не может командовать всеми боевиками. На сайте «Кавказ» висит интервью Хаттаба, в котором тот недвусмысленно заявляет, что его всяческие переговорные инициативы не тревожат: до тех пор пока нога «кяфира» топчет землю мусульман, с ними, с кяфирами, будут воевать. В том же духе высказывается и Басаев. Что толку договариваться с Масхадовым о прекращении военных действий, если заведомо ясно, что боевики, стоящие за Басаевым и Хаттабом, не сложат оружие? Именно стоящие за ними, а не они сами. В конце концов даже с Басаевым и даже с Хаттабом можно было бы договориться как минимум об их исчезновении из страны, если бы они были «одиночками волками». Но их подпирает мощный слой молодых людей, для которых война — мать родна и которые без войны (за «святое дело», разумеется) жизни себе не мыслят. Неважно даже, составляет сегодня этот слой большинство или меньшинство воюющих. Ведь для диверсионной войны нужно совсем немного людей. И именно эта молодежь для такой войны лучше всего подходит: им ни себя, ни других не жалко. Разумеется, армия будет отвечать на очередные взрывы и нападения. Очередными спецоперациями и зачистками — она по-другому не умеет. Значит, никакого прекращения огня и завершения войны на переговорах с Масхадовым достичь не удастся. Выходит, переговоры бессмысленны, ибо изначально обречены на провал?

Не совсем так. Вернее, если рассматривать переговоры как альтернативу войне — или воевать, или договариваться, тогда да, тогда с Масхадовым разговаривать бессмысленно. Да и вообще такие переговоры сегодня в Чечне вести не с кем. Но если преследовать иную, менее грандиозную, но весьма полезную цель — вывести Масхадова с его окружением из числа воюющих, тогда переговоры — это шанс, который нельзя упустить. Напомним, что в отношении Гелаева такая задача ставилась и соответствующие переговоры велись вплоть до недавних событий в Кодорском ущелье, когда молва назначила Гелаева предводителем грузино-чеченских банд, напавших на Абхазию. Не в последнюю очередь именно под обещание нейтрализовать Гелаева получил свой пост Ахмад Кадыров. С Гелаевым не получилось, но, может, именно потому, что пытались действовать келейно, скрытно, не объявляя о предстоящих встречах. Масхадов — фигура посерьезней, и если бы он открыто

заявил, что прекращает воевать с русскими, значительная часть мирного населения отказалась бы от поддержки боевиков. Не случайно даже умный кадыровский чиновник, сотрудник чеченского представительства в Москве Эди Исаев считает переговоры с Масхадовым делом чрезвычайно важным и полезным.

Масхадов не то чтобы сейчас популярен, он кажется людям заведомо симпатичней русских генералов и Путина. А вот к Басаеву с Хаттабом многие (не все) относятся почти так же непримиримо, как к русским, — их и называют-то часто российскими наемниками. Поэтому выход из игры Масхадова, даже если вместе с ним уйдет лишь небольшая часть боевиков, бесспорно, ослабит позиции «моджахедов». Другой вопрос, как добиться этого от Масхадова. Ясно же, что не предложением сложить оружие и не обещанием высокой должности в Чечне. (Он не может принять пост из рук федералов, после того как он стал президентом по воле народа.)

В этом смысле интересен план мирного урегулирования в Чечне, предложенный рядом видных российских правозащитников в канун «Гражданского форума». Он предполагает для начала все те же переговоры о прекращении боевых действий. Но дальше стороны не просто создают, как это принято, структуры наблюдателей, а заявляют о готовности к совместным силовым операциям против нарушителей. Если бы удалось столкнуться об этом с Масхадовым, он неизбежно оказался бы втянут в боевые действия против недавних соратников. Может ли он пойти на это? Вопрос пока открыт, но исключить такой возможности нельзя: что-то ведь он да имеет в виду, когда открыто декларирует свою готовность к переговорам, хотя на том же сайте «Кавказ» ему уже многожды прозрачно намекнули: такое поведение расценивается как предательство. Во всяком случае, нейтрализация а то и «переориентация» Масхадова — цель, за которую стоит побороться.

Правда, для ее осуществления нужна мобилизация усилий российских политиков и военных. Игра с Масхадовым, коль скоро ее затевать, слишком серьезное и ответственное дело, чтобы позволить себе проиграть по вине какого-нибудь надравшегося полковника, который решит наподобие Буданова пострелять по селу или покуражиться над местными девушками. Путину придется добиться, чтобы все государственные чиновники, включая Ахмада Кадырова и даже Бислана Гантамирова (которого, если хочешь дисциплины, лучше бы вообще не держать в чиновниках), действовали в соответствии с принятыми на переговорах решениями, а не в соот-

ветствии со своими представлениями о правде и справедливости. До сих пор, несмотря на все декларации по укреплению «вертикали власти», президенту ни разу не удалось добиться настоящей слаженной работы всех ответственных структур. А без нее затея с переговорами лопнет, как мыльный пузырь. Да ведь и Путин, похоже, еще не осознал толком, для чего ему нужны переговоры.

Вообще-то задачка нейтрализации Масхадова проще решалась осенью 1999-го, до того как перешли Терек, — тогда Масхадов определенно давал понять, что готов на многое, лишь бы не допустить войны... Да что вспоминать.

Большая часть Чечни оккупирована, но партизанские вылазки продолжают. Федеральные войска отводят душу на мирных чеченцах, «вербуя» новых «воинов ислама»

Умереть легко

Еще одного отличного мужика убили на чеченской войне. Взорвали фугас под машиной Ризвана Лорсанова, самого популярного и авторитетного человека в Новых Атагах, да и по всей округе, того самого Ризвана, в чьем доме начинались в первую войну российско-чеченские переговоры. Дважды, в первую и во вторую войну, Ризван спасал свое село от обстрелов и бомбежек: договаривался с военными, чтобы Атаги не трогали. В нынешнюю войну чуть не ползком, под непрерывным огнем добрался до расположения воинской части, отстоял в ожидании командира лицом к стене, расставив ноги, несколько часов и не считал за унижение: ведь людей спасал. Ризван щедро угощал у себя российских офицеров, многим он искренне симпатизировал — у него были старые связи с командирами из Северо-Кавказского военного округа. Еще с тех пор, когда он при советской власти работал начальником по отгрузке на цементном заводе: снабжал вояк стройматериалами и себя не забывал — роскошный дом и богатство у него с тех времен. Но и Шаманова, которого терпеть не мог, тоже поил-кормил-привечал: во-первых, чтобы село не трогал, во-вторых, в надежде, что, может, удастся вновь организовать переговоры. Из этих же соображений поддерживал отношения с боевиками, хотя не любил их и не уважал и в минуты откровенности признавался, что считает злойной всю затею с независимостью, не говоря уже о «законах шариата». Он хотел спасти Чечню — прекратить войну, спасал село, но, кроме того, при каждом удобном случае спасал всякого, кого мог спасти. Солдатские матери, разыскивавшие сыновей, жили у него месяцами на всем готовом, а он притаскивал к ним на свидание все новых «полевых командиров», в надежде, что кто-то из них что-нибудь знает.

Кто мог желать смерти Ризвана? В бессмысленном хаосе этой войны ничего нельзя понять. Спасая кого-то, кому-то перешел дорогу — офицеру ли, боевику, просто бандиту. Кто-то захотел — убил. Полтора года, как российские войска контролируют территорию Чечни, а убить человека там так же легко, как муху прихлопнуть. Чечня по-прежнему теряет лучших мужчин, а Россия — лучших чеченцев, опираясь на которых только и можно рассчитывать навести порядок в этой несчастной республике.

Отдельные несознательные граждане

Никогда еще официальные российские пропагандисты не делали столь точных и искренних заявлений о ситуации в Чечне. Помощник президента по информационному обеспечению Сергей Ястржембский на днях заявил, что «контртеррористическая операция в Чечне давно бы завершилась, если бы часть населения не помогала боевикам». Что правда, то правда! Если бы все до единого чеченцы отказались «поддерживать, укрывать, лечить участников незаконных вооруженных формирований, а также участвовать в непосредственных боевых действиях против федеральных сил», операция бы закончилась. Она бы даже и не началась: все «незаконные формирования», состоящие исключительно из лиц нечеченской национальности, быстренько передохли бы на чеченской земле от голода и болезней. Но среди чеченцев как на грех обнаружились несознательные личности: «лечат», «укрывают» и даже «участвуют». Когда начиналась операция, никто такого и предположить не мог: планировали справиться сначала за полгода, потом за год — все надеялись, что это чертово население научится вести себя как надо. А оно...

Вообще-то если на то пошло, то и российское население могло бы быть получше. Если бы, например, все соблюдали правила уличного движения, не нужно было бы расходовать бюджетные средства на ГИБДД-ГАИ и можно было бы повысить зарплату врачам и учителям. А если бы не стали воровать, а принялись бы все добросовестно трудиться, глядишь, мы бы уже развитой капитализм построили. А насколько легче работалось бы дворникам, если бы люди не мусорили. А уж как бы у нас пошла та же контртеррористическая операция, если бы наши солдаты и офицеры не брали взятки на блокпостах, не торговали оружием, не грабили это самое население, которое от всего этого явно не становится более сознательным, об этом можно только мечтать. Но Ястржембский не просто мечтатель-воздыхатель, он аналитик. Он ищет и находит причины скверных поступков «некоторой части» чеченцев: «кровная месть, сепаратистские взгляды на будущее Чечни и другие». Так и ждешь, что помощник президента скажет, что надо сделать, чтобы чеченцы больше не безобразничали, а контртеррористическая

операция наконец завершилась: не давать новых оснований для кровной мести? представить убедительные доказательства, что в составе России жить лучше? и как быть с «и другими» причинами? Но он так ничего и не предложил, и это, на наш взгляд, несколько снизило ценность его свежего наблюдения. Зато Ястржембский знает, что делать, чтобы в Чечне больше не падали вертолеты. Делать надо «решительные выводы в отношении технического состояния...» Потому что, когда четыре вертолета падают один за другим, «это уже не отдельные случаи, а тенденция». Пусть кто-нибудь посмеет сказать, что российская официальная пропаганда недостаточно полно и не вполне правдиво освещает положение дел в Чечне!

Война вслепую

На минувшей неделе шел бой. Полномасштабный и кровопролитный — сбит вертолет, подбит БТР, российские войска только убитыми потеряли не менее 14 человек. Это по данным Минобороны, а МВД Ингушетии, на территории которой все происходило, сообщает о 17 убитых. Прямо как в начале войны. Про потери противной стороны судить трудно: наши военные еще задолго до завершения боевых действий с готовностью рапортовали то о 70, то о 76, то чуть ли не сотне убитых боевиков. Но тел обнаружено пока только пять. Несомненно, число погибших чеченцев больше — сколько-то трупов унесли. Но не семьдесят же!

Большой отряд боевиков ранним утром 26 сентября вошел в ингушское село Галашки. Милицейский пост близ села сообщил о появлении боевиков подразделению внутренних войск, располагавшемуся неподалеку. К селу были стянуты части 58-й армии и внутренних войск. Увидев в небе боевые вертолеты, боевики поняли, что обнаружены, и стали прорываться в направлении Чечни. Какая-то часть их были убиты на месте, остальные ушли в лес, в сторону чеченского села Бамут.

Вот, пожалуй, все, что известно доподлинно. Остальное — сплошные противоречивые домыслы. Виктор Казанцев, президентский уполномоченный в Южном федеральном округе, недавний командующий ОГВ, человек, тесно связанный с военными, утверждает, что отряд боевиков отследили с самого его появления на территории России и прямо-таки нарочно заманили в Галашки, чтобы там уничтожить. Почему тогда такие потери? Почему нужно было вести бой в селе? Наконец, зачем так близко подпустили к Чечне?

Разные российские структуры пытались уверить публику, будто им точно известно, что за отряд объявился в Галашках и кто им командует. Информационное управление президента говорило о «банде Абдул-Малика», некоего русского Смирнова, принявшего ислам и ставшего соратником Хаттаба. Однако про Абдул-Малика примерно год назад сообщали, что он убит. Дотошные тележурналисты тут же разыскали в Шелковском районе Чечни его семью — мать подтвердила: да, убит, но не в 2001-м, а в 2000-м. Одновремен-

но с сообщениями о том, что «банда Абдул-Малика окружена в Галашках», силовики анонимно (во всех информационных сообщениях фигурировали «компетентные источники») рассказывали, что отрядом командует Руслан Гелаев. Потом была сделана неловкая попытка примирить информацию про Абдул-Малика и Гелаева: сказали, что это такой гелаевский радиопозывной «Абдул-Малик». При чем тут тогда Смирнов, то ли Виталий, то ли Владимир, то ли живой, то ли мертвый?

Путаница царит и с объяснениями, откуда боевики взялись. Все повторяют, что из Грузии. В Объединенной группировке с ходу с полной уверенностью сказали, что отряд привел проводник-грузин, который получил за это 7 тысяч долларов. Потом, как водится, появились подробности: деньги грузинский Иван Сусанин забрал, а отряд бросил и проч. Одновременно какие-то «компетентные источники в Москве» заявляли с такой же уверенностью, что им известно: боевиков перебросили на вертолетах грузинские силовики, причем за каждый рейс взяли по 5 тысяч долларов. Но для такой операции потребовалось бы не два и не три тяжелых вертолета. Как это возможно, чтобы пограничники не заметили такой эскадрильи?

Разговоры про вертолеты — несомненно, провокация против Грузии. Но еще и попытка сделать вид, будто что-то известно, когда не известно ничего. Ничего наши военные и спецслужбы не знают: ни что за отряд, ни откуда возник, ни почему вдруг оказался в Галашках. Догадываются, конечно, что кроме как из Грузии боевикам в таком количестве вроде взяться неоткуда, но в каком месте и когда те перешли границу, не знают — прозевали. Отсюда и противоречия, и явные нелепости. Они ведь всякий раз, когда допускают оплошность, начинают путаться — вспомним хотя бы «Курск».

Дикая какая-то история. Столько времени твердить, что боевики скопились в Грузии, что они собираются переправиться в Россию, — и позволить им перейти границу, проделать изрядный путь по российской территории и, пусть не в полном составе, прорваться-таки в Чечню. Очевидно, их ждали близ Панкисского ущелья, а они вышли в другом месте, не в Итум-Калинском районе горной Чечни, а в Северной Осетии. Наши генералы все время вели речь о восьмидесяти, не то сотне боевиков в Панкиси, а отряд в Галашках оказался как минимум в полтора раза больше. Выходит, никакой профессиональной разведки у нас не существует. Было некое общее представление, что в Грузии сидят боевики, а сколько, что они делают, как перемещаются — бог весть.

Шестая фаза седьмого этапа

В соавторстве с Александром Гольцем

*В результате длящейся уже три года
антитеррористической операции чеченские
террористы захватили в Москве целый театр.*

Террорист, говоривший на следующий день после захвата ДК в эфире «Эха Москвы», казался спокойным и уверенным в себе. Радиожурналисты просили его отпустить детей. Тот поинтересовался, сильно ли они за детей переживают, и добавил: «Я вас еще больше расстрою: в Чечне три тысячи детей погибли». Цифра взята с потолка — по оценкам правозащитного центра «Мемориал», число погибших во второй войне мирных чеченских жителей составляет больше 10 и меньше 20 тысяч. Доля детей среди них явно невелика. Но ведь даже если число погибших детей измеряется не тысячами, а сотнями, у всякого нормального человека должно перехватить дыхание. Можно не сомневаться: эта его фраза теперь передается в Чечне из уст в уста, и чеченцы в большинстве своем относятся к террористам с сочувствием. Так, в июне 1995-го мы ужасались действиям Басаева, воспринимали его чудовищем: нормальный человек не воюет с беременными женщинами. А чеченцы в доверительных разговорах спрашивали: «А что же вы не ужасались, не бежали протестовать, не кричали во весь голос, когда ваши военные штурмовали и бомбили наши роддома?» Когда отряды ваххабитов в августе 1999 пошли в Дагестан, чеченское общественное мнение однозначно, хотя и довольно пассивно, их осудило. Взрывы домов в Москве и Волгодонске вызвали у чеченцев столь сильное возмущение, что они единодушно поспешили приписать эту акцию ФСБ. А вот о нынешнем теракте наверняка большинство скажут: «Да, невинных людей, конечно, жалко. Но надо же что-то делать, чтобы остановить войну. Ведь на войне тоже гибнут невинные люди».

Захватившие ДК назвали себя «смертниками», «камикадзе». Эта самооценка справедлива лишь отчасти. Да, они обвязались взрывчаткой и выказали готовность в том числе и к смерти — понимая, что такой исход возможен. Но в отличие от палестинских

смертников перед ними не стояла задача — уничтожить: взорвать здание или унести с собой как можно больше жизней «кяфиров» и отправиться прямиком в объятия Всевышнего. Эти же если и думали о райских куцах, то не в первую очередь, иначе не стали бы требовать к себе то депутатов, то телекамеру — смертники переговоров не ведут и по телевизору не выступают. Террористы, захватившие Театральный центр, кажется, в самом деле допускали, во всяком случае поначалу, что могли бы остановить войну. Перед их глазами стоял вдохновляющий пример Буденновска. Тогдашний басаевский теракт в самом деле на три месяца приостановил военные действия и побудил Россию начать первый тур переговоров. Нынешняя чеченская молодежь — а почти все террористы молоды — не понимает, что страна уже другая, и власть в ней другая, и война другая, более жестокая и непримиримая.

Что же до настоящих смертников, их в Чечне пока, слава богу, совсем немного. В первую войну не было вовсе — те же басаевцы, их последователи радуевцы, да и вообще все чеченские вояки охотно называли себя «шахидами», воевали бесстрашно и умирать в бою не боялись, но все же высшей доблестью, в отличие от подлинных шахидов, считали победить и выжить. В нынешнюю войну появились камикадзе — преимущественно девушки, иногда юноши, взрывающие вместе с собой какой-то объект или человека (девушка-камикадзе взорвала коменданта Урус-Мартановского района Гаджиева, славившегося изуверской жестокостью). Сказалось влияние арабского ислама. К тому же, как рассказывали чеченцы, первые камикадзе были из числа изнасилованных солдатами — для них дальнейшая жизнь в чеченском обществе все равно представлялась невозможной. Кстати, это отчасти объясняет, почему среди них так много женщин. Хотя, конечно, позже в «шахиды» шли не только несчастные, которым жизнь не мила. Как бы то ни было, чеченцы в ДК — не шахиды. В отличие от шахидов им нужна не скорейшая встреча с Аллахом, а благодарность измученных и истерзанных войной соотечественников.

Начало

В январе 2000 года Владимир Путин, тогда исполняющий обязанности президента, рассказал корреспондентам «Коммерсанта», как трудно принимал решение о введении войск в Чечню. После того как отряды Басаева и Хаттаба были выбиты из Дагестана, обсуждалась возможность создания своего рода санитарной зоны вокруг мятежной республики. Все колебания закончились, отметил Путин,

когда в Москве начали взрываться дома. Тогда будущему президенту стало ясно: террористов следует не просто мочить в сортире, но делать это на их территории. Россия, утверждал тогда Владимир Путин, не будет в безопасности до тех пор, пока над мятежной территорией не установлен контроль федеральной власти. Президент был не вполне точен. Взрывы, кто бы их ни совершил, конечно, накалили атмосферу в стране и дали генералам, рвавшимся «добить» и расплатиться за позор Хасавюрта, дополнительные козыри, но и после них было очевидно: решение о вторжении на территорию Чечни принималось не за один раз.

Идея санитарного кордона с самого начала не нравилась военным. Что и понятно: армия, во всяком случае наша, российская, совершенно не приспособлена для решения этой задачи. Если она не двигается, не воюет, а просто стоит, то разлагается моментально. Рано или поздно враг либо прорвет такой «кордон», либо просочится сквозь него и окажется в тылу. Понимая это и стремясь избежать такого развития событий, генералы поначалу уговорили политическое руководство страны, что встать надо не по границам Чечни, а на Тереке — дескать, так держать «кордон» будет легче. Потом один из командующих сообщил, что за Терекон, в поселке Новогрозненский, находится сам «террорист № 1» Шамиль Басаев — и, разумеется, получил «добро» на поход «за Басаевым». Никакого Басаева там в результате не оказалось, и тут выяснилось, что войска уже в двух шагах от Грозного: как же не взять штурмом это «гнездо террористов»? Страна сама не заметила, как втянулась в войну.

Вернее, если следовать официальной терминологии, три года российская армия ведет в Чечне не войну, а осуществляет «анти-террористическую операцию». На прошлой неделе выяснилось, что операция эта полностью провалилась. Ни Россия, ни даже Москва не стали за это время безопаснее. По истечении трех лет после начала операции террористы еще больше осмелели. Если в 1999-м они действовали небольшой группой и скрытно, как диверсанты, то теперь им удалось собрать в российской столице два взвода боевиков с оружием и взрывчаткой и провести настоящую войсковую операцию.

Бесконечная победа

Все три года антитеррористической операции военные, представители специальных служб, а также специально обученные пропагандисты и пиарщики пытались убедить российский народ в том, что операция развивается успешно и по заранее разработанным пла-

нам. Сначала ради этого «антитеррористическую операцию» стали дробить на некие «этапы» и рапортовать о выполнении одного и переходе к другому. Точно так же спецы по научному коммунизму выдумывали не имеющие никакого реального смысла дефиниции типа «социализм победил полностью и окончательно», после чего наступила фаза «развитого социализма». Когда один из генералов вдруг начал говорить об успешном завершении «второй фазы третьего этапа», все поняли, что запутались окончательно, и стали привязывать ход войны с боевиками к временам года. Ранней весной 2000-го, сразу после штурма Грозного, один из командующих федеральной группировкой твердо заявлял, что надо «кровь из носу» покончить со всеми боевиками до того, как в горах появится листва. И дважды с тех пор листва появлялась и опадала, но антитеррористическая операция все продолжалась.

Наконец ее взялись оценивать по тому, какое из силовых ведомств «отвечает за Чечню». В прошлом году Министерство обороны с помпой передало руководство операцией ФСБ. Что должно было свидетельствовать об окончательном завершении военного этапа операции. Минобороны бодро отрапортовало о полном разгроме организованного сопротивления. Однако Кремль предусмотрительно не позволил начать многократно объявленный вывод войск. Судя по всему, и по сей день в Чечне помимо 42-й дивизии, находящейся там на постоянной основе, действуют несколько полковых тактических групп Сухопутных и Воздушно-десантных войск. Тем не менее ФСБ уже неоднократно порывалось отрапортовать, что и спецслужбы свою работу завершили, отловив всех бандитов и разрушив вражеское подполье, и что самое время возложить ответственность за Чечню на МВД, которое займется борьбой уже не с сепаратистами и террористами, а с обычными уголовными преступниками. При этом руководители силовых ведомств периодически сами забывали, кто за что отвечает и какой этап «антитеррористической операции» идет в настоящее время. Так, в начале лета министр обороны Сергей Иванов специально собрал журналистов, чтобы рассказать, как удалось предотвратить попытку захвата Грозного несколькими отрядами боевиков. При этом глава военного ведомства запамятовал, что, по официальным сводкам, уже добрый год как никакого организованного сопротивления не существует вовсе. Окончательно ситуация запуталась после недавнего указа Владимира Путина, подчинившего все силовые и властные структуры в районах военным

комендантам. Получается, что все вернулось к войсковому этапу военной операции.

Все это многослойное вранье призвано было скрыть простой и очевидный факт: антитеррористическая операция уже много месяцев находится в тупике. Когда ее начинали в 1999 году, в расчет принимали все что угодно — намерение продемонстрировать решительность и волю Владимира Путина накануне президентских выборов, желание армейских генералов смыть чужой кровью позор первой чеченской войны, трудности с созданием полосы отчуждения вокруг мятежной республики. Не приняли в расчет самое главное — регулярная армия по определению не предназначена для ведения длительной антипартизанской войны (как раз поэтому, разгромив в результате воздушной операции талибов, Пентагон сделал все возможное, чтобы на территории Афганистана воевало минимально необходимое количество войск).

Российская армия более или менее успешно прошла всю территорию Чечни, разгромив крупные отряды сепаратистов. Генералам, гордо доложившим Путину об уничтожении организованного чеченского сопротивления, было невдомек (а может, они даже себе боялись признаться), что именно с того момента стратегическая инициатива перешла в руки боевиков. Теперь чеченцев, разбившихся на мелкие отряды, можно было ждать в любом населенном пункте, в любом районе Чечни. Диверсионная, минная и фугасная война охватила всю территорию республики. Дабы обеспечить контроль над территорией, армия стала по республике гарнизонами, что обернулось распылением сил. Отсутствие крупных подразделений противника обернулось тем, что армия не смогла эффективно использовать факторы, дававшие ей преимущество, — авиацию и артиллерию.

«Антитеррористическая операция» вернулась на круги первой чеченской войны с ее блокпостами и комендатурами: когда армейские и милицейские подразделения сидели в своих опорных пунктах, тем самым предоставив отрядам боевиков полную свободу действий. Как и в первую чеченскую, блокпосты быстро превратились в пункты взимания дани, а федеральные силы обороняют сами себя, ожесточенно и слепо мстя в ходе «зачисток» за убитых из-за угла товарищей. В ходе спецопераций людей увозят из дома неизвестно куда, жестоко избивают, пытают, используя электроток и прочие приспособления, вымогают деньги за их освобождение и стараются хотя бы таким образом, добываясь самооговоров и ого-

воров соседей, вербовать «агентуру». Цена таким агентам грош, а количество сепаратистов в результате подобных действий не уменьшается. И их моральный дух не падает.

Неспособность российских силовых структур справиться с боевиками особенно очевидна, если учесть, что Владимир Путин весьма последовательно добивался того, чтобы развязать силовикам руки. Генералы все время высказывали опасения, что Кремль может начать переговоры с Масхадовым и прикажет им остановиться. Президент решительно отменил возможность переговоров. Даже сейчас, когда всего лишь обещание начать мирные переговоры могло бы, кажется, спасти без малого тысячу жизней, президент все время ясно давал понять: переговоры — ни за что! Мутная история про какую-то видеокассету, на которой Масхадов чуть ли не планирует этот теракт, видимо, для того и придумана, чтобы продемонстрировать невозможность разговаривать с эдаким чудовищем. (Ей-богу, если Масхадов хочет переговоров — а он их определенно хочет, — у него хватит ума не записывать такую видеокассету.)

Теперь уже генералы стали вести речь не о скором разгроме боевиков, а о том, что дело это долгое, на десятилетия. В качестве примера указывали на то, что даже НКВД с его специфическими методами не смогло разгромить в одночасье формирования националистов на Западной Украине. Оправданием тому, что каждую неделю в Чечне гибли несколько российских солдат, осталось только одно — благодаря войне в Чечне волна терроризма не захлестнула Россию. Теперь у силовиков нет и этого аргумента.

Возвращенцы и отказники

Началось массовое вытеснение чеченских беженцев из Ингушетии. Эта акция приведет к усилению позиций боевиков.

В понедельник, 2 декабря, школа в беженском лагере «Иман» под Аки-Юртом уже не работала. Еще в пятницу занятия шли своим чередом и учителя уверяли обозревателя «Журнала», что школа сохранится. Беженцы, подбадривая себя, твердили, что «австрийцы» (одна из австрийских гуманитарных организаций, по сути дела, финансирующая создание этой школы) ни за что не позволят ее закрыть: «Даже если один ребенок останется, все равно школа будет работать!» Но в понедельник вагончик, в котором размещалась школа, оказался наглухо запертым и даже школьного завхоза, дневавшего и ночевавшего на работе, на месте не оказалось.

Лагерь практически не осталось — восемнадцать палаток, и во всех шли усиленные сборы: где-то отковыривали пол по досточкам, где-то рамы вынимали из окошек — потом, когда все закончат, снимут и саму палатку и вместе с досками, с вещами отнесут в поджидающие переселенцев грузовики. Напрасно беженцы умоляли сохранить лагерь хотя бы до конца учебного года: «Дайте детям доучиться!» Миграционные власти остались непреклонны: Аки-Юрт должен быть свернут до первого декабря. Как раз первого ударил мороз и выпал снег. Те, кто уже свернул свое брезентовое жилище, бегали греться в еще оставшиеся палатки, тянули озябшие руки к буржуйкам, приговаривая: «Сталин нас зимой выселял — Путин тоже решил зимой выселить». К вечеру очередная колонна грузовиков с нехитрыми пожитками отправилась в сторону Чечни.

Кому они мешали

О том, что беженцев необходимо отправить из Ингушетии по месту жительства, российские власти, особенно военные, говорили чуть ли не с того момента, как эти самые беженцы хлынули в Ингушетию. Нынешний губернатор Ульяновской области орденоносный генерал Шаманов в бытность свою командующим Западным

направлением Объединенной группировки федеральных сил на Северном Кавказе с самого начала пытался просто не пропустить чеченцев в соседнюю республику. Тогда, осенью 99-го, их все же пропустили под давлением мирового общественного мнения. Первые зимы люди жили в холоде, в железнодорожных вагонах, на территориях предприятий, а то и в хлебах и кошарах, кое-как приспособившая их под жилье. Лишь к третьей зиме при помощи международных гуманитарных организаций оборудовали более или менее сносные палаточные лагеря.

Само существование беженцев опровергает победные реликвии о «завершении военной фазы операции», поэтому-то они раздражают и военных, и Кремль. У чеченского правительства были свои резоны. Ахмад Кадыров, как только был назначен главой Чечни, тотчас принялся добиваться возвращения всех чеченцев. Его эмиссары поначалу наезжали в беженские лагеря, пытались уговаривать людей воротиться, но встречали крайне недружелюбный прием и вынуждены были такие поездки прекратить. Бывшего президента Ингушетии Руслана Аушева чеченские и российские власти постоянно обвиняли, будто он чуть ли не силком удерживает у себя беженцев, чтобы контролировать выделяемые на них федеральным бюджетом средства. Разумеется, Кадыров хотел, чтобы все эти деньги и вся гуманитарная помощь шли через него. Аушев в самом деле решительно возражал, когда пытались как-то ущемить разместившихся в Ингушетии беженцев: переадресовать ту же гуманитарную помощь в Чечню, сократить объемы подачи электроэнергии или тепла, деньги на школы перечислять исключительно в Чечню и проч. Беженцы справедливо считали Аушева своим главным защитником и очень горевали, когда он подал в отставку.

Новый ингушский президент Мурат Зязиков одним из предвыборных лозунгов сделал возвращение чеченцев домой. Надо сказать, он снискал этим одобрение не только Кремля, но и избирателей. И то сказать: войне пошел четвертый год, и четвертый год в маленькой Ингушетии огромное число (многие десятки тысяч) пришлых людей занимают и рабочие места (нанимаются на стройки совсем задешево), и места на базарах (цены на товары тоже сбивают), и койкоместа в больницах. Словом, после ухода Аушева федеральные власти и власти обеих республик, Чечни и Ингушетии, сплотила общая цель — ликвидировать лагерь беженцев в Ингушетии.

Минувшей весной началась мощная кампания. По всем лагерям без конца ходили представители чеченской миграционной

службы (на сей раз уже не одни, а в сопровождении ингушских и федеральных «силовиков») и настойчиво объясняли людям, что жизни в лагерях им все равно не будет, что осенью начнутся отключения газа, воды и электроэнергии, что вся гуманитарная помощь будет выдаваться только в Чечне. Сколько чеченцев уехало под давлением этой агитации, сказать трудно. Данные ингушской миграционной службы не стоят ломаного гроша — во всех лагерях живет множество людей, которых сняли с довольствия как «выбывших», и в то же время «в ихних компьютерах» значатся те, кто выехал еще весной. Некоторые семьи стронулись с места, поехали в Чечню. Они не столько поддались на уговоры «кадыровцев», сколько поняли: конца войны не дождутся, а всю жизнь жить в палатке невозможно. «С хорошим настроением никто не уезжал», — решительно сказала мне Зина, беженка из лагеря «Спутник», проводившая, по ее словам, шестерых знакомых. Кое-кто из уехавших летом осенью вернулся: главным образом из-за того, что не удалось к осени подлатать жилье так, чтобы можно было зимовать. И еще из-за школы — в Чечне школы работают нерегулярно: то обстрелы, то «зачистки», а при беженских лагерях до последнего времени учеба шла по обычной федеральной программе. Не все, но очень многие чеченцы (особенно чеченки) страшно переживают, когда дети не учатся. Но в основном в Ингушетии остались те, кому возвращаться некуда: вместо дома руины, у родственников нет места. Таких в результате трех лет войны оказывается немало. Словом, весенне-летней «осадой» «проблему беженцев» решить не удалось. Терпение властей истощилось. Начался нынешний решительный «штурм».

Некуда податься

Они плачут, когда спрашиваешь, куда едут. Типичный ответ: «Некуда нам ехать, некуда, понимаете? У меня дом еще в ту войну разбомбили, только братья все отремонтировали — опять война, бомба попала — все снесло, до основания. Братьев моих убили. Куда я пойду?» Плачет Зейнаб, мать многочисленного семейства, собирая палатку, — у нее тоже нет дома, она съездила домой в Ачхой-Мартан и упростила соседей, чтобы те позволили поставить палатку на их участке: «Такие люди хорошие, денег не попросили». И навзрыд: «Силой нас туда гонят! Неволей! Властям не верь! Мы не сами! Они нас прямо дают, душат!» Плачет Марет, рыхлая женщина за сорок, от которой пахнет какими-то лекарствами. Она в пятницу твердо

говорила, что никак в Чечню не поедет: «У меня в сердце трещина, я от первого обстрела, от первого взрыва умру». Однако собирается: «А что мне делать? Заставили! Днем-ночью ходили, покоя не давали: «Когда уедешь?» Что здесь сердце не выдержит, что там — конец один».

Я встретила в «Имане» давнего своего знакомого: когда я приезжала в Ингушетию в январе 2001-го, он вместе с сыном и женой и еще с одной большой семьей жил в хлеву. Они там занимали вдевятиером помещение в четыре квадратных метра, спали на коекак сооруженных полатах впрытык в два этажа. Теперь их гонят из палатки. У него двадцатилетний сын, слепой, когда услышал меня, сразу вцепился в отцов рукав и стал спрашивать по-чеченски: «Кто это? Кто?» По-русски парень не говорит и не понимает. «Куда думаете ехать?» — я представила себе, каково этим бедолагам покидать обжитое место. Отец вскинулся: «Куда? Да разве нас спрашивают? Разве это кому-то интересно? У меня же мальчик слепой, вы знаете, ослеп, когда наш дом взрывной волной...» — подавился рыданием и резко отвернулся. Вот с сухими глазами потерянно бродит женщина, которая в пятницу держалась так уверенно: «Пусть хоть что делают, мы отсюда ни ногой. Отключат свет — нам ооновцы свечку дадут, выключат газ — дровами будем греться, на дровах готовить. Пусть пугают. Хуже, чем в Чечне, все равно не сделают». Теперь она как будто даже похудела и голос звучит чуть слышно: «Нет, мы пока не собираем вещи. Нам ведь, правда, некуда деваться. Мы за Шатом в горах живем, туда даже машины с вещами ехать отказываются. Не знаем, что дальше будет». В пятницу она еще думала, что останется в компании, пусть немногочисленной. А в понедельник увидела, что лагеря-то не остается, и сникла.

Чеченские миграционные власти обещают тем, кто снимет угол в Чечне, платить по двадцать рублей в день. Из них 14 — хозяину койкоместа и шесть — самому беженцу на хлеб. Кое-кто от безысходности хватается за это предложение. Айза, например, бойкая и жизнерадостная женщина, договорилась со своим двоюродным братом, у которого квартира в Грозном («В стене трещина, но жить можно»), что поселится у него. Сам он в Грозном жить боится, собирается остаться в Ингушетии и снимать жилье. «Мужчинам в Чечне жить нельзя, — объясняет мне Айза. — Мужчин забирают, и они пропадают. Я у матери была в Наурском районе, в селе Советская Россия — в ту войну самое мирное село было. А в эту войну уже пятьдесят мужчин пропало». Правда, у ингушей сейчас очень трудно найти угол: все

занято, везде, где можно, уже живут. Соответственно и цены растут, а беженцам взять денег неоткуда. Впрочем, большинство из тех, кто ездил в Чечню, чтобы найти комнату там, тоже воротились не солоно хлебавши: пригодное для жизни жилье — в Чечне большой дефицит. К тому же ни у кого нет твердой уверенности, что, даже если они сумеют найти помещение за 14 рублей в день, их не обманут и в самом деле дадут эти несчастные деньги.

Добровольно и с музыкой

Среди всхлипывающих и вздыхающих, мерзнущих, растерянных бодро рассказывают представители чеченской миграционной службы. Они сегодня одни — без «силовиков», фээсбэшников и военных, которые вместе с чеченскими, ингушскими и федеральными миграционщиками с 20 ноября каждый день, как на работу, навдывались в Аки-Юрт. Проводили там часов по двенадцать, а то и сутки напролет, заглядывали во все палатки, теребя жителей: «Когда собираешься уезжать? Все равно к 1 декабря здесь твоей палатки не будет!» За лето поняли, что посещать лагерь время от времени неэффективно. Надо постоянно торчать над душой, не давая людям возможности прийти в себя и обдумать свои перспективы. Одна беженка ответила Ахмеду Парчиеву, заместителю руководителя миграционной службы Ингушетии, что никуда уходить не собирается. Тот усмехнулся: «Не пойдешь, а побежишь отсюда!» Хорошо было усмехаться, когда рядом военные с автоматами и представители ФСБ, которых беженцы боятся еще больше, чем военных. Утром 2 декабря миграционщики решились приехать одни — видимо, сознавая, что дело уже сделано, лагеря нет. Один из них подошел к нам: «Журналисты? Из Москвы? Хорошо! Пишите правду: люди наконец покидают чужбину и радостно возвращаются домой. Звучит музыка. (В какой-то палатке и в самом деле мурлыкал приемник. — «Журнал».) Все уезжают добровольно, а мы всем помогаем, чем можем». Он жизнерадостно улыбнулся, глянув в наши обалдевшие физиономии, и бодренько потопал наблюдать, как идут сборы. Он не напрасно торжествовал: у него есть доказательства полной добровольности выезда.

В Кремле, да, наверное, и в Грозном, понимали: применить физическую силу в данном случае никак нельзя. Если выкатить бульдозеры и снести к чертовой матери эти палатки, вой поднимется до небес — все мировые СМИ начнут говорить о неслыханной жестокости и попрании прав человека. Весной-летом казалось: ина-

че, как нарушив все приличия, ликвидировать лагерь невозможно. Теперь ухитрились убрать лагерь «добровольно». Все уезжавшие написали заявления на имя начальника Управления по делам миграции МВД Чечни с просьбой поставить их на учет как вынужденных переселенцев «в связи с выездом в Чеченскую республику». Все подписи подлинные — не подкопаешься. Люди плакали, но подписывали. Не понадобилось крушить и жечь палатки, обошлись даже без отключения газа и электричества. Беженцев просто запугали. «Сказали, что в ночь отключат газ, а у меня ребенок грудной и еще один — полтора годика. Я побоялась, что замерзнут, пошла в поселок, к людям проситься». «Сказали, что ночью палатки снесут, кто сам не снимет. Мне муж снять палатку не позволил, но я ночевать боялась — пошла к ингушам проситься на ночлег». Таких признаний довелось услышать немало, но все же одного страха остаться зимой без тепла и света явно было бы недостаточно, чтобы снести Аки-Юрт. Поэтому в этот раз звучали угрозы посерьезнее: «Вы в Чечне половины того не видели, что мы вам тут устроим. Всех мужчин ваших заберем». «Обещали патроны или наркотик подбросить, если не уедем». Против этого лома у беженцев нет приема. Очень хорошо знают по Чечне: что военные захотят, то и сделают. И правду искать бесполезно.

Вокруг беженских лагерей как раз в конце октября поставили войска. Есть ли у них какая-то цель или все ради этого, чтобы запугать беженцев, неясно. Во всяком случае беженцы испуганы. В лагере «Спутник» солдаты расквартированы как раз рядом с лагерной баней. Женщины теперь боятся ходить туда мыться — мало ли, вдруг солдаты пьяные, пристанут. Акиюртовцы поняли так: если они попробуют артачиться — вот она управа на них, на соседней высотке стоит. И дрогнули.

И еще один нехитрый приемчик был применен для ускорения процедуры. Дело в том, что в Аки-Юрте начиная с февраля людям не выдавали причитающиеся по линии МЧС беженские пайки. (Это не значит, что все умерли с голоду — их снабжали зарубежные гуманитарщики.) Теперь же объявили, что часть задолженности по пайкам — за 5 месяцев — выдадут тем, кто подпишет заявление о выезде в Чечню. Но предупредили: в компьютере значатся лишь семьсот с небольшим человек. Значит, первые семьсот продукты получают, а уж остальные — не взыщите. Те, кто понял, что все равно придется ехать, заспешили, засуетились — успеть бы раньше товарищей по несчастью.

Это только начало

На сегодняшний день главная цель акции по уничтожению Аки-Юрта чисто пиаровская. Этого и не скрывают. Миграционные чиновники, по свидетельствам акиюртовцев, прямо говорили: «Эти ваши палатки — как бельмо на глазу. Президент их больше терпеть не намерен». Более того, на первых порах людям разрешили даже оставаться в Ингушетии, лишь бы не в палатке, — можно перейти в «компактники» (так здесь называют насельников производственных корпусов, хлевов и прочих больших помещений, где располагаются по несколько семей). Можно соорудить саманный домик из глины и травы. Даже просто перенести палатку под крышу большого механического цеха, расположенного на территории бывшего лагеря Аки-Юрт, людям разрешили. Палаток семь так и остались спрятанными под крышей. Некоторые бедолаги ринулись срочно сооружать саманные домики. Но на морозе глина схватывается плохо — не больно-то получается. Да и неизвестно, надолго ли такое жилье: одни чиновники обещают на первых порах оставить домики в покое, другие говорят: «Не рассчитывайте, как только выгоним палаточников, возьмемся за вас!» Часть ушла в «компактники» на территорию бывшего винного завода. Когда я их там проведывала, третий день сидели без света, а половина — и без тепла. Говорят, хозяин этого помещения задолжал за тепло и электроэнергию. В комнатах сыро, пахнет плесенью. Словом, люди вернулись на два года назад — как будто только что прибежали из Чечни.

«Иман», сравнительно небольшой (восемьсот с чем-то палаточников) и ближайший к Чечне лагерь, ликвидировали первым. Остальные — «Спутник», «Сацита», «Алина» и другие — назначены к сносу 20 декабря. Там сейчас тоже регулярно появляются чиновники и военные и настаивают, требуют, угрожают. Обитатели «Спутника» и «Сациты» уверяли обозревателя «Журнала», что ни-почем не тронутся с места: говорили уже знакомые по Аки-Юрту слова, что, мол, ехать некуда, хоть режьте, что будут жить при свечке и дровах, лишь бы без обстрелов и «зачисток», лишь бы не дрожать за своих мужчин. Но на наших глазах уже сломили сопротивление акиюртовцев, и нет сомнений, что с другими лагерями сделают то же самое. К концу года — началу следующего палаточные лагеря с территории Ингушетии будут убраны. Все несчастные «добровольно» покинут даже то убогое жилье, к которому привыкли за последнюю пару лет. Да, привыкли и обжились. Об этом говорили все без исключения наши собеседники, и акиюртовские, и из

других лагерей. «Нам гуманитарные организации — спасибо им! — наладили здесь инфраструктуру. У нас теперь и баня есть, и душевые, и школа работает, а при школе кружки: автодела, рисования и другие». Про школу особенно сокрушались беженцы из Аки-Юрта: «Такая школа хорошая, дети туда с охотой ходят. А вы видели, какие рисунки они делают? Зачем Путину понадобилось все это рушить?» Да и на глаз заметно, что «Спутник», к примеру, или «Сацита» выглядит уже не скоплением людских несчастий, какими были беженские лагеря зимой 2001-го, а просто бедным, очень бедным, но жилым поселком.

Конечно, когда беженцы обживаютяются в местах временного размещения, появляется риск, что эти места станут постоянными местами их жительства. Эта опасность очевидна. Но ведь в Чечне по сравнению с 2001 годом ничего не изменилось: все так же воюют боевики с федералами, взрываются мины, обстреливают поселки, проводят «плановые» и «адресные» спецоперации.

В Чечне строятся ПВР — пункты временного размещения беженцев — большие, многоэтажные дома с махонькими клетушками, в которых должны жить «бездомники». Миграционные власти Чечни обещали беженцам места в этих ПВР. Из лагеря «Сацита» несколько беженцев вызвались съездить в Грозный, посмотреть, что там за условия. Приехав, обнаружили на дверях объявление: «В связи с отсутствием свободных мест в пунктах временного размещения Чеченской республики просьба не обращаться по вопросам постановки на учет и довольствие в ПВР». До весны построят еще несколько пунктов тысяч на пять человек. Между тем только палаточников в Ингушетии больше двадцати тысяч.

А что до куска хлеба, то в Чечне, конечно, есть платежеспособная сила. Это боевики. Даже если отчаявшиеся «возвращенцы», оказавшись без жилья и в ситуации постоянной опасности, почему-либо не подадутся в горы к боевикам, то уж заработок себе они смогут обеспечить — скорее всего помогая партизанам.

Все на прием Конституции!

После референдума чеченцы без малейшего удивления обнаружат, что их опять обманули.

На полу груды овечьей шерсти. «Матрас себе делаю. У меня же ничего нету». Моя собеседница — из горного Итум-Калинского района. Здесь, в Грозном, ютится в пустой (хозяева в Ингушетии), чудом уцелевшей квартире разбомбленного многоэтажного дома: ее собственный дом был полностью разрушен, все имущество сгорело. Я спросила про референдум, и она тотчас вся подобралась и заговорила, как в телевизоре: «Обязательно надо идти на референдум. Мы все хотим мира и порядка. Нужно, чтобы был закон...»

Это новое по сравнению с первой войной. Тогда люди боялись бомбежек и зачисток, но совершенно не боялись откровенно разговаривать с приезжими журналистами. Теперь явно опасаются провокаций. Большинство грозненцев, которых я спрашивала о референдуме, начинали говорить неестественными головами и «телевизорными» словами. Если беседовать с человеком долго и заставить проникнуться к тебе доверием, он, как правило, признается, что никаким затеям Москвы или Кадырова не верит, голосовать не хочет и вообще убежден, что главное для мира и порядка — убрать из Чечни войска. Вот торговка Зура, полная и востроглазая, все отказывалась разговаривать, отворачивалась от камеры к своему лотку: «Некогда мне, я товар выкладываю». Но как услышала, что ее товарка нахваливает референдум, не выдержала: «Да после этого референдума еще хуже станет! Скажут: вы не оправдали доверия, и еще больше солдат нагонят! Не будет от этого добра!» Марет, громкоголосая, общительная мать троих детей, тоже не скрывала, что голосовать не собирается: «Как туда пойдешь? Вот 31 декабря детям елку устраивали, чтобы хоть какой-то праздник у наших детишек был. Так эту елку пришли двое минировать. Ребята их поймали, избили и отпустили. Зачем отпустили? Надо было на месте расстрелять». Идея сдать преступников в правоохранительные органы не приходит ей в голову, как не приходит и подавляющему большинству ее сограждан. «Так, если

елку минируют, что же с участком для голосования сделают?» — продолжает Марет.

Два адвоката, скучавшие в своем офисе в ожидании клиентов, охотно согласились пообщаться. «Мы за референдум, — заявил было первый. — Мы считаем, что нашему народу нужен закон, нужна конституция». — «А вы читали конституцию?» Оказалось, нет, не читали. Пришлось рассказать о некоторых особенностях переходных положений. Дело в том, что согласно этим положениям выборы парламента должны состояться не ранее, чем через три месяца после принятия конституции, а выборы президента не ранее, чем через три месяца после выборов парламента. Верхнего же ограничения срока нет — можно ждать с выборами хоть до скончания века. При этом исполнять обязанности президента должен глава республики. Таким образом, Кадыров остается у власти на неопределенно долгий срок. «Так не годится!» — сокрушенно сказал адвокат. И тут прорвало его товарища, дотоле молчавшего: «Зачем вообще все это надо? Разве Чечня не часть России? Разве на нас не должно распространяться действие российской Конституции? Так почему, если здесь не действует российская Конституция, будет действовать чеченская? Все это только затем и понадобилось, чтобы сделать Кадырова легитимным главой! Нас это не устраивает!» Надо сказать, как ни стараются чеченцы демонстрировать свою лояльность нынешнему порядку, доброго слова о Кадырове ни от кого не услышишь. Когда я спрашивала об отношении к главе республики, самые боязливые прятали глаза: «Я его не знаю. Люди разное говорят». А большинство все же признавалось: «По правде сказать, не видно, чтобы он что-то хорошее сделал».

Люди и судьбы

На весь подъезд уцелела всего одна комната. В ней кое-как сляпанная печка, все стены покрыты слоем копоти. В комнате живут двое русских мужиков: Александр Матвейч кажется немолодым, Володе на вид нет и тридцати. Матвейч с Володией не бичи, не бомжи, они нормальные люди, когда-то работали газосварщиками и жили в хороших комфортных квартирах. Теперь от прежней жизни у Матвейча остался только старенький «Москвич». У Матвейча нынче разнесло физиономию — флюс. Вырвать зуб стоит 45 рублей, у него сейчас таких денег нет, вот и мучается, даже на работу не пошел. Работа — добыча конденсата. Они вшестером, трое русских и трое чеченцев, качают из ямы конденсат и продают его тем, кто гонит бен-

зин. «Крышу» им держит ОМОН. «Хороший ОМОН», по словам Матвеича, московский или питерский. Но бывает подлый ОМОН, кажется ханты-мансийский, черт его знает, те омововцы его неделю избивали. У них в подъезде кто-то поставил растяжку, и чеченец из их бригады на той растяжке подорвался. Омововцам поручили расследовать. Ну, они схватили первого попавшегося — Матвеича — и стали бить, чтобы признался. Семь дней держали у себя и каждый день лупили по плечам и руки выкручивали. Потом отпустили. Тот, что сильнее всех бил, на прощание Матвеичу сказал: «Больше, небось, на своей тачке ездить не сможешь!» — думал, что совсем ему руки испортил. Матвеич на них жаловаться не пошел: отпустили, и ладно, хуже бы не было. Почему не уезжают? Некуда и не на что. Родня в Новом Узене — «там еще хуже, чем тут; там такой национализм, от казахов все плачут». Да и жилье не на что купить. Тут хоть эта берлога имеется, и есть надежда, что когда-нибудь заплатят компенсацию за квартиру. Вопросу о референдуме Володя с Матвеичем безмерно удивились: «Какой референдум? Нам работать надо. Заработаем, тогда будет нам и порядок, и все будет нормально. И зуб можно будет вырвать».

О том, что им не до референдума, говорили многие чеченцы, особенно из числа беженцев в Ингушетии — там народ вообще высказывается куда свободнее, чем в Грозном. «Что вы, где нам на референдумы ходить! Надо черемшу собирать. Сейчас черемшу продашь — немножко заработаешь. А потом она сойдет, так и вообще без копейки сидеть будешь».

Поспешно принятое правительством РФ решение о компенсациях чеченцам за ущерб, нанесенный военными действиями, все рассматривают как подачку к референдуму и не верят, что им и в самом деле заплатят. «Сейчас, конечно, будут обещать реставрацию, — мой собеседник упорно называет компенсацию реставрацией. — Они если что-то направят, Кадыров свой живот набьет, второй, третий, десятый. Если мне 70 тысяч полагается, хорошо если мне из них 20 достанется. Нет, пока мне на мой счет реставрацию не перечислят, пока я в своем кармане деньги не увижу, я ни на какой референдум не пойду».

А вот Заурбек искренне верит в референдум и обязательно на него пойдет. Заурбеку 21 год, и он, сколько себя помнит, работает с отцом на стройке. Сосед рассказал потихоньку, что отец заставляет парня вкалывать с малых лет. Заурбек очень огорчается, что не умеет толком читать и писать: «Немножко могу, но так, не быстро».

Он хочет, чтобы Чечня была в составе России. «Разве в составе России плохо жили? Магазины были, школы работали, даже мин не было. Можно было пойти в лес и на травке валяться. А теперь корову пасти негде, барашка пасти негде — всюду мины». Он сам не больно-то помнит, как оно было в составе России. Слышит рассказы взрослых и рисует себе эдакий рай. Он мечтает, что такая жизнь вернется после референдума: Чечня проголосует за то, что она в составе России, Россия увидит, что воевать с чеченцами больше не надо, и война кончится. Таких наивных, как Заурбек, конечно, немного. Даже его приятель-ровесник, что стоял рядом все время, пока мы беседовали с Заурбеком, категорически не желает идти на референдум: «Не знаю почему. Не пойду, и все».

Бадруди лет сорок. Он беженец, живет в Ингушетии в палаточном лагере. Зарабатывает на жизнь тем, что делает трансформаторы. Бадруди никак не решит, идти ли на референдум. «С одной стороны, надо бы уже определиться, с Россией мы или против. Хотя зачем мне с Россией воевать? Что мне с русскими делить? Я лучше в Россию торговать поеду. Но, сказать по правде, доверия у меня ни к кому нет, ни к российским властям, ни к Кадырову, ни к боевикам. Я от всех сбежал, в палатке сижу». На экране телевизора, пока Бадруди рассуждает, появляется Путин, и наш собеседник прерывает свой монолог о референдуме: «Вот мужик работает! То он туда поехал, то сюда, даже с лица похудел. Еще бы, за этим поросенком Ельциным такие завалы надо выгребать. Очень сильно работает». Бадруди умолкает на минуту, потом добавляет с горечью: «Но я не знаю, чеченцам от его работы лучше станет или хуже». И выносит, наконец, свой приговор референдуму: «Если прямо к палатке приедут с урной, тогда проголосую, а специально куда-то идти — не пойду».

Все равно придут

Председатель чеченского Избиркома Абдул-Керим Арсаханов сообщил «Журналу»: «Подготовка к референдуму идет в полном соответствии с утвержденным положением. Через пару дней сможем сообщить о полной готовности нашей избирательной системы». Чеченское отделение правозащитного центра «Мемориал» распространило анкету об отношении к референдуму. Распространяли небольшими порциями по селам, по подъездам грозненских домов, по вузам и учреждениям. На сегодняшний день вернулось 175 анкет. Анкета анонимная, так что люди отвечали без опаски. Конеч-

но, результаты не могут претендовать на социологическую репрезентативность, но понять подлинные настроения чеченцев позволяют. Из 175 всего 29 человек сказали, что примут участие в референдуме. 62 еще не решили, 84 определенно заявляют, что не придут.

При этом все, как один, утверждают, что в нынешней Чечне нет условий для свободного волеизъявления. Из тех, кто собирается голосовать, 12 верят, что после референдума кончится война, несколько человек надеются, что будут выборы и сменится власть, а многие отвечают, что пойдут на референдум, потому что иначе их бюллетень фальсифицируют. На удивление много — 49 человек — заявляют, что не пойдут на референдум, потому что не считают Чечню субъектом РФ. Особенно часто студенты. Что, впрочем, понятно: чеченская молодежь — те, кто был пацаном в первую войну и помнит, как героями вернулись с войны старшие братья, те, кто подрастал в межвоенные годы, лелея идею независимости, — в массе своей настроена антироссийски. Многие выражают в анкете негодование по поводу того, что в референдуме наряду с чеченцами будут принимать участие и военные из тех подразделений, что дислоцированы в республике на постоянной основе. «Почему какой-нибудь Ваня из Тулы должен за меня решать, по какой конституции мне жить?» — доводилось слышать, правда, при условии полной анонимности. На вопрос о том, что ждет Чечню после референдума, большинство, в том числе и среди тех, кто собирается голосовать, отвечает: «Все останется по-прежнему». Но немало и таких, кто считает, что ситуация ухудшится.

Многие выражают сомнение в том, что подсчет голосов будет честным: «А что идти? Все равно за нас все решат, как надо подсчитают. 99 процентов насчитают, это точно». Все вспоминают выборы главы республики, которые устроил в 1995-м Доку Завгаев. Тогда и участков-то избирательных почти не открывали — так, штуки три в Грозном. А насчитали чуть ли не 80 процентов за Завгаева. «Ну и чем это кончилось?» — вопрошали мои собеседники, намекая на бесславный конец завгаевской карьеры.

Ответы на вопросы анкеты отразили отношение чеченцев к затее референдума — преимущественно настороженное, неприязненное. И все равно, думается, люди на референдум пойдут. Пресса и телевидение нагнетают вокруг него самые настоящие страсти. Кадыровская пропаганда предлагает дилемму: либо ты за референдум, то есть за мир, либо ты сторонник войны. «Вопрос о проведении ре-

ферендума по принятию конституции ЧР вызывает зубовный скрежет ястребов войны и недобитого отребья, для которых война стала привычным и очень прибыльным делом» (весьма типичная цитата из популярной чеченской газеты «Зама», № 13–14). Заместитель полномочного представителя Чеченской республики при президенте РФ Ваха Байбатыров сказал «Журналу», что, по его оценкам, на референдум придут 95 процентов жителей республики. «Мои прогнозы основаны на том, что чеченскому народу, как и любому другому народу мира, нужна своя государственность, своя конституция. Чеченский народ имеет на это право». Байбатыров уверяет, что «напряженность в республике создают Запад, Ближний Восток, ее создает пятая колонна в России, которая развалила Советский Союз и теперь хочет развалить Россию». Вряд ли многие жители Чечни рискнут расписаться в том, что они «пятая колонна», и проигнорировать референдум. Не дай бог, решат, что ты сочувствуешь ваххабитам или боевикам. Люди убеждены, что в этом случае они могут просто исчезнуть, как исчезли бесследно их знакомые или родственники. Исчезновение людей — главная, самая острая и болезненная проблема нынешней Чечни. Об этом говорят все — любой собеседник выходит на эту тему: «У нас похищают людей — это самое страшное».

Самое страшное

Исчезают после задержания на блокпостах или из дома: ночью либо на рассвете врываются люди в камуфляже и уводят в неизвестном направлении. Родственники бегают по комендатурам, отделениям ОВД и ФСБ, и всюду им отвечают, что такой-то у них не содержится, что никакой спецоперации их подразделение не проводило и кто забрал их родича, понятия не имеют. Потом прокуратура заводит дело об исчезновении. Через несколько месяцев закрывает его за отсутствием подозреваемых. Иногда за это время успевают найти труп. К примеру, в середине февраля нашелся обезглавленный и с оторванными руками труп исчезнувшей в конце января Седы Хуриковой, сестры известного покойного полевого командира ваххабита Цагараева. Чаще человек пропадает бесследно. Большинство моих грозненских собеседников ссылались на собственный горький опыт: «У меня двоюродного брата забрали. Уже скоро год, как ничего о нем не знаем», «У меня племянника ночью задержали. Родные с ног сбились, не нашли».

Говорят, в Чечне практически не осталось семьи, где бы кто-то не погиб или не пропал. Масштаб проблемы таков, что Кадыров и

все прочее чеченское начальство в своих выступлениях в республике не могут обойти эту тему. При этом простые чеченцы, разумеется, убеждены, что люди в масках — сотрудники российских силовых ведомств: приезжают чаще всего на бэтэрах, говорят по-русски без акцента. Хотя стало известно, что в ряде случаев людей уводили «кадыровцы» — люди из подразделения кадыровского сына Рамзана, или «ямодаевцы» из подразделения Сулима Ямдаева, но, как правило, это дело рук федералов. Часто чеченцы говорят, что людей уводят сотрудники ГРУ. Есть ли для этого какие-то основания, проверить, разумеется, невозможно. Чеченское начальство высказывается насчет виновников похищений осторожнее. «Это могут быть бандиты, переодетые в форму российских войск, или такие же бандиты из числа военнослужащих», — говорит в одном из интервью начальник управления Минюста РФ по ЧР Бек Басханов. Шейхмед Абдурахманов, начальник отдела по розыску без вести пропавших лиц Управления законности, правопорядка и по работе с военнослужащими администрации ЧР, рассказал в интервью газете «Вести республики», что число без вести пропавших постоянно растет. В 2000 году официально зарегистрирован 141 такой случай, в 2001 году — 279, а только за 9 месяцев 2002 года (более поздних данных еще нет) — 654. При этом далеко не все пострадавшие обращаются в официальные инстанции, поскольку справедливо не верят в их эффективность. Такого, чтобы прокуратура или отдел по розыску Управления законности кого-нибудь разыскали, не было ни разу.

По данным «Мемориала», похищения людей особенно участились с ноября 2002 года, с тех пор, как потихоньку стали сходить на нет «жесткие зачистки». По всей видимости, это те самые «адресные спецоперации», что пришли на смену зачисткам. Что касается «адресности», разговор особый. Иногда, как в случае с Седой Хуриковой, забирают родственников боевиков. Но чаще проследить связь задержанных с боевиками соседи и односельчане не могут. Известны случаи, когда через некоторое время после исчезновения человека у родственников появлялся посредник, который объяснял, что за известную сумму можно увидеть своего родича дома. Наверняка на самом деле случаев, когда отпускают за выкуп, больше, чем удалось установить тому же «Мемориалу», — обычно родные предпочитают скрывать, что платили за освобождение. Но еще больше эпизодов, в которых не просматривается даже корысти, и именно это повергает чеченцев в ужас — невозможно угадать, кто и почему станет следующей жертвой.

Агитаторы за референдум особенно упирают на то, что после него похищения людей закончатся. К примеру, тот же Бек Басханов в уже цитировавшемся интервью говорит: «Скоро мы проведем референдум, примем конституцию Чеченской республики и тогда, поверьте мне, сумеем наказать любого, кто нарушит ее законы, будь то военный чин или рядовой гражданин». Во многом на этом построена вся кампания пропаганды. Логика тут, понятное дело, никакой: почему это вдруг после референдума по чеченской конституции федеральные подразделения прекратят «адресные спецоперации»? Но людям безумно хочется верить, что этому кошмару настанет конец. Поэтому многие в глубине души лелеют надежду: референдум своего рода плата за возможность нормальной жизни, если Чечня проголосует за конституцию «в составе России», людей оставят в покое.

Можно не сомневаться, что референдум состоится. Почти наверняка явку и число голосов «за» насчитают больше, чем будет в реальности. Соответственно, в действие вступит конституция ЧР, которая будет иметь ко всему происходящему в республике такое же отношение, какое сейчас имеет российская. И измученные бесконечной войной чеченцы без малейшего удивления констатируют, что их в очередной раз обманули.

18 (Губернатор Глебов

Здравосхр-я

Злобин Александр Мик. 33.04.80
Моложаев Александр Мик. 33.8
Пилингин Гавриленко Анаст 33.8

Образ-я н.м.г.
Колосов

Портреты

Климентин Александр Мик. 33.24.80

Иванов

(Иванов) (Иванов) (Иванов) 33.24.80
Прем. и Прем. 33.24.80

Будур Иван Петрович

33.20.80

Зам. губернатора

80.

по негали и негали

Влад. Иванов 33.36.34

Арт. Б. (Зам.) 33.67.02

Валерий Вас. (Зам.) 33.70.86

Зем. (Мэр Гелосов А. Петрович

33.01.31 (Мэр) 33.08.31

33.05.77

33.05.77 (Мэр) 33.05.77

33.10.41

Иванов Сергей Мик. 33.08.3

Баннишев Александр Мик. 33.29.81

автор по негали

Иванов Гавриленко Анаст 33.28.80

Давид Мик. 33.28.80
Мик. 33.28.80

Генерал в тени Кавказа

Руслан Аушев в большой политике три с небольшим года. За это время он дважды сумел удержать ингушский народ от безнадежной войны в начале 93-го и в конце 94-го.

До сих пор в российской политике генералы действовали не слишком успешно. Кроме Аушева.

Наивность и прямота политику не показаны — это бесспорно. Показаны изворотливость, умение приспособливаться, менять интонацию. Ничего этого Аушев не умеет. Но за три года он построил Ингушскую республику.

До президентства

«Мой путь во властные структуры нетрадиционный. В наше время многие могут так о себе сказать. Но у меня он совсем уж нетрадиционный».

В начале 90-х в Ингушетии кипели политические страсти. Точнее, Ингушетии как таковой еще не было. Была меньшая, наиболее отсталая и задрипанная часть Чечено-Ингушетии. Политика сводилась к идее возвращения Пригородного района. В 57-м году, при восстановлении Чечено-Ингушской АССР, его почему-то оставили в Северо-Осетинской АССР. С 1957 года ингуши жили с сознанием, что их как народ не реабилитировали. Если им не возвращают их землю, значит, по-прежнему считают в чем-то виноватыми. Как только наступила пора гласности, ингуши поверили, что сейчас самое время реабилитироваться до конца: стоит рассказать миру правду, и район им немедленно возвратят. «Несправедливо же, чтобы осетины пользовались чужой землей».

Две группы ингушских политиков оспаривали друг у друга право возглавить борьбу за возвращение Пригородного района. Грозненские ингуши (Бесулан Сейнаров, Якуб Куштов, Бембулат Богатырев и еще несколько человек) создали соответствующий комитет. Их усилиями через российский Верховный совет прошел Закон о реабилитации репрессированных народов в его нынешней ре-

дакции — со знаменитой статьей о территориальной реабилитации. Грозненский комитет призывал действовать строго в рамках закона, но его активисты в речах и выступлениях то и дело срывались на угрозы в случае невозвращения района отобрать его силой. В Назрани в ту пору существовала партия «Нийсхо», которую возглавлял местный учитель Иса Коздоев. «Нийсхо» считалась более радикальной, чем комитет, хотя со стороны риторика тех и других казалась неотличимой, и находилось не так мало ингушей, кто, слушая про «законные методы борьбы», на всякий случай запасался оружием.

Генерал Аушев в этих битвах не участвовал. Хотя идее возвращения района, как всякий ингуш, безусловно сочувствовал. Жил он в Москве, был народным депутатом СССР.

Аушев не считает 89-й год началом своей политической карьеры. Даже самые внимательные телеболельщики Первого съезда, сколько бы ни рылись в памяти, не припомнят Аушева. Он не входил ни в «прогрессивную» Межрегиональную депутатскую группу, ни в «реакционную» группу «Союз». Казалось, генерал равнодушен к идеологическим баталиям. Он занимался конкретным делом: обустройством бывших однополчан.

Афган

В 91-м Аушев стал председателем Комитета по делам воинов-интернационалистов. Не случайно. Не многие из прошедших Афганистан сохранили устойчивую психику и приобрели деловую хватку, не переходящую в жульничество. К тому же на Аушеве странным образом сходились симпатии всех, кто с ним вместе прошел Афганистан.

Из рассказов однополчан. «В Кабуле его батальон был лучшим. Если честно, солдаты поначалу были им недовольны. Никто так не гонял на занятиях по боевой подготовке, как Аушев. Но потом, после первого боевого рейда, уже не роптали. Увидели, что у нас потери в несколько раз меньше, чем у других». «Он служил сначала в медсанбате. Ушел в мотострелковые войска с понижением в должности, с майорской на капитанскую. Лишь бы быть на передовой». «Никогда перед начальством не лебезил. И перед солдатами не заискивал. Его за это особенно уважали: и солдаты, и младшие офицеры».

«У вас нет чувства вины за Афганистан?» — «Есть, — Аушев отвечает сразу. — Я теперь до конца понял, кого видело в нас местное население». — «А что для вас сегодня значит афганский опыт?» — «Помогает. Мне яснее, что сейчас происходит у нас на Кавказе».

Президентство

В первых числах ноября 92-го в Пригородном районе произошел кровавый, но локальный эпизод. Россия его быстро забыла. Для ингушей то была вторая по масштабам, после депортации 44-го года, национальная трагедия. В считанные дни — сотни убитых, в том числе зверски замученных, и десятки тысяч беженцев с той самой земли, которую мечтали «административно переподчинить».

Рассказы беженцев свидетельствовали: главная роль в их изгнании принадлежала не осетинам, а Российской армии. В Назрани повсюду крупными буквами было написано: «Будь проклята, Россия!», «Смерть Хиже» (Хижа, в ту пору один из вице-премьеров, был назначен ответственным за «наведение порядка в зоне конфликта») и «Ельцин — свинья!» Отчаяние, охватившее народ, было сильнее ужаса. Еще немного, и ингушская толпа, с кольями и вилами, с охотничьими ружьями и с загодя припрятанными автоматами кинулась бы мстить и «умирать за справедливость».

В эти дни Аушев приехал на родину. «Я, как всякий нормальный человек, примчался домой, когда там стряслось несчастье». Ни яростного и яркого Богатырева, ни мягкого интеллигентного Сейнароева в тот момент слышно не было. Иса Коздоев и вовсе запропастился невесть куда. Аушев оказался тогда единственным, кому люди поверили.

Кремль попытался было придать аушевскому лидерству легитимный статус: его назначили ингушским заместителем главы временной администрации. (Общим главой в регионе был Шахрай, и ему полагались два зама — с осетинской и с ингушской стороны.) Через пару месяцев Аушев подал в отставку — считал, что Москва и, в частности, Сергей Шахрай занимают проосетинскую позицию. Ему был чужд и противен чиновничий мир, в котором он вынужденно оказался. Аушев решил, что политика — не для него и по этим правилам он играть не будет.

Московское руководство, кажется, не особенно печалилось из-за отставки Аушева. Но вскоре за Аушевым в столицу приехали. «Из Назрани, из разных мест, из сел. Они не просили, они такие слова говорили: вроде я их бросил и чуть ли я не предатель. Я четыре года в Афганистане воевал — мне никто никогда таких слов не говорил. Я не знаю, какой мужчина может это стерпеть. Я им сказал, что согласен вернуться и жить там, в Ингушетии, но просто как рядовой человек. А они сказали: нет, ты — с образованием, тебя в Москве знают, нам нужен такой руководитель. Тогда я согласился,

но с условием, чтобы это была выборная должность. Чтобы не от московских начальников был мандат, а от народа. Тогда решили, что будет президентская республика».

Потом, в 94-м, когда после утверждения республиканской конституции решили провести новые президентские выборы, Аушев снова «попросится в отставку». Вернее, не станет выдвигаться. На него снова придется из всех сил давить представителям сел и районов.

В феврале 93-го только-только образовавшаяся Ингушская республика (в декабре 92-го в тогдашнюю Конституцию РФ внесли поправку: добавили новый субъект Федерации), захлебываясь от энтузиазма, выбирала Аушева президентом. Он набрал почти 100 процентов. За него голосовали местные и беженцы, ингуши и те немногие русские, кто еще не покинул Ингушетию. Даже его оппоненты из того самого грозненского комитета, в разговорах с журналистами очень неодобрительно отзывавшиеся о самом Аушеве, о его «порочающих связях» с Москвой, о его афганском прошлом, накануне выборов неожиданно призвали население проголосовать «за».

С президентом Аушевым в тот момент ингуши связывали все надежды: беженцы — на возвращение домой, местные — на восстановление справедливости. Русские, измученные безвластием и ростом преступности, надеялись на наведение хоть какого-то порядка. Все было так безысходно плохо, что без надежды местные жители просто не выжили бы.

«Если совсем честно, — рассказывал один ингуш, — мы выбрали его для войны. Думали: вот генерал, он нас организует и поведет в бой. Никто тогда не мог смириться... А он, видите, повернул совсем по-другому. И заставил людей это принять и признать, что он прав».

На хозяйстве

В новорожденной Ингушской республике не было ничего — ни властных структур, ни системы жизнеобеспечения. Не было никакой промышленности. Практически не было интеллигенции: мало-мальски выдвинувшиеся из общей массы ингуши традиционно переезжали либо в Грозный, либо во Владикавказ (тогдашний Орджоникидзе). Ингушские идеологи в начале 90-х среди прочего так и обосновывали свои претензии на часть Владикавказа: должен же и у нас быть свой город. Назрань на роль города никак не годилась. Большая грязная деревня, главная достопримечательность которой — обшарпанное здание бывшего райкома, там размещалась администрация Назрановского района.

В Ингушетии не было гостиницы. Про гостиницу — про ее отсутствие — прочувствованно говорил еще в 90-м году на съезде российских депутатов Бембулат Богатырев. «Но ингушам не нужна гостиница, — сказал он тогда. — Если к нам приходит гость, любой ингушский дом становится гостиницей». (Это, кстати, чистая правда.) Потом гостиничный сюжет возникал в начале ингушско-осетинских переговоров. Уполномоченные представители Российской Федерации неизменно поселялись во Владикавказе. Ингушей это возмущало: живут во Владикавказе, значит, общаются с осетинской стороной. Тут и до внушения «осетинских идей» недалеко.

За гостиницу Аушев принялся сразу. Первые гостиничные коттеджки возникли через несколько месяцев после избрания его президентом. Потом появилось здание побогаче. Наконец, около года назад, открылась «Асса» — отель западного уровня: с четырьмя белоснежными махровыми полотенцами на душу поселившегося.

Любой ингуш, от Назрани до глухого горного села, первым делом поинтересуется: «А вы видели нашу гостиницу?» Гостиница — символ движения к цивилизации.

За три года построили несколько дорог, в том числе в горы, в отдаленный Джейрахский район, туда же и газ протянули; два водовода — в Сунжу и в Малгобек. Кондитерская фабрика, кирпичный завод, домостроительный комбинат — что-то уже работает, что-то вскорости будет сдано в эксплуатацию. В Малгобеке, в Назрани, в Сунже — кварталы нового жилья. И еще масса всяких затейливых мелочей, вроде детских аттракционов или декоративного прудика в центре Назрани с ночной подсветкой.

«Знаете, — говорит многодетная, а у ингушей других не бывает, мать, — вам, москвичам, это кажется чепухой. А вот мне приятно, что мои детишки теперь будут знать и что такое карусели, и что такое мороженое, и как в кафе сидят. Они ж у нас росли — ничего, кроме кур и огорода, не видели».

Женщины Ингушетии Руслана любят. Однажды на собрании по случаю 8-го марта аушевское поздравление свелось к одной фразе: «Желаю вам, чтобы вы рожали только мальчиков и не обижались, когда муж приводит в дом вторую жену». Женщины изумились, но бурно заплодировали. (Президентом подписан указ, разрешающий, в соответствии с национальными и религиозными обычаями, брать в жены нескольких женщин.)

Строят школы. Не простые — лицеи. Несколько штук на республику. Кадетский корпус Аушев опекает лично. По его замыс-

лу, из корпуса будут готовить не только будущих военных, но и образцовых чиновников.

С учительскими кадрами беда. Старательно собирают лучших из лучших по республике. Но много ли таких в Ингушетии? Отчасти выручают беженцы: владикавказские и грозненские. Уже заканчивается строительство коттеджей для «сагитированных» из других регионов.

Пока не хватает своих специалистов — будут покупать, сколько денег хватит.

Зачем такой размах? Может, сначала навести бы порядок во всех «простых» ингушских школах — там, особенно в селах, не хватает просто грамотных учителей.

Но Аушев озабочен формированием национальной элиты. И в этом тоже находит понимание и поддержку у жителей Ингушетии.

Отель, пруд с подсветкой, лица — выглядело бы смешно, если бы не серьезность ингушей. Они гордятся городком детских аттракционов или клумбой почти так же, как своим президентом.

Вопрос вице-президенту Агапову: «Что вы считаете важнейшим достижением за время вашего с Аушевым правления?» — «Мы сумели повернуть народ на путь созидания. Научить его гордиться тем, что построено и сделано, а не тем, что может быть когда-нибудь отвоевано».

«Аушетия»

Иногда говорят «Аушетия». Вроде шутят. Мол, Аушев на все посты в республике старается рассовывать своих людей. Родственники-свойственники и земляки — бич кадровой политики на Кавказе (да и всюду на Востоке). Аушевские «свои» отбираются по другому принципу. «Борис Николаевич, — спрашиваю Агапова, — как это вы, русский воронежский человек, оказались вице-президентом Ингушетии?» Он отвечает: «Мы с Русланом очень подружились еще в Москве». Руслана позвали в президенты, он предложил своему другу и соратнику по Комитету воинов-афганцев: «Поехали вместе!»

Агапов, как и Аушев, бывший афганец. В аушевской команде много бывших афганцев — ингушей, русских. Например, Руслан Плиев. Возглавлял аппарат правительства, сейчас — лидер чеченского парламента. Бывший аушевский комбат, русский, сейчас республиканский министр по чрезвычайным ситуациям.

Насколько аушевская команда эффективна, обнаружилось в декабре 94-го. Когда вопреки доводам, призывам, мольбам ингушского президента Российская армия двинулась на Чечню через территорию Ингушетии. Через Ингушетию, переполненную бездомными, безработными мужчинами, кипящими ненавистью к «российским оккупантам» и сочувствием братьям-чеченцам. Что нужно было сделать, чтобы они не бросились под танки? Чтобы то, что через несколько дней случилось с Грозным, не началось в Ингушетии? Только одно: достучаться буквально до каждого. Каждому объяснить: ни на минуту мы не поддерживаем кремлевскую акцию, но мы должны, мы просто обязаны выжить. Сохраниться как народ. Мы не имеем права быть раздавленными этой бронетехникой. Поэтому будем протестовать — словом. Как наш президент. Но не позволим спровоцировать себя на боевые действия.

Аушевская команда ринулась по пути следования военной колонны, опережая ее. Разъясняли, уговаривали, упрасивали. Сделали невозможное.

Замечательно, что ни в оценке чеченской войны, ни в оценке действий российских генералов, ни в отношении кремлевской политики в целом «русскоязычные аушевы» ничем не отличаются от вайнахов. Разве что словосочетаний вроде «имперская политика» или «русский шовинизм» Аушев не произносит. Это делает Агапов.

Чеченская позиция президента Ингушетии вызывала у российских генералов массу нареканий. Его обвиняли чуть ли не в государственной измене. Между тем, решительно осуждая войну, Аушев ни на минуту не перестает ощущать себя гражданином России. Все его доводы в пользу вывода войск и прекращения войны основаны на российских государственных интересах: Аушев доказывает, что война на Кавказе наносит больший ущерб российской территориальной целостности, чем существование дудаевской Чечни. Глава соседнего с Чечней региона, он, естественно, кровно заинтересован, чтобы по соседству не рвались бомбы, чтобы прекратился наконец неиссякаемый поток раненых и беженцев, чтобы по его республике не гуляли танковые колонны, после «боевого похода» которых от только что проложенной дороги ничего не остается. Изобретательные умы вроде генерала Куликова могут рассуждать о желательности «чеченизации» конфликта. Аушев-то прекрасно понимает, что война у границ, будь то гражданская или с участием армии, ничего хорошего его родине не сулит.

Кажется, Александр Лебедь первым сообразил, что эта аушевская роль вайнаха-россиянина вкупе с его авторитетом — государственный капитал. Потому Лебедь и усадил Аушева на недавних переговорах одесную, с российской стороны.

Беженцы

Посреди Назрани, около прудика с подсветкой — пустырь, кое-как огороженный забором. За ним, почти вплитирку друг к другу — обшарпанные фургончики. На несколько десятков семей — один кран и две выпребные ямы. По территории ползают и бегают детишки с явными признаками рахита — болезнь, раньше на Кавказе невиданная.

Многие беженцы из Чечни и из Пригородного района сами или с помощью родственников построили или купили жилье. Нашли работу. Хотя в этих местах безработица страшная еще с советских времен — на*специалистов спрос есть. В фургонном городке остались те, кто сам выкарабкаться не может. С марта аушевское правительство перестало финансировать неустроенных беженцев. В конце концов они — граждане Северной Осетии, так пусть беспокоятся о них Галазов или Москва. Аушевская линия: беженцы должны вернуться. Нельзя позволять Галазову саботировать их возвращение. Он рассчитывает надавить на Москву, чтобы та вынудила осетинские власти заняться возвращением беженцев-ингушей. А они уже не хотят возвращаться. Еще полтора-два года назад только и твердили: «Домой!» Сейчас — устали. Нет сил отстраивать разрушенное и сожженное. Кажется невыслимым снова погрузиться в атмосферу вражды и подозрительности. Спрашиваю: «Обижаетесь на своего президента?» — «На Аушева?! Что вы, без него мы бы и вовсе пропали». Точно так же бросаются на защиту своего президента безработные, когда я позволяю себе заметить, что строительные подряды лучше было бы продавать своим, а не словакам с югославами.

Антиаушевская оппозиция, кажется, существует только в Москве. В республике я ее не нашла.

Похоже, президент Аушев смог дать своим соплеменникам нечто не менее важное, чем водопровод или газопровод. Аушев дал ингушам ту самую «общенациональную идею», о которой пока только мечтает Борис Ельцин. Идея эта проста. Самим построить республику, в которой можно жить.

Плоть от плоти

Аман Тулеев — единственный «истинно народный» лидер на левом фланге.

Ни один российский регион не ждал губернаторских выборов так долго и так страстно, как Кузбасс. Здесь еще в 90-м заговорили — не только в кулуарах, а и на улицах, на митингах и дома на кухне, — что руководителя области надо выбирать «прямым всенародным». Дождались же первых выборов только нынешней осенью: они состоятся 19 октября. Но никакого ликования по поводу предстоящего торжества демократии не наблюдается. Наоборот, постоянно приходится слышать, что все эти выборы ни к чему, только деньги народные транжирить. Дело в том, что кемеровчане уже получили то, о чем мечтали: своего любимца, своего избранника, своего губернатора. Первого июля, после отставки крайне непопулярного Михаила Кислюка, руководить Кузбассом назначен Аман Тулеев. «Чего гордиться с этими выборами? Разве неясно, кто победит?»

Соперников у Тулеева по существу нет. Зарегистрированы, кроме него, еще двое претендентов, оба депутаты Госдумы. Нина Останина, обаятельная сорокалетняя женщина, коммунистка, ближайшая сподвижница Тулеева, руководитель его предвыборного штаба, называет себя «тулеевским дублером». На встречах с избирателями ведет себя не как кандидат, а как руководитель тулеевской кампании. Объясняет свое кандидатство тем, что тулеевская команда опасалась провокации: вдруг в последний момент Аман Гумирович остался бы без конкурента. Тогда, по российским законам, выборы состояться не могут. На этот случай она и зарегистрировалась. Виктор Медиков, третий кандидат на губернаторский пост, дублером себя не числит и даже хорохорится: «Мы еще посмотрим», «Все будет зависеть от явки»... Но его предвыборные обещания словно списаны с тулеевских. Ни для кого в области не секрет, что Тулеев очень хотел, чтобы Медикова, подавшего свои подписные листы в самый последний момент, непременно зарегистрировали. Он даже отправил в Избирком письмо с соответствующей просьбой, когда в списках, поданных Медиковым, обнаружили нестыковки. (В Избиркоме, разуме-

ется, уверяют, что подобное письмо — «всего лишь пожелание» — не могло оказать никакого воздействия на решение о регистрации.) Тулееву нужно хоть какое-то подобие состязательности. «Иначе, — откровенничает он с избирателями, — все равно бы сказали, что у нас выборы без выбора».

Настоящие оппоненты Тулеева из числа местных демократов, рабочих комитетов (в Кузбассе это примерно одно и то же) даже не пытались никого выдвигать. Бессмысленная затея. «У Кузбасса с Тулеевым сейчас медовый месяц», — шутят в «Нашей газете», единственном на всю область праволиберальном и соответственно антитулеевском издании. Это почти и не шутка. У кемеровчан к Тулееву именно сердечное влечение — род недуга. Не гордость за высоко вознесшегося земляка, как у орловцев за Строева, не идейная солидарность с коммунистом, как у жителей Брянщины с Лодкиным, не готовность поддержать хоть кого, лишь бы насолить Москве и всяким чубайсам, как в Туле или в Приморье, а самая настоящая любовь. Люди прямо лицом и голосом теплеют, когда речь заходит об их нынешнем губернаторе. И — вот оно, подлинное чувство — говорят при этом не о его заслугах перед областью, а о нем самом: «Простой, душевный, сердечный, смелый, честный». Так, пожалуй, в свое время Россия любила Ельцина. Давно это было.

Много мы знаем примеров страстной любви, длящейся больше семи лет? Если говорить о нынешнем поколении российских политиков, то Тулеев, пожалуй, уникален. Он проиграл только один раз — в 89-м, когда попытался баллотироваться в народные депутаты СССР. Сам он утверждает, что виной тому было его обкомовское прошлое. Скорее всего он поначалу просто не сориентировался, не построил, как надо, избирательную кампанию. Уже на следующих, спустя год, выборах его обкомовский грех ничему не помешал. В 90-м Тулеев стал народным депутатом РСФСР и депутатом облсовета. С тех пор, несмотря на все перемены и передраги, нет в Кузбассе человека, популярнее Амана Гумировича.

На первой же сессии облсовета он был избран его председателем, а вскорости и главой облисполкома. В ту пору еще не в ходу было выражение «публичный политик», но Тулеев, с его типичной карьерой хозяйственника, неожиданно оказался талантливейшим публичным политиком. По содержанию его выступления — в Москве и в Кемерове — шли вроде бы решительно поперек общедемократического течения. В Кузбассе набирали силу шахтерские забастовки, из экономических они перерастали в поли-

тические, рабочие лидеры дружили с Межрегиональной депутатской группой, парткомы изгонялись с предприятий — и, казалось, нет в СССР места более антикоммунистического, чем Кузбасс. А Тулеев выступал против забастовок, против депутатов-межрегиональщиков, за сохранение СССР — и тот же Кузбасс, что гордился своими отважными шахтерами, аплодировал Тулееву. Парадокс: нередко одни и те же люди поддерживали Тулеева и громко кричали на митингах «Долой КПСС!». Ведь спрос тогда был не столько на идеи, сколько на сокрушающую дерзость как таковую. Тулеев это прекрасно чувствовал. Он выступал смело и дерзко, но не за, а против забастовок. Он жестко и беспощадно критиковал начальство — Горбачева и Ельцина — за политиканство, за то, что «игнорируют интересы народа», «разваливают СССР». Всегда с сочувствием говорил о требованиях бастующих, но стоял на том, что забастовки нужны не самим рабочим, а тем, кто «беззащитно ими пользуется для решения своих политических задач». Сейчас он нет-нет, да и напомнит кузбассовцам, что еще тогда раскусил этих демократов.

На президентских выборах в июне 91-го Тулеев в Кузбассе набрал больше всех. Когда в начале сентября, после победы над ГКЧП, в Москве сильно укрепились позиции тулеевских оппонентов из Рабочих комитетов Кузбасса (ставленник Рабочкомов Михаил Кислюк был назначен главой администрации, а один из самых ярких их лидеров Анатолий Малыхин — представителем президента в области), Тулеев поставил в облисполкоме вопрос о доверии себе как председателю. К зданию облисполкома стянулись тогда люди с плакатами «Тулеев, держись!», «Мы с тобой». Доверие он получил и с победой вышел к людям. Толпа восторженно его приветствовала, чувствуя, что и она причастна к этой победе.

На съездах народных депутатов РСФСР Тулеев быстро стал любимцем депутатского корпуса. «Вот так и прочмокиваем державу!» — бросал он Гайдару с трибуны. Депутаты заливались радостным хохотом, а кемеровчане просто заходились от восторга перед экранами телевизоров: как врзал! знай наших! «Коллективный Распутин» — аттестовал Тулеев тогдашних ельцинских соратников, и это выражение мигом стало крылатым (между прочим, и среди демократов тоже). Про то, что ближайшее окружение Ельцина должно сидеть «не в Кремле, а где-нибудь рядом с «Матросской тишиной», причем далеко не на солнечной стороне», тоже первым сказал Тулеев, а Жириновского можно было бы привлечь за плагиат.

Тулеев, как и Жириновский, может позволить себе любое хамство с самых высоких трибун. Но в отличие от Владимира Вольфовича никогда не сбивается на визг, клоунаду, игру. Он всегда основателен, серьезен и тверд. И резкость — это вроде бы не желание потрогать публике, а мужской обычай называть вещи своими именами. Жириновский — для маргиналов. Тулеев — для всех.

В принципе Тулеев делает то же, что и все деятели левопатриотической оппозиции. Да и предвыборная его программа подошла бы любому левому кандидату. Ругает «антинародный режим», жмет (чаще всего совершенно справедливо) на те же очевидные болевые точки: неплатежи, преступность, коррупция. Объясняет людям, что все эти безобразия не случайность и даже не следствие чьей-то ошибки. Дело, дескать, в том, что Запад стремится развалить сильную Россию и уничтожить ее экономику и для этого покупает демократов. Никогда не забывает отметить замечательные душевные качества наших «простых людей». Все это, конечно, находит отклик в сердцах большинства кемеровчан, не оправившихся еще от шока: жили чуть ли не богаче всех в СССР, а оказались едва ли не самыми бедными.

Но стандартного оппозиционерского набора для ТАКОЙ любви недостаточно. В Тулееве важно, не ЧТО он произносит, а КАК он это делает. Неподражаемая разговорно-доверительная интонация. Хоть в толпе, хоть на трибуне — между ним и аудиторией нет дистанции. Он не Бог и не Царь — может, немножко, Герой, но в любом случае плоть от плоти, кровь от крови своей аудитории. Такой же, как все, но посмелей, поумней (во-он еще когда все понял и не побоялся Ельцину врезать). «Я вот хочу с вами посоветоваться...» — любимое присловье на встречах с избирателями. «Я вот хочу с вами посоветоваться: мы с вами встречаемся — всегда друг друга понимаем... Ну, что говорить? Мы ведь, можно сказать, всю войну вместе прошли. (Имеются в виду драматические события последних восьми лет — аудитория понимает. — «Итоги».) Но получается, что мы друг с другом поделимся, друг другу все выскажем, а спорить-то нам не о чем. Может, мне сейчас, перед выборами, лучше повидаться со студентами, с предпринимателями, может, там кого-то убедить, как вы думаете?»

Никаких «умных» слов. Все предельно доходчиво, на пальцах. Спросили про Коняхина. «Я Черномырдину прямо говорил: «Виктор Степанович, у тебя тут в соседних кабинетах такое жулье сидит, что наш-то... (Смех, аплодисменты.) А тут нашли и раздувают, нацио-

нального героя из него делают... Не в судимости дело, судимость разная бывает. Подрался парень, с тещей поругался, та милицию вызвала. Что уж там, у нас в Кузбассе — вы знаете, каждый третий с судимостью. У Коняхина, конечно, статьи серьезные... Но вот ведь что самое-то главное: у него свой рынок — паренек скромный, метровыми буквами написал: «Коняхинский». (Смех, аплодисменты.) У него половина бензозаправок, магазины. Сами понимаете, если у меня тут магазин, позволю я другому магазину рядом работать? Конечно, нет. То же и с рынком, с заправками... Вот о чем почему-то никто не говорит...» Люди слушают заворуженно. Во-первых, действительно, новый поворот темы. Во-вторых, «свой» — знает, что срок можно получить по молодости и что главное жулье — там, в Москве.

И так обо всем. О закрытии шахт («Мы будем ставить вопрос: надо «Росуголь» отдавать под суд за то, что они сделали под видом реструктуризации. Я понимаю так: надо шахты закрывать — я считаю, что не надо, ну, допустим, они считают, что надо, — так закрой одну, посмотри, что получилось, устрой людей, обеспечь жильем, потом другую закрывай. А то, что они делают, — это преступление»). О засилье рекламы и «порнографии» на телевидении («Душу народа растлевают. К чему пришли? Великого поэта, нашего земляка, Федорова, — спросите у молодежи — никто не знает. А любую проститутку по имени знают. За это с журналистов надо спрашивать»).

С тех пор как Тулеев назначен губернатором, ежедневно в пресс-релизах сообщается, какие суммы куда перечислены. Пресс-релизы передаются по областным телеканалам. Например, так: «Сегодня распоряжением главы администрации области выделены в города и районы 3 млрд. рублей для выплаты отпускных учителям и врачам, погашения задолженности по детским пособиям. Киселевск — 2092 млн., Ленинск-Кузнецкий — 363 млн. ...» и т.д. Этот простой, в сущности, ход людей очень успокоил. Раз деньги ежедневно перечисляют, значит, скоро и до тебя очередь дойдет. Так что вопросы о деньгах на встречах с избирателями возникают довольно редко. Вообще с момента назначения Тулеева область не пережила ни одной масштабной акции протеста. До июля Кузбасс все время лихорадило. В интервью журналу «Итоги» Тулеев заметил: «Само по себе решение о моем назначении в области смягчило социальную напряженность».

Слово «демагог» в современном русском употребляется в значении «болтун». В этом смысле все публичные политики демагоги. Тулеев — демагог еще и в исконном греческом значении: народоводитель. На левом фланге он один такой.

При очевидной идейной близости с коммунистами Тулеев не член КПРФ. Где-нибудь в Воронежской или Липецкой области членство в компартии помогает любому претенденту на любой выборный пост. Здесь же, в Кузбассе, еще совсем недавно слово «коммунист» было ругательным. Как объяснял один шахтер-пенсионер: «Коммунисты сейчас все правильно говорят. Но раньше у нас в Прокопьевске они были очень подлые. Поэтому я за них голосовать не хочу». В других «красных» регионах КПРФ решает, кого делать лидером. В Кузбассе первый секретарь обкома КПРФ Теймураз Авалиани Тулеева сейчас не поддерживает, но сделать ничего не может. Идейная база подводится «антиревизионистская»: дескать, Тулеев уже не тот непримиримый боец, что раньше, — побывал в министерствах, прикормлен Кремлем, выступает за «создание среднего класса в Кузбассе» (есть такое положение в тулеевской программе), вообще изменил идеалам.

Не только Теймураз Георгиевич Авалиани (тот самый твердокаменный народный депутат СССР, что требовал отдать Горбачева под суд за антисоветскую деятельность) счел прошлогодний переезд Тулеева в министерское кресло предательством. Александр Проханов, главный редактор газеты «Завтра», ряд других радикал-оппозиционеров заявили, что Тулеев их разочаровал. Мотивы партии власти, предложившей Тулееву пост министра по делам СНГ, очевидны: Тулеева начали приручать, чтобы в перспективе вырвать Кузбасс из «красного пояса». Труднее понять, зачем сам Аман Гумирович согласился принять этот заведомо непрестижный пост. Скорее всего решил, что министерская должность, пусть и такая, может стать трамплином для долгожданного выхода с регионального на общероссийский уровень. Эксперимент оказался для Тулеева неудачным: ни славы, ни авторитета, ни сколько-нибудь значимых московских связей он за неполный год своего пребывания в Москве не нарастил.

Впрочем, он ничего и не потерял. Вопреки ожиданиям того же Авалиани, который рассчитывал, что теперь-то, после тулеевского «падения» он сам станет губернатором, Тулеева не разлюбили. Из выступления перед избирателями: «...ходили на митинги, кричали, протестовали. И я ходил. Много мы добились? Очень мало. Так что? Значит, если мы себя называем конструктивной оппозицией, надо идти делать дело. Для людей работать». Тулеев объясняет избирателям, что в должности министра без устали работал над российско-белорусским договором. Избиратели и не сомневаются, что, если журналисты приписывают договор какому-то Серову

и чуть ли не Шахраю, да и вообще не высказывают по его поводу восторга, так это от того, что они «купленные».

Размолвка с обкомом тоже не сказалась на рейтинге Тулеева. На встрече с областными ветеранами (главные коммунисты-активисты) все время звучало: «Аман Гумирович, мы, рядовые коммунисты — все с вами, а Авалиани не прав, и мы ему на это укажем».

Это Тулеев решал и будет решать, отдавать ли «свои» голоса КПРФ. На президентских выборах 96-го именно он «подарил» Зюганову Кузбасс. Откровенно («Я перед вами врать не буду...») признавался своим избирателям, что, когда снимал свою кандидатуру, обидно было. Тулеев убежден: продули по-глупому, могли бы выиграть. Если бы грамотнее вели кампанию, если бы не упустили инициативу и сумели бы договориться с Лебедем, если бы вместо Зюганова... стоп! Этого он не произносит.

Из интервью «Итогам»:

— У коммунистов нет такого сильного харизматического лидера, как вы. Вы ощущаете с их стороны ревность, зависть?

— Со стороны Зюганова — нет. Со стороны его ближайшего окружения — да, ощущаю.

По отношению к Зюганову он демонстрирует полную лояльность. Но если даже болельщики противной команды, наблюдая за потугами лидера КПРФ выглядеть «народным» и «своим», нет-нет, да и усмеваются: «Неумеха! Тулеева бы на твое место!», можно представить себе, как на все это реагирует сам Аман Гумирович.

Беда коммунистов, что все их лидеры — из старой обкомовской номенклатуры. Они и стараются, как могут, быть «своими», да не получается, вылезает барская сущность. А у Тулеева, который тоже ведь успел и в обкоме поработать, и крупнейшей железной дорогой поруководить — дар Божий: он советских людей нутром чувствует. Почему же оппозиция не берет в лидеры Тулеева?

Ответ очевиден, хотя озвучить его коммунистическая верхушка никогда не решится.

Из интервью «Итогам»:

— С тех пор как КПРФ повернулась в сторону русской национальной идеи, не возникли ли у вас разногласия с ее руководством?

— С каким руководством? Не с Зюгановым и не с Селезневым. Подчеркиваю: не с Зюгановым и не с Селезневим, слышите? Но в окружении есть те, кто проповедует национализм. Мне это ненавистно. И это гибельный путь для России. Таких, как я, — от смешанных браков, там, еврей с русской, татарка с армянином — в России пять миллионов...

Тулеев, пожалуй, единственный из оппозиционеров, ни разу не перешел грань, за которой державная риторика переходит в шовинизм. Он единственный, кто до сих пор использует позабытое нынешними коммунистами слово «интернационализм». Свои жизнеописания он обычно начинает с того, что отец его был казах, а мать — башкирка, а воспитал его как родного русский отчим, и поэтому сам он, Аман Тулеев, в равной степени принадлежит трем народам. «Поэтому я всегда за Союз».

Из воспоминаний Юрия Евтюхина, доверенного лица Тулеева на выборах 1991 года.

«Во Владивостоке на встрече с избирателями ему был задан вопрос: «Как вам не стыдно! Неужели вы не понимаете, что президент России должен быть русским?» Аман Гумирович так вцепился в трибуну, что пальцы побелели, но... на удивление ровным голосом сказал: «Не стану с вами спорить, но тогда не надо себе врать, не надо играть с интернационализмом. Запишите прямо, что у людей с таким разрезом глаз, как у меня, в России шансов нет».

Незадолго до вторых президентских выборов, когда журналисты будут допытываться у Тулеева, станет ли он вновь пробовать-ся на роль российского президента, он повторит это почти дословно. «Я по национальности не русский... Я — русский по духу, по жизни, по воспитанию, по месту, где родился и вырос. Таких, как я, миллионы в России. И если только по пятой своей графе не подхожу в президенты ... тогда давайте честно признаемся: у нас есть люди третьего сорта, нерусские, и нечего им соваться в политику. По крайней мере это будет честно».

За годы, прошедшие после 1991-го, Тулеев смог убедиться: избиратели в Кузбассе — пенсионеры, шахтеры, металлурги, домохозяйки — в подавляющем большинстве плевать хотели на разрез его глаз. Он для них — самый «свой», русский из русских. Так что вряд ли невысказанный довод, что, мол, избиратели в любом случае предпочтут русского лицом президента, представляется ему убедительным.

Из интервью «Итогам»:

— Говорили ли вы во время вашей недавней встречи с Черномырдиным о губернаторских выборах? Правда ли, что премьер обещал вам поддержку?

— Мы говорили о хозяйственных проблемах Кузбасса. А что до поддержки — я считаю, что из самого факта моего назначения следует поддержка. Логично?

— Так вы идете на выборы как представитель оппозиции или как человек от партии власти?

— Я иду сам по себе. Меня поддерживают избиратели.

С тех пор как Тулеев из профессионального оппозиционера превратился сначала в министра, а потом в губернатора, он чуть-чуть подкорректировал свой имидж. Меньше стало обличительного пафоса, исчезла совсем уж «отвязная» грубость. Немножко реже — о Чубайсе и прочих «иудах», немножко больше о подготовке к зиме.

Начал ли Тулеев сдвигаться с левого края к левому центру? Похоже на то. Губернатору вообще-то и не пристало ходить в «крайних». Видимо, на этом и строился расчет президентской администрации, когда она наконец-то решилась осчастливить Кузбасс Тулеевым. Но движение это пока очень медленное. Центризм — не его стихия. К тому же в центре есть свои харизматические лидеры вроде Лебеда или Лужкова.

Кузбасс — регион очень тяжелый, и самый наиталантливейший хозяйственник вряд ли сможет в ближайшее время добиться здесь заметных улучшений. А Тулеев не хозяйственник, а публичный политик. Если он свернет себе шею на Кузбассе, ни полусоратники по оппозиции, ни полуоппоненты из правительства особо плакать не будут. Для него же самого жизненно важно сохранить любовь электората. Эта любовь — единственный его политический капитал, именно она заставляет считаться с ним и оппозицию, и власти. По-настоящему Аман Тулеев нужен только себе и избирателям. Пока что они счастливы друг с другом и 19 октября наконец окончательно узаконят свои отношения.

Совет да любовь...

Генерал — губернатор

Много ли меняется в областной власти с приходом новых лиц? Много, если приходит Руцкой.

Обыденное начало разговора с горничной в гостинице «Курск» никак не предвещало неожиданного финала. «Что, — говорю, — только в гостинице такая холодина или в городе тоже недотапливают?» — «Недотапливают, — ворчливо отвечает она. — Деньги вроде как город энергетикам задолжал. Откуда деньги возьмутся, если все развалили? Предприятия стоят». — «А что же ваш губернатор новый? Вроде обещал, что жизнь быстро улучшится?» Она вдруг заливается краской и быстро-быстро произносит: «Это не моя компетенция, не моя компетенция» — и бежит, бежит от меня по коридору.

Слухи и страхи

В Курской области столичного журналиста встречают примерно так же, как иностранца в годы советской власти. Все, от колхозной сторожихи до высокопоставленного чиновника, сначала возьмут с тебя клятву, что никогда ни при каких обстоятельствах не назовешь не только имя собеседника, но вообще не скажешь и не напишешь ничего, что могло бы на него указывать, а уж потом начинают откровенно разговаривать. Ладно, чиновники — люди зависимые. Но мужики-комбайнеры в поле только что рукавом не закрывались от фотоаппарата и упорно уклонялись от беседы: мы, мол, люди маленькие, вы лучше у начальства спросите.

Чего они опасаются? Как бы ни был крут нравом летчик-генерал, вряд ли в одной отдельно взятой Курской области восстановлен социализм. «Да что вы, при чем тут Руцкой?» — у Ольги Зборовской необычная должность: помощник-консультант губернатора области по СМИ. Ее пару месяцев назад пригласили из Санкт-Петербурга для налаживания взаимоотношений губернатора с журналистами. Она молода, хороша собой и, похоже, с искренней симпатией относится к Александру Владимировичу. «Разве можно провинциальную робость, да просто трусость здешних людей ста-

вить в вину Руцкому? Они привыкли бояться на всякий случай». Насчет привычки и провинциальности, может быть, справедливо. Но только ведь говорят о совершенно конкретных случаях. «Видели в «Труде» статью против Руцкого? Помните, там ссылаются на Н.Н.? Так вот она уже не работает».

Боятся люди, казалось бы, и не провинциальные. Руцкой постоянно мечет громы-молнии (часто вполне по делу) в адрес налоговой полиции, инспекции, УВД, ФСБ, КРУ: «Отстраню от должности!» Нет у него права отстранять от должности сотрудников федеральных служб. Но все прекрасно понимают, что есть и другие, не менее эффективные рычаги давления. Арендную плату повысить, родственников поприжать... Один из чиновников федерального ведомства: «Если заподозрит врага, немедленно разворачивает боевые действия. И тогда уже не работать придется, а постоянно отстреливаться. Записали? Только без ссылок на меня!» Да и сама Ольга к концу нашего с ней общения вдруг как-то загрустила и предположила, что вряд ли останется на должности, если моя статья получится «ругательной». «Вы-то какое имеете отношение к тому, что я напишу? Вы мне про губернатора ничего, кроме хорошего, не сказали!» — «Да, но не все это понимают».

Туман

Вообще область окутана какой-то тайной. В Москве звоню в Антимонопольный комитет, чтобы узнать о борьбе с монополизмом в Курске. В ответ опарашивают: «Материалы по Руцкому засекречены».

Но курянам, как и всем смертным, хочется порой пожаловаться, и тогда плотный туман несколько редет. «Нам в этот год все велят писать не как есть, — сообщает пожилая бухгалтер не-скажу-какого-колхоза. — Отчитались, что свеклу наполовину убрали, а она, почитай, вся в земле. Пшеницы больше, чем есть, написали». — «Зачем? — недоумеваю. — Вроде мода на приписки давно кончилась. Все, наоборот, стараются приbedняться». Теперь она удивляется: «Так нам же велят!» — «Кто?» — «Ну, те, кто повыше нас».

Из интервью Александра Руцкого журналу «Итоги»:

а.р. Это какие «Итоги»? Журнал? Не телепрограмма? А чья телекамера вчера снимала у администрации?

«итоги». Не знаю, у нас телекамеры нет, мы работали с фотоаппаратом.

а.р. С Марса, должно быть, прилетела.

(Ольга Зборовская, успокаивающе: «Александр Владимирович, это была не их телекамера!»)

«итоги». Можно начать? Что вы считаете своим главным достижением за год на посту губернатора?

а.р. Все познается в сравнении. Мы подготовили справку о ситуации в Курской области. Можете ознакомиться: ни одного показателя ниже 1996 года нет.

«итоги». Вы уверены в достоверности всех цифр?

а.р. Это же статистика!

«итоги». Мне говорили о возможных приписках.

а.р. Это называется «одна баба сказала». Если вы говорите «есть такое хозяйство», то называйте. Когда пишут «одна баба сказала», я тут же могу подать в суд. И когда вас пригласят в суд, вы, чтобы не платить издержку за клевету, должны будете указать, о ком идет речь.

«итоги». Вы исключаете возможность приписок?

а.р. Их не может быть. Почему? Потому что за малейшую приписку — строжайшая ответственность. У меня желающих в области, чтобы что-то приписывать, сегодня нет.

Я могла бы, конечно, объяснить губернатору, что о «завышении показателей» мне говорила не только «одна баба», но и, не сговариваясь, два весьма высокопоставленных чиновника. Только ведь я им обещала не называть их имена и должности.

В сельском хозяйстве опять большой подъем

Из справки «Основные показатели социально-экономического развития Курской области за январь–сентябрь 1997 года».

Для развития сельского хозяйства области в текущем году направлено из бюджета области и привлечено кредитов на сумму 502,2 млрд. рублей, что в 1,4 раза больше, чем в прошлом году

В хозяйствах всех категорий собственности получено 1800 тыс. тонн зерна, что на 340 тыс. тонн, или на 23%, выше урожая прошлого года...

Под урожай будущего года озимые культуры посеяны на 360 тыс. га, что превышает фактический посев прошлого года на 40 тыс. га, или на 13%.

Если попытаться понять, что в действительности кроется за этими цифрами, из отрывочных рассказов, недомолвок, перешептываний складывается примерно такая картина. Губернатор наби-

рает под гарантии областного бюджета кредиты в коммерческих структурах: горючего, гербицидов, удобрений в первый раз за много лет вволю. Потом проходит роскошная посевная. Как выразился один колхозный агроном, «землицу подкормили».

А затем наступает час расплаты. Первый звоночек прозвенел во время уборки зерновых. Горючее вдруг оказалось страшно дефицитным, и достать его можно было только за «живые» деньги, которые в нашем сельском хозяйстве большая редкость. «Кому-то очень надо задушить область», — прокомментировал глава администрации Рыльского района, назначенец Рудкого. Лица неофициальные выражаются яснее: «Кредиторы предупреждение делали». Дальше? Дальше хозяйства долги не возвращают. Им, как всегда, нечем. Но расплачиваться хочешь не хочешь — надо: это вам не федеральный бюджет, своего потребуют. «Честно говоря, — признается один областной чиновник, — я жду приезда мальчиков на джипах. Нет, они не с областью, конечно, будут разбираться, а с районным начальством, но, сами понимаете, тоже не хотелось бы...»

Что Рудкой? Запрещает курским хозяйствам вывозить из области сельхозпродукцию. Всем, кроме тех, кто погасил все долги. Он объясняет: был уже опыт прошлого года, когда все из области вывезли, не расплатились — и ищи потом ветра в поле. Конечно, это запрещение незаконно. Подобные соображения Александра Владимировича, однако, остановить не могут. Что за буквредство, когда речь идет, по его понятиям, о решении проблемы неплатежей! Но запрет больно ударил по хозяйству.

«Вот она, наша пшеница! А вон ячмень. Все лежит, продать не можем. — Фермерское семейство в полном составе сбежалось демонстрировать заезжим журналистам свою беду. — Пшеницу местные оптовики готовы брать по 400 тысяч, а ячмень и вовсе по 350. А вот из Белгорода приезжали, предлагали по 800. Но вывезти не разрешают. А по 400 это что ж, это себе в убыток. Убрать убрали, а кому надо? Сгниет!» И прогнозы самые мрачные: «Колхозам теперь вообще не выкрутиться. Да и нам тоже».

Знакомый фермер прямо кипит от возмущения: «Я-то выживу, а вот колхозам в этом году — хана. Смотрите, что делают — вдоль дорог убирают и землю распахивают, а дальше — видите, видите — земля не поднятая!» По правде сказать, невозделанные земли мне показывали и в других местах. Сокращение посевных, поголовья — кого этим в России удивить? Но только в Курской области

такие потемкинские деревни: сколько видит глаз у дороги поля возделаны, а чуть подальше зайдя — земля заброшена.

Вертолет, элеватор и банк

Из интервью Александра Руцкого журналу «Итоги»:

а.р. От прежнего губернатора нам осталось 295 тысяч га брошенных земель. А сейчас ноль брошенных земель. Правда, мне сейчас сказали, что вы даже где-то нашли непаханные земли. Вы что, специалист в этой области? Я вам объясню: после уборки пахутся земли под высадку озимых. А под пар — в зависимости от культуры. Например, картофель сажают весной, землю не надо на зиму пахать. А под сою не надо вносить азот... (Специально уточняла у специалиста: под зерновые — а мне демонстрировали именно зерновые хозяйства — землю положено «поднимать» перед тем, как ляжет снег: можно пахотой, можно боронованием. Если она просто уходит под снег, хорошего урожая на следующий год не жди. — «Итоги».)

а.р. Хотите я вас на вертолете прокачу? Чтобы вы убедились, как все на самом деле обстоит...

«итоги». Конечно, хочу!

а.р. ...И могу вас там в поле и оставить, чтобы пешком возвращались. (Ольга Зборовская, умоляюще: «Александр Владимирович!») Нет, мне надоело! Кто-то что-то увидел, кто-то что-то написал. Надо соображать!

Про вертолет — эдакая современная версия мальчишка с пальчик — оказывается, придумано не специально для меня. Пресс-секретарь Руцкого Юрий Моргунов рассказывал, что именно так: отвезти и оставить — Руцкой однажды уже обещал чиновникам из областного комитета по сельскому хозяйству. «Вернулся он из Москвы, а единственный на область элеватор продан. Он рассердился. Но я-то думал он про вертолет просто так, для красного словца. А он и вправду засунул несколько человек в вертолет и полетел. Правда, там их все-таки не оставил». (Не вполне ясно, в чем тогда смысл наказания.) — «А что, элеватор — собственность областной администрации?» — «Нет, АО. Формально все законно. Но... Вы что, намекаете, что губернатор не должен вмешиваться в дела акционерных обществ? А как быть? С губернатора-то за все спрашивают!»

В этом, похоже, кредо Руцкого-губернатора. Понятие «предел компетенции» для него не существует. Курский губернатор своим распоряжением повелел всем хозяйственным субъектам перевести счета в один-единственный банк: Курский губернский. Мало того, под его нажимом областная Дума приняла соответствующее постановление. Естественно, местное отделение Антимонопольного комитета восстало против такого вопиющего нарушения закона. После долгой и изматывающей борьбы Руцкой изменил формулировку на юридически безупречную: вместо «обязать» — «рекомендовать». В конце октября и Дума вынуждена была его вовсе отменить. Однако Руцкой вышел из борьбы несломленным. Он по-прежнему уверен, что руководители предприятий, которые не внемлют его «рекомендациям», просто-напросто жулики, уклоняющиеся от бдительного административного ока. Они-то и «подняли визг».

Между тем Юрий Комов, руководитель областного отделения Антимонопольного комитета, один из немногих моих собеседников, не потребовавших анонимности, как раз отмечает, что никаких жалоб со стороны хозяйствующих субъектов в комитет не поступает: и предприятия, и банки помалкивают, когда их права явно ущемляются. «Чем вы это объясняете?» Комов выразительно пожимает плечами: «Лучше выясните у них самих. Надо полагать, у них есть причины». Из-за того, что никто не жалуется, «рекомендательное» постановление Руцкого не оспаривается.

История с банком не единственная, просто больше других нашумевшая. Курский губернатор выдал на-гора целую серию аналогичных распоряжений. В одном из них, например, предписывалось всем областным строительным организациям отказаться от деревянных оконных рам, дверей и проч., а использовать впредь только стеклопакеты в пластиковых каркасах, причем исключительно производства государственной акционерной компании «Инфрастрой». В другом объявлялись утратившими силу все прежние лицензии, а «исключительное право осуществлять изъятие, заготовку, накопление, переработку и реализацию лома и отходов черных и цветных металлов» передавалось Государственной акционерной компании «Курсквторметалл».

В подобных случаях вмешательство Антимонопольного комитета неизбежно. Он и вмешивался, постановления редактировались, утрачивая боевой первоначальный дух. Но Руцкой никак не может отказаться от генеральной идеи: создать для всякого дела особую государственную акционерную компанию и передать ей

исключительное право. Ведь так гораздо проще следить и пресекать нарушения — что же тут непонятного? Особенно, если компанию возглавляет человек, на которого можно положиться. Сейчас подготовлено (кажется, еще не подписано) подобное же решение насчет реализации фармацевтической продукции. Пикантность ситуации в том, что руководит фармацевтической компанией старший сын Руцкого Дмитрий.

Заботы о женах и детях

У кого же из губернаторов дети не пристроены? Многие находят своим сыновьям хорошие должности и места в соседних областях, в свою очередь, давая «приют» у себя соседским крошкам. У большинства дети работают в коммерческих структурах, очень у многих работают или учатся в Европе или США. Обычно это не афишируют. Только Руцкой демонстративно устраивает сыновей «к себе», объясняя с солдатской прямоотой и откровенностью: «Да, мои мальчишки, один фармацевт, другой финансист. Я им доверяю, знаю, что не подведут. Я с них и спросить могу».

Он пренебрегает не только законами, но и неписаными аппаратными правилами. Скажем, трижды за год своего губернаторства до основания перетряхивал свою команду. Так что когда пришло время докладывать областной Думе об исполнении бюджета, возникла неловкость — вносили бюджет одни люди, исполняли другие, а отчитываются за него третьи. При подборе команды проявляет удивительную аппаратную неискушенность.

Еще меньше, чем с писаными или неписаными правилами, Руцкой готов считаться с общественным мнением. Все в области знают, что губернатор еще не разведен со своей московской женой, а он появляется в обществе с молодой возлюбленной и представляет ее как жену. Свой день рождения празднует с купеческим размахом: фейерверками, вертолетами, Никитой Михалковым и Русланом Хасбулатовым в качестве дорогих гостей... Благонравный Курск шокирует и это, и то, что губернатор даже не пытается выглядеть «истинно народным». Ездит на джипе, не жалеет денег на ремонт собственного кабинета, а кабинет этот находится в так называемом кремлевском отсеке здания обл администрации, куда пройти можно, лишь миновав несколько охранных постов. «Простому человеку и с гранатометом не пробиться», — с сожалением сказал таксист. «Он ведет себя не как курянин», — говорит Моргунов. По его наблюдениям, рейтинг Руцкого за год заметно снизился.

Нет, нельзя сказать, что Руцкого разлюбили все. Его речи и выступления, темпераментные, резкие, по-прежнему нравятся аудитории. Женщины, особенно средних лет и постарше, восхищаются его усами и выправкой. Один курянин как отрезал: «Руцкого нельзя мерить его деятельностью в области. Он — человек из легенды». Да и не все же в области плохо. Пенсии вот стали платить вовремя, у бюджетников задолженность по зарплате сократилась. Убеждать курского пенсионера, что это заслуга не Руцкого, а «молодых энергичных реформаторов», — безнадежное занятие. Положили новый асфальт на улице Ленина — центральной улице Курска. Вроде бы это дело мэра? Нет, все в один голос благодарят губернатора.

Есть и серьезные заслуги. Никто толком не может объяснить, как именно удалось Руцкому разрешить конфликт на Михайловском горно-обогатительном комбинате, уж как он сумел надавить на основного инвестора — банк «Российский кредит», как умудрился сменить генерального директора... Но только комбинат вроде бы начал оживать. Время покажет, надолго ли. Но как только задышал комбинат, стала налаживаться и жизнь вокруг него. Жители города Железнодорожского своего губернатора буквально боготворят.

Совершенно неожиданно в числе сторонников нового губернатора оказались те, кто и не думал за него голосовать. Молодежь, люди лет тридцати, более или менее образованные, более или менее, по курским понятиям, обеспеченные, благодарны Руцкому: жизнь стала меняться на глазах. «Улицу привели в порядок, магазины приличные появились, начальство стало шевелиться... Да всего вам, москвичам, не объяснишь. Свежим ветром потянуло». Руцкой как-то в сердцах назвал родную область болотом. Многие куряне обиделись. А молодежь восторгалась: «Свой!» Им нравится как раз то, что многих шокирует: что он — не аппаратный человек, что не считается с условностями. «Он хочет для области только добра».

Не поспоришь. Конечно, он хочет добра — на свой манер. Так, как он его понимает.

Из интервью Александра Руцкого журналу «Итоги»:

«итоги». У вас по-прежнему очереди на бензозаправках...
а.р. Да что вы говорите? С чего вы взяли?

«итоги». Попытались заправиться 93-м. Это удалось со второй попытки, и пришлось около часа в очереди постоять.

а.р. А я почему-то заправлял свой джип без всякой очереди...

Реаниматор

В соавторстве с Александром Рыклиным

Егора Гайдара зовут на премьерство каждый раз, когда страна оказывается на пороге экономической катастрофы.

Сейчас это трудно себе представить, но Гайдара запросто могло не быть в отечественной истории. Вот разминулись бы они с Бурбулисом 20 августа 1991 года в Белом доме, и не привел бы Бурбулис его к Ельцину, и не возглавил бы Егор Тимурович в первом правительстве демократической России «экономический блок», и... Ну и что, скажут сторонники исторического детерминизма. Не он, так другой отпустил бы цены, не его правительство, так другое начало бы приватизацию и т.д. Реформы к тому времени назрели и перезрели, только ленивый не говорил, что пора наконец начинать.

Но в том-то и штука — говорить говорили, а желающих делать не находилось. «Фигура Гайдара возникла относительно случайно, — вспоминает бывший министр экономики, а ныне президент Российской финансовой корпорации Андрей Нечаев. — Он был известен больше в кругах профессиональных экономистов, среди публики, интересующейся политико-экономическими проблемами и читавшей его блестящие статьи сначала в «Коммунисте», а потом в «Правде». С другой стороны, экономисты новой формации, которые могли бы всерьез разработать и провести в жизнь программу радикальных экономических преобразований, были наперечет. Масштаба же Гайдара, а он ко всему прочему имел еще и команду, — ни одного... У нас есть такая традиция: 7 ноября (в годовщину назначения нашего правительства) мы собираемся вместе. Так вот года два назад, на очередной встрече, Егор, вспоминая те события, использовал такую метафору: в то время реформы были чем-то вроде горячей картофелины, которую перебрасывают с руки на руку. Ситуация в экономике и финансах была настолько тяжелой, что ответственности брать на себя никто не хотел».

Действительно, Егор Гайдар был далеко не первым, кому предложили возглавить реформы. Первым был Григорий Явлинский. Но автор нашумевшей программы с громким названием «500 дней» от

высокого поста отказался — идти на заклание ему не хотелось. Предлагали пост премьер-министра российскому послу во Франции Юрию Рыжову, умному, демократически мыслящему и не робкому человеку, — он тоже отказался. Один за другим отказались работать в правительстве все именитые экономисты из «прорабов перестройки». Только Руслан Хасбулатов добивался тогда поста премьер-министра, но он, похоже, просто не понимал, в какую петлю пытался сунуть голову.

Пульса нет

Те, кто сегодня обвиняют Гайдара в «ограблении народа», просто вытеснили из памяти, каково жилось этому народу осенью–зимой 1991–1992 годов. Вот короткая выдержка из правительственной справки о положении в регионах в ноябре 1991 года. Пермская область: «На декабрь выдано талонов на масло животное по 200 г на человека. Но ресурсов под них нет. Отказывают в отгрузке: Смоленская, Пензенская, Оренбургская, Липецкая, Тверская области и республика Татарстан. Растительного масла в продаже нет... Сахара в продаже нет... Хлебом торгуют с перебоями при наличии больших очередей. Не хватает муки на хлебопечение в объеме 15 тысяч тонн...» В других местах дела обстояли не лучше. По самым оптимистичным подсчетам, запасы хлеба должны были иссякнуть к середине февраля, закупать же его было не на что, поскольку валютные резервы оказались практически исчерпанными. Золотой запас достиг рекордно низкого уровня — 289,6 тонны. (К примеру, Временное правительство унаследовало от «прогнившего» царского режима 1300 тонн.) Зимой 1991–1992 года страна реально стояла на пороге голода и неминуемого социального взрыва.

Расхлебывать все это предстояло новому правительству. Не мудрено, что конкурса на вакантное место премьера в октябре–ноябре 1991-го не было.

Без оглядки

Влияние отдельных персонажей, формально не облеченных властью, на российскую политику — факт общеизвестный. Термин «олигарх», прочно вошедший в наш лексикон, довольно точно отражает суть нового для постсоциалистической истории феномена — в России появились люди, богатые настолько, что могут «заказывать музыку».

Но есть в России человек, чей огромный политический вес определяется не стоящими за ним корпорациями, финансово-про-

мышленными группами или нефтяными компаниями, а исключительно репутацией. Репутацией блестящего аналитика — экономического гуру, — которому власть нужна не для выстраивания собственной карьеры или обогащения. Это и есть — Гайдар.

Егор Тимурович обладает редким сочетанием качеств, без которых разгрести авгиевы конюшни советской экономики было бы невозможно. Вот что говорит о своем бывшем шефе президент Альфа-банка Петр Авен, в прошлом министр внешних экономических связей: «Профессионализм Гайдара — притча во языцех, и обсуждать его не имеет смысла... Западники очень тонко чувствуют, когда перед ними интеллигентный и, что очень важно, честный человек. Поэтому для мировой политико-экономической элиты появление в 1991 году во власти Гайдара стало потрясением. Этот человек даже от Горбачева отличался принципиально...»

Гайдару, конечно, повезло. Первым его местом работы стал Институт системных исследований. Руководил им в ту пору человек с относительно либеральными экономическими взглядами — Джермен Гвишиани, зять всемогущего Алексея Косыгина. Там, кстати, Гайдар познакомился с будущим своим соратником Петром Авеном.

Тогда, к концу 70-х, до твердолобых партийных бонз стало доходить, что нужны какие-то перемены. Ресурсы сельского хозяйства были практически исчерпаны, подпитывать экономику оно перестало. Закупка продуктов питания за рубежом (отнюдь не только хлеба) превратилась в обычную практику. По словам Гайдара, «изуродованная социальная структура деревни, как сквозь песок, пропускала капитальные вложения, направляемые в этот сектор, их отдача была минимальна, а по многим направлениям — просто нулевая». Приходилось латать финансовые дыры за счет экспорта нефти и газа Западной Сибири. Пользуясь терминологией сегодняшних коммунистов, можно сказать, что, пытаясь продлить агонию режима, советское правительство «разбазаривало народное достояние».

Институт Гвишиани был призван, во-первых, снабжать правительство достоверной информацией о положении дел в экономике, во-вторых, искать выход из явно надвигающегося кризиса. Гайдар вспоминает, что во ВНИИСИ не брали по блату и там «можно было обойтись без «кукиша в кармане», обсуждать самые острые теоретические проблемы без оглядки на идеологическую «чистоту суждений».

Когда с приходом Горбачева партия постепенно стала сдавать позиции на идеологическом фронте, Отто Лацис, тогдашний заместитель главного редактора журнала «Коммунист», пригласил Егора Гайдара возглавить экономический отдел журнала. В 1989 году начинающий журналист (до этого момента Гайдар ничего кроме научных статей и книг не писал) разнес в пух и прах циклопический проект создания пяти нефтегазохимических комплексов в Западной Сибири, который и по масштабам, и по степени абсурдности далеко превосходил проекты переброски сибирских рек в Среднюю Азию. Достаточно сказать, что для его реализации требовались капиталовложения в размере 40 миллиардов долларов. Гайдар тем не менее не обинуясь пошел против интересов весьма влиятельных лоббистов. Реакция не заставила себя ждать. Руководители шести союзных министерств написали письмо в ЦК КПСС с требованием привлечь к ответственности зарвавшегося кандидата экономических наук, который «игнорирует решения партии по развитию Западной Сибири». Инициатором акции был тогдашний министр нефтяной и газовой промышленности Виктор Степанович Черномырдин. Сам Гайдар говорит, что позже они никогда не вспоминали об этом инциденте.

И в позднейшие времена Гайдар не боялся наживать себе врагов среди сильных мира сего. В конце зимы 1998 года «Московские новости» опубликовали статью Егора Тимуровича, в которой он с цифрами в руках показал, что за свое благополучие Москва должна благодарить не Лужкова и его хозяйственный гений, а уродливую систему налогообложения. Крупнейшие общероссийские компании, такие как Газпром, РАО «ЕЭС» России, Транснефть, Ростелеком платят налоги не там, где расположены их предприятия, а там, где находятся их центральные офисы, то есть в столице. В статье Гайдар выдвинул против всесильного мэра и другие обвинения: «Экономическая жизнь в Москве страшно забюрократизирована, зарегламентирована, и результатом этого является массовое распространение коррупции». Юрий Лужков подал на Гайдара в суд, но позже, видимо, поняв бесперспективность этой тяжбы, иск отозвал.

Решение «броситься головой в омут» далось Гайдару в 1991 году не просто. Возможно, боязнь струсить, желание испытать себя — природные его качества, но и воспитание безусловно сыграло свою роль: «Вообще в нашей семье трусость, даже намек на нее считались самым страшным пороком, — пишет в книге «Дни

поражений и побед» Егор Гайдар. — Отец прыгает с вышки бассейна, предлагает и мне сделать то же самое. Это приглашение не доставляет мне ни малейшего удовольствия. Однако прыгаю, больно шлепаюсь животом о воду, но делаю вид, что получаю немыслимое наслаждение».

Храбрость этого человека, далеко не атлетического сложения, в полной мере проявилась во время событий 3–4 октября 1993 года. Трудно даже представить себе, во что бы вылился конфликт президента с Верховным советом, если бы не Гайдар, который, кстати, никакого отношения к силовым структурам не имел и формально отвечал в правительстве только за экономический сектор. В ту ночь Егор Гайдар, отнюдь не первое лицо в государстве, оказался фактически единственным в Кремле человеком, который с самого начала действовал смело и решительно. В 20 часов, когда отряды Макашова уже штурмовали «Останкино», он позвонил Сергею Шойгу, министру по чрезвычайным ситуациям, и попросил приготовить тысячу автоматов — Гайдар собирался раздать их населению. Поздним вечером Егор Тимурович выступил по «Эху Москвы» и телевидению и призвал москвичей собраться на Советской площади. Ночью он выступил на митингах у Моссовета и Спасской башни. Постоянно связываясь по телефону с президентом, премьером, министром внутренних дел Виктором Ериным, замминистра обороны Андреем Кокошиным (Павла Грачева в ту ночь найти не удалось), он побуждал их к активным действиям. Думается, не в последнюю очередь подстегнули силовиков именно гайдаровские действия: было очевидно, что, если мятеж удалось бы подавить силами гайдаровского ополчения, реальная власть в стране перешла бы к нему. Этому приближенные к президенту царедворцы никак не хотели допустить. В два часа Ельцин сообщил Гайдару, что войска на подходе к столице.

Шоковая терапия

На первой же встрече с президентом в 1991-м Егор Гайдар, дав согласие фактически встать во главе кабинета, предрек, что Ельцину рано или поздно придется отправить первое правительство реформ в отставку. Борис Николаевич тогда только отмахнулся — в октябре 1991 года он еще свято верил, что никакие обстоятельства не могут заставить его действовать против собственной воли.

Указ глава Российского государства подписал 5 ноября. Оставив за собой пост премьера, первым вице-премьером президент назначил Геннадия Бурбулиса. Егор Гайдар занял пост министра экономики и финансов, и с того дня все сколько-нибудь значительное, что происходило в нашей экономике, так или иначе было связано с его именем.

Идея Гайдара была проста: либерализовать цены, то есть перестать искусственно поддерживать рубль. Это должно было привести к быстрому наполнению рынка. В январе цены были отпущены, и уже через месяц стало ясно, что расчет оправдался. Прилавки действительно стали наполняться, но это, как и ожидалось, сопровождалось стремительным падением рубля, и столь же стремительным обесцениванием сбережений населения. То была плата за выживание, но пойдی объясни человеку, который, к примеру, полжизни протрубил на Севере и скопил некоторую сумму на дом и машину, что потерял он не деньги, а пустые бумажки.

Гайдаровские реформы уже тогда стали называть либеральными. Но вряд ли Гайдара середины 1992-го серьезно заботила идеология. Гайдаровское правительство было технократическим. Оно не устраивало либеральной революции, не сокрушало ненавистный режим, даже не строило капитализм. Оно исходило из того, что единственная возможность выжить — быстро запустить механизмы саморегуляции экономики. Разумеется, все министры-гайдаровцы (кроме Глазьева, но и это обнаружится позже) были убежденными «рыночниками» и считали, что переход к нормальной экономике с частной собственностью давно назрел. Однако превращаться в идеологов или политиков никто из них тогда не собирался.

Если бы Егору Гайдару лет десять назад нагадали, что он будет лидером либеральной партии, он бы, наверное, только посмеялся. Меньше всего он представлял себя в роли публичного политика. Даже после назначения в правительство Гайдар искренне продолжал считать себя не политиком, а менеджером. На 6-м Съезде народных депутатов в апреле 1992-го, когда в стране уже полгода шли реформы, которые иначе, как «гайдаровскими», никто не называл, Гайдар от души удивлялся вопросам депутатов-демократов, готов ли он возглавить правительство: «Неужели непонятно, что наши реформы идут лишь до тех пор, пока мы за широкой спиной Бориса Николаевича?»

Между тем для отечественной интеллигенции западного толка символом новой России очень быстро стал не Ельцин,

а именно Гайдар. Он подкупал в том числе и полным отсутствием популизма, игры в народность — всего того, что отталкивало интеллигенцию от Ельцина. И ровно те же черты сделали Гайдара жупелом для всех «антизападников»: коммунистов, «патриотов», всевозможных «народников».

Непременный участник консилиума

Он упорно не замечал, что уже перестал быть просто менеджером. Гайдар вообще не очень склонен замечать общественные настроения и импульсы — ему такие вещи не интересны.

После отставки он возглавил Институт экономических проблем переходного периода. Это единственный в новейшей российской истории случай, когда человек из правительства вернулся в науку (если не брать в расчет ученых типа бывшего главного эмвэдэшника Анатолия Куликова). Впрочем, ушел он, что называется, недалеко. Под Черномырдиным осталась существенная часть его команды — если что, могли позвонить посоветоваться. Советовался и сам президент. На 7-м съезде, в декабре 1992-го, Ельцин согласившись очень неохотно, под сильнейшим давлением не вносить в список кандидатов на пост премьера Гайдара, сразу же спросил у отставленного и.о. премьера совета: кого вносить, Скокова или Черномырдина? Тогда в очередной и далеко не в последний раз гайдаровский совет во многом определил ход отечественной истории. С того дня форма участия Гайдара в политической жизни России изменилась: он сделался для высшего руководства экспертом, к которому в трудную минуту можно обратиться за советом, но который, когда считает нужным, дает советы и по собственной инициативе. Гайдар едва ли не единственный из «отставников» сохранил прямой «доступ к телу»: практически в любой момент он имел возможность связаться с президентом.

Единомышленники и поклонники ждали от Гайдара другого — активного присутствия в публичной политике. Однако слишком многое в его натуре этому сопротивляется. Ему скучно на публике, скучно вновь и вновь повторять двадцать раз говоренные банальности. При всем том он вполне прилично управляет аудиторией, за исключением тех случаев, когда ему просто физически не дают говорить — засвистывают, «захлопывают». Во время избирательной кампании 1995-го доводилось наблюдать, как спокойно, без нажима общался он с залом, располагая к себе самых разных людей.

Одному из друзей Гайдар как-то признался, что по-настоящему счастливым чувствует себя только за рабочим столом. За пять с лишним лет, что минуло с момента первого ухода Гайдара из правительства, многое изменилось и в стране, и в нем самом, но вот это противоречие никуда не делось: с одной стороны, есть в обществе силы, нуждающиеся в Гайдаре-знамени, Гайдаре-лидере, с другой — есть сам Гайдар, которому роль хоругви и лидера (кроме, разве что, научной школы) поперек горла.

Перед первыми выборами по партийным спискам стало ясно, что создание «гайдаровского движения» — это веление времени. Нет, он все равно не собирался в «начальники партии». Он считал, что лидером и знаменем демократических сил должен стать Сергей Ковалев. Однако на роль председателя партии претендовал еще и Бурбулис. Чтобы избежать раскола, Гайдар согласился возглавить «Выбор России».

«Выбор» получился образованием довольно нелепым: искусственное соединение собственно демократов и «партии власти». Правозащитники и либералы растворились среди набежавших под крышу «Выбора» глав администраций, карьерных чиновников и коммерсантов, льнущих к казенным деньгам. На учредительном съезде движения столько говорилось о «национальной идее» и «настоящем патриотизме», даже о «державности», что Сергей Юшенков не выдержал и заметил с трибуны: «Очевидно, большинство ораторов ошиблись адресом. Они собирались на какой-нибудь «патриотический» съезд». Однако не похоже было, чтобы Гайдара это коробило. По-видимому, он понял, что «Выбор» должен отличаться от скомпрометировавшей себя «ДемРоссии» как раз респектабельностью, чтобы на очередных выборах иметь шанс преодолеть пятипроцентный барьер.

От хирургии к гомеопатии

В январе 1994 года Гайдар направил президенту открытое письмо, в котором, в частности, говорилось: «Я не могу быть одновременно и в правительстве, и в оппозиции к нему. Я не могу отвечать за реформы ... не обладая необходимыми рычагами для последовательного проведения экономической политики, в правильности которой убежден».

Казалось, вот он долгожданный уход в публичную политику. Ничуть не бывало. Тем письмом и ограничилась общественная активность Гайдара. И вновь пошла «телефонная» политика. Ни ра-

зу гайдаровская фракция в Думе или сам Гайдар как лидер движения не выступил с публичной критикой тех или иных шагов правительства. Даже «черный вторник» не подвигнул его на публичное выступление. Слишком дорожил Егор Тимурович возможностью влиять на ситуацию по «вертушке». Чеченская война на время лишила его этого инструмента.

В один из ноябрьских дней 1994 года Гайдар впервые не смог дозвониться до президента. После резких выступлений лидера «Выбора», осуждавших чеченскую авантюру, Ельцин прервал с ним всякие отношения. Мало кто знает, как нелегко далось Гайдару решение выступить против войны. В сентябре 1994-го из Чечни вернулся встревоженный Анатолий Шабад (депутат Госдумы и один из руководителей «Выбора»). Он ясно видел, что Кремль готовится к военной операции, и прекрасно понимал, во что она выльется. Шабад попробовал уговорить Гайдара принять партийную резолюцию, осуждающую поддержку властями вооруженной оппозиции, выступающей против Дудаева. Гайдар, по словам Шаблада, понял все с полуслова, но, подумав, отрезал: «Никаких публичных выступлений». Очевидно, тогда он еще думал, что может предотвратить войну с помощью телефона. Даже когда начались бомбежки Грозного и двинулись войска, Гайдар, в ответ на требование явившихся к нему соратников немедленно уйти в оппозицию, ответил, что ему «надо подумать». Думал, по гайдаровским меркам, долго, несколько часов. Жесткий прессинг ближайшего окружения, бескомпромиссная позиция Сергея Ковалева сделали свое дело: Гайдар решился. Решившись же, проводил антивоенную линию последовательно и неуклонно.

Те, кто видел в «Выборе» партию власти, ринулись прочь от Гайдара-оппозиционера. Оставшиеся выглядели хоть и не так респектабельно, как бежавшие, зато это было уже не аморфное образование с невразумительной программой, а либеральная партия. Оказавшись наедине с электоратом, без поддержки власти, либералы, разумеется, провалили выборы 1995 года: ДВР не прошла пятипроцентный барьер. Однако те, кто предрекал ей скорую гибель, просчитался. Партия выжила. В нынешней России только ДВР и КПРФ — организации с идеологией. У ДВР есть малюсенькие — три-четыре человека — партгруппы практически во всех крупных городах. Влияние их, как правило, ничтожно, зато, если нужна объективная информация о регионе, обращаться имеет смысл именно к местным дэвээровцам.

Гайдар утратил влияние на Ельцина, но приобретал все больше влияния на Черномырдина. В июне 1995-го во время буденновского кризиса двухчасовой телефонный разговор Егора Тимуровича с Виктором Степановичем решил судьбу заложников. И не только их — Черномырдин тогда впервые выступил как самостоятельный политик. Уже объявлено о создании НДР, уже понятно, что черномырдинское движение — главный соперник Демвыбору, а Гайдар делает все, чтобы укрепить авторитет Виктора Степановича. Ради успешного разрешения кризиса Егор Тимурович пожертвовал и интересами партии, и личной популярностью.

Всякий раз, когда приходится выбирать, Гайдар отдает предпочтение аппаратной, а не публичной политике. И весной 1997-го при правительстве «молодых реформаторов», и осенью, когда правительство стало пробуксовывать, и весной 1998-го, когда пришел Кириенко, — публичные заявления Гайдара были довольно расплывчаты. Сущностная, содержательная критика, рецепты и программы продвигались аппаратными методами. Гайдар со своим Институтом экономики проблем переходного периода участвовал в написании антикризисной «Программы стабилизации» правительства Кириенко. Об этом трубят левые — Гайдар молчит. Из скромности? Нет, просто он боится помешать правительству ее протолкнуть. В середине нынешнего мая Гайдару стало ясно, что правительство и Центробанк проявляют легкомыслие, не оказывая активного влияния на фондовый рынок. И снова никаких заявлений, а закрытое совещание в правительстве, инициированное все тем же лидером Демвыбора. Егор Гайдар так и застрял в той невыигрышной политической роли, от которой пытался уйти в начале 1994 года. У него нет реальной власти, но ведет он себя и соответственно воспринимается окружающими как человек правительственной команды.

А что прикажете ему делать, когда иначе как «сверху» проводить либеральные реформы в России невозможно? Российские политики либерального толка: Киселев, Чичерин, Лорис-Меликов, Витте — несли свои записки монархам, и только в крайних случаях апеллировали к общественному мнению. «Правительство в России — единственный европеец» — не сегодня сказано.

Друзья и ассистенты

Гайдар убежден, что его прошлогодние оптимистические оценки экономической ситуации в стране были совершенно правильными. Он и сегодня полагает, что правительство «молодых реформаторов» все

делало как надо и результаты его деятельности вполне осязаемы: упрочились позиции России на фондовом рынке, начался промышленный рост. Почему сегодня все так плохо, если начиналось так хорошо? Егор Тимурович считает, что перелом наступил осенью 1997 года, когда «олигархам» удалось инспирировать скандал с чубайсовскими гонорарами и тем самым подорвать авторитет правительства. С того пошли все беды: кабинет потерял пространство для маневра, резко снизилась инвестиционная привлекательность России. Фондовый рынок отреагировал на это еще до того, как по-настоящему ударил азиатский кризис. Эту точку зрения Егор Тимурович сформулировал в своем докладе на недавнем (июньском) съезде Демвыбора. Он несколько раз повторил, что конфликт был почти неизбежен: «олигархи» хотели диктовать кабинету свои правила игры, а правительство не могло с этим мириться. И ни слова о том, что при всей злокозненности «олигархов», скомпрометировать правительство им помогла труднообъяснимая слабость государственных мужей к высоким гонорарам, причем выданным авансом и, по странному совпадению, издателем, связанным с тем самым ОНЭКСИМом, в покровительстве которому обвиняли «молодых реформаторов». В таких случаях обычно проводится партийное разбирательство, ведь речь идет как минимум о преступной халатности, повлекшей за собой тяжкие для страны и общества последствия. Однако главный герой книжного скандала Чубайс стал и главным положительным героем недавнего съезда ДВР. Его встречали и провожали овациями.

Гайдар терпеть не может говорить о «деле писателей». При всем прагматизме он умеет быть верным другом. Даже в ущерб принципам и логике.

Так же, как друзьям, он предан семье. Все запомнили потасовку с участием Гайдара в Думе прошлого созыва — уж больно это не вязалось с образом Егора Тимуровича. Депутат Марычев сказал какую-то гнусность про семью Гайдара, про дедушку. Тот обидчика даже не стукнул — толкнул, но Марычев ничего такого не ожидал и потому летел долго и далеко. Товарищи по фракции потом с удивлением говорили, что «Егор, оказывается, все эти слова не только знает, но умеет употреблять их в самых замысловатых сочетаниях».

Наш реанимобиль стоит на запасном пути

Дважды уже про Егора Тимуровича говорили, что он из власти ушел навсегда. Кто-то с облегчением, кто-то с горечью. Но сегодня влияние Гайдара и его сподвижников на правительство Сергея Кириенко

столь велико, что можно сказать — очередное возвращение этого человека в большую политику состоялось. И дело даже тут не в том, что в правительство вернулись люди, близкие ему по взглядам: Анатолий Чубайс и Борис Федоров. Петр Авен так оценивает нынешнюю роль лидера Демвыбора: «Не думаю, что влияние Гайдара надо связывать именно с переменами в правительстве. Например, в эпоху Черномырдина были периоды, когда Егор Тимурович играл очень большую роль в формировании экономической стратегии. Дело тут скорее в ситуации — ситуация сейчас пожарная и во многом напоминает 1991 год. Поэтому обращение к профессионалам выглядит вполне естественным. А что еще делать-то?»

На вопрос корреспондента «Итогов»: «Возможно ли третье пришествие Гайдара?» — Егор Тимурович ответил: «Я думаю, время еще не пришло — страна пока все-таки не в таком плачевном положении».

Орловский сменовеховец

*При Зюганове компартия окончательно разорвала
с марксизмом и превратилась в партию фундаменталистов.*

На первый взгляд он вообще никакой. На второй — тоже. В нем нет илюхинской изобретательности, анпиловской беспшибашности, макашовской солдатской прямоты. Нет улыбчивой приветливости, свойственной другим, менее известным коммунистическим начальникам — например, Ивану Мельникову или Виктору Зоркальцеву. В нем нет настоящей злости и одержимости, нет задора, столь, казалось бы, необходимого митинговому политику, опирающемуся на протестный электорат. Карикатуры на него неизменно получают пошлыми: художнику не за что ухватиться в самой личности и приходится волей-неволей обыгрывать бородавку на щеке.

Долго допрашивала с пристрастием зюгановских товарищей по партии, пытаюсь услышать от них хоть какую-то человеческую характеристику вождя. Тщетно. «Крупный стратег и тактик», «прекрасный организатор», «выдающийся теоретик», «адекватно реагирует на быстро меняющуюся ситуацию»... Впрочем, нет. Иван Мельников, член президиума ЦК, специально отметил невероятный зюгановский демократизм. «Мне очень нравится, как проходят наши заседания. Это свободный обмен мнениями без оглядки на мнение председательствующего. Заслуга Геннадия Андреевича в создании именно такой атмосферы...» Но на прямой вопрос, значит ли это, что партии нужен не столько лидер, сколько руководитель, умеющий балансировать, в ответ последовало: «Нет, бывали, хоть и нечасто, случаи, когда Геннадий Андреевич жестко настаивал на проведении своей линии...» Не политический лидер, а Протей какой-то, оборотень, не имеющий собственного лица и фигуры.

Имидж

Не сказать, что отечественная политическая элита состоит сплошь из «ален делонов» — есть один красавец, и тот Немцов. Но все же с тех пор как российская политика стала публичной, на первых ролях оказываются, как правило, люди, не лишенные своеобразного

артистизма и обаяния. У каждого оно, разумеется, свое, рассчитанное на свой круг избирателей. В Жириновском любят непредсказуемость, в Лужкове — неукротимую энергию и жизнелюбие, в Лебеде — силу и основательность. Геннадия Андреевичу в этом не богатом инструментами оркестре достался совсем уж скучный фagот. Неказист, тяжеловесен, вечно напряжен. Улыбается — выходит снисходительно-начальственно, пляшет перед телекамерой с девушкой в кокошнике — а выражение лица такое, словно отчетный доклад очередному съезду читает...

Не то чтобы в партии не задумывались над проблемой электоральной привлекательности своего вождя. Наверное, ведь анализировали причины поражения на прошлых президентских выборах, когда, казалось, победа была совсем в кармане. Разумеется, в разговоре с журналистом, да еще из «вражеского» издания, «крамольными» мыслями не делятся. Анатолий Лукьянов, член президиума ЦК КПРФ, встретил меня в своем кабинете словами: «Я с врагами не разговариваю», — а потом принялся подробно рассказывать о деловых и иных преимуществах Геннадия Андреевича. Чужака всячески стараются уверить, что у Зюганова — свой шарм, недоступный нашему антикоммунистическому восприятию, но вполне ощущаемый «нормальными русскими людьми». «Он твердо стоит на земле, видно, что он — плоть от плоти...», «его обаяние в безупречной логике — людям это нравится» (от такого заявления роняешь ручку, потом вспоминаешь, что «логикой» здесь называют нечто, к Аристотелю отношения не имеющее) и проч. Потом уверяют, что для избирателей КПРФ внешние данные политика — не главное. Лукьянов (с нажимом): «Что, Сталин, по-вашему, был великим трибуном? Не был. Но был выдающимся вождем партии». Виктор Пешков, один из самых близких Зюганову людей в руководстве КПРФ, не столь прямолинеен, но явно имеет в виду тот же идеальный образец: «Знаете, много было в истории случаев, когда во главе оказывались личности яркие, с прекрасными ораторскими и прочими внешними дарованиями. А потом они так или иначе уступали место людям менее, казалось бы, ярким, но умелым организаторам...» Пример вдохновляющий. Однако товарищу Сталину не нужно было побеждать на состязательных выборах. В конце концов трудно не признать, что и «нормальным русским людям» живой человек должен нравиться больше деревянного истукана.

Иван Мельников, всячески подчеркивая зюгановский авторитет, все же признает, что в партии есть сомнения насчет возмож-

ности с таким лидером победить на президентских выборах. Да и Лукьянов считает, что трудности с зюгановским имиджем имеются, правда, он их видит не во внешности и манерах, а в том, что «Геннадия Андреевичу приходится каждый день выступать по телевизору. В таких условиях трудно не повторяться». И дальше, гневно: «Мы же помним, как телевидение старательно сделало болтуна из Горбачева. Мы знаем, что это делалось по американскому заказу, точно знаем, по чьему именно. Мы тогда говорили: «Михаил Сергеевич, не надо. Сталин выступал один раз в месяц». Он не слушал. В итоге всем надоел. Трудно, очень трудно Геннадия Андреевичу».

Откровеннее всех высказывается Владимир Акимов — политконсультант фракции КПрФ, человек беспартийный и потому раскованный. «На пленуме в конце прошлого года Зюганову прямо было сказано: его внешность, его манеры — не его личное дело. От этого зависит успех партии. Он принял упрек, согласился, но так и не начал работать над имиджем».

Неправда. Зюганов очень старается. Он, как какой-нибудь американский сенатор, аккуратно пожимает руки всем стоящим у выхода из зала заседаний Госдумы. Он нарочно задерживает свое появление перед телекамерами, пропуская вперед Явлинского-Жириновского, чтобы, освободившись от них, журналисты окружили его затем плотным кольцом. Он «работает с прессой» — не отказывает в интервью даже самым нелюбимым телеканалам. Словом, освоил нехитрые пиаровские премудрости. Но сама тщательность, с какой он все это проделывает, выдает масштаб личности прилежного инструктора ЦК, а никак не всероссийского политического лидера. Опыт 1996-го привил коммунистическому руководству суеверное убеждение во всемогуществе «приемчиков». Лидеры КПрФ, как и многие их оппоненты, на мой взгляд, преувеличивают возможности собственно имиджмейкерских технологий. Вряд ли они Зюганову помогут.

Теоретик

Однако не будем забывать: этот вроде бы напрочь лишенный индивидуальности Зюганов шесть лет руководит крупнейшей (а по большому счету, пожалуй, единственной) в стране политической партией. Он — признанный лидер оппозиции, и за него на выборах в 1996-м проголосовали 40,3% избирателей. Конечно, голосуют не столько за него, сколько за КПрФ. Мне часто доводилось общаться с избирателями Зюганова — их много за пределами Москвы, осо-

бенно в селах и на юге России, — ни разу не встретила такого, кто сказал бы: «Бог с ней, с КПРФ и ее идеологией, мне сам Зюганов очень по душе». «Сердцем» (вот нравится, мол, и все тут) голосуют за Жириновского, Лебеда, Явлинского... За Ельцина многие голосовали так в 1991-м, в 1996-м — уже нет.

Спрашиваю Акимов: «А если Зюганов не внемлет, не станет работать с режиссерами, не поменяет имидж?» — «Партия найдет себе другого лидера», — отвечает тот без особой, впрочем, уверенности. Ему, как и всем думающим людям в руководстве КПРФ, как и самому Зюганову, ясно: партия от этого лидера не откажется. И не столько потому, что, как резонно заметил член ЦК Александр Кравец, трудно было бы за год с небольшим «раскрутить» кого-то совсем нового до зюгановского уровня. И не потому даже, что, как говорит Акимов, «пришлось бы ждать, пока новенький обрстет коммерческими и международными связями». В конце концов, если не в рядах КПРФ, то среди «попутчиков» есть вполне «раскрученные» лидеры — тот же Руцкой или Тулеев. А связи — что ж, связи тут же нарастут.

Слабые места, нерешенные зюгановские проблемы — любимая тема некоммунистической прессы. Председателю КПРФ поминают внутривнутрипартийные разногласия, выливающиеся в постоянную «товарищескую критику» вождя, проблемы с молодым поколением: молодежь идет куда угодно, хоть к кумиру пенсионерок Анпилову, хоть в ЛДПР — в КПРФ в последнюю очередь, но, если и идет, обычно оказывается в оппозиции Зюганову. Колют ему глаза вечными метаниями в поисках союзников: то ли с Лужковым договариваться, то ли с Лебедем; и постоянным страхом не успеть вовремя отречься от очередного союза. Наконец, только ленивый не написал, что Геннадий Андреевич до смерти боялся выиграть президентские выборы, поскольку нынешняя роль лидера оппозиции для него наиболее удобна и привлекательна.

Все это справедливо, однако нисколько не помогает ответить на вопрос, в чем все же залог прочности зюгановских позиций. Ведь именно Зюганов, а не кто-нибудь более ухватистый и пригожий удерживает главенство в КПРФ, получает, несмотря ни на что, изрядную порцию голосов избирателей, возглавляет крупнейшую фракцию в Госдуме и, не имея реальных шансов на президентство, надолго гарантировал себе место в политической элите. Каким бы серым и бесцветным ни казался Геннадий Андреевич, это благодаря ему КПРФ окончательно порвала с марксизмом, отошла от «левых»

ценностей и взяла на вооружение фундаментализм, национализм и «антипотребительство».

Три источника и три составные части

«... На мировоззрение, культуру и идеологию западного мира все более осязаемое воздействие начинает оказывать иудейское расселение, влияние которого постоянно возрастает буквально не по дням, а по часам. Еврейская диаспора, традиционно контролирующая финансовую жизнь континента, по мере развития «своего рынка» становится своего рода держателем «контрольного пакета» акций всей хозяйственно-экономической системы западной цивилизации... В этих условиях... особое значение приобретает славянская цивилизация в лице Российской империи, ставшей последним противостоянием западному гегемонизму», — пишет Геннадий Зюганов в книге «За горизонтом».

Это вам не «окошко обоссать»! Серьезный теоретический подход: Российская империя против иудейского Запада. В новейших зюгановских трудах, начиная с 1993-го, то есть с того момента, как он возглавил восстановленную после запрета КПРФ, масса размышлений о судьбах России и мира. Но мудрено найти в них хотя бы слабый отголосок теории «смены формаций», «борьбы классов» — вообще что-нибудь от Маркса-Энгельса-Ленина. Зато масса сочувственных ссылок на Льва Гумилева, на Тойнби, Данилевского, Ильина и прочих, отнюдь не «левых» мыслителей. Вместо классовый борьбы и «революций как локомотивов истории» — «процесс взаимодействия, соперничества и смены цивилизаций».

На самом деле в центре внимания Геннадия Андреевича две цивилизации: западная, с ее либеральными ценностями, и антизападная, полнее всего воплощенная в «русской славянской православной» цивилизации. Напрочь забыта первичность материи над сознанием, производительных сил и производственных отношений. «Господство духа над голым корыстным интересом» — вот что отличает русскую историю. И тут уж: «Мы, современные коммунисты, ответственны не только за историческое семидесятилетие. Мы ответственны за всю отечественную историю в целом... за князя Олега и Святослава. И за период становления московского централизованного государства. И за стрелецкий бунт...» и т.д.

Борьба цивилизаций, вековая борьба Запада за свое господство над Россией («перестройка» и «антинародные ельцинские реформы» — только ярчайшие ее эпизоды) есть, по Зюганову, прежде

всего стремление «осуществить переплавку уникальной российской цивилизации». Для этого России навязывают «так называемые общечеловеческие ценности», в корне противоположные «вековой российской самобытности», индивидуализм, противоположный, разумеется, «соборности», и «культ потребления» вместо «извечной духовности». Соборность, духовность и державность самым тесным образом связаны с православием и противоположны «протестантскому духу».

Заявив о своей приверженности традиции, партия оказывается перед проблемой: что это за традиция? К революционному прошлому России у Зюганова отношение довольно сдержанное. Более того, в книжке «География победы» мимоходом упоминаются «русофобские настроения радикального крыла партии» в 20-е годы. Другое дело — сталинский период. При Сталине восстанавливаются «естественные границы» России, начинается сближение с православной церковью, возрождение «русской национальной идеи». Смерть Сталина не дала идее полностью возродиться, хрущевская «оттепель» обернулась новой попыткой «насаждения чуждых западных ценностей». Так что Зюганов вполне критически рассматривает советскую эпоху в целом, но те, кто пытались на этом основании выставить его «социал-демократом», мягко выражаясь, заблуждались.

Если традиция не марксистско-ленинская, то какая? Зюганов внятно отвечает: «русская национальная», в которую непременно компонентом включается «православие». Правда, особого рода. С христианской моралью, этикой, догматикой оно имеет мало общего. А вот поверья, обычаи, ритуалы, пусть языческие, но почитаемые нашими религиозно невежественными согражданами за православные, всячески превозносятся. Со страниц «Советской России» Геннадий Зюганов поздравил «православных россиян» с Пасхой. Начинается обращением «братья и сестры», а в тексте в основном проклятия «русоненавистникам, лукавым иноземцам и врагам наших святых». Напечатано под шапкой: «С Рождеством Христовым». Пасха, Рождество — какая разница. Зато традиционно и национально.

Туманные рассуждения перед телекамерами об Альберте Макашове только при большом желании можно было истолковать как вялое полусуждение. В брошюре «Когда Отечество в опасности» лидер КПРФ пишет о «трех фронтах» «патриотического движения»: «Еще один фронт четко и ярко обозначился в последние

месяцы минувшего года. Его предводителями становятся прокурор Виктор Илюхин и генерал Альберт Макашов. Его провозвестник — губернатор Николай Кондратенко. Этот фронт сложился стихийно, как оборонительный, для отпора от беспрецедентно наглых атак разрушителей страны, размахивающих жупелом «расизма» и «антисемитизма»... Этот фронт выступает под флагом прекращения геноцида и подавления русских. Под знаком возвращения русских в центральную политику страны, в культуру, в средства массовой информации...»

В трактате «География победы», предназначенном для читателя более «ученого», Зюганов объясняет, что после прихода к власти в России «патриотических сил» на смену «геноциду» придет «активная демографическая политика». Идеолог коммунистов специально подчеркивает, что эта политика не будет слепым копированием того, что делалось при советской власти: ее «необходимо освободить от прежней национальной индифферентности». Просто надо поощрять рождаемость славян и не поощрять кавказскую и татарскую — они и так много рожают. Геннадий Андреевич не уточняет, как конкретно это будет происходить: будут ли выплачивать пособия на ребенка в зависимости от национальности только матери и отца или бабушка с дедушкой тоже будут приниматься во внимание. А может, просто презервативы славянам продавать запретят, а «черным» станут навязывать.

Коммунисты в России идут на выборы под знаменем национальных и традиционных ценностей. «Традиция, — назидает Зюганов, — едва ли не главный стержень национальной государственности. Лишь на Западе укоренился воинствующий антитрадиционализм». Все противники либеральной идеологии годятся в союзники. Зюганов советует брать пример с исламского Востока, сохранившего патриархальную семью с половозрастным разделением функций, уважение к религии и государству. И фундаментализма, настаивает Геннадий Андреевич, не надо пугаться. «Фундаментализация жизни приводит к результатам безусловно положительным». Словом, Геннадий Андреевич куда ближе в идейном отношении к графу Уварову (изобретателю знаменитой триады «Православие, самодержавие, народность»), чем к каким-либо коммунистическим или социалистическим идеологам. Так что, когда КПРФ выступает за возрождение сословий (в частности, уничтоженного большевиками казачества), ратует за введение в государственных школах «Закона Божия» или страстно борется

с распространением противозачаточных средств, не стоит объявлять коммунистов непоследовательными. Как раз при Зюганове партия вполне последовательно придерживается избранного курса. Просто он не имеет никакого отношения ни к каким «левым», ни к социал-демократам, ни к живоглотам вроде троцкистов-маоистов. Ближайший аналог российских коммунистам — французский радикальный националист Ле Пен.

Даже в вопросе о частной собственности КПРФ перестала быть «левой» партией. Она выступает сегодня за «многоукладность», за «равноправие всех форм собственности». Особая роль государства, разумеется, предусматривается, но не главного собственника, а главного арбитра и гаранта. «Державность» нам подавай, она исконно присуща русскому народу. Но при этом против частной собственности как таковой, против «национально ориентированного капитала» наши коммунисты ничего не имеют. Исключается, конечно, частная собственность на землю. Но и это мотивируется не социалистическими, а традиционалистскими аргументами.

В зюгановскую идейную копилку вроде бы неожиданно попадает «концепция устойчивого развития», призванная, по мысли вождя коммунистов, противостоять «идеологии безудержного потребления». Трогательно, кстати, что новоявленный патриот-почвенник не замечает отечественных истоков «устойчивого развития». Он ссылается исключительно на доклады либерально-технократического «Римского клуба» 70-х годов, а не идеологов российской кооперации Чаянова и Кондратьева, развивавших герценовские идеи «русского социализма». Вообще в зюгановском исполнении «устойчивое развитие» приобретает ярко выраженный аскетический характер. Единственное, что воспринял в этой сложной и противоречивой системе Геннадий Зюганов, — необходимость ограничить потребление. Прежде всего «безудержное потребление западного мира». Нашим согражданам, таким образом, объясняют: надо не завидовать американцам и прочим шведам, а гордиться собственной умеренностью.

Разумеется, весь этот набор — не зюгановское изобретение. Конечно, отечественная компартия не вчера принялась осваивать консервативно-государственнические ценности: огромный шаг в этом направлении был сделан Сталиным, уже в первые послевоенные годы Россия стала «родиной слона», а русский народ — первым среди равных. И мотивы эти продолжали звучать в 60–70-е годы. Особенно отчетливо они исполнялись полозковской КП РСФСР

периода полного и окончательного распада Союза. Но при советской власти оставался лицемерный флер «пролетарского интернационализма» и марксистская «левая» риторика: компартия была связана с международным коммунистическим движением, с советскими республиками... Последовательный разрыв со всеми догматами и постулатами европейских «левых», окончательный переход на крайние правые позиции произошли именно при Зюганове. Для этого его в свое время и выбирали.

Выбор веры

В феврале 1993-го на так называемом восстановительном (после полуторагодичного запрета) съезде КПРФ сошлись три более или менее серьезных кандидата в вожди: Иван Рыбкин, в ту пору координатор фракции «Коммунисты России» в Верховном совете, Валентин Купцов, признанный лидер оргкомитета съезда, и Геннадий Зюганов, бывший тогда сопредседателем едва ли не всех сколь угодно заметных националистических объединений — от константиновского «Фронта национального спасения» до стерлиговского «Русского Национального Собора».

Несколько огрубляя, можно сказать, что с именем Рыбкина ассоциировался курс на «социал-демократизацию» партии (конечно, тогдашний Иван Петрович сильно отличался от нынешнего, но неагрессивность и готовность к диалогу по любым вопросам в нем отмечали еще и в ту пору). Избрание Купцова означало бы, что партия в целом остается прежней, такой, какой сложилась к моменту выхода на авансцену Горбачева. Накануне съезда именно этот вариант казался наиболее вероятным.

Члены ЦК в большинстве своем не любят вспоминать, что кандидатуру Зюганова предложил съезду Альберт Макашов. Однако все признают, что Рыбкин был отвергнут из-за недостатка решимости и цельности, а Купцов — за причастность к горбачевской элите. Зюганова в партии уже знали как идейного противника Горбачева и «горбачевщины». Он еще весной 1991-го опубликовал несколько статей в «Советской России», наибольшую известность из которых получил опус «Архитектор у развалин», направленный против Александра Яковлева. Именно Зюганова (вместе с близким его другом и соратником Юрием Беловым) называли автором текста знаменитого «Слова к народу», подписанного Прохановым, Варенниковым, Распутиным и проч., за которое, как говорил Зюганов впоследствии в одном из своих интервью, его «не без оснований...

называли идеологом ГКЧП». Известно было и то, что в период участия во всяких «патриотических» оппозициях Зюганов сблизился с людьми, которых рядом с прежними партийными бонзами и представить себе было невозможно: академиком Шафаревичем, священником-диссидентом-антисемитом Дмитрием Дудко и проч. Партия знала, кого выбирала. В отличие от советской невразумительной эклектики с этой, новой, партийной идеологией можно выходить на рынок идей.

Менять веру в зрелом возрасте непросто. Именно поэтому партия по-прежнему цепляется за некоторые старые атрибуты (хотя с непременным пояснением, что красное знамя — самое что ни на есть старинное, исконно русское) и за прежнее название. Впрочем, одновременно население исподволь приучают к наименованию «национал-патриотическое» или «народно-патриотическое» движение. Некоторые партруководители до сих пор не усвоили, что прежние «незыблемости» отринуты и сданы в архив. Бедный Ричард Косолапов с его «Ленинской платформой» так и мечется между идейно близким «леваком» Анпиловым и перспективным Зюгановым, входит-выходит то туда, то сюда. Даже такой ушлый и ко всему привычный функционер, как Купцов, нет-нет да сбивается с курса. Да и Лукьянов, со злостью выговаривавший автору этих строк: «Скажите спасибо Ельцину, Гайдару и Козыреву за их антинациональную политику. Именно из-за них линия партии стала такой: антизападной, антиамериканской, пророссийской, прорусской», — кажется, был не в восторге от того, что его родная партия выглядит теперь именно так.

А сам Зюганов словно родился фундаменталистом. Словно всю жизнь его окружали диссиденты-почвенники или, в крайнем случае, правоверные мусульмане, а не соученики по Академии общественных наук при ЦК КПСС. Остается предположить, что юноша из села Мымрино смиренной и вполне традиционной Орловской губернии никогда не принял душой ни «классовую борьбу», ни прелести «социалистической урбанизации» (кандидатскую диссертацию Зюганов защитил по теме «Основы планирования развития социалистического образа жизни (на примере крупных городов)»), ни прочий «пролетарский интернационализм». Орловщина, особенно сельская, консервативна. Когда-то была оплотом «белого» сопротивления большевикам, ныне стала центром «красного пояса». Орловский селянин держится не столько за лозунги «пассионариев», сколько за привычный образ жизни. Впитавший в себя эту

«традиционность», Зюганов с легкостью расстался с тесным костюмом советского право-левого идеолога и вернулся к истокам. Но тяга (кстати, тоже очень характерная для простого сельского человека) к «научному» языку, ко всякого рода «учености» привела его к Гумилеву, Шафаревичу и прочим наукообразным мракобесам.

«Геннадий Андреевич — не догматик. Он все время развивается, учится, идет все дальше» — это его свойство отмечают все товарищи по партии. И впрямь не догматик. Под его водительством партия и дальше пойдет по намеченному пути.

Авторитарный демократ

*Если политика — это последовательность
целенаправленных действий, то Шаймиев
в Татарстане делает политику.*

Спросила почти наугад, задумывается ли он о том, что напишут через сто лет в учебниках истории о первом президенте Татарстана, — и зацепила за живое. У Шаймиева даже голос дрогнул (учитывая, что президент Татарстана чрезвычайно скуп на эмоции, это кое-что значит): «Я был бы неискренним, если бы сказал, что об этом не задумываюсь. Конечно, задумываюсь. Но вы меня первая об этом спросили — я на эту тему еще ни с кем не разговаривал... Живешь текущими делами, некогда вроде бы думать об истории. Но иногда появляются книги националистов, ярых националистов, и в них все, что мы делаем, преподносится совершенно превратно. И так обидно представлять, что по этим книгам о нас будут судить. Не потому что, вот, про меня плохо, а потому, что это будет очень несправедливо». Вдруг высветилось: вот она — главная шаймиевская амбиция. Он достиг вершины своей блестящей политической карьеры (Шаймиев, отметим, двигался по служебной лестнице только вверх, ни разу не был понижен в должности или хотя бы перемещен по горизонтали) и уйти может только в одном направлении — в Историю. Конечно, авторы будущих школьных учебников посвятят ему кто главку, кто несколько абзацев — это он себе обеспечил. И теперь главная забота президента — что именно будет там написано. Одно дело войти в историю Курской области или Красноярского края, другое — в историю татарского народа. Разницу он чувствует.

Секретарь обкома

Когда Шаймиев впервые появился на политической авансцене в 1990 году, все с ним было ясно. Типичный первый секретарь обкома, который тягается с ельцинской Россией за суверенитет не ради суверенитета, а потому что выполняет заказ партийного начальства. Тогда слабеющее союзное руководство действительно пыталось натравить на все более «сувереннеющие» республики

лидеров автономий, в большинстве своем партийных начальников. Автономии — и в первую очередь возглавляемый Шаймиевым Татарстан — выступали за сохранение Союза, а в нем руководящей роли партии. На территории республики в марте 1991-го не проводился общероссийский референдум о введении поста президента России, и в июне избирали только своего президента. После распада Союза Шаймиев еще долго воспринимался как типичный коммуняка, всеми силами противящийся демократическим и рыночным преобразованиям. Представить себе нельзя было, что шесть-семь лет спустя на него будут взирать с надеждой как раз те, кто не хочет и боится коммунистического реванша. (Я спросила: «Союз вашей «Всей России» с лужковским «Отечеством» — это ведь попытка поставить заслон коммунистам?» Он кивнул, но вслух уточнил: «Сформировать нормальную Думу», — конфронтационных пассажей президент Татарстана не любит.)

Сегодня Шаймиев — едва ли не единственный влиятельный российский политик, который не боится произнести добрые слова о прежней команде либералов. «Я уверен, что и Чубайс, и Кириенко еще вернутся, — сказал он в одном из интервью в октябре 1998 года, когда все наперебой отпевали реформаторов. — Когда понадобится вновь вернуться к реформам и углубить рынок, все равно потребуются та команда». Недавно Чубайс по делам РАО «ЕЭС» приезжал в Татарстан. Шаймиев тепло его встретил (это выглядело почти как демонстрация) и вновь публично заявил, что не сомневается в возвращении Анатолия Борисовича в большую политику. После отставки Примакова Шаймиев, хоть и был ею огорчен, опять же единственный из региональных вождей, в большинстве своем озабоченных тем, чтобы в правительстве не оказался очередной либерал, заявил (в передаче «Герой дня»), что нынешнее состояние российской экономики, пожалуй, позволяет вернуться на путь реформ.

После начала натовских бомбардировок в Югославии Минтимер Шарипович первым одернул оголтелых защитников «братьев-славян». Он напомнил им, что в России живут и другие, неславянские, народы, которые могут найти себе «братьев» совсем не там, где их ищут русские. Кстати, русские, живущие в Татарстане, а их почти столько же, сколько татар, давно уже относятся к Шаймиеву лучше, чем татары. Какой там национал-коммунист! Главный гарант социального и национального мира в республике.

Первый президент

Идея татарского суверенитета, конечно же, не на Старой площади родилась. К ней подступались еще татарские просветители начала века. Когда в 1922-м образовывался СССР, большевик Султан Галеев, татарин по национальности, выступил против сталинской идеи разностатусных республик. Он считал, что во всяком случае Татария и Башкирия должны войти в СССР на тех же правах, что и Украина с Белоруссией, за что стал едва ли не первым большевиком, получившим от советской власти тюремный срок. Все годы существования СССР татарская элита жила с мыслью о допущенной тогда несправедливости. Постепенно ею проникался и народ. При любой возможности: и в начале хрущевской оттепели, и когда обсуждался проект новой «брежневской» Конституции 1977 года, и с наступлением горбачевской «гласности» снова и снова в Татарии возвращались к вопросу: почему, скажем, Туркмения или Белоруссия — республики, а Татарстан — автономия? В негласной, но всеми усвоенной советской иерархии народов (русский народ — первый среди равных, украинский — второй среди равных и т.д.) автономии занимали более низкую ступень, чем республики. Это неравенство проявлялось во вполне конкретных вещах: статус языка, культуры, национальных школ автономий не шел ни в какое сравнение с республиканским. Неудивительно, что, когда Горбачев с Лукьяновым начали осторожные переговоры с автономиями на предмет «ответить своим суверенитетом на суверенитет республик», в Татарии решили — этот шанс упускать нельзя.

Тогдашний Председатель Верховного совета Татарстана Минтимер Шаймиев сделался едва ли не самым заинтересованным участником ново-огаревского процесса. Он и не скрывал своей цели: Татарстан должен подписать союзный договор как полноправная республика. То есть выйти из России и остаться в СССР. Еще немного, и Шаймиев вошел бы в историю Татарстана как человек, воплотивший давнюю мечту своего народа о равноправном сосуществовании с Россией не «в составе», а бок о бок с ней.

19 августа смешало все карты. Демократы потом обвинят Шаймиева в поддержке ГКЧП. Основания для этого у них были: татарский лидер встретился с Янаевым и подготовил указ о введении в республике цензуры. Но, думается, и в этом случае Минтимер Шарипович хотел не столько продемонстрировать свою лояльность новой власти, сколько в обмен на эту лояльность получить

для республики суверенитет. Цензура? Прекрасно! Заткнем рот тем, кто мешает нашему суверенитету — например, пугает им русское население Татарстана. Впрочем, 22 августа, когда после провала путча местные демократы явились к Шаймиеву с предложением уйти в отставку, тот встретил их словами: «Поздравляю вас. Демократия победила». И, видимо, был вполне искренним: как и Горбачев, он считал, что теперь ново-огаревский процесс будет успешно завершен.

После распада Союза Шаймиев оказался, пожалуй, перед самым трудным выбором в своей жизни. Продолжать борьбу за выход из России? Но когда нет союзного центра, а значит, и союзного договора, — это прямая дорога к национальной войне. Вот уж чего он не хотел. И не только потому, что Татарстан не Чечня и такая война не могла закончиться для него победой. На прямой вопрос, можно ли хотя бы теоретически представить себе Татарстан самостоятельным государством, он убежденно отвечал, что если говорить об экономическом потенциале, то да, вполне можно, но политически за это пришлось бы заплатить непомерную цену. Отказаться от суверенитета? Это значило отказаться от того места в истории, которое он себе определил, да еще сделаться в глазах части своих соплеменников национальным предателем. Надо было придумать некий ход, который позволил бы и избежать войны с Россией, и утвердить суверенитет Татарстана, да еще сохранить национальный мир в республике.

Конечно, не сам Минтимер Шарипович (по образованию он инженер-механик) изобрел все эти хитрости с «ассоциированным членством», «субъектом международного права» и «взаимным делегированием полномочий». Но у него были советники. Вопросами статуса занимался в основном Рафаиль Хакимов, едва ли не самый близкий президенту в его окружении человек. Однако стратегические решения в Татарстане принимает сам президент. Тот же Хакимов, бывший идеолог и один из организаторов Татарского общенационального движения, скорее всего пошел бы гораздо дальше по пути «татаризации».

Трудные переговоры с Россией тянулись несколько лет. В какие-то моменты казалось: все, чеченского варианта не избежать. Когда в Татарстане собрались проводить референдум о суверенитете, тогдашний председатель Конституционного суда Валерий Зорькин истерически призывал чуть ли не войска в Казань вводить. Нервно реагировали российские власти и на провал в

Татарстане референдума по Конституции РФ в 1993-м, и на то, что Шаймиев отказался подписывать Федеративный договор. Наконец в 1994 году был подписан Договор о взаимном делегировании полномочий. В Татарстане его скромно называют «компромиссным». По сути дела это, конечно, полная победа Шаймиева. Дело даже не в положениях документа — за время переговоров все привыкли к тому, что у Татарстана свои, особые права, особый статус, своя политика.

Осенью 1991-го, когда шла кампания по назначению представителей президента в регионах, Шаймиеву позвонили из Кремля. Тот горячо поддержал это начинание и обещал прислать представителя президента Татарстана в Москву. Больше с этим вопросом к национальным республикам не приставали.

Много правительств сменилось в России со времен подписания договора, но полномочия президента республики Татарстан оставались неизменными. К слову, со всеми российскими премьерами у Шаймиева были прекрасные отношения. Отставка Примакова его заметно опечалила (корреспондент «Итогов» встретился с президентом Татарстана на следующий день после увольнения Евгения Максимовича), но он выразил полную уверенность в том, что и со Степашиным прекрасно поладит.

Особый путь

«Вы заметили, — задал мне вопрос Минтимер Шарипович, — что у нас люди не ругают Москву? У нас все недовольство адресуют нам. Мы считаем, это правильно. Раз мы взяли на себя полномочия, значит, взяли и ответственность. Некоторые регионы подписывают договоры о разграничении полномочий и буквально на следующий день предъявляют центру претензии в тех вопросах, которые сами же этими договорами отнесли к своему ведению». Это правда. Москву здесь ругать не принято ни на улицах, ни с высоких трибун. Власти, вместо того чтобы поносить реформаторов, говорят: «Мы, как могли, смягчили последствия перехода к рынку».

Время показало, что знаменитый шаймиевский тезис о «мягком вхождении в рынок» не был просто формой сопротивления реформам. Республика, которая живет в значительной степени за счет своей нефти, выторговала у Москвы право часть средств от ее продажи, уходящих в центр, использовать для смягчения «шоко-терапии»: цены на продукты первой необходимости отпускали по тихоньку, вводя параллельно адресные социальные льготы. «Мы не

пошли на обвальную приватизацию, сохранили государственный контроль на большинстве крупных предприятий. Зато сейчас, когда во многих регионах России возвращаются к национализации, мы продолжаем постепенно смягчать контроль, ослаблять государственное участие».

Речи про спасительную роль «государственного участия» и недопустимость «потери управляемости» мне доводилось слышать от многих руководителей российских регионов, не только от Шаймиева. Но Татарстану есть что предъявить: КамАЗ, к примеру, в апреле начал давать прибыль. И именно благодаря государственному участию. Процесс реформирования предприятия контролировал лично президент — он сам назначил управляющего, сам устанавливал для завода особый налоговый режим и проч. Как утверждают шаймиевские экономисты, КамАЗ еще некоторое время поопекают, доведут реорганизацию до конца, и только потом, убедившись, что он в хороших руках, отпустят в свободное плавание.

Августовский кризис дал отечественному товаропроизводителю ряд преимуществ, и в Татарстане сумели этим воспользоваться. Осенью запустили несколько предприятий (макаронную фабрику, жиροкомбинат), еще недавно безнадежно «лежавших» из-за наплыва импорта. Сейчас в магазинах Казани сплошь свои макароны.

Татарстан едва ли не первым из российских регионов утвердил собственную программу экономического развития. В ее разработке участвовали гарвардские ученые. Шаймиев и его экономическое окружение решительно настроены менять структуру экспорта с сырьевой на производственную. К примеру, соглашение ЕлАЗа с «Дженерал моторс» отличается от прочих договоров такого рода (обычно они заключаются для того, чтобы беспощинно ввозить практически готовые импортные автомобили) тем, что обе стороны значительную часть прибыли будут вкладывать в создание полного цикла производства автомобилей на территории ЕлАЗа. Сейчас с этим совместным проектом вышла заминка: «Шевроле Блейзер», который выпускал альянс, перестали покупать. Но «Дженерал моторс» объявила, что переключается с «Шевроле» на «Опель» и вообще не собирается уходить ни с ЕлАЗа, ни из Татарстана. Кстати, по объему иностранных инвестиций Татарстан прочно удерживает одну из лидирующих позиций. А по структуре инвестиций выглядит и вовсе прекрасно: они идут по большей части в производство.

У «мягкого вхождения» есть неприглядная оборотная сторона. Там, где нет президентского глаза, — провалы. К примеру, фондовый рынок. Или малый бизнес. На последний Шаймиев, видимо, совсем недавно обратил внимание: собрал Конгресс предпринимателей, внимательно выслушал их претензии. По мнению некогда едва ли не главного оппонента Шаймиева, а ныне вполне лояльного ему политика-демократа, депутата Госдумы от Татарстана Ивана Грачева, как раз представителя малого бизнеса, президент наконец-то понял, что эту сферу необходимо развивать.

Внуку раскулаченного и сыну председателя колхоза, родившемуся и выросшему в крошечной татарской деревушке Аняково («представляете, я пока в школу ходил, ни одного русского слова вообще не знал»), Шаймиеву никуда не деться от своих сельских корней. «Он, правда, переживал из-за отставки Примакова, — вспоминает советник президента Хакимов. — Но у него все равно в этот день было отличное настроение. Знаете, почему? Дождь шел. Майский дождь — это у них, у деревенских, такая радость, что любые политические катаклизмы затмевает». И пусть реформаторы, либералы, западники и прочие уважаемые люди говорят что угодно — Шаймиев ни за что не откажется от дотаций селу. Правда, и здесь не просто кидают деньги, а пытаются делать политику. «Буквально внедрили, хотя я и не люблю этого слова, самые современные технологии в овощеводческом хозяйстве, — рассказывает Марат Галеев, депутат Госсовета Татарстана, бессменный председатель постоянной комиссии по экономике. — Конечно, без государственной помощи ни одно наше предприятие на чисто рыночных механизмах в этом веке такого бы не потянуло». Галеев, как и Шаймиев, уверен, что переход от колхозов к фермерским хозяйствам должен проводиться постепенно и иметь соответствующее технологическое и экономическое обеспечение. «Это та сфера, где быстрые преобразования особенно чреваты полным развалом». При всем том Татарстан принял самый лучший в России Земельный кодекс, куда более либеральный, чем даже у Аяцкова в Саратове. А частная собственность на землю зафиксирована в Конституции Татарстана, принятой в 1992 году.

Бабайский режим

Шаймиева называют Бабай — кто любовно, кто пренебрежительно. Бабай в переводе — дедушка, старший. Но еще и глава клана, неформальный лидер, чье слово — закон.

Республика живет по своему, отличному от российского, законодательству. Здесь разрешены безальтернативные выборы, и наблюдатели на них не имеют почти никаких прав, местное самоуправление существует лишь на уровне сел и рабочих поселков, да и то введено оно недавно, а все главы городских и районных администраций назначаются и смещаются президентом. (В республике, осознанно или нет, воспроизведена китайская модель — там тоже выборы лишь на уровне деревни.)

Когда к Шаймиеву, который не устает говорить о своей приверженности демократии, подступают с вопросами о местном самоуправлении, он обычно ссылается на российский опыт: выборы есть, а реального самоуправления нет. По его мнению, самоуправление не может быть введено сверху, оно должно вызреть и, главное, иметь соответствующее финансовое обеспечение. Самый настоящий авторитарный режим: послушный президенту Госсовет — выборы «под контролем», никого чужого не пустят, — послушные главы администраций, лояльное в целом население. Не сказать, чтобы люди так уж любили Шаймиева — пик его популярности, по всей видимости, уже прошел, — но говорят о нем с уважением.

Многие русские считают его усмирителем ярких националистов. Татары — первым своим президентом и человеком, которому республика обязана своим суверенитетом. Часть национально ориентированных татар, правда, в нем разочаровалась: надеялись, что он станет президентом всех татар, а он сосредоточился на обустройстве «своего пяточка» — республики Татарстан. «Три четверти татар живут вне республики. Не топтаться в случайно проведенных границах следовало первому татарскому президенту, а добиваться паритетного влияния нашего народа, и вообще мусульман, на российскую политику», — заметил корреспонденту «Итогов» один казанский историк. Шаймиев к такого рода обвинениям относится довольно болезненно, но менять ориентиры категорически отказывается. «Я считаю, — говорил он в интервью «Итогам», — что и тем татарам, которые живут за пределами нашей республики, лучше оттого, что у нас стабильная ситуация». Национальное согласие — главный предмет его гордости. Из окна президентского кабинета видны два здания в лесах: Благовещенский собор, который сейчас реставрируется, и строящаяся мечеть Куль-Шариф. Мечеть когда-то стояла на месте собора — ее разрушили в 1552 году при взятии Казани. Много было разговоров о том, что во имя исторической справедливости

собор надо снести, а мечеть восстановить. Шаймиев же подписал общий указ о восстановлении собора и строительстве напротив него мечети. Оба здания будут открыты в один день.

С оппозицией Минтимер Шарипович разобрался. Бывшие депутаты Верховного совета Татарстана из демократической оппозиции сидят в подвальчике, над которым красуется вывеска «Курсы автомобилистов», и печально рассказывают случайно заглядывающим к ним журналистам о бесцеремонных фальсификациях, помешавших им пройти на последних выборах в Госсовет. (Рафаиль Хакимов в ответ на вопрос: «Вот вы твердите о демократии, а оппонентов своих так бесцеремонно отсекали от участия в выборах?» — досадливо поморщился: «Мы не их отсекали — мы своих проводили».) Никаких возможностей влиять на общественное мнение, на ситуацию в республике у оппозиции нет. Впрочем, Иван Грачев, который все еще остается лидером местных демократов, настроен к Шаймиеву вполне доброжелательно и активно с ним сотрудничает. Буквально метрах в ста от демократов штаб-квартира националистов — у них тоже малюсенький офис и тоже никакого выхода за его пределы. Несколько лучше положение у коммунистов, но и их рейтинг в республике невелик — около 10%. Меньшую поддержку они имеют только в Москве и Санкт-Петербурге. Так что серьезных оппонентов и конкурентов у Шаймиева нет.

Как объясняли мне в республике, всякий, кто только может быть заподозрен в нелояльности или в том, что он способен заявить претензии на президентское кресло, лишается своей должности раньше, чем сам осознает свои амбиции. Как правило, такого деятеля выпроваживают за пределы республики — чаще всего в Москву. Разумеется, с самыми добрыми напутствиями и пожеланиями. Впрочем, год назад в Госсовете произошли события, которые журналисты, да и местные обыватели назвали «бунтом». Госсовет единогласно утвердил предложенного Шаймиевым спикера, однако во время обсуждения ряд депутатов посмели выдвинуть альтернативную кандидатуру — бывшего шаймиевского любимца, мэра Набережных Челнов Рафгата Алтынбаева. Ее поддержали некоторые видные чиновники. Все они уже лишились своих постов. С месяц назад и сам Алтынбаев подал в отставку с поста мэра. Шаймиев отставку принял, объяснив народу, что такой замечательный человек и политик принесет республике больше пользы в Государственной думе. В том же, что в декабре Алтынбаев пройдет в Думу, президент не сомневается: во всяком случае его, президентская, поддержка бывшему мэру гарантирована.

Бурная некогда дискуссия о том, годится ли для России китайский опыт, в последнее время как-то поутихла. О «сильной государственной руке» многие мечтают уже не потому, что она приведет страну к рынку, а «чтобы порядок был». Татарстан, конечно, не образец рыночных преобразований. Однако здесь «сохранение управляемости» — не самостоятельная ценность, а политический инструмент, который Шаймиев использует целенаправленно и последовательно. Ничего похожего в остальной России не наблюдается. Надо думать, в учебниках истории это будет отмечено.

Литературно-художественное издание

Ковальская Галина Яковлевна

Рабочие дни

Ответственный редактор М. Шмидт
Выпускающий редактор Е. Савина

Компьютерная верстка: Г. Сенина
Производство: Л. Самадашвили

Объединенное гуманитарное издательство
103051, Москва, ул. Петровка д. 26, стр. 8.

Тел./факс: (095) 200-6873, 923-8687, 744-3169, 744-3170
e-mail: info@ogi.ru

Книги издательства ОГИ можно приобрести: Москва, м. Чистые пруды,
Потаповский пер., 8/12, стр. 2, клуб «Проект О.Г.И.»;

Кафе «Пирог»: м. Площадь Революции/Лубянка, ул. Никольская, 19/21;
м. Охотный ряд/Театральная, ул. Большая Дмитровка, 12/1, стр. 1
м. Перово, Зеленый просп., д. 5/12

Заказать книги ОГИ можно: тел. 744-3171, e-mail: info@ogi.ru

Оптовые продажи: тел. 744-3171, e-mail: tirazh@zhurnal.ru

За пределами России наши книги можно купить: www.esterum.com

Подписано в печать 04.06.2003. Формат 84x108 ¹/₃₂.

Гарнитура Minion. Объем 14,25 печ. л. Бумага офсетная. Печать офсетная

Тираж 1000 экз.

Заказ № 172

9 785942 822248